

Сергей Соболенко. Рецепт от безумия. Под ред. В. Стрельникова. - К.: "София", 1998. - 368 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Дорогой мой читатель!

Хочу со всей ответственностью сказать, что в этой книге нет вымысла. И если что-то покажется невероятным и вызовет недоверие, ну что ж...

Все знания о медицине, мировоззрение, философия, которые я попытался изложить, действительно получены мной в корейской общине, которая на протяжении многих тысяч лет отдавала мудрость древних. Еще я пытался понять каждое слово первого патриарха северотибетской школы. Я прожил рядом с ним полгода и только после этого решился дописать до конца книгу, идея которой возникла семнадцать лет назад.

Это будет и достаточно необычное жизнеописание, и трактат по самой древней философии мира, а также много рецептов по травоведению и гомеопатии, которые прошли испытания тысячелетиями. Так посоветовали сделать мне Великие Мастера двух древних школ — корейской и северотибетской. Заранее благодарю за потраченное время.

С. Соболенко

ПРОЛОГ

По влажной горячей земле, колышущимся осенним цветам и разбросанному по поляне папоротнику, давая все живое на своем пути, двигалось порывающее на подъемах мертвенно-зеленого цвета чудище с непонятным и вызывающим названием — вездеход. Противно фыркнув и выдохнув зловонный дым, оно остановилось в конце поляны перед лесом, возле земляного вала, который когда-то, очень давно, насыпали человеческие руки. А может, и сама природа.

Послышался скрежет — и у лупоглазого вездехода с грохотом открылся люк. Из него осторожно высунулась голова и огляделась вокруг, после чего показался и ее хозяин. Почесывая спутанные лохмы и кряхтя, человек подошел к краю машины, спрыгнул в цветы. Это был самый обычный, маленький, неопрятный, непонятного возраста кривоногий кореец. Вслед за ним, словно из катапульты, вылетело трое широкоплечих красавцев, все как на подбор. Каждый имел по паре тяжеловесных кулаков размером с голову корейца. После началась церемония выхода пятого человека. Все это было похоже на сцену посадки космического корабля, который нагло, по-хозяйски приземлился на легко дышащую и чистую планету.

Пятый был начальником. Все, кроме маленького корейца, протянули руки. Невероятно, но на всех пассажирах вездехода, кроме корейца, были превосходно сшитые костюмы. Казалось, они недавно вышли из зала заседаний.

Начальник оказался пожилым человеком лет пятидесяти пяти. У него было настолько властное и серьезное лицо, что всем хотелось встать по стойке “смирно”. Этот человек явно привык командовать и решать чьи-то судьбы. Он спокойно, не спеша, воспользовался помощью атлетов.

Он спрыгнул на землю, слегка потянулся, поправил пиджак и внимательно

огляделся вокруг.

— Глупо, — удивленно пожал плечами мужчина. — Столько ехать. Я в своей жизни, наверное, никогда так медленно и далеко не ездил. И здесь живут люди? Не верю я во все это.

Все четверо строго оглянулись на переминающегося с ноги на ногу корейца. Непонятно, кто казался более странным: они или маленький человек с раскосыми глазами, одетый в куртку сталевара и такие же плотные штаны, заправленные в большущие кирзовые сапоги. Кореец от смущения то надевал на голову, то снова снимал большую зимнюю шапку с подвязанными наверх ушами. И было ясно, что эта шапка всегда с ним про запас на случай тяжелой дальневосточной зимы.

— Так что, — старший повернулся к корейцу, — и здесь может кто-то жить?

— Мозесь, мозесь, — испуганно и часто закивал головой человек. — Осень большая селовека... Мозесь.

В вездеходе послышался скрежет, и из него выбрался водитель. Он лихо спрыгнул на землю и, запалившись в цветы, тут же захрапел. Какое-то мгновение все тупо смотрели на него.

— Ну! — не выдержав, громко рявкнул старший на корейца. И тот мгновенно исчез, провалившись в высокую зелень. Подождав некоторое время, старший снова пожал плечами и обратился к парням, готовым повиноваться каждому его приказу.

— Ну, что теперь? Куда мы приехали? — грозно спросил у них начальник, с усмешкой посмотрев на огромные, сжимающиеся и разжимающиеся кулаки. Такие жалкие и совершенно ненужные на данный момент.

— А если он не вернется? Как мы поедем обратно? Куда? Телохранители жалобно заморгали, так ничего и не ответив. Да и он понимал, что слишком многого хочет от этих ребят.

— Вовка, а ну, дай сигарету — Николаи Николаевич, столько времени не курить?! — поразился один из парней.

Вовка порылся в карманах и протянул сигареты усевшемуся на траве мужчине.

— Неплохо, видно, я тебе плачу, — хмыкнул тот, возвращая ему пачку “Мальборо”.

— Нормально, — смутившись, произнес Вовка.

— Ты бы слетал, — предложил ему старший, — да принес чего-нибудь пожевать.

— Интересно, сколько тут до ближайшего гастронома? — хихикнул другой парень.

— Да, умник! — задумчиво произнес начальник. — Километров этак за тыщу.

Вовка уже вернулся и расстилал на траве скатерть, к которой вполне подходило название “самобранка”. Из карманов, из-за пазухи на нее начало вываливаться все, что было припасено в вездеходе.

— Молодец, и коньяк прихватил... Устал я что-то от всех этих событий, — вздохнул начальник.

Водителя никто не стал будить. Все понимали, во что обошлась ему поездка.

Корейца все еще не было. Это начинало неприятно тревожить. Хотя ночевать все равно пришлось бы в вездеходе.

Один из парней вдруг поперхнулся, указывая куском хлеба куда-то в сторону. Все оглянулись.

— Ух! — шумно выдохнул начальник.

К ним шел высокий, с ясными глазами человек в непонятной длинной одежде. Шел мягко и прямо, ступая неестественно легко.

Это был старец. По ветру развевались длинные белоснежные волосы, а лицо было иссушено солнцем, морозом и не щадящими никого годами.

Старик подошел и, слегка поклонившись, сделал какое-то странное движение рукой.

— Здравствуйте, — выдавили из себя все одновременно. И вдруг старший понял, что совершенно бесполезно называть себя, свою фамилию. Он даже не знал, как, зачем они вторглись в эти владения на своей железной машине.

Каждый еще в детстве слышал о том, что существуют где-то загадочные места? живущие там мудрецы. Николай Николаевич четко понял, что все это правда и что он попал именно в такое место. Но у него была работа и конкретная цель.

Старик подошел к ним:

— Пойдемте, — улыбнулся он Николаю Николаевичу. — Вы приехали по очень важному делу. И мы постараемся решить его.

Первое, что удивило Николая Николаевича, — старик говорил совершенно без акцента. Потом он испытал настоящее потрясение — старик не говорил вообще. Николай Николаевич слышал голос, идущий откуда-то изнутри самого себя. Старик даже не открывал рта. Вдруг стало тепло и спокойно на душе.

“Что же я буду ему объяснять? — думал он. — Ведь это человек из какого-то совершенно иного мира. Откуда ему знать наши проблемы? Да и как он может помочь?”

Краем глаза Николай Николаевич увидел, что ребята не отстают, а идут на расстоянии за ними. Это были верные телохранители. С ними Николаю Николаевичу всегда было спокойно, хотя иногда их преданность и раздражала. Сейчас как никогда хотелось остаться наедине с удивительным стариком.

— Вы должны посетить наш дом, — сказал старик. — Но только один, чтобы совсем никого рядом.

— Почему это? — поинтересовался начальник. Ему стало обидно за своих парней.

— Наш дом стоит уже много тысяч лет, — ответил старик. — Если кто-то из них войдет в него, то нам придется уйти навсегда.

— Почему? — поразился Николай Николаевич.

— Потому что вы все не имеете спокойствия. Потому что преувеличиваете свою значимость и верите в нее. Потому что делаете то, чего делать нельзя. Если вы один, то еще, может быть...

— То есть? — не понял начальник.

— Они охраняют то, что сохранить невозможно. Ведь они охраняют вас. Вы считаете, это возможно? Как можно сохранить то, что не в их власти, то, что не принадлежит им? Как можно сохранить то, что принадлежит Космосу? Они ощущают это в душе и очень боятся. В нашем доме не нужен страх. Каждый человек достаточно чувствует свою слабость. Можно ли спасти человека от смерти, если она решит завладеть им по какой-то причине? Видел ли кто-нибудь из них смерть, какая она, и что именно они не должны подпустить к вам? А ведь смерть — это не только подстерегающий враг или падающая на вас скала. Приговор за содеянное может быть исполнен и по-другому. Вам нужно быть очень осторожным. Ведь вы решаете человеческие судьбы, и души людей, которых вы наказали муками или смертью, будут всегда с вами, где бы вы ни были — в том или этом мире. Вам предложили роль судьи, и вы согласились на нее, но это всего лишь роль. Артист на сцене старается играть те роли, которые ему нравятся, но и у него это получается не всегда. Вы выбрали то, что нравится вам, — а вам нравится судить. Вам нравится эта игра. Но вы не учли, что судите тех, кто не играют роли, а просто живут на этой Земле. Судить можно только то, что создал сам. Можно порвать картину, которую написал, но судить хотя бы своего ребенка... Ведь его произвело на свет великое Триединство: мужчина, женщина и Создатель.

“Поразительно! — подумал Николай Николаевич. — Неужели действительно существует какой-то мир знаний, загадочный и почему-то не принятый человечеством?”

И вдруг ему вспомнился случай, о котором давно забыл. Воспоминания вспыхнули ярко, как будто все было вчера. Вспомнил своего крошечного сына, который буквально после роддома в руках у него внезапно забили, потом посинел и оцепенел. Было еще много странного и непонятного. Врач смотрел недолго. Он долго что-то объяснял после загадочного слова “младенческое”. Что-то говорил и говорил. Николай Николаевич понял: врач пытается оправдать свою беспомощность, а потом вдруг услышал:

— Знаете что? Идите к бабке. Я вам адрес дам.

Вспомнилось, что многие ходили к этой бабке. И заговаривала она, безграмотная и неряшливая, страшную болезнь. Еще он вспомнил, как ночью, тихонько, чтобы никто не увидел и не узнал, дворами пробирался к ней.

Стало ясно: то были лишь отблески знания — но они спасали жизнь новорожденным.

И вот он стоит рядом с удивительным человеком, от которого веет силой и спокойствием и которому очень хочется верить.

— У нас в доме чисто, — продолжал старик. — За столько времени одна и другая сторона покинули его. И поэтому он наполнен нашим знанием, тоже имеющим две стороны — добро и зло.

Но в центре все же оно — знание, которое собирается по крупицам, с самыми сильными муками, какие только существуют на Земле.

Потому что, собирая знания, ты сознательно себя отдаешь одной стороне, отрываясь от другой. И порою это очень больно.

С человеком давно произошла беда: он перестал принимать одну сторону. Но ему суждено отдавать себя по своей природе, и он не ведает, что его разрывает с двух сторон.

Человек может изменить свою судьбу. Он выбирает путь и, если выбирает, перестает быть рабом. Человек становится хозяином самого себя. Рабом быть намного легче.

Мы породили две силы, не сумев их уравновесить. И вспыхивает иногда одна сильнее другой, то пугая нас, то радуя. Мы не порождали ни добра, ни зла, хотя многие считают так.

Когда человек осознает это, он начинает понимать: есть законы, и этим законам в мире принадлежит все: дерево растет как растет; весь мир делится на женское и мужское. И это самый истинный закон, от которого невозможно отречься.

Живые существа порождают подобных. Ветер дует, ручей бежит, Луна тянет к себе море и соки трав из корней по законам великой Вселенной.

Как же случилось, что человек забыл эти законы? Человеческий разум может познавать, совершенствовать законы, но не менять и не отречься от них, ибо отречение приводит к тому, с чем вы и приехали ко мне. У всех внутри живет чувство закона. Каждый человек верит: есть нечто сильное, что стоит над всем, то сильное, что может дать не власть, не непобедимость или защищенность, а чувство радости. Радость — это понимание окружающего нас.

— Да, — задумчиво повторил старик, — радость — это океан любви.

Какое-то мгновение он молчал, а потом добавил:

— И вот люди, — а их немного в нашем доме, — стремятся познать окружающее, чтобы стать радостными и донести эту радость другим. Они начинают постигать знания, они начинают идти трудным путем к любви. Знающему далеко до любящего, а любящему — далеко до радостного. Есть еще люди, которые знают, понимают и владеют. Они помнят, что человек — это самое прекрасное на Земле. Люди — крошечные копии Космоса. Каждый несет в себе землю, воду, воздух и огонь.

Старик надолго задумался, потом вздохнул:

— Как все же мало тех, которые владеют этим!

— Да, да, — вдруг вырвалось у начальника. — Все это красиво, кажется жутко правильным, убедительным, хочется верить. Но если вы такие умные, то скажите, что делать нам?

— Вообще-то делать ничего не надо, — спокойно сказал старик. — Сейчас для вас это и есть самое главное действие. Мы можем вам рассказать, Это несложно. Но услышите ли вы, сможете ли взять то, что дадим? Вы пренебрегли знанием мудрых.

— Да кто же эти мудрые? — не выдержав, возмутился Николай Николаевич.

— Мудрые — это те, которым нужен океан любви. Он должен залить все острова и стать единым. Мудрые — это те, кто помогают вам отдать хоть каплю любви в этот океан. Мудрые — это те, которые в уединении с Космосом, с той силой, которую он посылает всем,

но, к несчастью, ее слышат только мудрые. Неслышащий всегда хочет сделаться значимее, сильнее и красивее другого, становясь все безобразней и безобразней.

Николай Николаевич со смущением одернул пиджак.

— Вы хотите остановить войну, — продолжал старик, — и пришли к нам, живущим дальше всех от вашего мира?

— Но нам сказали, что помочь можете только вы, — развел руками начальник.

— Помочь можем. Только что на что мы меняем? Войну на угнетение? И все же человеческая жизнь дана Создателем. В споре рождается ненависть. Истина рождается в истине. Мы поможем вам. Я уверен, что совет будет против смертей. Смерть не рождает ничего, кроме смерти. Рабство же способно породить героев.

— Не верю! Не верю ни единому слову! — вырвалось у начальника. — Вы порочите моих парней, весь мир, а взамен не предлагаете. Может быть, в ваших словах и есть что-то, но если кто-то не понимает, значит — для него нет ничего.

— Хорошо, — ответил старик. — Мы пришли. В конце поляны, — он показал рукой, — к той огромной сосне два дня назад пришел умереть старый волк. Он уже мертв. Пошлите кого-нибудь из своих, — старик кивнул в сторону телохранителей: — Но чтобы не понял зачем.

Николай Николаевич обернулся к парням:

— Эй, Вовка! Сходика к той сосне. Возле нее, что-то мелькнуло. Парень трусцой направился к указанному месту. Через несколько мгновений трава скрыла его. Еще через мгновение раздался нечеловеческий крик и через разные промежутки времени — четыре выстрела.

Вовка выскочил в поту, возбужденный и дрожащий, с пистолетом в руке. Подойдя ближе к Николаю Николаевичу, он подчеркнуто выпрямился, но улыбнулся по-свойски:

— Зверюга там мелькнул. На меня кинулся. Пришлось пристрелить.

В Вовке Николаи Николаевич был уверен больше всех.

— Иди, — махнул рукой начальник.

— Как бы ни были велики глаза у страха, — тихо произнес старик, — но любой младший брат, лежащий на боку, вытянув лапы, ничего, кроме жалости, вызвать не может.

— Я знаю, что вы испытываете, — продолжал старец. — Не думайте. В другой ситуации он не показал бы себя так. Все это означает одно:

Он очень хочет быть сильным, а, значит — предельно слаб. Он не обманул вас. Это не ложь. Это желание силы. Поняв, вы сможете только любить его. Как можно не любить то, что понимаешь? Понимание рождает любовь и стремление помочь, непонимание — страх и ненависть. Вы чуть не начали его бояться. А он достоин любви, он хочет быть для вас сильным, но просто не знает секрета воина. Как можно бояться того, кого понимаешь, как можно напасть на того, кого понимаешь? А если понимаешь ты, значит — понимают и тебя. Враг перестает быть врагом. Но вы, к сожалению, все понимаете буквально. Вы упростили язык Космоса. Так легче. А все легкое скрывает в себе тяжесть.

— Но как же добиться понимания? — вырвалось у Николая Николаевича.

— Оставайтесь... — улыбнулся старец. — Мы вас научим.

— Ну, у—протянул начальник.

— Вы прикованы к своей значимости, а значимость давно и глубоко выросла в землю, — старик улыбнулся и спросил — Вы посетите наш дом?

— Да, — Николай Николаевич пожал плечами. Но эти парни всегда будут со мной. И даже я не в силах остановить их. Старик улыбнулся и кивнул головой.

— Они очень любят, показывать свою силу. Я с ней поговорю. Они и сила пока еще не вместе.

Старик мягко улыбнулся, внимательно посмотрел на парней. Мурашки забегали по телу Николая Николаевича. Парни встрепенулись и бегом кинулись к вездеходу затем они по очереди заскочили в него, а последний, громыхнув люком, закрылся внутри.

— Так просто? — с удивлением выдохнул начальник.

Вечерело. За разговором время пролетело быстро. Старик и Николай Николаевич подошли ко входу, который пронзал насыпь, поросшую соснами. Николай Николаевич шел за белой головой старца, которую — четко было видно в темноте тоннеля. Потом вдруг она исчезла. Через несколько шагов пришедший понял, что старик свернул влево. Еще немного — и они попали в большую широкую комнату.

На жесткой соломенной подстилке по обеим сторонам длинного невысокого стола сидели скрестив ноги корейцы. Увидев старика, они вскочили, потом упали на одно колено, упершись левым кулаком в пол, а правую руку протянув вперед, как бы отдавая старику. Это были такие же, как старик, внушительные и почтенные люди, но Николай Николаевич увидел и несколько молодых.

Старик сел в торце стола, скрестив ноги. Остальные разместились по бокам. Николай Николаевич опустился на свободное место.

Потом подали чай. Все отхлебнули и, поставив чашки на стол, замерли. И вдруг Николай Николаевич услышал обрывки мыслей, похожие на слова “Как прикажете, Учитель”. Он понял, что обращаются к старику. И еще — что-то неуловимое. Потом вдруг голос старика, четкий и властный “Опомнитесь, отбросьте действия. Только тогда с этой стороны забьет родник. Что скажете?”

— Как прикажете, Учитель?

Головы присутствующих опустились. И было еще что-то. Но все смешалось. Резкие звуки, какие то внутренние толчки и боль в висках. Присутствующие встали.

— Езжайте, — сказал старик — Войны не будет. Николай Николаевич сделал несколько шагов и обернулся.

— Послушайте, — сказал он. — А как же недеяние? Что вы говорили о нем?

— Вы все понимаете буквально, — вздохнул старик.

— Что же делать мне? — спросил Николай Николаевич.

— Человек отличается от животного по многим параметрам. Вот одно объяснение, которое сейчас подойдет для вас. Животное живет законами. Оно никогда не сделает большего, чем приказывают ему инстинкты. Не живите, законами — и вас никогда не поймут, как животное. Вы не подвергнете себя гибели.

— Но ведь вы же только что говорили, что законы — самое главное! — чуть ли не закричал начальник.

— Я говорил об истинных законах. Отойдите от законов разума. Прошу вас, — сказал старик. — И не бойтесь законов чувств.

— Прощайте! — ответил начальник, пожимая плечами.

Через некоторое время рык вездехода накрыл вечнозеленые сосны.

— Да, еще не все, — вдруг сказал старик и направился к выходу. Там он столкнулся с Николаем Николаевичем.

— Что делать? — задыхался тот. — Пропал кореец, который указывал нам дорогу.

— Позовите водителя.

Подбежал перепуганный водитель. У него тряслись руки.

— Где искать, где искать?! — без остановки повторял он.

— Его вы не найдете, — ответил старик. — Посмотри, — он тронул водителя за плечо, — видишь вон ту звезду?

— Ну? — спросил водитель. — Они же здесь все одинаковые. Их же — миллионы!

— Вдохни и выдохни, расслабься, — улыбнулся старик. — Она ведь красная.

— Ух! — захлебнулся водитель. — Действительно, красная!

— Держись навстречу ей — и вы будете дома. Поверьте мне — и прощайте!

Николай Николаевич с водителем пошли к вездеходу, старик — к тоннелю. Возле входа, скрючившись, лежало маленькое темное тело.

— Я уже взял тебя, — сказал старик, заходя в тоннель, возле которого тихо плакал маленький кореец. — Успокойся, — сказал еще раз старец. — Я беру тебя в ученики.

Члены общины начали сходитьсь, неся в руках сухие сосновые ветви. Они даже не

подозревали, что же происходило во время всеобщей заготовки дров.

ГЛАВА 1

Видно, пришло время браться за перо, хотя это и очень тяжело. Неужели пришло время? Не верится! Тревожит постоянно мысль:

что это? Может быть, ложное желание открыть кому-то глаза? А впрочем, нет — просто, пришло время.

Я не скрываю, что очень хочу рассказать о дедушке Няме. Началось все это так.

1977 год. Молодой, после одиннадцатого класса вечерней школы, совершенно ничего не умеющий, но способный принести три ведра воды (причем одно — в зубах), выкопать огромную яму и побороться с медведем. По крайней мере, так мне казалось. Я полностью опускаю детали: как удалось молодому разгильдяю, разуверившемуся во всем, устроиться с биофаком в поездку на Дальний Восток подсобным рабочим, после чего он в жизни разуверился еще больше. Попрощавшись с мамой, которая сначала обрушила на голову море проклятий и салатницу, потом долго плакала, бесконечно целовала (папа был где-то далеко, потому как очень серьезный человек), я поехал, причем на полдороги, конечно же, обо всем пожалел.

И вот летний Дальний Восток. Позвольте мне не писать, где именно, поскольку я слишком уважаю дедушку Няма. Какая там Африка или Австралия! Я там не был, но более чем уверен, что даже там нелегко найти лист, которым можно ударить по голове. Дальневосточные лопухи — это немногое из того, что я сразу запомнил на всю жизнь. Потом я узнал о многих травах и корнях. Но лопух — огромный, переливающийся и жутко зеленый... Мне кажется, что через какое-то время я понял, что такое лопух, и, когда вас так назовут, не обижайтесь. Значит, вы — огромный, невероятно сильный и красивый.

Я просмотрел множество фильмов и много читал об экспедициях. И теперь до конца жизни буду их ненавидеть.

Короче говоря, вся экспедиция — шесть человек, в том числе и я. И это за триста рублей с вычетом за питание. Мне в палатке иногда снилось, что начальник экспедиции впряг меня в плуг, и я должен безжалостно взрыхлить всю тайгу. Этого, конечно же, я не делал, но главное, что наконец-то понял значение выражения “вшивый интеллигент”. И самое главное, что впоследствии я разобрался: интеллигент — это тот человек, который больше, чем остальные, понимает окружающий его мир.

И все же я был подсобным рабочим, который безжалостно рубил все на дрова, экономя бензин. Если приготовить на дровах — вкуснее. Но есть дерево, ветка, корень, ствол, которым нужно сгореть, отдать себя, а есть — которым нужно жить. А вот начальник — доцент, которому дано было высокое звание “биолог”, означающее “хранитель природы”, — этого не знал.

Думаю, что эти чувства — верю в это — изначально боролись во мне, и поэтому однажды, взяв самое ценное в экспедиции — эмалированное ведро, — я с невыразимой злобой зашвырнул его в реку и пошел сквозь еще живые деревья черт знает куда.

Среди деревьев, среди огромного леса царил пустота. Вообще-то, нет никакой пустоты, и какая она — не знает никто. Любое дерево, любая частица мха, неотделенная от своего корня, любое животное, будь то паразит или дикий лебедь, замыкает на себе великое бесконечное пространство Космоса. И только человек, разумное существо, вроде бы высшее существо, может быть абсолютно пустым, абсолютной пустотой, потому что только он в состоянии не выполнить данное ему Великим Создателем.

Первая встреча. Могла ли она состояться, если на тысячи километров один бесконечный лес и больше ничего? И несчастная рабочая сила в моем лице, натоптав ноги по мхам, лопухам, трескучему хворосту, а порой проваливаясь по колено в мокром березняке, решила пойти назад, пройденным уже путем, и понырять за эмалированным ведром...

“Эм-м-м-э хэйк, эм-м-м-э хэйк”, — послышалось где-то рядом, и это был человеческий голос. Я обернулся. Маленький, нет, наверное, крошечный человек сидел и

мычал над каким-то ростком. По привычке я смотрел на этого человека и пытался понять, кто он. И вдруг понял, что смотреть можно на него, рядом с ним, сквозь него — и это будет абсолютно одинаково. Он не вызывал никаких эмоций. Ему не хотелось противостоять кому-то, его бы никогда, наверное, не обидели в большом городе, потому что жесткость и жестокость ударились бы в пустоту. Но это была не та пустота, это была пустота высшая, ибо в это мгновение с ним говорил корень — дитя природы. А ведь жестокость и злость — это горбатое и порой нелюбимое дитя.

Он просто выставил руку — и я остался стоять, не двигаясь. Человек то ли говорил, то ли пел какие-то заунывные слова и гладил землю, под которой был корешок тоненького ростка с серыми незаметными соцветиями. Потом он деревянным ножом обкопал росток и несильным нажатием правой руки медленно перенес корень из земли в левую руку. Потом положил его рядом с ямкой, подошел к одному дереву, невероятно сильными руками (это я почувствовал сразу) дернул кору;

подошел к другому — сделал то же. К третьему, к четвертому, стараясь далеко не отходить от ямки, которую выкопал. И, наконец, вдруг на пятом непонятным движением вырвал большой кусок коры.

— Полусилилось! — радостно обернувшись, сказал он мне. Корень завернул в оторванную кору. Кору, завернул в тряпку. И все это положил к сердцу, за одежду.

— Ты кто? — спросил он меня. И вот тут я впервые в жизни понял, что попал в неразрешимую ситуацию. Я долго напрягался, пыжился, пытался что-то сказать. Потом, опустив голову, тихо и жалобно ответил:

— Сережа

— Холосо, — одобрительно сказал человек. — А это сто?

— Ну... это я, — жалобно произнес разнорабочий.

— Осень холосо, — успокоил меня человек и остался стоять, по доброму улыбаясь и глядя на меня. Мы долго стояли, теперь мне кажется, что вечность.

— Кусать будешь? — спросил он.

— Конечно, — живо согласился я. И еще, самое главное, в тот момент я произнес совершенно случайно фразу, которую должен был произнести. Но глубоко уверен, что меня подтолкнули к этому та ничтожная частица добра, которая осталась во мне, и воспоминания о начальнике, спасибо ему.

— Я хочу быть с вами, — произнес я

— Кусать будешь? — улыбаясь, повторил человек.

— Да, да, буду, — закивал я

— Поели...

Ох уж это “посли”! Шли мы, шли и шли. И, если бы не этот человек, я готов был упасть в ноги своему начальнику и нырять до глубокой осени за эмалированным ведром.

Я пишу сейчас не о природе Дальнего Востока. Я пишу для вас о ценнейшем богатстве — о просветленных человеческих душах, с которыми столкнулся. Но для очень уж рьяных любителей природы я скажу, что шли мы сквозь лет бабочек, они были все белые и небольшие, но в желтых, розовых, красных, черных пятнах и разводах. Порой приходилось отдергивать ногу, чтобы не наступить на огромных жаб, сидящих под лиственницей.

Я не понимал, зачем иду за маленьким, неутомимым, молчаливым, странным человеком. И когда только на третий день он поделился горстью жареной сои, мне стало страшно. Но еще более странным было то, что от этой сои я почувствовал силу. И это — не обман.

И вот на подъеме вверх, прямо в лесу, мы зашли, не сгибая головы, в широкое земляное отверстие, ступили на пол из плотно прилегающих обструганных бревен. Такими же были стены и потолок. По сторонам этого пятнадцатиметрового деревянного тоннеля были небольшие, в полроста, входы через каждые два метра. В конце тоннеля деревянный пол прерывался и прямо на земле стояла металлическая печь. И если все время кормить ее деревом — зимой было очень тепло.

В глубине, возле самой печи, мой новый знакомый стал на колени, не спеша пробормотал несколько фраз. Немного пошелестев и чем-то пошаркав, он зажег светильник, который больше походил на пиалу с огоньком внутри. Светильник стоял на столе высотой сантиметров сорок, который стоял на непонятно как сплетенной и очень жесткой соломе. Моя голова упиралась в земляной потолок, поэтому я сел, скрестив ноги.

— Юнг, — тихо произнес человек.

Я понял, что это имя, и кивнул головой.

— Тебя я буду спасать осень сильно Ты — мертвая, но тебя мне дать Великий Создатель. Ты есть моя новая лестница.

Потом, немного подумав, он по-детски рассмеялся, покачал головой в знак несогласия с собой:

— Ступень, — поправился Юнг.

“Ничего себе, — подумал я, — “мертвая”. Создатель, какой то... С ума сойти можно. Допрыгался. Доездили. Куда идти? Где искать родной вонючий город?”

Я не помню, сколько проспал. Сильно болели ноги. А когда вспомнил, куда попал, стало не по себе. Была, абсолютная тишина и темнота Пару раз несильно ударившись головой, я вышел в длинный коридор. Потом из него спустился на небольшую поляну.

Там стояло человек сорок. И все, увидев меня, рухнули на колени, низко опустив головы, зачем-то выставив вперед правую ладонь. Остались стоять только мы с Юнгом. Напуган я был, конечно, до предела, и уже начал подумывать, не рухнуть ли и мне на колени. Но тут Юнг вдруг что-то сказал, резко и коротко. Все встали. Я посмотрел на Юнга, и ноги у меня стали ватными. Никогда в этой жизни мне не было еще так страшно. Передо мной стояла высохшая хищная птица с острым с пронзительными глазами, которые легко могли сбить с ног — это я понял сразу.

— Интелесно? — спросил он, превращаясь в улыбчивого доброго и прозрачного человека.

— Угу, — промычал я. И тут я понял, что никогда мне не вернуться назад, что произошло чудо, о котором мечтает каждый. Но почему такое страшное?..

Снова прозвучала какая-то команда. Все сели, скрестив ноги, перед уже сидящим Юнгом.

— Иди, — сказал он.

Я сел с толпой, которая была одета просто уникально: в фуфайки, летные кожаные куртки, рубашки... И что больше всего меня поразило — одни были одеты тепло, как зимой, другие — обычно, по-летнему.

— Создатель послать больной и мертвый... “А, это обо мне. Интересно, как мертвый может быть больным?” — подумал я.

— Их много, — продолжал Юнг, — он им помогать, когда уйти.

“Для меня старается по-русски”, — подумал я.

Разве знал я тогда, что великая и, может, последняя корейская община хотя бы мной замаливала грех всего умершего человечества, которое, не желая этого, умертвило себя, поспешив жить красиво (как ему казалось) и прогрессивно. Разве мог я знать тогда, что нет восточной культуры и философии, а есть просто знание, которое родилось вместе с людьми. Мне страшно, что я делил мир на традиции, культуры, национальности. Ну, не виноват Восток, что он самый древний! И что все или почти все началось с него: единение с природой, умение разговаривать с ней, слушать и понимать ее. Да просто быть частью того, из чего мы давно выпали. “Мертвая и больная...” — как страшно говорил Юнг.

И пришли демоны, и покрасили людей в разные цвета. И объединились люди: красные с красными, черные с черными, желтые с желтыми, белые с белыми И каждые посчитали себя лучшими, чем другие, и решили стать мудрее, чем другие И все дали Космосу свои имена. И все говорили, что они ближе к Нему и Он любит их больше.

Ну, пусть даже так. Но ведь есть люди, которые и вовсе, как они говорят, не хотят ждать милости от природы, а берут, что желают. Как же можно ждать милости от самого

себя и у себя же брать?.. Юнг говорил, что это демоны. Какой ужас! Ведь их больше! Как страшно и непонятно было тогда...

Но были проблемы и попроще. Община обслуживала и кормила себя сама. Работали все, кроме нас с Юнгом. Он спокойно заполнял мою пустоту. Но я ощущал, что Юнг очень спешил. Как удивлялся я тогда всему новому! Стихий четыре: земля, вода, воздух, энергия (солнце). Когда они соединяются, происходят страшные катастрофы. И еще, когда они соединяются, происходит жизнь. Ведь мы тоже состоим из этих стихий. А значит, поняв их и овладев ими, мы можем разрушать и создавать. Вот как страшна пустота в человеке. Пустой, мертвый, а значит — ему все равно. Мне стало легко. Я понял, что не замыкаю космическую цепь, я — не частица, а точная копия Космоса. Хотя, может, и частица. Но, Создатель, спасибо Тебе за разум! Я никогда не буду разрушать. Я точно знаю, что такое разум. Это — созидание. И пусть вначале это не судьба и не спасение чего-то, а помощь ближнему хотя бы тем, что умеешь унять его боль.

... Сошли с неба демоны Один дал человеку попробовать молока. Тому понравилось. Второй дал попробовать яйцо. Тоже понравилось. Третий — кусок младшего брата. И тоже понравилось. Стал человек грешен, болезнен и смертен.

Себе я нравился. Похудел килограммов на двадцать — ведь братьев меньших в общине не ели. Как говорил мне однажды, улыбаясь. Юнг:

— Скусал младсего — и до стареее рядом.

Осень пришла совершенно незаметно. Начали топить печь. И я почему-то завшивел. Когда обнаружил этот печальный факт, молчал, крепился дней пять. На шестой день подошел Юнг.

— Совсем еще Сережа мертвая, — покачал головой он. — На, пожуй, — сунул он мне в руку пучок травы. И проблема была решена.

И еще меня мучило, что мне не давали заниматься тем, что в городе называется кунг-фу. Я наблюдал за работой Юнга и не мог понять, почему два бойца, плавно, совершенно не спеша, удивительно красиво, долго двигаются друг вокруг друга с абсолютно одинаковой скоростью, совсем не нанося ударов. И только через три, а бывало, и через пять минут Юнг касался партнера. И тот, которого коснулись, улыбаясь, кланялся.

Однажды после бури всей общиной притащили сломанное дерево. И каждый старался разбить на дрова ветку потолще. Юнг долго смотрел, улыбаясь. Потом встал. Община замерла в ожидании. Подойдя к дереву, он постоял несколько секунд.

— Вода, — тихо произнес Юнг и, подняв руку, обрушил ладонь на ствол. Дерево лопнуло пополам. Я понял, почему улыбался и кланялся тот, кого касался Юнг.

— Я очень хочу заниматься! — подбежав к Юнгу, с поклоном выдохнул я. Юнг внимательно смотрел на меня.

— Скажи, зачем это нужно? — смутившись, спросил я.

— Стоб знать, мозесь ли ты вода, земля, воздух, солнце. Насинать осень плехо. Синий весь.

— А это? — я симитировал красивые движения.

— Это совсем потом, — засмеялся Юнг. — Снасала рук в рук, чистый быть нада.

Но так как я ничего не понял, то он ткнул пальцем в мою руку. Обжигающая боль ослепила меня.

— Грязна осень, вот и больна, — улыбаясь, объяснил Юнг. — Чистый больна мала.

Однажды зимой я спросил Юнга, что он думает о женщинах. Он, посмотрев на меня, пожал плечами.

— Зенсина, обсина, осень плехо.

Я сказал, что понимаю. Община имеет свою цель, она учит других, живет в аскетизме, но ведь женщин не отрицает. Юнг снова пожал плечами:

— Мусцина — семя, зенсина — земля. Создатель все делить пополам.

Плохой семя садить — плохой росток расти.

Я понял, что для него это просто и ясно. Ведь женщина действительно, в буквальном смысле, все вбирает в себя от мужчины: его мысли, его цель, да и его самого. А если нечего

дать? Нечего посадить?

И вдруг я понял самое простое, чего не смог бы понять никогда.

“Она его за муки полюбила, а он ее — за сострадание к ним”. А раньше сострадание я путал даже не знаю с чем. Строки казались глупыми.

Путь, знание — ведь это тоже страдания, пусть радостные, но все же страдания. Я начал вспоминать классиков. Набор был небольшой, но я вспомнил: “Потеряв любовь женщины, можно винить лишь себя”. Ох, как не хватает Юнга с его объяснениями! Нет, не демоны они. Ведь чувствовали это, только до конца не объясняли. Наверное, не могли, а может, и не хотели. Нет, все же без демонов здесь не обошлось...

Мы с Юнгом вышли подышать на мороз. Зимой община затихала. Юнг тренировался, а я хрустел снегом вокруг него, расточая похвалы и восхищаясь. На двух мощных столбах, вкопанных в землю, на цепях висело бревно в два обхвата. Юнг сильно отталкивал его от себя. Бревно далеко отлетало и, вернувшись обратно, мягко оседало в ладонях.

— Вода, — ласково говорил Юнг.

Еще Юнг часто рассказывал о великом Учителе, который давно учил его. Об Учителе Няме.

Великий Учитель пять лет назад ощутил желание уединиться навсегда. Вдали от общины Юнг и еще несколько человек выкопали небольшую землянку с очень узким входом, пол выстлали мхом, на котором тает снег — и в норе становится тепло. И до сих пор человек из общины раз в четыре дня носил горсть сои и оставлял за десять метров от землянки. Учителя не видели пять лет. Но сои не остается.

Юнг показал удивительную вещь: два куска рельса, непонятно откуда взявшегося в этих местах, который Ням, прощаясь, разбил рукой.

— Это солнце, — с трепетом говорил Юнг, поглаживая куски рукой. — Ням лечил больных не травами.

— А чем же? — удивился я.

— Улыбкой, словом, взглядом, — с почтением поклонившись, ответил Юнг.

Няма я увидел летом, когда большая часть общины обновляла деревянные приспособления для занятий воинским искусством: качающиеся на привязи бревна и столбы, ошетилившиеся заостренными жердями...

Все одновременно увидели его — светлоликого седого Старца с чистыми раскосыми глазами.

Великий Учитель, пройдя сквозь оцепеневших людей, подошел к Юнгу. Он обратился к нему без смешного акцента:

— Мальчишка, — спокойно произнес Ням, — когда ты успел стать таким грязным? Или ты успел полюбить человеческую лесть? Я наивно поверил, что Создатель призвал меня для высшего покоя. Будет ли мне прощение за мое несовершенство и поспешные шаги?..

Юнг стоял, дрожа, как дерево во время бури.

— А может быть, ты начал хранить секреты, которые я более шестидесяти лет с мольбой пытаюсь передать всем, кто рядом? Или ты забыл, что секреты есть только у мертвых? За всю мою жизнь таких как ты, у меня было только трое. А может быть, уже только двое. И то они далеко отсюда.

— Учитель, я полностью раскаиваюсь.

— Раскаяние — это сокрытие. Полное раскаяние — полное сокрытие. Кто словами раскаялся после содеянного, тот попытался скрыть содеянное. А скрывают только черное, светлое — отдают. Истинное раскаяние — это деяние.

Юнг упал на колени, протянув перед собой правую руку. Губы его дрожали. И тут я до конца понял значение этикета: он отдавал руку Учителю. Община все так же стояла в оцепенении.

— Встань, — продолжал Ням, — у нас не так много времени. Его нужно учить. — Он кивнул в мою сторону. — Из рук в руки.

Потом, повернувшись, внимательно заглянул в меня. И вот тут у меня впервые появилось чувство, о котором мне рассказывал Юнг. Не просто догадка или какое-то предчувствие, а четкое, всепоглощающее чувство, буквально осязаемое, даже зримое каким-то странным внутренним зрением. Это чувство было сырым и только-только рождалось. В это же мгновение я ощутил, что принадлежу Школе. Принадлежу целиком и полностью двум великим людям.

Я попытаюсь описать это состояние, которое появилось внутри меня и с этого мгновения начало расти и развиваться. Я уверен, что его испытал каждый человек хотя бы раз в жизни.

Я смотрел на Няма и четко его видел. Вдруг он засветился весь изнутри странным светом. Я ощутил всепоглощающие любовь, доброту и спокойствие. От него отделился прозрачный он же, медленно развернулся к Юнгу и стал что-то говорить. Все так же внезапно исчезло. Няма отвел от меня глаза и, повернувшись к Юнгу, сказал...

О Великий Создатель, спасибо Тебе! Это было оно! Пусть слабое, пусть хрупкое и прозрачное, но то, с чего начинается настоящее, то, когда чувствуешь себя в начале мастерства, то, из чего возникает школа, мудрость, любовь. А как можно не любить то, что понимаешь, даже если ростки его ужасны?.. Но ведь Ты понимаешь, какой груз и зачем так страшно искривил их. Люди, поверьте, это не мистика. Зачем нам сейчас уходить так далеко, но, люди, учитесь хоть на мгновение опережать время, хоть немного видеть вперед. Сколь многого бы тогда не случилось? И сколько было бы создано!

И, если честно говорить, наверное, впервые за все время я упал на колени и протянул вперед руку абсолютно спокойно, искренне и с великой любовью.

Я не слышал, о чем они говорили. Я не помнил, сколько стоял так, и только, подняв голову, увидел, что никого рядом нет и все давно разошлись.

И лишь сейчас, когда пишу, я могу сказать (потому что знаю), о чем говорил Няма Юнгу.

Чувство любви и веры вдруг так сильно завладело старым Учителем, что даже я это увидел. Он сказал, что эти пять лет изучал одну из Великих Космических Формул и отдыхал. Он не боялся оставить общину на Юнга. Ну а когда Няма ощутил, что в общине беда, а потом еще и увидел — какая, — то уж, конечно, пришлось остаться.

Ну а умение смотреть вперед, сквозь время еще долго будет давать мне всего-навсего победу в простых житейских делах да обычную победу в поединке. Как же далеко нужно видеть, чтобы совершались большие дела и разлился океан любви! Да к тому же, наверное, одного видения мало. Хотя в тот миг мне казалось, что я почти уже сдвинул с места гору.

Прошло несколько дней. В общине абсолютно ничего не изменилось.

Просто лица у людей стали светлей, счастливее и добрее. Я начал волноваться. Порой, как мне казалось, ощущал свою ненужность. “Почему же Няма не занимается со мной? — мучился я. — Ведь он сам сказал, что времени у нас не так уж много”.

А Няма собирал уже несколько вечеров вокруг себя людей и негромко, раскачиваясь из стороны в сторону, что-то рассказывал на совершенно непонятном мне языке. Все слушали, затаив дыхание. После чего вставал и показывал очень медленные движения удивительной красоты и гармонии. И даже совершенно непосвященному человеку стало бы ясно, что поворот стопы, колена, головы, а порой даже и пальца несет во всем движении единый, нескончаемый, извивающийся поток.

Еще через несколько таких вечеров меня начали мучить сомнения:

“Да нужно ли все это? Да кто я им такой? Ведь слышал я где-то, что восточные люди никогда не отдадут своего. Просто любят говорить красивые и мудрые слова. Ведь существуют же какие-то секретные книги, манускрипты, которые передаются из рода в род, из поколения в поколение”.

Я смотрел на Няма, раскачивавшегося и говорившего нараспев, а сомнения безжалостно терзали меня.

На следующее утро меня кто-то позвал по имени, тихо и четко. Я даже от этого проснулся. Я встал, посмотрел на спящего Юнга и по коридору вышел на поляну. На месте, вытоптанном ногами тренирующихся, а значит — твердом и без травы, стоял Ням. Он поманил меня рукой. Я тогда даже и не подумал, как же я смог услышать его, как проснулся. Ведь он всего лишь тихо позвал меня.

У старика в руке была упругая, острая, похожая на указку палка.

— Да, ты прав, непонимание — это самое страшное, — сказал он, когда я подошел. — Это ненависть, зло, глупость и все то, из-за чего мир еще не превратился в Океан Любви. Знающему далеко до любящего, а любящему — далеко до радостного, — сказал он, и эти слова пронзили мне сердце.

— Так сказал Конфуций, — улыбнулся Ням. — И люди на разных ступенях пути будут это понимать всегда по-разному, а женщины и мужчины — обязательно по-разному. Юнг забыл сказать тебе самое главное. Женщина — так ее создала природа — живет только любовью. Любовью к детям, дому, мужчине, окружающему миру. Мужчина живет, кроме любви, еще и идеей. Я имею в виду путь, школу, — вздохнул Ням. — И прежде чем ты возьмешь для себя то, что дает дом: любовь, детей, а значит — женщину, подумай, кто ты. “Это против природы” — может тебе сейчас показаться. Не спеши, подумай: а вдруг вместо своего одного ты сможешь создать тысячи, а может и больше, счастливых очагов. Но сила, что будет у тебя, — страшна. Ведь сила добра и зла растет одновременно в человеке, только одной он отдает больше, и то не всегда. Ведь так же, как вылечить, ты сможешь и убить. Подобным образом в миру можно стать мужем всех жен. Это только потом, в великом мастерстве, одна из сил сгорает, и ты становишься единым носителем одной из них — той, которая осталась. Я думаю, ты сейчас понял, что нет светлых и темных школ. Запомни, есть Триединство — добро, зло и человек. И если он понимает это и идет путем знания, то остается только человек. А какой он, знает только он сам.

Мне стало страшно. Начало трясти. Ням погладил меня по голове. Теплая сила и спокойствие разошлись по моему телу...

— Любая книга существует лишь для того, чтобы как можно дальше увести от истины.

— Как? — поразился я.

— Но ведь ни один учитель не написал книги, — пожал плечами Ням. — Писали только их бездарные ученики: кто из-за денег, кто для славы... Да мало ли что там может быть еще?

“Какой ужас! — подумал я. — Почему-то у меня совершенно нет желания спорить с Учителем? А ведь Юнг меня этому научил. Я полностью согласен с Учителем. Да что же это?” — Я злобно выругался про себя и сразу удивился, как давно этого не делал.

— А представляешь, — вдруг усмехнулся Ням, — если б выругался или разозлился я, да еще кулаком по столу, ногой по земле?..

“Э-э... — подумал я, — да так и землетрясеньице могло бы получиться”.

Ням засмеялся. Я это видел впервые. Могу сказать одно — это было красиво. И тут до меня дошло (правда, почему-то поздно), что он свободно слышит МОИ МЫСЛИ.

— Ты соглашаешься со мной потому, — сказал Ням, — что я пользуюсь законами природы, а они для всех одинаковы, кем бы мы ни были — людьми или животными. Только я их знаю, а вот многие забыли. Вот и получается, что я всегда буду прав. Можешь не сомневаться. Вот скажи мне, чем человек отличается от животного?

Ну уж нет! Я не ляпнул: “Разумом!” Юнг меня тоже кое-чему научил. Сразу — вопрос: “А что такое разум?” Ну, а дальше — бесконечная глупость.

— Правильно, — похвалил Ням.

“Господи! — подумал я. — Да как же мне думать?”

— Думай спокойно, — посоветовал Ням.

— Может быть, люди не знают законов, а животные знают?..

— Ну, не обижай людей. Я ведь знаю. Юнг тоже знает, просто он молод и не совсем чист, и порой ошибается, а значит, имеет желания для себя. А животные не знают законов, им не нужно их знать, они просто по ним живут.

Я поклонился два раза, вдруг вспомнив этикет и перед кем стою.

— Ну, может, этим?

— Было бы странно и обидно. Они и не знают, а мы забыли, — сказал Ням.

— Учитель, я понимаю, что убить трубой завода воздух, птиц и бабочек — это менее разумно, чем взять в клюв ветку, отломить палочку, ею вытащить червячка (ведь клювом его не достать) и съесть.

— Юнг показывал? — опять усмехнулся Ням.

Я кивнул головой и еще два раза поклонился. Поклон Верховному Учителю и поклон земному. Ведь теперь по закону общины Учителем снова стал Ням. Юнгу теперь нужно было кланяться один раз и называть Мастером. Это нас очень сблизило. Только потом я понял, что это нужно было Нямю, ведь так учить было и легче, и быстрее.

— Человек от животного отличается тем — запомни, ученик, — Ням назвал меня так впервые и сделал мне легкий поклон, — что только он способен пожертвовать собой во имя кого-то или чего-то! Поэтому человек сложил столько красивых песен и легенд о верности животных. Мать-волчица будет до последнего защищать волчат, но если поймет, что ей грозит смерть, она бросит своих детей. Если погибнет волчица — погибнут и они. Если она будет жить — она родит еще много таких же.

— Инстинкт самосохранения, — мудро изрек я.

— Да, — сказал Ням, — они полностью доверились ему. И только человек не содрогается перед смертью, потому что путь открыл ему бесконечность. Но взамен человек обрел еще больший страх.

— Большой? — вырвалось у меня.

— Да, — ответил Ням, — страх сделать ближнему больно. Я понял, почему ученики падали перед Учителями на колени. Это не просто почтение к Учителю, это сила истины, идущая от него, сбивала с ног и прижимала к земле.

— Не надо, — остановил меня Ням, — слушай. Знаешь, а ведь у любого животного самка выбирает самца — молодого, сильного, красивого. Животным чутьем природы она отдает себя здоровому, чтобы получить здоровое, сильное потомство. И, Создатель! — Ням поднял руки над головой. — Только человеческая женщина может полюбить убогого, слабого и больного, иметь от него детей, зная заранее, что, видимо, всю жизнь будет рыдать над ними. Но она должна помнить законы природы, не делать больно близким и может за это получить здоровых детей. Ну, в общем, это любовь, мальчик, — и Ням снова тихо и радостно засмеялся.

Было еще очень много разных бесед. Звездные знаки, черное небо. Я учился как мог. Я поглощал законы пути каждой своей клеткой. Мне казалось, что только стоит приехать домой и все объяснить, рассказать — и все сразу поймут меня. Скажу правду, я ждал этого дня. Я сын своей матери и друг круглолицых, бесшабашных, забывших законы природы людей. Я приду и помогу вам. Ведь как же без вас?

Однажды Ням острой палкой начертил круг.

— Это Земля.

На нем поставил точку.

— Это Знание. Началось здесь. Просто больше было негде. Вот и теперь идет. Проходит Восток. На Востоке задержалось надолго. Запад — нет, слишком никак. Вот вы и возьмете. Это будет вашим единственным спасением. Не нужен будет язык, и наш этикет, и культура. Вам нужно будет знание. Все остальное родится само и у вас.

Это было за год до того, как я попрощался с общиной. Однажды Ням жестом подозвал меня к себе. В его лице было что-то необычное. А рядом лежало дерево, сваленное бурей.

— Помнишь те вечера, когда я говорил нараспев непонятным языком, а потом,

двигаясь, подражал Дракону, постепенно становясь им?

— Помню, Учитель, — два раза поклонился я. — Только это был не язык. — Я смиренно сложил руки. — То были звуки Космоса. Просто я тогда еще не ощущал все колебания.

Ням одобрительно кивнул.

— Повтори это. — И он показал несколько плавных и медленных движений.

Я повторил их, как мне показалось, точно И вдруг меня пронзила жалость к начальнику экспедиции, к тому, с кого все началось. Что же будет ему? Ведь столько лет назад с концами пропал человек.

— Ошибки прошлого безжалостны, они ранят в самое сердце, — развел руками Ням. — Вспомнишь еще и не такое. Ведь эти движения дают силу, а значит — страх за людей и любовь. Но этот случай забудь. Там о тебе недолго вспоминали. Разнорабочий...

— Списали, значит, — хмыкнул я.

— Жаль их, не поняли незлого, неглупого пацана. Ты повторил правильно, — сказал Ням. — Ты приобрел память на движения, а значит, понял законы Космоса, которые вокруг нас

И он снова проделал несколько небыстрых новых движений Я насчитал ровно семь огромных отбитых ветвей. И почему-то вспомнил мать.

— Повтори, — приказал Ням.

Я поклонился два раза и повторил.

Через двенадцать месяцев я попрощался с общиной.

— Ненадолго, ненадолго, — не сдерживая рыданий, повторял я — Год, ну, два, и я снова к вам, ведь я знаю, как вас найти

Ням подошел с рюкзаком, в одну руку сунул его, в другую — на цепочке — потускневшего от времени, извивающегося в потоке воздуха маленького золотого дракона.

Я шел не оглядываясь. Потом обернулся и упал на колени, прижавшись лицом к траве

— Я скоро вернусь к вам! — крикнул я, вскочив.

— Конечно, вернешься, — сказал тихо Ням, кивнув головой — Ведь у тебя только вторая степень мастерства.

ГЛАВА 2

Ох, я и наивный!.. А глупый!.. И самое поразительное, что считал себя мудрым и ученым.

Мой Учитель, конечно, все это знал. И был бесконечно прав, что бросил меня обратно в бушующий мир.

Скажи он тогда, что будет тяжело, — о, с каким азартом я возражал бы. Обязательно бы доказывал, что выжил в этом суровом и непонятном мире, в котором пробыл три года, а еду туда, где все просто и ясно. Я ощущал себя чуть ли не гением, который спасет цивилизацию.

Так я ехал, гордый и уверенный, с удивительного и понятного курорта по великой Транссибирской магистрали в мир, который перемалывал вместе с костями еще и не таких умников. Самое главное, что писать нечего о том, как добирался. Никто меня не останавливал, никто мной не интересовался. Как будто судьба нежно подталкивала, чтобы все кошмары именно дома грохнулись на голову. Наверное, для того, чтобы четко ощутил, каким я был до и каким стал после.

Я действительно благополучно прибыл прямо домой. До сих пор это кажется мистикой. Как можно проехать в нашей стране такое расстояние без документов? Хотя именно в этой стране — стране крайностей — есть такая возможность. У нас никогда особенно не интересовались полностью опустившимися “бичами” (скатившимися труболетами), а именно таковым внешне я был на первый, второй и третий взгляд.

И вот лифт трещит, своей вибрацией отдавая прямо в сердце. Еще несколько

этажей и — моя любимая, единственная мама.

В каком-то полувмняемом состоянии тянусь к звонку. Дверь мгновенно открывается... А может быть, так показалось?..

— Мама, мама, мама!.. — бросаюсь я к ней. Щелчок, хлопок, темно в глазах, и подсобный рабочий медленно, скользя спиной по стене, опускается вниз.

Не скажу, что моя мама была слабым человеком. Она, конечно, не раздавала оплеухи налево и направо. Но было бы странно, если бы сейчас этого не случилось. Обросший, худой и грязный “бич” (труболет), видно, до предела возмутил бедную женщину.

Дверь захлопнулась. Я сидел, взявшись за голову, печально усмехаясь невероятно прозаическому началу.

Раньше я не мог понять свою мать. Наши отношения всегда были совершенной загадкой. Она иногда казалась мне странной, но была удивительной женщиной.

Сейчас-то, конечно, легко рассуждать, когда знаешь, что мать по месяцу рождения — “Рыба”, а по году — “Дракон”. Рыба видит все по-своему сквозь толщу воды. Уж поверьте, сквозь воду — все по-другому, не так, как у остальных. Ну, а Дракон — это сила, стремление и неиссякаемая энергия.

Ох и настрадался я от этого! Моя мать успокоилась бы только тогда (а для нее это было пределом), когда я стал бы героем соцтруда. Меньшего она не желала. А мне, к сожалению, трудиться не хотелось.

Прости меня, мама, но я точно знаю, что мой бедный пала со страшной силой в тебя влюбился, вернее, в твою красоту. Он не ведал о твоей жизнестойкости, твоей ярости, твоих высоких стремлениях. Он видел только твои красивые глаза и удивительную улыбку, которая до сих пор смущает мужчин, не махнувших на себя рукой. А потом он с такой же страшной силой улепetyвал (другого слова не подберешь), оставив все, начиная от носков и заканчивая единственным сыном.

Бедный папа, ну почему же в твоей жизни не встретился дедушка Ням? Тебе бы не нужно было бегать к другой женщине, послабей. И опускать глаза перед все тем же единственным сыном.

Будучи спортсменом, штангистом — человеком, побеждающим металл, — ты не смог победить маленькую, чуть больше метра пятидесяти женщину, которую безумно любил и, наверное, любишь сейчас. Почему я так говорю? Да потому что знаю один секрет мать до сих пор любит тебя. Я даже знаю почему. Потому что ей было шестнадцать, а тебе — семнадцать. И ты был первый. А это уже правильное начало. Вот только тебе никто не объяснил вовремя, что с этим делать. Каким бы там Драконом или Рыбой она ни была — это не важно. Просто ты не был ведущим. И это не твоя вина.

Вот еще одна, казалось бы, безвыходная ситуация. Но это только лишь “казалось бы”. Конечно, мне легко рассуждать сейчас. Милые, родные мои, простите за то, что я так смело рассуждаю теперь. Но знайте — дети даются для испытания. Очень большой грех, если вы не ведете их в жизни. Какое там ведете! Вы их даже не понимаете. Есть старость, а есть мудрость. Старость страшна. Она сидит на скамейках, беззубая, отвратительная, шамкающая, осуждающая все, дряхло хихикающая над всеми, затхлая и ненужная. Мудрость же — спасение. Она помогает юным, молодым, малознающим; она растит, она сильная, не дряблая и не толстая. Мудрость не разлагается даже в самый последний момент и умирает со счастливой улыбкой на губах. Ох, как хочется такой мудрости!..

За дверью послышался шорох и вопль Святодуха. Я сразу пришел в себя. И вдруг понял, что я — это не я. Господи, что делать? Для всех в этом мире три года — не срок. Для окружающих никакой я не Мастер, а вторая степень какой-то там общины вообще ничего не значит. Я даже не знаю, каким языком и образами говорить мне в этой жизни. Все истинно близкое и родное, вся мудрость общины — все показалось далеким и расплывчатым. Стало одиноко и страшно...

До того, как уехать далеко, я какое-то время прожил отдельно от всех, в полуразваленной квартирке, оставшейся после бабушки. И когда мы не виделись долго с

матерью, ее ярость и эмоции, поднявшись до самого верха, захлестывали меня вместе с развалюхой.

Мама, купив что-нибудь вкусное, шла на расправу с сыном. Добрая, интеллигентная женщина, переполнившись эмоциями, становилась демоном и как всегда неожиданно появлялась с сумкой на пороге.

— Здоров, подлец! — рывкала она и переступала порог, помахивая тяжелой сумкой.

В тот раз были яблоки...

— Где ты шляешься? У меня дважды останавливалась печень, а скорая приезжала три раза, — с необыкновенной мощью в голосе и легко перебрасывая сумку из руки в руку, объявила она. — Я только отошла — и сразу тащусь к тебе. Вдруг что с моим мальчиком?.. А ты сидишь здесь с друзьями и что-то жрешь.

Друзей я опускаю вообще, ибо в тот момент они забирались чуть ли не под стол, не выдерживая мощи водяного супердракона.

— Я сдохну, а ты не будешь знать, где моя могила! — закричала она, переходя на плач и одновременно швыряя в меня сумку с яблоками. И я не всегда успевал уворачиваться, как в этот раз. Обычный приход мамы, к которой я приходил еще реже. “Что же делать? — подумал я. — Ведь они-то не изменились, а мои изменения ничтожно малы перед окружающей мощью”.

За дверью опять рывкнул Святодух, и я вспомнил его явление в нашу жизнь...

Я сидел у себя в комнате и опять что-то ел. Слава Богу, был один. А ел я почти всегда, потому что свою большую оболочку надо было усиленно тянуть по жизни. В дверь робко постучали. И я увидел вошедшую маму. Кусок застрял в горле.

— Здравствуй, сынок, — нежно, почти шепотом, миролюбиво улыбаясь, сказала она.

Поверьте, это был удар. И я подавился. Она долго спасала меня, усердно стуча по спине. До этого могла вылечить одним ударом.

— Сереженька, мне нужно поговорить с тобой. Ну, не смотри на меня такими безумными глазами, — попросила мать. Я задрожал от ужаса.

— Что случилось, ма? — спросил я.

— Все нормально, сынок, — ответила мать и в первый раз не стукнула, а погладила меня по голове.

— Ну-ну, мама, — продолжал дрожать я.

— Сынок, что ты скажешь, если я выйду замуж?.. Все стало на свои места. Я не был мальчиком-паинькой, да и особенно культурным. Поэтому, грохнув кулаком по столу, заржал, как сытый конь. И тут же испугался опять. Мать подняла на меня свои неестественно мягкие глаза и тихо сказала:

— Какой ты у меня некультурный...

Это было действительно странно. У меня всегда было такое впечатление, что папа, убегая от нас, всем мужчинам рассказал о страшной маме. Поэтому они всегда боялись даже одного ее взгляда. Кстати, после этого я понял, что мой папа был не из слабаков. Мама была красавицей настоящей, но больше не рисковал никто...

— Кто он? — прохрипел я.

— У него удивительное имя, — закатив глаза, мелодично пропела мама. — Его зовут Георгий Серафимович Святодух.

Я никогда не был религиозен, но меня охватил священный трепет. Представилось нечто нежное, даже прозрачное, необыкновенно мягкое, обволакивающее, несущее в нашу семью покой, смирение и спасение. Георгий Серафимович Святодух... Это ж надо!

— Он — удивительный мужчина, нежный, он понимает меня, — в трансе продолжала мама: — А какой умный!.. Сереженька!.. — Мама поцеловала меня в лоб. — Приходи завтра днем. Георгий Серафимович хочет посмотреть на тебя.

Она попрощалась и выплыла за дверь, как облако. А говорят: чудес не бывает!

В двенадцать ноль-ноль я стоял перед дверью... Перед этой, возле которой сейчас сидел. Обычно я звонил так, что мама никогда не сомневалась, кто это. В тот приход

позвонил только два раза.

— Наверное, сын, — услышал я, и дверь отворилась.

— Заходи, — чарующе улыбнулась мама. И я с трепетом шагнул в неизвестное.

И вдруг из гостиной трехкомнатной квартиры раздался (я не преувеличиваю) утробный рев.

— Ну-ну, — задрезжали стекла в окнах. — Ну-ну, покажи мне своего сынулю.

“Бежать!” — мелькнула у меня первая мысль.

— Заходи-заходи, — нежно подталкивала меня мать в комнату. Я зашел в гостиную и увидел. Прости меня, Серафимыч, хотя я тебя очень люблю и уважаю, но это правда. Увидел нечто ужасно огромное, похожее на гориллу, которая легко могла бы разорвать слона. Моя мама, которая сразу стала жалкой и крошечной, засемила к тебе, села рядышком, наполовину утопив свою красивую голову в твоём мохнатом плече, а я стоял по стойке “смирно” и, открыв рот, смотрел...

В понимании моей мамы это и был сверхмужчина. Настоящий красавец. Я не спорил.

Серафимыч зажал мою пухлую лапку в своём кулачище. Вставать ему было не нужно, он дотянулся до меня и так, да и роста, хоть он и сидел, был со мной одного. Я почему-то уверен, что меня он про себя называл, конечно незло, но шпендиком.

— Ну, Серега, отдашь мне свою мать? — пророкотал он. “Ха! — подумал я. — Есть ли на этом свете человек, который что-нибудь тебе не отдаст?”

— Сереженька, — пропищала из-под плеча моего двоюродного папочки мама, — Георгий Серафимович тридцать лет проработал на корабле, в машинном отделении. Даже в Китае был.

“При чем здесь Китай?” — подумал я, но понял происхождение утробного рокота, который должен был перекрывать стук машины.

Сила победила силу. Это не значит, что зажила моя мама в гармонии и счастье. Она продолжала воевать. От меня отцепилась — так, лишь иногда насадала, для профилактики. Они воевали теперь вдвоем. Со мной она всегда побеждала, что было ей неинтересно.

Я тогда еще не понимал, что женщина всегда хочет быть побежденной человеком, которого любит и которому отдает себя. Она хочет, чтобы ее победил (конечно, не кулаками) тот, кто рядом. А сейчас понимаю — Серафимыч спас ей жизнь. Еще тогда замечал: мать аккуратно, чтоб он не догадался, выходила на конфликт. Потом внимательно и долго вслушивалась в дребезжание стекол, в утробный рокот и ненадолго успокаивалась. До следующего сомнения и тревоги.

Мне кажется, что уже тогда я начал догадываться: в мире есть какой-то закон, какой-то особенный маленький секрет в отношениях людей. Бедные мои папа и мама, а ведь вы так любили друг друга! Знаю, знаю... Покойная бабушка рассказывала: мама где-то работала, а этаж был четвертый... Так вот, папуля забирался на тополь, серебристый, пирамидальный... Растут у нас такие высокие... Забирался только для того, чтобы увидеть в окно маму. Может, я и не прав, ну, не полез бы Святодух туда! Позвал бы снизу. Сто процентов, что дозволялся бы. А что еще нужно было маме?..

Я все еще сидел возле двери и пытался вспомнить звездные знаки Серафимыча. И вдруг вспомнил. Быстренько сосчитав по гексаграмме, я усмехнулся: очень образно он был там выведен. Последняя фраза в определении была такова: “Бойся ударов гориллы во всем”.

“Как раз для мамы”, — подумал я.

Из-за двери вдруг неприятно дохнуло агрессией. Я инстинктивно стал лицом к ней. Три года не ощущал агрессии, да и сама она была сейчас какая-то интересная и, как вдруг стало ясно, приходила раньше того, кто агрессивен. Дверь резко отворилась. Серафимыч был на пределе и поэтому — очень смешной. Хотя в своей ярости он был прав... Я понял, что остановить его словами не успею. Мама испуганно выглядывала из-под руки Святодуха.

— Ну что, сынок? — рывкнул он и кинулся на меня. Ну, уж чему-чему, а этому меня хорошо научили. Мой двоюродный папуля хотел схватить меня и задавить сразу. Но вместо

меня схватил воздух, а так как опереться на воздух у него не хватило мастерства, то Серафимыч, конечно же, по всем законам природы рухнул на пол. Впрочем, что для него было это падение? Тем более, я ему не помогал, а просто отошел в сторону. Вскочил он так легко, что я удивился. Покраснев от смущения, Серафимыч снова двинулся вперед. За дверью засопели возбужденные соседи.

— Прекрати, Серафимыч! — воскликнул я.

— Я тебе шас дам Серафимыча, — засопел он. И вот тут я совершил непростительную ошибку. Нельзя было этого делать. Святодух теперь всегда будет меня бояться, что ни объясняй. Я схватил его левой за две руки, а сам повернулся к матери.

— Ма, это я, — пробормотал жалкий и гонимый сын. — Смотри, ма, — я отодвинул край фуфайки и поднял рубаху. На правом боку у меня большой рваный шрам с детства. Мать ахнула, увидев вытатуированного дракона. В левой руке у меня, противно вереща, трепыхался Серафимыч.

И вдруг со страшным криком “Сын!” мать бросилась ко мне на шею.

— Сколько же горя я тебе принес! — вырвалось из сердца. Мать целовала меня, заливаясь слезами.

— Ну, пусти, — собрав силы, снова пророкотал Серафимыч, и я разжал руку. Святодух лихо отработал свой проигрыш, вызвав у нас восхищение, — занес обоих на руках в квартиру.

— Вот до чего доводят отчаяние, разлука и горе, — задумчиво, для себя все объяснил Серафимыч. — Ай-яй-яй, горе с разлукой, — повторял он.

А когда мы с матерью оторвались друг от друга, то увидели его сидящим на полу. Добрый Святодух, растрогавшись, смотрел на нас, держа руки в тазике с холодной водой. Видно, я перестарался.

— Ах ты, Боже мой! — всплеснула руками мама.

И вдруг я увидел, что она снова стала мамой, как будто и не было разлуки. В глазах засветились искры непостижимой энергии, всегда пугавшей меня с детства.

Только моя мама (я в этом глубоко уверен) могла одним вздохом, одним восклицанием изменить всем настроение в противоположную сторону. Она в самые неловкие моменты появлялась вовремя, и что бы ни было, ее восклицания разряжали любую обстановку.

— Ах ты, Боже мой! Худенький ты мой, маленький... Кушать, быстрее кушать!

Серафимыч с готовностью ухнул и встал с пола.

— Бедный мой, бедный, — причитала мама. — Все потом расскажешь, все потом... Ты же Бог знает на кого похож, — нараспев причитала она, на ходу щипая меня.

“Ни в чем не изменилась, — радостно думал я, — даже такой гигант, как Святодух, полностью не укротил кипучую энергию моей мамы”.

Открылся холодильник — и через мгновение кухонный стол был похож на поле битвы, по которому кусками и в разных позах были распластаны младшие братья. У меня затряслись ноги. Я отвык от этого зрелища. Рядом, рухнув на табуретку, захрустел чьими-то костями Серафимыч. В то мгновение я окончательно понял: один мир сменился другим.

Много было совершено ошибок. Но то, что я сделал тогда, было единственно правильным. Тогда еще мое сердце было в общине.

“Что же делать? — думал я. — Как объяснять? Ведь это же безумие... Три года не есть ничего подобного, три года обретать здоровье и силу, очищать нервы, мышцы, научиться мгновенно сокращать и расслаблять их...”

От убийства отвыкаешь быстро. Какая разница, убиваешь ли ты, либо поощряешь его, поедая убитого?

Как же вовремя я остановился и не убил свою бедную маму этими объяснениями. Передо мной выпала удивительная дилемма: съесть уже убитого кем-то либо самому убить свою мать.

Я вспомнил общину. Что же будет, если я начну сейчас все объяснять? Даже самым

ясным, самым убедительным языком женщине, которая считала, что потеряла сына; женщине, которая живет пониманием, что основная радость и здоровье — это еда; женщине, которая не убивает своего сына, — откуда ей это знать? — а кормит, отдавая самое лучшее. И нет больше для нее счастья, счастья матери, чем смотреть на чавкающее, сопящее за столом чадо.

Я содрогнулся. А ведь мог бы этого не понять. Мог сделать непоправимую глупость в первый же день. И я зачавкал, радостно и возбужденно, будучи глубоко уверенным, что все младшие братья меня за это простят.

Моя мама, глотая слезы радости, была абсолютно уверена, что доставляет мне величайшее удовольствие. Как же мы любили тогда друг друга! Она знала, что совершает доброе и правильное. И я знал, что совершаю подвиг. Это был редкий момент, когда мы вдвоем одновременно были счастливы. Может быть, даже единственный раз в жизни.

Но любое состояние не может длиться долго. И я поплелся в ванную, отяжелевший, отупевший, с трудом представляя, что буду рассказывать потом.

О прогрессе! У тебя есть свои плюсы. Я плескался в собственной грязи, пуская пузыри, делая воду то горячее, то холоднее, страшно удивляясь этим способностям носатого крана. А еще больше удивлялся тому, как всего лишь за три года все это отошло от меня, многого не понимая в свой первый домашний день.

Когда я вышел из ванной, то к искреннему удивлению услышал радостное мамино объявление: “А сейчас — чай!”

“Действительно, так всегда и было, — подумал я. — А что будет теперь? Бедный ты, Сережа!” — думал я, пьянея от липкого сладкого чая, еле ворочая языком от набившейся в рот плюшки. Было такое впечатление, словно я проглотил грудку камней, которые, оборвав все внутренности, дошли до колен. Ноги стали тяжелые, ватные. Мозг сжалился надо мной, услышал: “Иди, родной, поспи...” Едва дотащившись к кровати, провалился в пустоту.

Пробуждение было неопишное! Перед *этим* снилась какая-то чушь, и все время одно и то же: кто-то маленький и противный, пока я медленно поднимал руку (это был поединок), ухитрялся несколько раз ударить меня в нос. Но самый сильный удар был в живот. И так повторялось бесконечно...

Открыв глаза, я увидел здоровенную хрустальную люстру и понял, что она обязательно сейчас на меня упадет. Потом вздрогнул, закрыл глаза и заплакал. Так горько и страшно плакал последний раз, наверное, в детстве. Я даже не пытался сдерживаться. На второй день, еще никого не увидев, даже не начав жить снова в том мире, в котором не был всего лишь три года, я плакал, мне было больно: болел позвоночник, желудок, болело все... И тогда я наконец-то понял, в какой странный и безумный мир попал.

Увидел наперед, ощутил, что со мной будет дальше. Совсем не понимал, что делать и как жить. Знал только одно: этот мир не такой, как я. За короткий срок он стал чужим. Мне не хотелось жить по глупому блуждающему беззаконию, где женщины стали мужчинами, а мужчины не знают этого. Где едят больше, чем им нужно. Где боль называется насыщением. Где любовью можно убить. Где убивают и искренне радуются этому, думая, что делают добро.

В общем, мне было больно и страшно. И это пробуждение я запомнил навсегда.

Когда проснулся, мать уже хлопотала на кухне. Я встал, скрипнув кроватью. Мать спокойно зашла в комнату, без стука, без вопроса. Я содрогнулся. Мелькнула мысль: “Вот и началось...”

— Ну что, милый, пора завтракать. И ты все расскажешь, — улыбаясь, объявила громким голосом она.

Стол был таким же, как и до сна. Я сел за него, налил чай, в котором было столько сахара, что он мог сойти за клей для бумаги.

— Не могу, ма, — сказал я, отодвинув чашку. — По-моему, вчера отравился... — Это была моя первая глупость.

— Не может быть! — возмутилась мать. — Что ты говоришь! Все было свежее.

— Да нет, ма, — поправился я. — Просто эти три года я ел немножко меньше и не так жирно.

— Бедненький, — запричитала мать, — если бы ты знал, а какая я больная...

И тут мать взгромодилась на своего любимого конька. Я затронул самую излюбленную ее тему. Конечно, ее нельзя было назвать здоровой женщиной. Она была действительно больная. Но как же мама могла об этом рассказывать! Она наслаждалась, перебирая каждую колику, каждый прострел в позвоночнике, каждую боль, которую называла то режущей, то тянущей, то давящей.

“Интересно, — подумал я, — как мать удивится в свое время, узнав, что легко быть здоровой и молодой!”

Я тогда еще не понимал, что столкнулся еще с одной, не менее сильной, не менее глубокой школой. Намного позже разобрался: если забрать у нее все болезни и изощренную, наперченную, подслащенную еду, она просто сойдет с ума. Что останется у нее и еще у тысяч таких же? Что у них останется? Взрослые дети? Глупые мужья? Смешно, но это не сочетается с хорошим здоровьем. Бедные женщины, простите нас, что мы, “ведущие”, сделали для вас и из вас. Мы, мужчины, ради которых и для которых вы появляетесь на свет. Что дали мы вам, кроме болезней, убогих детей, которым наплевать сначала на нас, а потом — и на вас? Так что же мы дали вам, кроме абортот и ненависти к нам? Почему вы нас должны любить, не изменять нам? И как страшен ваш девиз: “А жить то с кем-то надо!” А эти слова: “С этим плохо, а с другим, может быть, еще хуже будет!” Где взять такую силу голоса, чтобы прокричать на весь мир: “Простите, женщины, мы — убогие!”

Я сейчас открою один секрет, поскольку прошло много времени с того момента, тяжелого пробуждения под хрустальной люстрой... У меня нет друзей среди мужчин. Может быть, я не прав, но ведь я не Учитель. Я просто знаю, почему дружу с женщинами. Мне сейчас нужно изложить один из законов Космоса, передать слова дедушки Няма: “В этом мире все стало подвергаться изменению, гнблomu и неизбежному, потому что имя его — деградация. Так вот, женщина деградирует меньше всего: природа. Космос дали ей самую большую силу. Женщина зачинает, вынашивает и рождает. И любое изменение в ней было бы трагедией”.

Есть удивительная сила в слове “женщина”. Эта сила показала себя в вере в дом, семью, мужа (если только в него можно верить), в детей. Женщина творила чудеса, отдавая себя тому, в кого верила и от кого хотела иметь детей. Не надейтесь, герои мужчины, что вы имеете хоть малейшее право, оттопырив губу, осуждать женщин. Я дам вам хороший совет: когда увидите то, что вам неприятно в ней, то, что вызывает у вас негодование или даже отвращение, — подойдите к зеркалу и внимательно посмотрите на себя. И поэтому я кланяюсь перед тобой, женщина. И целую тебе ноги. Я преклоняюсь перед тобой, женское начало, за то, что ты не сошло еще с ума, увидев то, что породило.

Тут мое сознание вернуло меня к действительности Я с радостью заметил, что могу не слышать того, чего не хочу, но не теряю ход событий и смысл.

— Рассказывай, рассказывай, — несколько раз попросила мать.

Не хочется описывать ту чушь, которую я рассказывал. Мои ответы на вопросы матери. Наверное, я действительно сердцем был еще в общине. Не знаю даже, почему тогда так удачно оберегал мать. Мать слушала, ахала, охала. Но была еще самая неприятная проблема: почему я совсем не привез денег. И вот тут я наплел.

Ах, бедная мама, если бы ты знала, какое богатство я привез. Богатство, которое могло порождать взрывы и трагедии, делать людей счастливыми и несчастными. Братство, которое могло возвысить меня и убить. Да, богатство, которое почти убило меня, по моей же глупости. Оставив кусочек живой ткани для возрождения. И, может быть, для возвышения.

Только давайте сразу разберемся, что же такое возвышение. Давайте вспомним общину... Возвышение — это хотя бы чем-то, но помочь ближнему. Это огромная высота. И я даже сейчас, когда пишу, не совсем уверен, что помог кому-то, потому что помощь — это изменение чьего-то жизненного пути. Страшное слово. Не избавить кого-нибудь от болезней,

не заживить чью-то рану, а изменить жизненный путь, хотя бы чуть-чуть. И здесь ошибка должна быть исключена.

Я был слишком возбужден разговором с матерью и своими мыслями, особенно внутренним состоянием. Я обратил внимание, что умею говорить одновременно с кем-то и с общиной. Это радовало.

А деньги, конечно же, украли

—Ну, еще бы! —возмутилась мать. —Ты всегда был бестолковым!

И сразу же нажелала столько на голову укравшего, что мне стало страшно, и я пожалел о лжи.

У меня появилось сильное желание в самые страшные моменты говорить о себе “он”.

И вот он был отпущен из дому, в субботу. В первый раз за столько времени — выбритый, чисто одетый. Благо было лето. Мать сразу же позаботилась об одежде.

Он вышел, прошелся к остановке. Прекрасное состояние: впервые в жизни он никуда не спешил. Огляделся вокруг и радостно заметил, что свободно читает людей, видит их насквозь, легко понимает, они ему кажутся прозрачными. Ему даже казалось, что он понимает чужие мысли.

Это была еще одна ошибка.

Он забыл одно: человеческое существо —это личность, сформировавшая и закрепившая своим человеческим цементом собственные желания, которые со временем сама не может разрушить, даже если очень хочет. Их может разрушить только мудрый вместе с тем, кто готов это сделать. Желания, которые человек по своему неведению считает истиной. Впрочем, это и можно назвать истиной, но истиной личной.

И шел мастер второй степени, создавая весьма вредную иллюзию, которая переходила в такую же только что созревшую собственную истину.

Мудрая община, я кланяюсь тебе!

Жестокый дедушка Ням, кланяюсь за то, что ты даже не пытался объяснить это. Такого не смог бы сделать даже ты и твой Учитель. Я должен был сам решить эту задачу. Задачу жизни, в которой решение правильное — это сама жизнь, неправильное — смерть. И, слава Богу, среднего здесь не дано. Путь и Школа, все рассуждения —это иллюзия. Существуют только “да” или “нет”, которые стоят на фундаменте “почему”. А ответ на это “почему” —это уже Истина.

Впрочем, тогда вырвавшийся на привычную волю ученик не думал ни о чем, не рассуждал слишком много. Он упивался своей ложной властью и пониманием мира.

Община промолчала о том, что вторая ступень — это ступень смерти от собственной руки. Да разве он бы поверил?

Наверное, тяжело посылать своего воспитанника на смерть. А воспитанник шел, улыбаясь, оглядываясь вокруг, уверенный в своей силе, все больше и больше погружаясь в иллюзию. Все больше становясь слабым и ничтожным.

Вдохнув полной грудью, я подумал: “Куда направиться?” Был субботний день, но я знал место, где местные каратисты усердно набивали руки. Чем и занимался вместе с ними до общины. Стремительно погружающийся в иллюзию, направился в спортзал. Первое, на что я обратил внимание в троллейбусе (это поразило), — любая женщина, которая случайно бросала на меня взгляд, долгое время не могла его отвести. А мужчины инстинктивно подбирали животы, расправляя плечи. Но молодой и наглый мастер быстро ответил себе, почему это происходит. И не вспомнилась фраза, которую сказал Ням: “Как ты можешь вылечить, так можешь и убить. И еще ты можешь стать мужем всех женщин на свете. Бойся этого, ученик”. Но это было сказано всего лишь один раз и вскользь.

И ученик дедушки Няма спокойно отметил про себя, что, конечно же, за счет питания, упражнений, дыханий его ничтожное количество *Ян* увеличилось. Ах, милые женщины, как чувствуете вы своей страшной женской силой, что отсюда могут произойти здоровые дети! Вы готовы пойти на все, чтобы получить здоровых детей. Путаете свои

сильные материнские инстинкты с любовью... А может быть, это и есть любовь? Может, не так уж и плох был этот ученик? Ведь он действительно мог дать нечто большее, хотя и далеко не все то, что вам нужно. Ведь самка гонит самца, когда он заболевает физически. Женщина отталкивает мужчину, когда тот заболевает разумом, теряя путь, в который она верила.

Но тут я услышал в полупустом троллейбусе удивительный разговор, который вернул на какое-то время в мир действительности.

Сидела женщина лет сорока, ее сын лет пятнадцати, рядом мужчина, лысый и толстый. Женщина и мужчина оживленно разговаривали, а ребенок напряженно, втянув голову в плечи, слушал.

Разговор был обычный. Где-то кого-то зарезали, с кого-то живьем содрали кожу, кого-то расчленили, изнасиловали... Ехали долго и разговаривали только об этом. Я, затаив дыхание, слушал их. Женщина рассказывала, с упоением смакуя детали, фальшиво ахая, хлопая себя по жирным бокам. Мужчина тряс головой, соглашаясь с ней, округляя глаза то в полном ужасе, то в удивлении. Я понял: им просто не о чем больше разговаривать. Стало неприятно. Почувствовалось непонятное раздвоение внутри: во мне было два человека. Один — сильный, торжествующий, довольный собой. Другой — жалкий и слабый. Я не знал тогда, что эти двое когда-нибудь должны срастись и получится один. Не радостный, — это слишком высоко, — хотя бы знающий и любящий, что, впрочем, тоже немало. Но эта мысль скользнула и исчезла.

Я услышал голос, возбужденно восклицающий: “Вы представляете! Пополам! Пополам так и перерезало!”

Мужчина сделал круглые глаза и, ахая, качал головой. Вдруг женщина вся как-то сжалась, потом распрямилась, схватила сына за плечи и затрясла его. Тот даже закрыл глаза. Женщина неподдельно искренне, на высокой ноте закричала:

— Вот так, гад! Вот так, паразит! Родила тебя, выкормила, воспитала... И никуда ты не денешься, гад проклятый, до самой старости... Не до моей, — продолжала она, — а до своей, паразит ты этакий. — Потом, повернувшись к мужчине, продолжила прежним голосом: — Вы представляете?... А вот еще...

Я сразу провалился в себя. Вот он — истинный ужас наших женщин. У нее нет ничего, кроме этого маленького, убогого, перегнанного ребенка. Она будет цепкими руками, всей своей женской силой удерживать его рядом, пока не умрет сама или не будет убита им же. У нее нет ничего и уже никогда не будет. Она не даст этому юноше создать семью, а если он каким-то чудом и создаст ее, будет разрывать все на куски. Не все такие, но, увы, большинство. И я, все же умея немножечко заглядывать вперед, посмотрел.

Водитель объявил нужную остановку. Я подошел к Горному институту, возле которого сновали тудасюда молодые люди. Они четко разделялись на два лагеря: одни были застенчивы, испуганы и очень неуверенны в себе. То были абитуриенты, люди, мечтающие гордо называться студентами. И другие, те, кто уже гордо назывались студентами. Они ходили между абитуриентами, свысока поглядывая на них. Стало ясно: было очень приятно одним ходить между другими. Давно я не ощущал такой разницы между людьми. И когда зашел в эту толпу, то почувствовал волну замешательства: ни те, ни другие (а для них это было очень важно) не могли отнести меня к какому-либо сословию. Поэтому и те, и другие на всякий случай со мной здоровались, очевидно, принимая за молодого и наглого преподавателя.

Небрежно отвечая на приветствия, самоуверенный ученик знакомой дорогой направился в спортзал. Он был, как всегда, закрыт, но, зная эти маленькие секреты, ученик постучал. Три раза, четко и громко. Дверь отворилась, и я увидел своего старого приятеля, с которым когда-то дружили, ну просто до чертиков.

— Здравствуй, Серый. — Я слегка ткнул его в плотный живот.

— Че надо? — оторопело буркнул он и отодвинулся в сторону. Я опешил, потому что испугать или удивить моего старого друга было очень тяжело. Ученик с

удовлетворением увидел, что его боятся. Он зашел в спортзал. Спортзал был небольшой, для борьбы.

— Боже мой! — воскликнул ученик. — Какие все знакомые лица! Было еще четверо хорошо знакомых ребят.

— Чего закрываемся?

Все скромно молчали. Тогда каратэ начало уже тихонечко подвергаться нападкам.

— Да, ребята, да вы че? Тоже не узнаете меня? Один из них, он был когда-то самым могучим из нас, огромный, стодвадцатикилограммовый Вадик, поскреб затылок.

— По-моему, Серега, — буркнул он, внимательно глядясь в меня.

— Точно, Серега, — подтвердил тощий и длинный, которого раньше называли Фонарь. Все опять замолчали.

Зашедший ученик с удовольствием растянул минуту молчания, потом торжественно сказал:

— Ну что. Толстый, по-прежнему всех лупишь? А действительно, как ты при такой толщине так высоко поднимаешь ноги?

Все радостно засмеялись. Напряжение мгновенно улетучилось.

— Серега, приехал! Появился, красавец! Что случилось? Где был? Меня трясли за плечи, хлопали по ним, дергали за уши. Это были старые, добрые друзья детства. Я их любил и верил им. Потом рассказал все. Как мог. Приукрасил, конечно. Рассказывал долго. Они слушали молча и напряженно. Видел, что не верили, качали головами, усмехались. Да и как можно было во все это поверить?

— Послушай, Серега, — наконец перебил меня Толстый. — Ты что? С ума сошел? Ты же прекрасно знаешь: это все чепуха, сказки для сумасшедших. Подобное рассказывают в каждой секции.

— Конечно, — хихикнул Фонарь, — а потом Толстый лупит всех этих учителей. Что это ты в учителя подался? Сейчас уже на это дело — гонения.

— Поздновато, — буркнул Толстый.

Мне стало обидно. Ведь рассказывал я искренне, да и, наверное, не мог дедушка Ням выпустить в мир совсем уж плохого ученика.

— Ребята, милые, да вы что? Не верите мне?

— Никакие мы тебе не “милые”, — пропищал Фонарь. А Толстый тут же отпустил свою коронную лычку, от которой всегда сутки гудела голова.

Мне стало жутко обидно. Потому что я не просто рассказывал о себе. Я затронул начальные законы Космоса, смысл Школы. Куда же это все провалилось? А, впрочем, почему они должны верить? Ведь подобной чушью в свое время были заполнены все журналы”. И тут стало ясно — до состояния высшего недеяния мне еще слишком далеко.

— Толстый, а хочешь получить? — улыбаясь, спросил я. Это был уже предел. Все радостно заржали.

— Ну, ты совсем с ума сошел, — сказал Толстый. — Опомнись, сынок, — произнес он свою любимую поговорку. — И посмотри, сколько у меня тела.

— Ну, давай-давай, — подзадоривал я.

Тут произошла смешная история. Мы стали друг напротив друга. Уже было видно, что он будет делать. Толстый глубоко вдохнул и не спеша, но со страшной силой хотел лягнуть меня в живот своей столбообразной ногой. Я развернулся спиной и быстро побежал к противоположной стене. Все дружно захохотали.

— Ну и как? — поинтересовался Толстый. — Ты думал: я буду прыгать вокруг тебя? Нет уж, милый, бой так бой!

Дело в том, что я совершенно отвык от такого откровения в бою. Вообще-то, с самого начала не принято обволакивать сильные и жесткие удары или уходить от них. Их нужно срезать, переходя в залипание, а потом снова срезать.

— Ты подумал? — спросил я у Толстого.

— Слушай, парень. — Я почувствовал, что еще чуть-чуть — и Толстый будет

драться серьезно.

— Прощу, прости меня, — опередил я его. — Только ответь: ты так и будешь работать?

— А ты как думал? — хмыкнул он в ответ.

— Давай второй раз, — предложил я. — Ну-ну...

Мы снова поклонились и стали напротив друг друга. И Толстый со страшной силой саданул меня снизу вверх. Я убрал корпус, всего лишь на несколько сантиметров, и удар, естественно, прошел мимо. При этом на пути могучей ноги Толстого я поставил два своих кулака, которые угодили точно в его надкостницу на несколько сантиметров выше подъема. Удар был сокрушительный.

“Интересно, что будет завтра с его ногой? — подумал я. — Как раз появится возможность проявить себя в медицине”.

Толстый хмыкнул, поставил ногу и, вытаращив глаза, с удивлением посмотрел на меня.

— Еще! — хрипло выдохнул он.

Я пожал плечами и кивнул головой. Толстый изо всех сил саданул меня другой ногой, которая тут же снова наткнулась на два кулака. Это был один из самых мужественных и сильных наших парней, но такого я не ожидал. Хотя знал, что, благодаря своему весу и огромности. Толстый никогда не проигрывал.

— Еще, — уже не сказал, а простонал Толстый.

Я был поражен, но знал — ноги в ход он уже не пустит и, сжавившись над ним, подошел в упор. Толстый изо всех сил попытался садануть меня кулаком в грудь. Я решил позабавиться, пропустил удар, убрав диафрагму вовнутрь, всего лишь на два сантиметра, но удар потерял свою силу. Толстый был потрясен. А я, улыбнувшись, несильно ткнул пальцем в его мощный бицепс. Мой соперник оцепенел и вдруг с тихим стоном повалился на пол.

— Вадик, — кинулся я к нему, хватая его за бицепс. “Куда же я попал?” — думал я.

— Вадим, Вадик, что с рукой?

— Ноги, — еле выдавил он, — Ноги. — И заплакал.

— Что же ты молчал? — тоже чуть не плача спросил я.

— Привык я, до последнего, — мужественно признался Толстый.

— Дурак ты! — махнул я рукой. — Прешь всегда... Прибьют когда-нибудь.

Все так же продолжая лежать, Толстый вдруг спросил:

— Серега, неужели то, что ты говорил, все — правда? Неужели тебе, чертяке, так повезло? Странно, почему тебе? Послушай, — он вдруг сел, — так значит, есть Школы, есть Учителя, есть боевое искусство. Это не чушь киношников? Значит, и Брюс Ли такой в жизни?

Я пожал плечами.

— Я не верю в это чудо! — заорал Толстый. — Я не верю в это счастье! — вопил он, тыкаясь головой в борцовский ковер. — Пацаны! Фонарь! Бейте его, гада! Бейте! Я хочу это видеть со стороны. — Толстый, уже не стеснясь, размазывал слезы и сопلي кулаками.

Оживления в коллективе не последовало.

— “Бейте”, — хмыкнул Фонарь. — Один уже бил. И шо теперь?

— Бейте! — кричал Толстый. — Иначе будет, как в том анекдоте: он уедет, а я вам...

Это возымело действие. Почесав под мышкой, вышел Игорек, крепкий, атлетического сложения парнишка. Вид у него был, как у гладиатора, идущего на смерть.

— Да что вы, ребята! — радостно воскликнул я. — Можно и не бить, можно мягко.

— Угу! — промычал Игорек. — Видели.

— Мягко? — переспросил Толстый. — А меня за что?

— Да нет, просто по правилам Школы — сразу мягко нельзя.

— Ну, а теперь можно? — поинтересовался Игорь.

— Конечно, — кивнул я.

Мы стали друг напротив друга, поклонились. Надо отдать должное ребятам: они

действительно были мужественными. Игорь ринулся на меня. Я снова чуть отошел в сторону и по ходу ускорил его, подтолкнув одной ладонью под зад, другой — в затылок. И чуть-чуть не рассчитал. Игорь пробежал через весь зал, треснувшись лбом в противоположную стену.

— Это у него “мягко”! — радостно заорал Толстый. Игорь сел на пол, сосредоточенно ощупывая голову.

— И это все, между прочим, сойдет на глаза и на нос. А послезавтра у меня экзамен. Спасибо, родной, за мягкость.

Толстый бесновался на полу, забыв о своей беде. Он демонстрировал, какой будет нос у Игоря на экзамене, раздувая свой и добавляя к нему кулак.

— Как флюгер! — радостно ржал он, хлопая себя по животу. — Что скажет на это Лариска!

— Ладно, Лариску не трожь, — свирепо блеснул на него глазами Игорь.

— Да, это — любовь, — буркнул Толстый.

— Ну, что будем делать, ребята? — спросил я. — Не будет у вас ни больных ног, ни разбитого носа. Все будет хорошо. Ибо тот, кто умеет разрушать, тот и созидает.

— Да ладно, — произнес один из пацанов. — У меня вон сосед за стенкой все время разрушает что-нибудь у жены. И, кроме двух пацанов, еще ничего не создал.

— Заткнись, придурок, — грозно сказал Толстый, — и слушай мастера. Он дело говорит. Рассказывай, Сережа.

И я вновь пустился в свой долгий рассказ, уже ничего не приукрашивая. Но было неприятно: пока еще ничего не родилось, просто сила победила силу. Я сразу вывалил все, что мог, и замолчал. Ребята молчали тоже. Первым опять не выдержал Толстый.

— Сережа, ну, неужели все это — правда? — снова взмолился он. — И лечить ты умеешь? Интересно! Ты хочешь сказать, что завтра у этого, — он кивнул в сторону Игоря, — на месте носа не будет флюгера? Интересно! Не верится! И я не буду неделю мучиться с ногами? И вместе с тем, — продолжал Толстый, — от факта никуда не денешься... Мы все дрыгали ногами года два. Ты уехал — мы еще три года дрыгали ногами, как и остальные в этом городе. А ты приехал стройным и красивым. И lupишь нас, как не знаю кого. И философия какая-то удивительная. Да и законы... Хочется спорить, но что-то останавливает. Послушай, Сережа, а мы тоже так сможем?

— Ребята! — торжественно произнес я. — Поймите самое главное:

мы много махали ногами и руками, но это не идет дальше соревнований среднего уровня. Движения нужно понять. Нельзя наработать удары и всякие серии, потому что в бою наработанное не получится никогда. Поэтому и получается бой двух разъяренных быков. Поверьте, на это противно смотреть. Да вы знаете и сами. Нужно понять непрерывное, безостановочное движение. Ведь в Космосе движется все, не останавливаясь ни на мгновение.

— Да, — почесал затылок Игорь. — Что-то не очень понятно.

— Ничего, пойдем, — уверенно сказал Толстый. — Он понял — и мы пойдем!

— Ну, что? — сказал я — Поехали лечиться?

Все дружно согласились. После недолгих сборов троллейбус не спеша повез всех ко мне домой. Мама стерпела это нашествие. Тем более что старую квартиру, как она мне сказала, я уже потерял.

Что можно сказать о лечении? С ногами оказалось менее сложно, чем с головой. Я снял опухоль травами, которые прихватил с собой, но это была голова. И боюсь, что многое загнал вовнутрь. Игорю потом трудно было сдавать экзамены, и он жалел, что не было синяков и отеков было плохо, а пожаловаться не на что. Все это заставило меня сильно задуматься.

ГЛАВА 3

Удивительная, прекрасная страна Корея Страна ясных рассветов, страна прохлады, мерцающих снегов, прозрачных водопадов. Синие скалы окутаны зеленой свежестью. И, как

все удивительное и прекрасное, она очень маленькая и беззащитная. В ней живут маленькие, добрые и тоже беззащитные люди. Осматривал Великий Создатель все то, что сотворил, и вдруг увидел огромные скалы — черные и безжизненные. Он старался, когда создавал Землю, — все делил пополам. И на Земле все, от мала до велика, было разделено на женское и мужское. Немало удивился Создатель, как не усмотрел он эти безжизненные скалы. Как не увидел мертвую тишину, которую нарушали только ветры. И ни былинки. Мешали демоны. А он, Великий, так старался сделать все удивительным и красивым. Хотя уже тогда понял, что демоны всегда будут мешать. Чему только они уже не научили людей, таких юных и доверчивых. Сколько черных пятен они набросали на его Земле, которую он создавал золотой и радостной. И выкатилась слеза любви из правого ока Создателя, ока нежного, любящего, созидającego. И появилась сказочная страна Корея с улыбающимися маленькими счастливыми людьми.

Долго ли так жили в сказочной стране. Ибо напустили демоны страшных и огромных кочевников на сказочную страну Корею. И понравились им голубые водопады, мерцающие снега и маленькие женщины сказочной страны.

Не могли мужчины уберечь своих жен. Мало их было, и не слишком они были сильны. А их улыбающиеся жены уже улыбались воинам, отняв этим у своих мужей последние силы.

Уж слишком прекрасной была эта страна. С богатыми горными пастбищами и улыбающимися людьми. Много любви вложил Создатель, когда он сотворил все это.

Застыла покоренная страна, застыли водопады в изумлении. Все сжалось и покорилося силе.

И только был в одной семье, поработанной варварами, сын улыбающейся матери. Станный сын, непокоренный. Когда исполнилось ему

семнадцать лет, назвала его мать счастливым именем легендарного дракона Ссаккиссо.

Не играл он на свирели, не кланялся воинам, а все скитался в горах. Верил он, что кто-то более сильный должен помочь его народу. Часто высоко в горах он обращался к небу. Иногда гневно, иногда с мольбами. Даже во сне обращался он к застывшей синеве, которая казалась ему сильнее юр. И обрел он силу, проводя годы в молитвах. Так что слышали его небеса. Но первыми слышали его демоны, летавшие над горами.

— Чего ты хочешь? — спросили они у него.

— Силы! — воскликнул он.

— Но ты и так сильный, — удивились демоны, — неужели хочешь быть еще сильнее?

— Силы, — повторил Ссаккиссо, — чтобы разрушать... Испугались демоны, поджали хвосты, упали перед Создателем. Сказали:

— Помоги, Создатель. Сказали:

— Сидит в горах сильный воин. Сказали:

— Боимся мы его.

Усмехнулся Создатель — впервые демоны силу его признали — и грозно окликнул он.

— Как имя твое? И чего хочешь ты?

— Счастья хочу я народу своему. Радости. И имя мое, как у Великого Дракона — Ссаккиссо.

И увидел вдруг Создатель, что демоны опять обмануть его захотели. И выпала у него из левого глаза слеза холодная, яростная, как сталь небесного меча, как холод высокого водопада. И упала слеза на лицо Ссаккиссо, и прозрел он навсегда.

Спустился с гор, собрал Ссаккиссо мужчин, сказав, что видел Создателя и знает, как спасти их жен и детей.

Засмеялись мужчины, не поверили. И в гневе расколол Великий Дракон каменную глыбу. И поверили навсегда ему мужчины.

А прозрел Дракон высшим видением:

— Слишком добрые мы были, с любовью жили, жен своих любили, братьев меньших радостно поедали, и защищать себя не научились.

И собрал он самых сильных мужчин, и очистили они свою кровь от страха. И наполнили они свою кровь силою земли, силой сверкающих водопадов, холодом горных ураганов и огнем слепящего Солнца. Пили они воду, дышали они Солнцем, и стали они воинами — холодными, как снег, сжигающими, как Солнце. И стали они свободны силою своею, жестокостью своею. И замаливают до сих пор грехи любви, черной, демонической. И жены их полюбили за это. И смеялись они, когда радовались. И молчали, когда плакать нужно было...

Дошла эта сила и память о верховном Драконе по имени Ссаккиссо до наших времен. Далеко дошла. Трудно она всегда давалась. Настоящая она, эта сила, издалека и из большого отчаяния и горя вышла.

Все ненастоящее умирает. А тут, гляди, через тысячелетия прошла. Да вот подзабылась всеми. А ведь секреты Создатель раскрыл удивительные и настоящие. Только опять демоны затуманили...

Может быть, кто-нибудь туман тот да разгонит?..

В воскресенье вечером моя милая мама подошла ко мне и напомнила, что кто не работает — тот не ест. И чтобы я подумал об учебе:

может, поступать куда-нибудь на вечерний придется. А то, что люди подумают...

— Я всю жизнь работала, спину гнула, так что давай, милый, в понедельник утречком восстанови паспорт и устраивайся куда-нибудь на работу получше.

Легко сказать — получше! Двадцать лет — а ничегошеньки не умею делать. Да и не хотелось тогда этого.

Ситуация, честно говоря, была ужасная: каратэ, рукопашный бой милиция как-то аккуратно и незаметно прибрала в свои руки, со страшной силой осуждая раболепие, которое сквозило в этикете. “Советский человек не может кланяться! — аргументировала милиция. — Да и вообще ему свойственно ходить с гордо поднятой головой!”

Вздохнув и опустив голову, я пошел у нее — милиции — вымаливать себе второй паспорт, так как первый был уже утерян навсегда, раздумывая по дороге: “Какой же дурак, для того, чтобы стать хулиганом или дать кому-то в морду, будет тратить годы, чтобы сделать это в стиле тигра либо дракона или змеи? Не проще ли взять обычный молоток? И эффективней, и быстрее. А то пока научишься примерно с такой силой бить, так и охота к хулиганству отпадет”.

Тернистый путь привел меня к начальнику паспортного стола. Просунув голову в дверную щель, я увидел гигантских размеров майора, который почему-то при виде меня громогласно захохотал. Сквозь хохот я услышал сдавленное “Обождите!”, закрыл дверь и, понуро усевшись на обшарпанный стул, задумался. Вокруг меня была толпа людей в милицмейской форме, которые сновали туда-сюда, из кабинета в кабинет, откуда периодически громогласно раздавался хохот странного майора.

Из приглушенных разговоров милиционеров я узнал, что начальником паспортного стола майор стал совсем недавно. А перевели его туда по инвалидности из какого-то очень серьезного отдела.

Я начал понимать причину смеха. Видно, преступники здорово поработали в свое время.

Тут из двери выскочил как ошпаренный молодой милиционерик.

— Заходи! — писклявым, но грозным голосом сказал он и побежал куда-то дальше.

Я зашел в кабинет. Майор увидел меня и снова захохотал.

— Ну что? — грозно сказал он. — Все рассказывай, — потом, опомнившись и как-то странно хихикнув, вдруг печально спросил: — Ну, чего тебе?

— Да вот, паспорт потерял...

Боже! Что здесь началось! Как будто я — не живой человек или как будто я этот

паспорт закопал где-то специально. Когда майор узнал, что уже прошло три года, он даже радостно потер ладони.

— Ну, рассказывай, — приказал он.

И я рассказал. Он долго слушал, потом вдруг понял, что я — бесполезный вариант, махнул рукой и, накатав на бумажке какую-то записку, заклеив и расписавшись, подал ее мне:

— Второй этаж, тридцать восьмая комната.

Я кивнул головой и вышел.

Постучав в комнату, я отдал записку. Какая-то женщина распечатала ее, взглянув — усмехнулась. И тут началось самое страшное. Мне не нужно было принести справку только от дедушки Няма. Очевидно, потому что майор в его существование не поверил. Нужна была даже справка, что я действительно являюсь сыном своей матери, и ее почему-то должен был выдать начальник ЖЭКа. Он же должен был выдать справку, что моя мать согласна прописать меня у себя.

Начальник ЖЭКа удивился, но послал меня за матерью. Мать клятвенно уверила его, что я ее сын, и расписалась под тем, что согласна меня прописать у себя. Но начальник ЖЭКа сказал, что прописать он может только в том случае, если я устроюсь на работу. Я целую неделю бродил по городу и нашел идиотское, но все же подходившее мне место работы. Но там мне сказали, что без прописки принять меня на работу не могут.

И тут я понял, отчего хохотал майор. Похотав немного в одиночку, я пошел к майору. Там у него мы похотали вдвоем. Нахотавшись вволю, майор сказал, что, если я в ближайшие три месяца не устроюсь на работу, меня посадят за тунеядство. Потом майор уже хохотал один. Мне было не до смеха. Потом я ему сказал: “Ну, вы же начальник паспортного стола...” На что он мне ответил: “Ну и что?” Оказывается, есть безвыходные положения.

В тридцать восьмой комнате я поинтересовался, сколько же мне дадут. Мне сказали, что я могу отделаться штрафом. Тогда я поинтересовался, где же взять деньги. “Деньги? — спросила грозного вида женщина в лейтенантской форме. — Деньги у нас зарабатывают честным путем”. С чем я согласился, сказав ей, что готов хоть сейчас, но не дают. “Неправда, тунеядец!” — Она грохнула кулаком по столу, гневно сверкнув на меня глазами. Я пожал плечами и побрел домой.

Впрочем, справки я уже собрал почти все. Была даже такая, что я не болен сифилисом. И о том, что у меня нет собаки, чтобы я потом не подал прошение на расширение жилплощади.

Я пришел к маме и долго рассказывал ей и Серафимычу о неразрешимых проблемах. Я был готов уже прощаться, но тут великий маг и чародей — а он им оказался! — Серафимыч упорхнул к соседям звонить по телефону.

На следующее утро хохочущий майор выдал мне паспорт с пропиской.

— Держи, комсомолец! — хохоча, сказал он.

После этих слов я понял, что у Серафимыча какая-то тайная связь с комсомольцами. Может быть, даже с комсомольскими вожаками. В общем, я опять лишний раз ощутил свою несостоятельность.

— Так вот, — сказал карлик свирепого вида, дико вращая глазами... Я — маленького роста, страдаю от этого, чуть-чуть. Себя считаю

лилипутом, но уж если кто ниже меня, то это должен быть карлик. Мой же начальник был грозным карликом.

— Ты, — сказал он мне, — прошел у нас уже месячные курсы и технику безопасности. И я... Понимаешь? Я, — свирепо рявкнул он, — доверяю тебе компрессор! Слышишь? Компрессор!

Мой начальник завел меня в средних размеров здание, в котором была одна огромная комната. В центре стояло чудовище. Металлическое, с блестящими трубками, похожее на паука, все промасленное. Это и был компрессор.

— Ну, ровно в восемь. — Мой патрон ткнул пальцем в висающие на стене часы, зловеще хмыкнул и ушел. И я остался наедине с чудовищем, о существовании которого узнал только месяц назад. Ровно в восемь я должен был нажать черную кнопку, и оно должно было ожить.

Чудовище своей огромной глоткой всасывало воздух со двора, каким-то чудом сдавливало его внутри своего брюха и тонкой струей посылало в трубу, которая то под землей, то сверху пробегала из цеха в цех. От нее шли крепкие шланги, и там уже люди для разных целей выпускали тугую струю воздуха.

Я с ужасом ждал восьми, еще не осознавая, что страшнее — мой начальник или это чудовище. Очевидно, он не такой и плохой, мой начальник, просто из-за того, что очень маленький, хочет казаться хотя бы страшным.

Ровно в восемь я нажал кнопку. Чудовище ухнуло, ахнуло и... заработало. Я должен был следить за уровнем масла, достаточностью охлаждения, отключаться на обед и включаться вместе с ним.

Машина набирала мощь. И вдруг с одной стороны потекло масло, с другой — забила струйка воды. Стрелки давления так страшно забегали, струя воды из блестящей трубы ударила сильнее. Я быстро выключил чудовище. Как я боялся его тогда, в первый раз, хоть и был разрядник-компрессорщик.

“Ну вот! Первый день — и авария”, — мелькнуло у меня в голове. Я стоял, уставившись на своего подопечного, не зная, что делать. Дверь внезапно отворилась, и вбежал мой свирепый начальник.

— Ты что! — истошно вопил он. — Включай! Мы же охлаждаем! Я стоял. Карлик включил компрессор, потом схватил меня за брючный пояс спецодежды и втащил в крошечную каморку, где стоял топчан, старый и истертый, видимо много десятилетий передававшийся по наследству. Я даже представил усатого дореволюционного компрессорщика в форменной фуражке, который чинно возлежал на нем.

— Идиот! — вопил разъяренный начальник. — Мы же на том конце охлаждаем! Они же сгорят! — махнул он куда-то рукой, продолжая бесноваться.

— Кто “они”? — с ужасом спросил я.

— Формочки, — злобно прошипел он.

— Какие формочки? — ужаснулся я.

— Какие-какие! Для печенья, — шипел злобный карлик.

— Для какого? — в ужасе снова спросил я.

— Для того, которое ты жрешь!

— Я не жру, — жалобно произнес насмерть запуганный компрессорщик. И вдруг мне стало ясно: я стою здесь, дрожу, обливаюсь потом, рискую жизнью из-за какого-то печенья, которое и едой-то не назовешь.

— Я читал! — вдруг заорал я. — Я знаю, что бывает, когда взрывается компрессор!

— Формочки сгорят... Понимаешь? — наступал на меня карлик. И вдруг я почувствовал неудержимое желание врезать ему в ухо. А вместо этого я проорал:

— У нас же авария! Мы сейчас все взлетим!

— Куда? — карлик повертел пальцем у виска.

— В стратосферу! — не выдержал я.

И тут вдруг карлик обиделся. Стратосфера была для него слишком непостижима.

— Стрелки барометра упали! — орал я. — Охлаждение водяное прорвало! Масло течет! Вызывайте бригаду! Тут уж карлик совсем изумился.

— Формочки сгорят, понимаешь? — уже тихо спросил он. — Манометр упал — постучи пальчиком — стрелочка зацепилась. Водичка течет — тряпочкой подотри. Масло течет — долей.

И вдруг я в его глазах ясно и четко прочел — у меня это иногда спонтанно получалось — видно, уж он искренне удивился. “Кого еще найдешь за сто двадцать рублей?” — ярко вспыхнула у него мысль. Я опять понял, что стал каким-то странным человеком. Не

тут и не в общине. А неужели есть третье?

Карлик пожал плечами. Подойдя к двери, он обернулся ко мне, приложил палец к виску и покрутил им. Перед тем как выйти, сказал:

— Формочки, понимаешь? — и хлопнул дверью. А ведь меня не было всего лишь три года!

То, что эта металлическая гадина гремит, я понял минут через пятнадцать. У меня не было ни единой частички тела, которая бы не дребезжала. Барабанные перепонки гремели, как резонаторы у лягушки. И перед самым обедом я вдруг поразился: я четко услышал, как компрессор идеально правильно (я все мучился, не мог понять, что это) выстукивает “Калинку”. Когда же до обеда осталось несколько минут и я молился на висящие часы, то понял, что здесь что-то не то, потому что ну никак компрессор не мог знать мотив моей любимой корейской народной песни. И тут понял, что я — ничтожество, что никакие медитации, никакая релаксация, никакие респираторные упражнения не могут побороть жуткий хаотический шум компрессора, в котором я уже начал различать грозные окрики Серафимыча. Я понял, что схожу с ума. И эти наушники, которые мне выдал карлик, грязные и набитые ватой, очевидно тоже доставшиеся по наследству, — детская игрушка.

Я тупо смотрел на часы с диким удивлением, что уже пять минут обеда, а он все гудит. Я дошел до того, что ждал, пока он выключится. Дверь с треском отворилась. На этот раз карлик казался невменяемым. Он нажал красную кнопку, и компрессор умолк.

— Ты что?! — жутко вопил он. — Теперь охлаждаемся мы, а то сгорим! Как формочки!

Больше мой начальник не появлялся. Я благополучно запусти своего монстра после обеда и, постоянно подтирая за ним воду и масло, предавался печальным размышлениям.

Вроде бы ехал спасать всех сразу, а вот уже сколько времени ничего не делаю. Конечно, легко в общине. Они там все знают, чего хотят. Да нет же, и ребята мои вроде бы хотели. Только какое-то непонятное было это хотение. Я не скажу, чтобы они были глупые или слишком воинственные. Ведь они хотели познать истинную школу. Тут до меня дошло, что они познают то, что хотят познать. Но ведь откуда они могут знать, что им нужно хотеть? Или, может быть, я не авторитет? Наверное, скорее всего, это так. Видно, они все еще не могут привыкнуть, что мне нужно верить, что я уже совсем другой. Остался я в их памяти таким же разгильдяем, как и они. Тогда что же мне матери говорить, которая стирала мои пеленки, вытирала нос? Как ей помочь? Будет ли она вообще меня слушать? Кто я для нее?

Я был почти в отчаянии. Ну, приходил я к своим ребятам пару раз домой. Мне там было не с кем и не о чем говорить. Меня не интересовали их проблемы. Я чувствовал, что они тяготеют мной, а их родители меня даже боятся. Когда я пытался своим ребятам рассказывать о законах Школы, о Космосе, травах, лечении — да, в общем, о Школе, о том, с чего начинали со мной, то они пожимали плечами и требовали движений, движений, движений. Я чувствовал, что их родители меня боятся и даже ненавидят, каким то смутным чувством ощущая опасность для своего внутреннего спокойствия и взаимопонимания, которое, как им казалось, установилось с детьми. Это был какой то животный страх, в котором я решил разобраться.

И все же у меня хватало работы. Нужно было по-новому определить этот мир. Определить самому, основываясь на Великих Законах, которые мне подарила община. Нужно было подобрать ключи к сердцам человеческим. Ключ Истины. Но я не знал, с чего начать.

Я расслабился, начал делать дыхание и постарался использовать время и работу для Школы. Поэтому, поставив два ведра на некотором расстоянии друг от друга, держа в одной руке тряпку для масла, в другой — для воды, я плавно скользил по кафельному полу, то становясь на одну ногу, то на другую. Левой рукой я скользил по компрессору, с него на пол, с пола — снова на компрессор, потом выжимал тряпку в ведро для масла. Выжимать тряпку я помогал себе локтем правой руки, в которой держал тряпку для воды. И так скользя между

ведрами, я собирал воду и масло. После очередного сложного пируэта, который развернул меня градусов на сто пятьдесят, я увидел застывшего в изумлении моего начальника. Он молчал. Я глянул на часы и выключил компрессор. Мы молча постояли еще чуть-чуть.

— Завтра придешь? — спросил начальник. Я пожал плечами.

— Конечно...

— Ну-ну, — сказал он и вышел.

Нужно было собираться домой. Я разделся, помылся в маленьком гнилом душе и, снова одевшись в свою повседневную одежду, взял ключ, который мне торжественно доверил начальник — ключ от компрессорной — и который мне суждено было потерять в первый же день вместе с ключом от дома. В общем, это все случилось почти каждый месяц, и, скрипя зубами, начальник и Серафимыч привыкали менять замки. Дома менял Серафимыч, а на работе, после того как я в первый раз поменял замок, их начал менять начальник. И невдомек было моему милому начальнику, что необязательно нужно быть сумасшедшим, чтобы врезать замок в другую сторону. Что для этого всего-навсего нужно быть мастером второй степени, страдающим и не знающим, что делать

в жизни дальше.

Бедный мой начальник! Ему было не по себе. Но справка о моей нормальности полностью его обезоружила. Все же я был нормальным и для этого общества, хотя бы по справке, и это укрепляло мою веру в будущее.

Когда я вышел из компрессорной, то вдруг ощутил, что на мгновение потерял сознание. После чего в уши страшно ударила тишина. И это на территории завода!..

Показав пропуск грозному вахтеру, я направился домой. Было далековато, с тремя пересадками. И ни на кого не глядя, я приехал домой. Ключей, конечно же, не было. Дверь открыла мать.

— Ну? — спросила она, когда я зашел в комнату. Я пожал плечами.

— Формочки чуть не сгорели, — ответил я и тут же уснул. И проснулся только на следующее утро. Мать удивленно смотрела на меня.

— Что ж это ты там делаешь на сто двадцать рублей?

— Охлаждаю, — спросонья сказал я.

— Что охлаждаешь?

И тут я с ужасом заметил, что разговор повторяется.

— Формочки...

— Какие? — спросила мать.

— Для печенья...

— Для какого печенья?

И тут я понял, что это — мистика.

— Которое я жру, — вдруг вырвалось у меня.

— Чего? — не поняла мать.

— Ну, в смысле того, которое мы едим, — исправился я.

— Ну? — переспросила мать.

— Ну что “ну”? — чуть не плакал я — мастер, который мечтал убедить мать в идеях Школы и который не мог рассказать даже о *формочках* для печенья.

— Мы их охлаждаем, — повторился я.

— Чем?

— Воздухом...

— Понятно, — почему-то подозрительно сказала мать. — Ну, а потом?

— Потом охлаждаемся мы.

— Ну, а вас кто охлаждает? — улыбнулась мама.

— Мы охлаждаемся естественным путем, — ответил я по заученному на курсах.

И вдруг в глазах у мамы мелькнуло что-то неуловимо знакомое, как у моего начальника. Я почувствовал, что ухватился за какую-то нить.

— Ну, а ключи? — снова спросила мать. Я жалобно улыбнулся.

— На вот деньги... И вот ключ Серафимыча... Смотри, он сегодня выходной. Сделаешь дубликат. Ну, а на работу ты думаешь?

— Как?! Уже?! — ужаснулся я.

— Через полчаса выходить.

Было полседьмого утра. Я почувствовал, что мать меня жалеет, по-моему, тоже считая, как начальник и Серафимыч, что я немного не в своем уме.

Я пошел на кухню. Сварил себе кашу, как обычно, с ложкой подсолнечного масла, вспоминая, чего мне это стоило, как тяжело было убедить мать, что я буду питаться именно так. Пока варилась каша — пил зеленый чай, который Серафимыч сокращенно называл МБК, что означало в переводе “моча больного корейца”. Разбитый и больной от компрессорных вибраций, непонятый вообще никем, я с ожесточением жевал свою кашу. И вдруг ясно *ощутил*, что мне не нужны эти вибрации, не нужно это мучение, не нужен этот начальник, до которого я еще не дорос морально. Я прекрасно понимал: что самое большее, что я могу проесть в месяц — это двадцать рублей. Понял, что у меня огромное количество шмоток, которые моя талантливая мама уже давно перешила. И понял, что вряд ли я все это смогу сносить до конца жизни, а тем более объяснить это своей маме.

— Ого! — буркнул несчастный ученик и вытер кулаком набежавшую слезу. — Что-то часто я начал рыдать. Так и вовсе превратишься в плачущего мужчину.

Но от этого дурацкого сравнения не стало легче. Это было начало безвыходного положения.

— Василий Иванович, я потерял ключ, — поздоровался я с начальником.

— Как? Уже? — удивленно спросил он и тут же свирепо заорал кому-то. — Давай, давай! Баллоны пора заносить!

И я вдруг понял, что со мной он говорит нежно и вкрадчиво, как с умалишенным.

— Только не кричите, прошу вас, — сказал я. — Где вы найдете на сто двадцать рублей лучшего?

— Это уж точно, — улыбнулся начальник. — На! — Он сунул мне в руку запечатанный новенький замок. — Компрессорная — объект серьезный, будем менять замки.

Я взял замок, запасной ключ, открыл компрессорную, не глядя на чудовище, запустил его. И, не надевая антикварные наушники, начал врезать замок, который во время обеда Василий Иванович благополучно переставил, ничего не сказав при этом.

Отработал я без приключений. Приключения начались после работы.

“Изготавливаем ключи любых образцов, на любые замки советского и импортного производства”, — гласила самоуверенная надпись на обшарпанной будке зеленого цвета. Я постучал, окошко открылось, и из него показалась веселая мордашка южных кровей. Я показал ключ.

— Все сдэлаэм, — сказал сын гор, зажав в кулаке несколько моих рублей. Сделал он действительно все это быстро, минут за тридцать, пока я понуро сидел возле будки.

— Ты гдэ? — послышалось из будки, и горец торжественно вручил мне уже два ключа. В общем, ходил я к нему пять дней подряд. И каждый раз он мне радостно объявлял: “Все сдэлаэм!” А ключ почему-то не подходил.

И однажды на работе я взял очередной ключ, который не подходил, подпил, как чувствовал сам, и дома с удивлением обнаружил, что ключ подходит. Я чуть не обзавелся манией величия. Душа загорелась надеждой. Я даже начал представлять, что сижу в этой будке — спокойно, ничего не вибрирует — и точу ключи.

В общем, Серафимыч взялся за мое воспитание.

— Чтобы не ходить так долго к сыну горных вершин — надо было дать ему всего лишь на рубль больше.

— Так что же он молчал, паразит? — сказал я. Серафимыч с удивлением посмотрел на меня.

— Ты откуда? — спросил он.

— Из общины, — буркнул я. — У нас там ключей не было.

— Да, — вздохнул Серафимыч.

И я увидел, что ни в какую общину он не верит. Я обнаружил в себе удивительную вещь: оказывается, я совершенно забыл, чем и как живут люди. Я медленно сбрасывал, разрушал свои иллюзии. Нужно было жить. А может, и не забыл? Может, никогда и не знал? Я стал вспоминать все по порядку, с того момента, как я себя помню. Серафимыч ушел спать. Мать работала в ночную. Когда я начал вываливать бесчисленные фотографии и альбомы, уже раздавался мощный храп Святодуха. Он чем-то напоминал компрессор. Такой же большой и громкий. Да, у меня кто-то из родственников явно увлекался фотографией. Об этом я даже и не задумывался. На меня смотрели лица отца, матери — юные, потом — молодые. Отец в альбоме оставался молодым. Мать на фотографиях уже старела. Было ясно, что этого человека потеряли. Но как? Я развалился на полу, разложил фотографии и стал вспоминать.

Вот отец, красивый, сильный, молодой. Вот и мать, тоненькая, с больsherотой улыбкой. “Смотри, — подумал я, — красивая...” Отец учился в физкультурном институте, на заочном. Нет, сперва на дневном. А мать, боготворя его, тянула нас обоих. Да, бывают такие случаи, когда даже в этом мире женщина боготворит мужчину. А тот, ничуть не смущаясь, пожирает ее. В общем, наша семья была невероятно интеллигентная. Мой дедушка по папе, с бабушкой... Дедушка был начальником на заводе, а бабушка, по-моему, вообще никогда не работала. Основная ее работа была отмахиваться от липнувших к дедушке женщин и принимать его по вечерам вдребезги пьяного. В общем-то, и эта работа была не из легких. Может быть, даже не менее сложная, чем заведовать компрессором. Очевидно, из-за того, что дедушка слишком увлекался работой и всем остальным, он совершенно не обращал внимания ни на меня, ни на мою маму, ни на своего сына. Это было как-то странно. Он даже не мучил нас по-родственному. Ему просто никто не был нужен.

Мы жили в поселке, в другом конце города, в маленьком протекающем сарайчике, напротив шикарного монолитного дома дедушки с бабушкой. И когда бы я ни заходил к ним, дедушка царственно восседал на троне с бутылкой водки, кстати, совершенно не будучи никогда пьяным. А бабушка в своем единственном лице изображала любящую толпу придворных. Когда же дедушки не было, бабушка что-то испуганно и шумно всегда шкварила, жарила, парила, тушила, взбивала. Какие уж тут разговоры или воспитание?

Дедушку же я боялся истерически, потому что всякий раз, увидя меня, он восклицал:

— Ха! Была бы девка — обожал! А так — еще один садист растет... Удивительный человек был дедушка. Прекрасно понимая, что он изверг, он с радостью им был. Контакт с мамой или с отцом он не признавал вообще.

Родня со стороны мамы была тоже занятой. Мама вспоминала, что ее воспитывала няня, ее отец был каким-то высокопоставленным политическим деятелем, погибшим на войне. Бабушка, какая-то странная, маленькая и инфантильная, добренькая до жути, только увидев меня, сразу же начинала, ласково улыбаясь, распахивать по карманам рубли, как бы извиняясь за что-то передо мной. И все время говорила:

“Слушай маму, сынок, слушай маму!...” А мама — все время слушала папу, а папа — прислушивался к своим здоровым животным инстинктам, ездил по соревнованиям, бил рекорды, любил женщин — в общем, все интересное. И, конечно же, мама быстро и незаметно вышла из круга этих интересов. Она сидела со мной в гнилой, протекающей комнате и истерически любила свою иллюзию, которую с нетерпением ждала из очередной поездки. Ну, и иногда лупила меня... За дело, конечно, отводя душу. Ее любовь к отцу достигла абсолютного предела. Она все твердила, что лучше нашего папы нет никого на свете. Папы, которого я редко видел, папы, которого я постепенно начинал ненавидеть. У нее не было друзей, к нам никто не приходил. Еще бы! Вдруг увидят папу! Мать сама создала напряженную, какую-то извращенную атмосферу вокруг себя и меня. Отец приезжал все реже, и в основном — за деньгами. В общем, начало рушиться все. Безвозвратно.

Читать я научился рано. Ну, и стал читать. Гулять мне разрешали только в пределах двора, вокруг которого дедушка когда-то по молодости выстроил здоровенный забор. И

ходил я по двору, разговаривая со своими книжными героями, не видя вокруг Себя никого, кроме снующей взад-вперед бабушки, иногда захлебывающегося весельем дедушки, и совсем иногда — призрачного папу, у которого хватало времени только закрыться в маленькой комнате, чтобы поест, отлежаться и, бурно подавив мамины проблески возмущения, опять надолго исчезнуть.

“Да, воспоминаница, — подумал я, вернувшись к реальности. — Что же дальше?”

И я снова провалился в воспоминания. Помню, что какая-то болезнь. И моя вконец перепуганная мама, задолжавшая всем бабушкам и дедушкам, начала таскать меня по разным докторам, профессорам и колдунам. Одни заглядывали, тыкая металлической ложкой, мне в горло, другие — слушали, то через стетоскоп, то просто с умным видом прикладываясь ухом, третьи — крестили, шепча и выпучивая глаза. А я все худел и худел, превращаясь в маленькую высушенную мумию. Я совершенно отказывался есть. И вдруг моя любящая мама обнаружила, что я ем только сладкое: конфеты, торты и даже просто сахар, отказываясь от всего другого. Откуда маме было знать, что это обычная нехватка кальция? Что меня просто нужно было кормить мелом. И, как мне сейчас известно, кальций в основном находится в сладком. Но мать все же спасла меня, убив окончательно зубы, обмен веществ и все нервные окончания. Спасла, подкладывая сахар во все, что возможно. Я выжил и перед тем, как идти в первый класс, был похож на маленькую, бледненькую, дрябленькую и жирненькую свинью.

А со школой, в которую я должен был пойти, была вообще интересная история. Школа стояла на границе двух районов, печально известных “Боржома” и “Амура”, которые еще в дореволюционные времена чего-то не поделили и все время дрались, стрелялись, в общем — ссорились. Веселый был райончик: то вилами проткнут кого-то, то участкового повесят на фонаре. Потому меня и не выпускали гулять за забор. Но ведь все равно выйти когда-нибудь да пришлось бы. Вот я и вышел.

Открылась новая школа. В двух вечно ссорившихся районах школы были переполнены. Поэтому переполненные школы начали радостно отдавать лишних учеников. Думаю, что не самых лучших. Ну что ж, первые яркие воспоминания детства. Сейчас буду вспоминать. Школа, конечно же, была в своем роде уникальна. По тем временам запретной была литература, запретными — кинофильмы о преступной жизни западной молодежи. Я там не бывал, но я был в своей школе. Но я знаю, я глубоко уверен, что любой преступный лидер молодежи Запада — если бы хоть раз в жизни увидел Ваську-Морду, или Ленчика-Хрюню, или, не дай Бог, всеми уважаемого Компота, — он бы понял, этот лидер, что он вовсе и не лидер, а подготовишка. Я до сих пор помню отчаянные вопли учителя физкультуры, которого — я подчеркиваю — *восьмиклассники* запихнули в тумбочку и выбросили со второго этажа. Я помню нашего историка, маленького краснорожего мужичка, и помню выражение его красной рожи, когда местные “индейцы” вместо копий забрасывали его лампами дневного света. Я очень хорошо еще помню, хотя это и скрывали, что все учителя получали двойные ставки и зарплату техников. Это был единственный способ их удержать.

И вот, слабенький, закормленный сладкой жареной картошкой и сладкими мясными бульонами, задуренный сладкой литературой: героями, Тимурами, Мальчишами-Кибальчишами, Винни-Пухами и правильным Маугли с его справедливой жестокостью, — я, начитанная рохля, без отца, без матери, без деда и бабки попал в беспредельный хаос, не похожий ни на что, пугающий, разбивающий все, что сформировалось, не формирующий сам ничего, кроме страха и унижения. Как могла моя мама-подружка уберечь меня от всего этого? Хоть и водила она меня в школу, которая была от дома в двадцати метрах, за ручку.

Бедная мама! Она так и не смогла стать мамой. Она всегда для меня была только подружкой, которая откровенничала со мной, потому что никого не было рядом, кроме меня, делилась со мной своими женскими чувствами и секретами, спрашивала у меня совета. Мне кажется, что уже тогда я больше понимал и любил женщин. И все же она выхлопотала у нашего директора школы разрешение на то, чтобы, когда все с воем вылетали на перемену,

мне можно было оставаться в классе, который проветривали учителя. Впрочем, меня это однажды и спасло...

У нас в школе было довольно-таки много любителей острых ощущений. Одни капали расплавленной пластмассой с крыши на головы проходящим, другие один раз даже ухитрились привязать к единственному унитазу, который был в туалете для учителей, нежную и хрупкую учительницу математики. Так никто и не узнал, что там было еще, потому что на следующий же день она рассчиталась. Но были кадры и покруче. Однажды во время первых уроков они ухитрились с первого по третий этаж — очевидно, их побудил к этому цвет перил школьной лестницы — вымазать эти перила (они, видно, старались целый урок, вымазали тщательно и густо) своим же школьным дерьмом. И когда прогремел звонок и радостная, визжащая публика вывалила на перемену, то в одно мгновение все, особенно младшеклассники, любившие съезжать по этим перилам, были вымазаны с ног до головы. Всех сразу отпустили отмыться домой. А школа представляла собой ужасный вид, так как прежде чем идти домой отмыться, все тщательно вытирались о стены. Особенно ужасал вид стенда, на котором были фотографии самых выдающихся людей школы: спортсменов, отличников и прочих ненавистных личностей.

А я сидел в классе один одинешенек и все пугался наступившей тишины и затянувшейся перемены. Меня обижали безбожно, и я все не мог понять почему. Я не держу зла на них. Разве можно не обидеть испуганную человекоподобную свинью? Уже тогда начинающую задыхаться от подкрадывающейся астмы. Но врачи успокаивали своим извечным “перерастет”. И я, медленно подыхая от страха, перерастал в опустевшей школе.

Но были и свои маленькие радости. Это — два учителя, два разных и удивительных. Одного я боялся, но страшно любил, другим восхищался и любил не меньше. Первым был новый учитель физкультуры, в прошлом прекрасный талантливый баскетболист, который вдруг начал набирать вес, не мог с этим бороться и ушел в школу. Он был мастер своего дела и поэтому в нашу школу пошел сознательно. Очевидно, спорт его приучил к трудностям. А теперь представьте, как можно попробовать поиздеваться над начавшим полнеть двухметровым баскетболистом? Его боялись инстинктивно, как-то по животному. Каждый раз, когда я сталкивался с ним, он не мог пройти мимо меня. Баскетболист нагибался, хлопал меня по дряблой физиономии и жалобно меня успокаивал: “Может, еще не все потеряно, а, брат? И шел дальше”.

И был еще второй. Вспомнив о втором, я улыбнулся и пришел в себя. Порывшись в альбоме, я нашел школьную фотографию. Вот он, маленький, лысенький, с большим розовым проломом в черепе. Героический инвалид, ветеран всех войн и самой главной войны — эта война называется “жизнь”. Он воевал со страшной силой, но еще с большей силой доктор, педагогический совет и директор долго обсуждали тему:

“Можно ли его пускать к детям?” Вывод был таков: “Он почти не опасен, а значит — к нам в школу!”

Они были истинной находкой для директора, учитель физкультуры и учитель по двум совершенно несовместимым предметам — по тем временам они назывались просто “пение” и “труды”. На пение он шел радостно, начинал играть на баяне уже прямо из учительской, проходя через два коридора в класс. У него был красивый звонкий голос. Пел песни он только патристические. И все-таки это было страшное зрелище — идущий по коридору инвалид, играющий на баяне, притопывающий в такт ногами. Это было слишком даже для школьников. В классе он ходил между рядами, пел, говорил с радостно безумными глазами. С виду все было вроде нормально. Он даже что-то писал на доске. Но каждые две три минуты он вдруг хватал баян, и было件нятно, что бы сейчас ни случилось, ничто не помешает ему доиграть “Прощание славянки”. Труды он вел тоже неплохо, тщательно все объясняя, показывая детали, вот только баян стоял рядом, на столе. Труды реже прорывались “Прощанием славянки”, но он часто хватал молоток и с криком “Вы поняли, враги народа?!” лупил им по тискам. А потом снова вел урок. Его не трогал почему-то никто.

И вот тогда, когда он нашел меня в пустынной школе, мы долго с ним пели. Он —

высоким и чистым голосом, а я — без слуха. Но это было не важно

Почему мы любили друг друга? Тоже было не важно. Нам просто было вместе хорошо и спокойно. Мы были родственные души, искореженные постоянной войной. Я только начинал, а он — уже заканчивал. Это сейчас я уже понимаю, что можно и не воевать.

Вот такие были мои первые учителя и первая школа. Среднеобразовательная. В которой я среднеобразовывался в добрую маленькую и незащищенную тварь

Но это были не все беды. Настоящая беда была особенно пронзительной. Ну, тут у меня было где разгуляться. Я разложил фотографии разных классов, до восьмого.

Вот она, на каждой фотографии. И не только моего класса, а всех классов в школе. Непонятно, почему она фотографировалась со всеми. Может, ее просиди, а может, и нет. Но я знаю точно, что на каждой фотографии, у каждого ученика моей школы была эта страшная женщина. Она была чудовищно маленького роста. Такая же, как и я. Жутко толстая. Постоянно в грязном халате, как будто работала не в школе, а на бойне. А может быть, для нее это и была бойня? По своей убогости, наверное, она не могла обидеть никого из взрослых, поэтому обижала детей. Потом, с годами, обрела силу, мощь, уверенность. И ее стали бояться даже взрослые. Это была фельдшерица. Слово пугающее. Даже в детстве я знал, что это не врач и не медсестра. И это пугало больше всего. Я вспомнил скачущий воздушный шар, на который был надет белый в пятнах халат. А сверху торчала маленькая крысиная мордочка в невероятно коротких и жестких кудряшках. Когда ей становилось скучно в своем кабинете, а это было тогда, когда она не делала уколов, прививок...

Я помню эти жуткие моменты. Они были самыми страшными в моей детской жизни: во время урока с треском распахивалась дверь и, прерывая все, вкатывался торжествующий шар

— Следующего урока не будет! — хлопая ладонями, несколько раз говорила она. — Третий “А” будет прививаться...

Боже, сколько после этого было слез, дикого стеснения девочек! А когда в четвертом классе в большой спортивный зал загнали несколько классов, девочек и мальчиков в одних только трусах, я чуть не потерял сознание и долго потом по коридору ходил с опущенными глазами.

И сейчас, вспоминая это, мне становится страшно. Я помню до сих пор, что и тем, и другим, как бессловесным животным, не стесняясь ни перед кем, заглядывали везде. Почему я так боялся фельдшерицу? Я был самой любимой ее жертвой. Абсолютно безобидной и страдающей больше всех. При виде меня она тряслась от радости, катилась за мной, если нужно, через весь коридор, громко выкрикивая мою фамилию, хватая за плечо, рвала на себя и, не щадя меня, маленького и толстого, орала на всю школу:

— Ты был в больнице? Твои родители выяснили, почему ты маленький и толстый?

А на перемены я иногда выбегал лишь для того, чтобы пробежать сквозь издевательства, тумаки, через страшную фельдшерицу и попасть в сортир, который и зимой, и летом стоял в другом конце двора, хотя на каждом этаже было по туалету. Очевидно, их просто некому было убирать.

ГЛАВА 4

Вспомнилось, как исчез один из моих спасителей. Бедного песенника инвалида уволили. Наверное, правильно уволили, потому что он метнул лопату в одного из старшеклассников. Жалко, что промахнулся. Тот же четвертый класс, когда мама целую неделю охала и ахала, без остановки повторяла, что это большое счастье у нас будет настоящий праздник — наш папа на несколько дней куда-то повезет. Эту поездку я помню хорошо. Летний день, жаркий и зеленый. Папа приехал на машине с каким-то дядей. Какая была машина — не помню (даже сейчас в них плохо разбираюсь). Дядя был веселый и орущий. Он поразил меня своим умением глотать отбивные в неизмеримых количествах и жутко много пить. Пить все, даже воду. Он постоянно о чем-то спорил с папой, ухитряясь при этом одновременно тыкать меня пальцем то в живот, то в бок, то в спину и, улыбаясь,

Comment [1]: <!--
StartFragment-->

говорить маме такие комплименты, что она от них только хлопала глазами. Дядя ей очень понравился. Потом мы сели в машину и покати ли по дорогам. Ехали к морю, кажется Черному, ехали долго, а папа все разговаривал с веселым дядей, совсем не обращая на нас внимания.

Теперь я понимаю, что это был за дядя и что это были за разговоры. Уже тогда мой отчаянный папа потихоньку вступал в спортивную мафию. Существует и такая

Может быть, я плохо понимаю слово “мафия”. Но, по-моему, это все безжалостное, наглое и воровское — все самое плохое, что выходит из спорта. Увы, это было, есть и будет

Возле домов и вдоль дороги попадались колодцы. И первое свое воистину философское учение я получил возле них. Выйдя из машины, мы решили полюбоваться аккуратным колодцем, сделанным под игрушечный домик. Перед этим, конечно, разложив на обочине дороги огромное количество кулинарных изделий, не считая разных напитков. Я был окончательно ошеломлен, увидев странную надпись на красиво раскрашенном колодце “НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ”—гласила она. Это звучало непонятно и пугающе. “Для кого написано? — думал я. — И почему на “ты”. И кто он, который может плюнуть в такой красивый колодец? Тем более, ведь из него же пьют”. Это была первая мысль. Вторая мысль была “Разве кто-нибудь на это способен?”. А потом почти сразу захотелось в него плюнуть. Это было тяжелое испытание для ребенка. Уже тогда я понял, что эта мысль никогда бы и в голову не пришла, если бы не было такой надписи. Мне стало обидно. “Не плюй в колодец” мог написать только тот, кто плюет и не хочет, чтобы это делали другие. Я озирался по сторонам и, ах, как хотелось плюнуть в этот колодец!

Позже я четко ощутил, что в нашем мире каждый старается куда то плюнуть, что-то загадить или что-нибудь украсть — и при этом обязательно повесить вывеску “Не плюйте, не мусорьте, не воруйте!” И сам же старается втайне именно это и делать. До сих пор непонятно зачем.

После этого я начал обращать внимание на вывески, таблички и разные объявления. Это тоже была школа. Только тогда она мало учила, а больше удивляла и задумывала.

Например, разве могут не удивить газоны. Сколько там всегда разных табличек? “По газонам не ходить!” Но все, естественно, спешат и, конечно, ходят, прокладывая кратчайший путь. Однажды я наткнулся на странную табличку. Возле такой тропки, прорезающей зеленую городскую лужайку, была вбита палка с куском фанеры, на которой сообщалось, что —тропа для козлов. Я долго не верил своим глазам, а потом понял, почему все, усмехаясь и расправив плечи, гордо шли по тропе. Разве кто-нибудь считает себя козлом? Даже я, запуганный подросток, пару раз гордо прошел туда и обратно. После своего подвига я все рассказал бабушке. Меня удивило, что моя тихая бабушка вся как-то подобралась и зашипела.

— У тюрьму их надо, вредителей!

Я запутался совсем. За что же меня в тюрьму, ведь и я там ходил?

Не что-нибудь, а жизнь разделилась на четких три части до, во время и после. И неудержимо хочется написать правдиво, а это значит, что нужно уметь быть и до, и во время, и после. А это очень сложно. Знаю только одно: есть единственное место, где меня ждут. Что бы я ни писал, каким бы я ни стал, меня там любят и ждут всегда. И это дает неземную силу и веру. Но не подумайте, не просто веру в себя — веру, надежду, любовь. Нет, даже океан любви, но океан бесценный, хрупкий и ранимый, такой же, как и океан воды, который разлился по большей части Земли. Его вроде и много, больше, чем всего, но он не менее хрупок. Мы ухитрились за ничтожное время изуродовать и безбрежные просторы. За ничтожное время из могучего и смертельно страшного он стал грязным, жалким и беззащитным, населенным уродливыми мутантами. Хвала тебе, Великий Человек Создатель мудр, он все отдал Тебе. Как он верил в Тебя! А Ты

И в страхе океан любви, океан великих вод, воздушный океан, как казалось, бесконечный, и в страхе океан тверди земной, все океаны в страхе оттого, что подобные. Создателю не добавили им силы, а уничтожили ее, оставшуюся. Что с нами будет. Вздрогнул

и испугался, наверное, сам великий дракон Ссаккиссо. Может, действительно стоит прочесть о Великом Учителе, дедушке Няме, может, стоит понять, чем мы отличаемся — а может и ничем? — от маленького затравленного зверька, которому я посвятил столько времени и бумаги?

Наверное, жалко выгляжу во всей этой писанине, потому что четко знаю: что бы ни оправдывал, оправдываю прежде всего себя. Оправдываю по многим причинам. Первая из них — я не уверен в своей правоте Вторая — многие готовы идти за мной Но боюсь вас вести Боюсь, что, обретя силу, разрушите все на своем пути, затопчете бьющий родник любви в реликтовых земных лесах

В общем, начало маленькое чудовище созреть, возжелав создавать себе подобных, начитавшись возвышенного, которое создавало таких же ненормальных. А рядом была еще и мать, с невероятной силой мечтающая вслух. Она хотела видеть в отце то, на что имела право. Вот так в старом сыром сарае смешались желания: одно вслух, другое внутри. Что могло из этого выйти?.

Самое смешное я дорос уже до четырнадцати лет, а толком не знал отличия между мужчиной и женщиной.

Я бродил по двору, в котором были натканы аккуратные клумбочки, окруженные не менее аккуратными заборчиками, а вокруг тоже был очень аккуратный огорожок Я тупо приходил из школы. Тупо делал уроки. Мать была уже давно уверена, что меня пора отдавать в интернат для умственно отсталых Хотя мне просто так никто и не удосужился объяснить, зачем же в жизни эта треклятая таблица умножения? Кого и на что я буду умножать? А просто так учить не было желания и интереса

Сейчас я понимаю, как это тяжело: идти туда, не знаю куда; найти то, не знаю что! Я вспомнил Конфуция: “Народная мудрость. Нет ничего страшнее мудрости толпы!” Да, Толпа хочет многого. На моем веку она всегда хотела здоровья, просто глядя в телевизор на Кашпировского, зажав в руке кусок колбасы, не напрягаясь и ничего в жизни не изменяя.

Учитель, Ты объяснил мне, что если человек, однажды проснувшись, сказал: “Мне больно!” — значит, он тысячи раз перестал быть человеком, ведь Создатель так просто не отдает своих детей на растерзание. И, наверное, нужно тысячи раз возвратиться к человеческому, чтобы просто не было больно. Вспомните законы. Я помогу вам. Весь мир стал бы с ног на голову, если б можно было без любви и понимания избавиться от боли.

Мне очень тяжело избавиться от эмоций и писать дальше, переходя на личное. Личное — оно всегда страшное, поэтому здесь я часто употребляю слово “он”, говоря о самом себе.

И вот: рос маленький зверек, наполняясь жизненными силами, неистово стремясь порождать себе подобных: хилых, пугливых и дряблых.

Шло время. Мама видела, что все рухнуло, безумствовала, но не могла понять. Когда приезжал отец, начинались крики, бой посуды, море слез, которое заливало всю квартиру. И я плавал на крохотном островке письменного стола между диваном и шкафом в своей комнатенке, лихорадочно пытаюсь в четырнадцать лет все-таки выучить эту проклятую таблицу умножения, а она ускользала, ненужная и непонятная, растворяясь в облаках несбыточных иллюзий.

Дедушка Ням мне говорил:

— Сначала идет вера, потом — знания, и только потом — любовь.

Во что же было верить мне? В мать, которая не верила уже ни во что? В школьных учителей? Которые, впрочем, тоже не верили ни во что, а старались лишь уворачиваться от подлости учеников: от расплавленной пластмассы, капающей со школьной крыши; от самопалов, стреляющих гвоздями, и от “воронков”, которые постоянно увозили в колонии для несовершеннолетних неукротенных школьников.

Но, несмотря ни на что, запуганное существо обретало еще большее стремление к жизни. Потому что выжило. И яростное желание продолжать себя. Даже не отдавая отчета, на что это будет похоже.

Первое соприкосновение с “инь” и “ян” было настолько тягостным и искренним, что сейчас не вызывает у меня даже усмешки, не вызывает ничего, кроме тоскливой жалости к самому себе.

Был день. Мама лежала на постели с растерзанной подушкой, а папа ушел, уверенный и спокойный. Во дворе посреди самой красивой клумбы, распластавшись, как огромный бегемот, во весь рост лежал пьяный дедушка, изрыгая матюги и метко поплеывая в суетящуюся вокруг него бабушку.

Все были заняты своими делами. И уже не совсем маленький, но очень любопытный зверек впервые выскользнул на цыпочках из двора на заросшую вишнями улицу со странным названием Песчаная. Бегали дети, надувая, растягивая и пуская по ветру какие-то белые странные шары. Это была диковинная и совершенно новая игра для зверька. И когда он спросил у не менее толстого младшего мальчика: “Что это?” — то удивленная толпа девчонок и мальчишек с изумлением остановилась, а потом с хохотом и с упоением от собственного знания наперебой начала объяснять, что мудрое человечество все это придумало для того, чтобы не было подобных им. Оказывается, это были не просто шары. “Но как, почему?” — спросил дрожащий, испуганный я.

И радостно, с каким-то демоническим ликованием толпа девчонок и мальчишек мне сразу все объяснила и показала.

Родители! Где же были вы?! Вы страдали над разбитой посудой? Любовью?.. Или над чем-то там еще?.. Над чем вы там страдали? Когда рожденные вами измывались над миром, не понимая этого...

Об одном из самых главных — о любви, об *Инь и Ян* — я узнал именно тогда. Оказывается, созревая, я терзал себя по ночам, а потом затирав ладонью белые липкие пятна на простыне, инстинктивно стесняясь их... Оказывается, именно из них появляются подобные мне...

В рассказанное детьми я поверил сразу, не сомневаясь ни на миг. Что-то глубоко сидящее во мне запретило сомневаться. Так вот как появляются дети! Меня это мучило всегда. Маме было не до этого. Что ж, не грязный взрослый дядя — слава Богу! — мне объяснил это. Не ночью в подъезде без лампочки я постиг таинства рождения, а на цветущей весенней улице. Все рассказали мне и объяснили маленькие люди по имени “дети”...

Белую резину нужно надеть на то, что беспокоит ночами. И когда в жгущей и пугающей радости появится белое и липкое — нужно снять резину и куда-нибудь выбросить. Так делают все. Я поверил сразу. Я боялся идти домой. Мне казалось, что весь мир завален грудami наполненной жизнью белой резины.

Зверек потом проплакал всю ночь вместе с матерью, в разных комнатах. Он плакал о тех, которые могли бы родиться. А мать плакала о том, который уже родился, но непонятно зачем... Еще я плакал о том, что мать меня опять обманула, рассказывая о каких-то магазинах, разрезанных животах, где берутся подобные мне.

Милая мамочка... Как же тебе объяснить и нужно ли тебе объяснять, что это неизмеримо большее преступление, чем сладкая жареная картошка и сладкий мясной бульон, которые когда-то вытащили меня к жизни...

В общем, ободренный такими знаниями, я влюбился. Но как я мог проявить свою любовь? Может, и смог бы убить тигра или стать другом обезьян, о котором написал Берроуз, не видевший в своей жизни ни одной обезьяны. Может быть, я и смог бы спасти свою любимую от кровожадных крокодилов. Но людей я боялся. А мою мечту обижали. Я страдал и издалека мысленно наносил пощечины наглому сопернику.

Девочка была глупенькая и совсем некрасивая. Даже сейчас замечая я за собой, что люблю каких-то лягушкоподобных, большеротых и пучеглазых или маленьких, пугливых как мышата. Никогда не нравились стройные длинноногие красавицы.

Известно, что девочки развиваются гораздо раньше. Она с кем-то гуляла, а я страдал, вздыхал, пялил глаза, не имея взаимности. Больше всего боялся, чтоб никто об этом не узнал. И об этом не узнал никто.

Такое всегда тянется долго и заканчивается обычно резко, с оглушительным взрывом. Вот я его и дождался!

После очередного скандала с мамой папа сказал, что забирает сына в сосновый лес, который убьет начинающуюся астму, то *есть* пока еще “астматический компонент” (с каким восторгом я часто повторял эти слова, которые навсегда — и не только для меня одного — останутся загадочными!).

— Пойми, — говорил папа, — там у меня будет работа и сын. Мне нужно идти вперед. — И он ушел, будучи начальником спортивного лагеря госуниверситета. Ушел, бросив меня на попечение добросердечных студенток.

Мы ехали долго, полями, лесами... Я прямо захлебывался, глядя из машины на горизонт, которого еще никогда не видел. И, клянусь, мои легкие испуганно открылись, изгнав напрочь “астматический компонент”, когда мы еще не доехали до сосен.

Дыша полной грудью, я въехал вместе с папой и еще двумя веселыми мужиками в хороший и добрый заповедник с изумительным названием “Кочерыжское лесничество”. Двухэтажные домики стояли в окружении сосен. Все было совершенно дикое. И только одна исключительно ровненькая длинная асфальтовая дорожка катилась к столовой.

— Смотри, — говорил мне отец, — а два года назад почти под каждым деревом были птичьи гнезда. — Хотя даже сейчас я не могу понять, какие же птицы выют гнезда под соснами.

Мы остановились перед белым кирпичным домом. Отец сказал, что этот дом наш, в нем три комнаты, свет и газ. Но не успели мы выйти из машины, как нас окружило полчище девушек-студенток. И каких только там не было! Были и лягушки, и мышки, и курочки, и просто птички, и длинноногие лани, и даже жирафы, как показалось тогда мне, маленькому и несчастному. Не знаю, каким зверем мой папа вылез из машины, но был этот зверь — изголодавшийся и сильный.

Очевидно, начальник лагеря что-то значил. Девушки подхватили меня чуть ли не на руки и потащили. А папа исчез надолго.

Те, что повели меня, были две маленькие пучеглазые девчушки, очень жадные ко всему, что считали своим. Они вели меня под руки и всем, кого ни встречали, тут же объявляли, чей я сын. Я слишком хорошо помню, какие они были, эти два милых нахальных лягушонка, не поступившие в университет и лихо устроившиеся на кухню, куда мы все и пришли. Меня накормили вермишелью с огромным количеством чьих-то почек, печенок и сердец, а затем по накатанной асфальтовой дорожке отправили обратно, дав ключ от нашего с папой белого дома.

Лягушата так ласково кормили вермишелью, что съел я в пять раз больше, чем мог. Переступив порог нашего нового дома, я долго рыдал, сотрясаясь от рвоты. Это было как бы знамение того нового, в которое вступал зверек, не осознавая окруженного соснами мира. Под ними не было птичьих гнезд. Самое главное птичье гнездо моей жизни было одно — но не здесь.

Наплакавшись вволю и отлежавшись на прохладной кровати, я не придумал ничего умнее, чем снять штору, убрать все с пола и занести далеко в лес. А когда я возвращался обратно, то в молодом сосняке увидел несколько берез. Одна была сломана, из земли торчал огрызок, высотой мне по грудь. Я подошел, заглянув в него. Слезы умиления вновь потекли ручьями. Можно было протянуть руку и коснуться трех голубоватых в крапинку птичьих яиц. Сразу родились тысячи мыслей. Пойду возьму свой фонарик, который специально припас для темного леса. Ночью птицы спят в своих гнездах. Я посвечу и увижу ее. А может быть, даже коснусь рукой.

Целый день я слонялся по лагерю, заглядывая во все уголки, и даже обнаружил возле лагеря круглое красивое озеро. Вернувшись в лагерь, я увидел, что лягушата уже меня ищут.

— Ужин давно ждет, — жизнерадостно объявили они и снова потащили меня по накатанной дорожке.

На этот раз я ел гораздо аккуратнее. Ел на кухне, в посудомойке. Лягушки гладили меня своими белыми лапками, и от этого все казалось гораздо вкуснее. Запихиваясь за обе щеки, я радостно рассказал им о гнезде, и они клятвенно проквалили, что пойдут туда со мной.

Уставший от массы впечатлений, я лег на белые простыни и уснул. Через некоторое время лягушата нежно растолкали и даже по разу чмокнули в щечку. Гордые моим доверием, они были тут как тут.

— Ну, малыш, мы идем? — спросили они, ласково меня теребя.

Спохватившись, я взял фонарик и потопал с ними в темный сосновый лес. Восторг переполнял. Фонарик дрожал, вбирая его в себя. Я не мог ошибиться, потому что запомнил свое первое гнездо на всю жизнь. Мы шли гуськом, держась за руки. Шли не спеша. Луч тускнел, умирая вместе с залежавшимися батарееками, вместе с моей детской наивностью, вместе с особенным видением мира.

Сломанная береза — вот она!

Я заглянул вовнутрь ствола и увидел там три голубых в крапинку яйца. Чьи-то руки унесли птицу до моего прихода. Я упал на влажный мягкий мох и зарыдал. Это были последние в моей жизни слезы детства. Это были искренние слезы. Чистые и горькие. Фонарик мигнул и умер навсегда.

Лягушата зашептали слова утешения и вдруг быстро и нервно начали раздевать меня своими цепкими лапками. Я никогда не упрекну за это двух глупеньких девочек. Наверное, они не хотели, а может, почувствовав последние детские слезы, не смогли удержаться, чтобы не выпить их. Мне стало жарко. Лицо накрыла волна — резкая, душистая и упоительная. Грудью ощущались прохладные руки, а внизу то, что мучило меня столько времени, вдруг взорвалось само и, как показалось, залило меня и весь лес горячей волной. Потом глаза привыкли к темноте, и еще долго я смотрел, как две тоненькие девочки, сцепившись в комок, со стоном наслаждались друг другом. Кем же они сделали меня? Я лежал мокрый, голый и горячий. Потом они оделись и одели меня, целуя и испуганно утешая. Было видно, что страх довел лягушат почти до полусмерти. Они не понимали, как получилось, что почти ребенок сумел врезаться между двумя женщинами, которые в общем-то и мужчин никогда не любили. Им всегда было хорошо вдвоем. А тут вдруг такое случилось! Мы брели, шатаясь, хрустящим горячим сосняком на огни спящего лагеря.

Эта ночь была глухой, без сновидений.

Утром, проснувшись, я не узнал себя. Стало понятно, что теперь не боюсь ничего: ни школы, ни отца, ни матери, ни деда, ни жизни. Боюсь только двух маленьких и тоненьких лягушат.

Два дня я не показывался в лагере вообще. Грыз сухие корки, которые находил в домике, засохший сыр из гудящего холодильника. А когда все кончилось (это было в обед третьего дня), пошел по блестящей от дождя асфальтовой дорожке в манящую запахами столовую. Большой зал меня смутил. Он был набит студентами и преподавателями. В нем было два огромных окна, из которых выдавали еду. Кто я, знали все, поэтому, не напрягаясь, я снова был сыт и облакан. Жуя картошку, я услышал от огромного атлета, сидящего напротив:

— Да вон там, — махнул он в сторону, — вся кухня и живет. Забыв про оставшийся компот, побрел пробуждающийся зверь в молодые пушистые сосны, к невысоким домикам, стоявшим чуть в стороне.

Толкнув первую попавшуюся дверь, я вошел в комнату. Они сидели там, маленькие и пришибленные.

— Мальчик наш, — кинулись они ко мне. Весь день я постигал лягушечью мудрость любви, и они попросили пощады.

Я начал ходить к ним каждый день. Лягушатам сначала это очень нравилось. Потом они смеялись. А потом взвыли и начали прятаться. Не потому, что боялись. Они не боялись больше меня. Ведь я стал таким же преступником. Просто я замучил их силой любви. Они

изменили меня в одно мгновение, чего не могли сделать умные врачи за долгое время. Выследил нас преподаватель физвоспитания. Вот когда лягушата испугались настоящего! В один прекрасный день они попросту исчезли. И кухня обеднела на двух кухарок, университет — на двух абитуриенток, а я — сразу на двух своих женщин, большеротых и пучеглазых! И никто меня не переубедит. Они были самые красивые и самые нежные. Вот только вовремя не понял я этого, не оценил и не сберег! А с физкультурником этим я перестал здороваться. Да и зачем он мне?

Вскоре появился мой папа, исхудавший и озабоченный.

— Ну, как ты? — спросил он.

— Все нормально, — пожал я плечами.

Больше ко мне никто не приставал, и я, озверевший, бродил по лагерю от подъема и до отбоя.

И все-таки мои милые девочки-лягушата были какие-то особенные. На меня никто не обращал внимания вообще. Может быть, потому что сторонились сына начальника лагеря. А может, и еще почему-то. Как же я мечтаю когда-нибудь снова их увидеть, прикоснуться к их губам, провести пальцами по белым дрожащим плечам, хотя бы раз услышать незабываемый тихий шепот, который так часто снится мне! Кем же они были? Может, были вовсе и не люди, а какие-то два посланца? Какой же мир сжалился надо мной? Неужели я был так жалок, что этот мир послал на Землю силу, изменившую меня абсолютно? Какая невероятная сила в виде хрупких и красивых двух девочек! И сколько бы я ни жил, никогда не осмелюсь даже на мгновение плохо подумать о них — о тех, которые спасли меня. Что бы со мной было, если б не они? Я уверен: умер бы от своей ничтожности. Может быть, и выжил, но навсегда бы остался беспомощным уродом. Я содрогаюсь, когда представляю, что они сделали с четырнадцатилетним мальчишкой, но содрогаюсь еще больше при мысли, что они могли этого и не сделать.

Это был мой первый перелом, одна из жизненных линий вздрогнула и изменила свое направление. Я понимаю, что по-другому, наверное, не могло и не должно было быть. Но извечное “а вдруг” иногда мучает меня по ночам. И, просыпаясь в холодном поту, улыбаюсь, вспоминая о них до самого рассвета. Потом снова засыпаю и сплю после этого до обеда. Куда бы **мне** ни нужно было идти, я все равно сплю. Эти сны напоминают мне, что жизнь прекрасна, гораздо лучше, чем могла бы быть, хотя и по-другому быть не могло. А вдруг...

Девочки оставили меня, безжалостно растворились на очередном повороте жизни. Я порой боюсь признаться себе, еще больше боюсь признаться Учителю, что часто в трудные моменты жизни я мысленно обращаюсь не к Школе, не к матери, не к отцу и не к жене, а к двум лягушатам. И до сих пор нет у меня той силы, которая могла бы их вызвать. Я почему-то искренне верю, что в тяжелый момент они могут помочь, как никто. Где же вы, мои странные, мои яростные и удивительно нежные спасители? Помогите мне и объясните, ведь вы все можете... Но в ответ я всегда слушаю только тишину. И лишь в темноте закрытых глаз ярким огнем вспыхивают две незабываемые мордахи. Я преклоняюсь перед вами...

Оказывается, из-за постоянной борьбы со страхом я не видел жизни, не видел травы, неба и цветов, не подозревал, что есть птицы и жуки. Теперь, каждый раз, просыпаясь, я уходил из лагеря в лес, очень часто забывая про еду, часами ползая на коленях за какой-нибудь козявкой, страшно удивляясь, что в жизни, оказывается, все не так, как учил нас в школе учитель биологии.

Мне кажется (хотя, может, только кажется), что уже тогда я понял:

чтобы избежать трудностей, чтоб не погрязнуть в непонятном, люди придумали на все объяснения — короткие, четкие, тоже непонятные, но простые.

Не задумываясь, безответственно, они сыграли злую шутку со словами. Люди, поняв, что умеют мыслить, радостно объявили: “Мы этим отличаемся от животных!” — совершенно забыв: они отличаются еще и тем, что умеют жертвовать, восхищаться, чувствовать, любить, возносить, дорожить, преклоняться. Они начали просто усердно думать. Каждый начал думать по-своему, каждый счел, что додумался до чего-то лучшего,

чем другие. Но до чего же может додуматься человек, который считает, что он думает и что мысль — это главное? До чего может додуматься человек, думая только о себе, чувствующий только самого себя, верящий самому себе? Он может додуматься до страшного, додуматься до того, что он самый красивый, сильный, умный и самый правильный. Он может додуматься до того, что думает только он один, а солнце светит бездумно, и что деревья просто растут. Представьте бездумно бушующий океан, представьте себе бездумный смерч, бездумно срывающий крыши домов, или росток, бездумно пробивающий асфальт, или птичьи стаи, бездумно уносящиеся по ветру. Боже мой, до чего же может додуматься человек! До чего может додуматься человек, забывший или не желающий думать о том, что он всего лишь человек, жалкий и напыщенный, не уважающий себя, не берегущий своих детей и любимых, а ДУМАЮЩИЙ, что он ДУМАЕТ.

И полз я на коленях за жуком, поражаясь тому, насколько ему наплевать на меня, удивляясь, что он делает свое дело упорно, совершенно не отвлекаясь на такую букашку, как я. Тогда уже было видно, что делает он это, не боясь меня, потому что глубоко уверен: в любом случае будет то, что должно быть. И весь мир мне показался вывернутым наизнанку. Казалось, что жук мудр, в тысячу раз мудрее той собаки, которая была пристегнута цепью возле столовой и не знала толком, на кого бросаться, а кому лизать руки. А ведь я тоже не знал, кому довериться, а кого бояться. Только жук катил свой маленький круглый навозный шар, напоминающий Землю, катил в полной уверенности, что все равно ничего в этом мире не сможет изменить, катил, совершенно не обращая на меня внимания. Понял я, что, если хлопну по нему ногой, жук перестанет катить свой шар, а если обойду его, покатит его дальше. Открытие ли это?..

Жаль тебя, мой милый биолог. Ты никогда не задумывался над мудростью жука, катящего шар. Ты считал себя мыслящим, ты четко знал, для чего он катит свой шар. Но ведь этого так мало! Есть еще “почему” и “зачем”. Но ты — мыслящий и знаешь для чего. Сидя на песке, я всей душой ощутил, что умные взрослые все в этом мире перепутали. Умными животными, высокоорганизованными они считают тех, кто заглядывает в глаза и лижет руки, а глупыми, примитивными — тех, которые не делают этого, а катят свой шар, ничего не выпрашивая взамен. Вот так умный человек додумался до определения разума. Хочешь, чтобы тебя считали умным, — понимай все с полуслова, с полупамека, шустри, быстро и толково выполняй приказы. Тогда ты умница и тебя любят, но не дай Бог тебе катить свой шар, ощущая, чувствуя... Определят тебя примитивным и глупым. И если не забросают камнями, не затопчут, то посадят в клетку, определив, что нет ничего тупее и опаснее того, кто катит свой шар; а может, наколют на булавку для коллекции, как того мудрого жука. В другом же случае будут ласкать, давая миску помоев, как умной собаке, пристегнутой цепью к столовой.

Вот до чего может додуматься человек, забыв, что он в мире не один, придумав сам себе законы, великий выдумщик.

Мне кажется, что каждый человек в детстве так или примерно так думал, поражаясь своим открытиям, и самыми загадочными, а не примитивными ему казались независимые существа. Но потом все это умирало, умирали чувства, заменяясь разумом, а рядом не было учителя, потому что становятся они редкими, как, впрочем, и катящие свой шар жуки.

Ничего. Нужно держаться. Я знаю, что это временно. Не высохнет океан любви, вновь разольется, напоит иссохшие сердца, волеет в разум ясные чувства, размоет придуманные рамки закона. И станет человек вновь подобен тому, кто его создал.

И все-таки как бы удивился учитель биологии, если бы вдруг забыл то, что знал, и увидел то, что видел! А я хорошо помню идиотизм, который вбивал нам в голову бедный биологик. Змея лежит на берегу и, высывая язык, имитирует им муху, вьющуюся над корягой, которую якобы изображает она же сама, а дура лягушка бежит за этой мухой и попадает ей в пасть.

Тогда я еще не видел, как охотится змея, но мне почему-то казалось, что наш биолог либо сошел с ума, либо специально все выучил неправильно. И я останавливался на третьей

версии: он просто дурак, ведь только полный дурак мог обманывать такую толпу юных голов. Ведь я видел удивительные вещи, когда лягушка выходила из воды и, как-то странно заваливаясь на один бок, не прыгала, а шла с неживыми глазами, натыкаясь на маленькую голову ужа, ни с чем не путая его язык, который создан природой совсем для другого, ну уж никак не для изображения мухи. И только тогда, когда уж стискивал ее своими растянувшимися челюстями, она начинала кричать и вырываться, как бы просыпаясь от какого-то непонятного сна, но все это было уже бесполезно.

Очень хотелось, чтобы учитель биологии увидел это. Не знал тогда я, что есть одна великая тайна: я увидел бы то, что видел, а он — то, о чем говорил. Два человека, глядя на одно и то же, рассказывали бы совершенно разные вещи. Вот так усердно стирали в моей голове то, что я видел, но не понимал. Стирали, убеждая, запугивая, применяя действие и разной степени наказания, меня успешно заставляли поверить в то, чего не существует, поверить в то, что проще, в то, о чем не нужно задумываться.

И казалось взрослым какая разница, как змея ест лягушку. Были деда у них поважнее. И поэтому, быстренько придумывая объяснение, взрослые занимались серьезными делами, опять что-то придумывая, простое и удобное в обращении. Было у меня подозрение, что человек не терпит непонятного и сложного, не хочет вдумываться, боится сильного и неотвратимого, а поэтому выдумывает, ложно облегчая себе жизнь. Это все похоже на дрожащего больного, который в страхе спрашивает у врача, что же с ним. И врач, величественно оттопырив губы, объявляет больному, что у того нарушился обмен веществ. Больной, окончательно поникнув, бредет домой, совершенно не понимая, так же как и врач, что же такое обмен веществ. Одному нравится это загадочное сочетание слов, другого пугает. Когда-нибудь придет время, и врач будет ошеломлен, ему скажут то же самое, и он побойтся спросить у коллеги, так что же все-таки означает этот загадочный “обмен веществ”. Врач будет до смерти верить — может, тот, другой, хотя бы знает, что это такое.

До смешного дошли люди. Мы говорим на непонятном для нас языке, но, когда натыкаемся на непостижимое, вместо того чтобы признать себя маленькими и слабыми, гордо расправляем плечи и придумываем непонятному столь же непонятные названия. Непонятным названиям мы придумываем еще названия и называем все это терминологией! Хотя остальное время говорим на родном языке. Почему мы забыли один из законов, одну из мудростей, которую поняли когда-то, на самой заре, почему забыли, что премудрый язык — язык глупцов? Когда успели забыть о живущих в мире двух сестрах — глупости и гордости? Мы гордые и скрываем свою глупость. Мы глупые и не скрываем своей гордости. Примерно такие мысли занимали меня, затрагивали незначительно и умирали, ни во что не превращаясь.

Мир увлекал своей красотой, открываясь то ли поздно, то ли рано. Я пытался смотреть во все глаза, а может, мне и повезло, что я ничего до сих пор не видел, кроме своего двора, по которому ходил кругами столько лет. Я обращал внимание на то, что животные — не менее страстные, чем люди, и так же сильно ищут друг друга, чтобы соединиться на непродолжительное, но упоительное время. Я открывал мир страсти, чувств, казавшихся реальнее книжных и непонятных. Не понимал тогда, что все реальное — еще и опасно.

Откуда было это знать? Зачерпывая горстями песок, бросал я его в голубое озеро, радуясь жизни, прозрачному воздуху, бегал по лесу примитивным и радостным животным. Упоительное знакомство с природой. Ни один человек мне не мешал. Никому я не был нужен. В столовой меня по ходу дела кормили. Отец по ходу дела приходил, но редко и измученный, теперь стало понятно чем. Говорил свое “ну как?”, а я на бегу повторял: “Нормально!”

Потом разразилась катастрофа. Неожиданно появилась моя мама, вся трясущаяся, как будто увидела что-то ужасное. Я думаю, что она действительно что-то увидела и узнала. Мир не без “добрых” людей, и “добрые” люди (видно, пришло время) рассказали маме все, что знали, а знали они, по видимому, много.

После того как к начальнику лагеря приехала жена и целые сутки из домика

раздавались приглушенные женские рыдания со спокойным твердым мужским голосом, в лагере долго шушукались, невинно улыбались и особенно услужливо обращались к моему отцу.

Мать совершила ошибку. Наверное, слишком много накопилось. Тем летом я потерял и мать, и отца. Отец вдруг стал ко мне равнодушен. Впрочем, мне часто казалось, что равнодушен он ко всему. Я так ни разу в жизни и не слышал, чтобы отец повысил голос. Хотя бы ударил меня когда-нибудь! Он обладал каким-то нечеловеческим спокойствием. Меня это пугало, мать доводило до истерики. Вот так все и закончилось в их жизни. Что рухнуло в жизни матери? Сказать по правде, даже не знаю, как она выжила. Отец для нее был всем. Она забрала меня в город и, доехав до дома, упала в постель, встав только через несколько месяцев — худая, страшная, постаревшая на полжизни.

Так что несколько недель перед школой меня закаляла и делала непримиримым к жизни ее мама — маленькая тихая бабушка. Огромную силу она вложила в меня, сделав нетерпимым ко всему тихому, инфантильному и слабому.

Врачи в конце концов оказались правы: я перерос.

ГЛАВА 5

Создатель создал мир.

Мир для испытаний создал крайности. Когда они сливаются воедино, порождается гармония. Засуха сменяется дождем, клинок, не пере рубив, гибко обвивается вокруг. Земля, политая дождем, дает из занесенного ветром семени, поднятого солнцем, жизнь. Женщина и мужчина сливаются, такие непохожие, разные и такие единые.

Но есть и кое-что страшное. Податливая волна, бегущая бесконечно долго, натываясь на скалистые берега, разбивает их, превращая скалы в равнины. Страстная, всепоглощающая любовь взрывается ненавистью.

Всегда сильный и превозносимый до небес, обожаемый всеми, вдруг с ужасом осознает, что он давно уже слаб и беспомощен. Испуганный, загнанный заяц вспарывает когтями живот волку. Бывает и такое. Волк опоздал, вовремя не убил, слишком затянул погоню. Ненависть, бесконечная ненависть порождает запоздалую любовь.

Как мне жалко едущего из своего рокового леса мальчика! Это слабое существо, внезапно почувствовавшее себя сильным, существо с абсолютной пустотой и крайностями, в одно мгновение способное захлебнуться чем-то неизбежным. Загнанное внутренне и внешне, без единой частицы, которая бы не вздрагивала.

Станный, загадочный лес остался позади. Мать с отцом, две девочки, преподаватель физкультуры — жирный боров, питающийся падалью, — чужие, непонятные дети, зачем-то радостно бегающие и радующиеся обычно тому, от чего хочется выть. Кто же был я? Жертва? Сила? Страх? А может, избранный? Знать бы только, для чего избрали.

И еще знать бы кто. Кто он, тот безжалостный и насмешливый, который наотмашь ударил по детским мозгам и потом принялся усердно колотить, не давая передышки ни на мгновение?

Мчась обратно в машине, я не видел ни полей, ни лесов, ни горизонта, который в первый раз так поразил. В поднимающемся над ним рассвете я видел только два женских тела. Сразу два, сразившие меня этим летом. Закрывая глаза, я все равно видел пухлые воспаленные губы и круглые, влажные от бессонницы глаза. Так и осталось на всю жизнь детское желание — найти хотя бы одну тонкую и трепещущую, похожую на моих лягушат, канувших в неизвестность. Но они в этой жизни были и есть только в моем первом лесу и только для того, чтобы спасти меня.

Сумасшедшие детские мечты — найти такую, поставить обнаженную напротив красного восходящего горизонта... Я уверен: лучи пронзят ее насквозь, и она растворится, сказочного лягушонка просто не станет. Ну где найти такую? Неужели всю жизнь я буду метаться в поисках? Пройдет ли это? Кто же все-таки их послал перепуганному двоечнику?

Об этом можно рассуждать до бесконечности. Но никогда не доберешься до Истины.

Потому что она — Истина — рождается в Истине, а в Хаосе рождается Хаос. Хотя одно может легко переходить в другое.

Дома мать кое-как готовила меня к школе. Она была уже наполовину мертвая. Возникла еще одна крайность. Я понял, что больше мать не будет меня водить за руку и никогда не спросит таблицу умножения. Отныне я могу делать все, что пожелаю. А желание могло быть только одно — отомстить всему миру. Не кому-то конкретному, а всем. За себя, за двух исчезнувших девочек. И вообще — неизвестно кому и за что...

Милые роди гели, вы напрасно полагаете, что ваших детей развращают улицы, школа... Если бы вы знали, как они далеки от улицы и школы. И нет ничего ближе, чем вы и родной дом. Станные люди, вы стремитесь к четкому и понятному, рождая невероятные иллюзии. Вы стремитесь к иллюзиям и не замечаете, что порождаете догмы. Как вам надо понять, что ребенок за едой, за поцелуем и за успокаивающим сном приходит в свой дом, приходит именно к вам. Не делайте ничего, а просто накормите его, поцелуйте и уложите спать. *Накормите так, чтобы еда не застревала в горле. Поцелуйте так, чтобы не захотелось убрать лицо. И уложите спать, чтобы засыпал без страха.*

Что там — эта школа, улица и прочее! Вы даже не представляете, как вы сильны, сильны в недеянии своем. Вам Космос дал так много! Не придумывайте ничего от себя. Если сказать, что пища дорого стоит и добывается с трудом, она перестанет быть вкусной. Если сказать, что вы ласкаете только потому, что он ваш ребенок, то он перестанет быть вашим. Если вы скажете “спи”, а завтра все это начнется сначала, то разве это будет сон?

Прошу вас, не думайте слишком много. Ваши мудрые мозги могут расплавиться. Научитесь любить свое выстрадавшее дитя. Не призывайте себя любить всех людей. Научитесь любить хотя бы его. Если каждый будет любить своих детей, то разольется долгожданный океан любви. Не учите ребенка любить соседа по парте. Сделайте сперва так, чтобы он полюбил вас, — это ему проще. Любовь — это подражание, ребенок будет любить вас, став таким же, как вы. Это все очень легко, особенно когда знаешь.

До школы еще оставалось немного времени, и двоечник маялся во дворе между клумбами, вспоминая и вспоминая... Все отошло на второй план, кроме воспоминаний. Ему порой казалось, что сходит с ума. Среди белых хризантем мерещились женские груди, изгибы спины, восковые полупрозрачные ладошки, которые могли, когда нужно, схватить цепко и больно. Таблица умножения уплывала все дальше и дальше, не оставляя даже следа.

— Что ж ты делаешь, ирод проклятый! — привел в чувство двоечника голос бабушки. Он опустил глаза и увидел, что стоит на ее любимой клумбе. Медленно, с каким-то внутренним упоением он поднял ногу и с силой треснул по ряду белых хризантем. На удивление, бабушка молчала, вытаращив глаза. Кряхтя, как взрослый мужчина, усердно работая ногами, двоечник медленно месил клумбу, а потом, засунув руки в карманы, с усмешкой наблюдал, как бабушка быстренько сжимается и переходит в позу, которую она обычно принимала перед дедушкой. Это было для него еще одно удивительное открытие.

Пройдясь по следующей клумбе, я вышел со двора. На улице никого не было. Наступала ночь. И, немного порывав под фонарями, я вернулся обратно. В доме слышались приглушенные рыдания матери, которые уже давно привычно слились с остальными домашними звуками: гудением счетчика, фырканием холодильника и капаньем воды из раздолбанного крана. Под хаос звуков я сел на диван. Чувства переполняли, и, встав, я не спеша вытащил ящик стола и разбил его о стену. В понедельник, проснувшись в обломках, не умываясь, зато съев все, что смог найти на кухне, с пустым портфелем я пошел в школу, по дороге вспомнив одну из бесконечных историй.

Как я боялся и ненавидел эту дорогу! Сколько раз, дрожа перед страшной школой, я шел с матерью, боясь всего: ее, школы. И не мог понять, почему мать исподтишка бросает на меня подозрительные взгляды, в которых сквозило презрение. Сколько раз, подойдя к школе, я получал по физиономии горячими материнскими ладонями, напрасно стараясь от них увильнуть!

— Идиот, тупица, — сквозь слезы причитала мать. — Где твой портфель? Почему

же ты голову не забыл?

Ах, мама, родная, если б ее можно было забыть! С каким бы удовольствием я не взял бы эту голову! Может, даже закатил бы ее в бабушкину клумбу. Лишь бы не видеть обшарпанных коридоров, инквизитора-фельдшерицу, розовый пролом в черепе у любимого учителя и незабвенные школьные перила.

А сейчас я шел в школу с пустым портфелем и был горд, что в этот раз не забыл его.

Переступив порог, я ощутил, что на меня наваливается привычный страх.

Пока я с ним справлялся, на меня никто не обращал внимания. Даже в такой захолустной школе первое сентября было для всех величайшей трагедией. Школа усердно пестрела перепуганными первоклашками в белых фартучках, вопящими то ли от ужаса, то ли от радости, и их окосевшими и тоже вопящими родителями. Для родителей — начиналась большая трагедия. И тут же были десятиклассники, которые с нахальными улыбками на все это смотрели. Они топили в своем чрезмерном нахальстве страх перед будущим. В общем, было весело. Каждый радовался, как мог...

Первая перемена началась так, как начиналась всегда. Все выбежали, а я остался в душном классе. Но вспыхнули передо мною мои прозрачные лесные лягушата да мелькнули в коридоре тонкие длинные ноги прошлогодней любви. И, набрав в свои переросшие легкие воздуха, я вышел из класса. Меня даже сразу не заметили. В коридоре было большое оживление. Начальные классы играли в "крышечки", старшие играли на деньги. Кто-то задира л девчонкам юбки на голову, кого-то с хрустом били в углу.

Была обыкновенная перемена. Я даже не помню, кто же первый увидел меня и начал потешаться над старой жертвой. И в то же мгновение я вдруг ясно ощутил, что я человек слабый, мягкий, трусливый и податливый и что одновременно у меня внутри существует сила, которую можно выплеснуть. А если к ней приложить кулаки, то повергнуть в панику можно кого угодно. Я рвал, царапал, бил, кусал, хохотал, при этом уже хватал пробегающих мимо либо стоящих у окон. Я бесновался. Мне было очень весело. Потом мне кто-то сдавил голову с обеих сторон. Ноги оторвались от земли, и мои глаза встретились с глазами учителя физкультуры. Он был приятно удивлен.

— Ну что ты? Не так же... — сказал бывший баскетболист, встряхнув меня. Потом, поставив на пол, ушел.

Восьмой класс — это был уже класс новых чудес и открытий. Мой восьмой класс школа запомнила навсегда. Загадочный двоечник вошел в тайную и неписаную, переходящую из уст в уста учи гелей и учеников историю школы. В особенности его запомнили девочки.

Мать вызывали, к ней приходили, но она была в своем мире, мире безумной любви, которая быстро и уверенно шла к ненависти. Но как часто безумная любовь переходит в полное безумие, безумие личности! Что может быть больше без ума, чем презрение и ненависть ко всему?

Рухнули все авторитеты, страхи. Если раньше я отвратительно учился, потому что боялся, то в восьмом классе полностью отказался от наук: не захотел этого. Да и какие науки, если в этом же классе зародилось глубочайшее презрение к самому прекрасному на Земле — женщине, и, что самое удивительное, при этом я никогда ни на секунду не мог подумать плохо о своих лягушатах. Я почему-то даже не задумывался о тех странных отношениях, которые были между ними. Я всегда с трепетом и благоговением вспоминал их жаркие объятия, дрожащие цепкие руки. Как же они умели обнимать и ласкать! Никогда в жизни не встречал ничего подобного и ничего более красивого, чем ласкающие друг друга лягушата, юные, полные невероятной женской силы!

Я смотрел на них, и меня посещали мудрые мысли. Я говорил себе:

какое счастье, что они нашли друг друга, а я — их. У меня не было и мысли, что они делают что-то неправильное или плохое. Это было красиво. А я был уверен, что любоваться можно только настоящим и красивым. А разве не искренней и истинной была любовь этих двух странных девочек? Но ведь, действительно, как же они нашли друг друга, как это

получилось? Наверное, от отчаяния, которое породила глупость и жестокость мужчин.

Да, мужчины бывают жестоки, осознавая свою несостоятельность. И, испытав разочарование, эти две девочки, стремясь к искренности и нежности, бросились навстречу друг другу. Было мне тогда и страшно и радостно смотреть, как, переполненные любовью и нежностью, бесновались эти девочки, растворяясь в обладании друг другом.

Каждый раз в маленьком домике в лесу, когда мы сбрасывали одеяла на пол и, завалившись на них, вдвоем ласкались и кувыркались, как сумасшедшие, мне всегда казалось, что это в последний раз. Казалось:

после этой безумной любви мы по какому-то тайному знаку все одновременно вскочим, быстро оденемся и разойдемся в три разные стороны и больше никогда не встретимся. Юные, но уже напуганные вечной войной, они всегда любили как в последний раз. Как нашли они меня, как в женскую любовь попал почти ребенок?

Учитель всегда знал все. Когда я хотел ему рассказать об этом наболевшем и таинственном случае в жизни, то при первых же словах он улыбнулся, остановив меня.

— Не надо, ученик... Этот случай не нужно объяснять, — серьезно сказал Ням. — Он принадлежит тебе и тому закону, который однажды начнешь целостно понимать сам. Это самый неумолимый и безжалостный закон. Но он имеет право на существование, как и все в этом мире. Запомни главное: для того чтобы понять жизнь, нужно понять ее законы, законы, по которым она создана, законы, которые никто не в силах изменить.

Прошло время, и я понял, как это важно — чтобы первая встреча с тем, что называется дурацким словом “соитие”, была как можно менее неприятной. Пусть она оставляет воспоминание любви, желания, даже страха, даже чисто животных чувств. Только бы не была отвратительной — иначе это уже не исправить никогда.

Милые, добрые, ласковые мои девочки! Да, “ошибки прошлого ранят в самое сердце”. Но что было это, чьи это были ошибки? Было ли это ошибкой вообще? Уже тогда, в лесу, я навсегда поверил в то, что вы можете спасти от всего и помочь во всем. Стоит только мысленно обратиться к вам. Как жаль, что вам нужно было так сразу исчезнуть!

И ходил я, озлобленный, по школе, замечая, что юные девочки отвратительны в своей похоти, которой они боялись. И, скрывая ее, отдавали себя местами и по частям. С ними можно было валяться в постели сколько угодно и творить все, что угодно. Главное — только не тронуть ту дорогу, которую они оставляли уже заранее одураченному мужу. Что бы они говорили, если бы отсутствовала эта единственная плomba?! Но о ней они вспоминали даже в самые яростные моменты, вызывая этим отвращение, наверное, не только у меня. Это они аргументировали одними и теми же словами: “Как же я посмотрю в глаза матери, если это случится?”.

Было очень смешно и противно смотреть на разгоряченную, обнаженную, лежащую в сумасшедшей позе девчонку с воспаленными губами, с которых срывались столь идиотские слова. После которых эти губы бесстыдно и сладко блуждали по молодому возбужденному телу. Я иногда спрашивал, а как после этого они могут смотреть в глаза родителям, на что они хихикали, возбуждаясь еще больше. А потом после всего, практически напрямую, эти губы требовали платы: шоколадок, кино и каруселей. И я, жутко презирая себя и их, водил в кино, поил сладкой водой, рассчитываясь за отдельные места на теле конфетами и мороженым. Так делали все в нашей многострадальной школе.

Еще хорошо помню, как в конце восьмого класса избивал всех подряд пацанов, которые оскорбляли одну красивую девочку из нашей школы, даже лупил ее бывших друзей, которые фыркали, сморщив носы и надувая губы. А историка, прижав в мужском туалете, долго тыкал кудрявой головой в отсыревшую и облупленную стену над унитазом. Все они травили и презирали девочку, которая сумела полюбить и отдалась полностью, а не частями, как было принято. Она ни у кого ничего не требовала. Она ходила по коридору, под самой стенкой, перепуганная и счастливая, вынашивая под сердцем ребенка своей первой и неумелой любви. Был еще и девятиклассник, который тоже ходил с опущенной головой. Эти ребята боялись даже подойти друг к другу, боялись перемолвиться словом, взглядом. Она

ждала с мыслью, скорее бы закончился этот ненавистный восьмой класс, чтобы убежать подальше от людей, которые завидуют целостности их любви, завидуют потому, что они так рано нашли друг друга и были счастливы.

Их травили открыто, радостно, с наслаждением, но полностью насладиться травлей никто не смог. Я мешал этому и был очень горд. Конечно, было тяжело бороться с педагогами. А ведь именно они с особым удовольствием занимались травлей и поощряли ее. Но я разрабатывал и находил способы борьбы.

И тут вдруг начали влюбляться в меня девчонки. Я потихоньку становился одним из тех редких избранных, которым они готовы были отдаться не по частям. И даже молодые учительницы задумчиво глядели на меня во время уроков, пока я после бурных ночей тихо спал на последней парте. Действительно, чудо! Сразу две царевны-лягушки.

И одна все-таки догляделась. Это была даже очень симпатичная женщина. Но я был озлобленный, а значит, жестокий. Мне сейчас порой кажется, что моя жестокость не знала предела.

Она была для меня дрянной женщиной, обманывающей своего мужа. Я злобно гордился этими первыми рогами, которые я наставил взрослому мужчине.

Сколько боли и страданий я принес бедной и доброй женщине, которая и женщиной-то не была, а была двадцатилетней практиканткой, которая всего на пять лет старше своего юного любовника двоечника!

Была ли она порочней, чем эти половинчатые девочки? Мне это казалось верхом порока. Царевны-лягушки сделали действительно чудо: из бледного и хилого подростка я превращался в дерзкое, сильное и озлобленное существо.

В общем, учила она нас биологии. Учителей у нас называли по-разному. Был у нас и Физик Математикович, и Химик Технологикович, Физра Физрович — физкультурник, а ее называли просто и фамильярно — Наташка. Гак вот и появилась в моей жизни первая моя женщина. Те два маленьких чуда из леса я никогда не причислял к женщинам — они просто были из сказки. Она же — наш учитель биологии Наталья Александровна — была из презираемых мною женщин. Что ж, так бывает нередко: мы презираем тех, кто нас любит, и любим тех, кто нас презирает.

Биология... Я ее любил всегда. Впрочем, ошибаюсь, я просто любил животных, а биология меня пугала и раздражала. Уже тогда я чувствовал, что никакие цели не оправдывают издевательств над животными. Не понимал, как можно оправдать кровавые раны с натканными в них пластмассовыми трубками. Как смотрит тот, кто это делает, в глаза младших братьев?! А может, он делает это с закрытыми глазами? И после этого всему миру ученые мудрецы авторитетно объявляют, что умнейшие существа — братья наши — живут условными и безусловными рефлексами. Включилась лампочка — слюна закапала. Они смеются, находя записи предков о разуме и чувствах животных, смеются над тем, что животных очеловечивали и обожествляли. Они, никогда не общавшиеся с животными, не жившие рядом с ними, а только издевавшиеся над ними, заявляют, что нет у них разума, чувств, любви.

Добрый ты мой ученый, приковать бы тебя к бетонному столу, как бы ты при этом ни сопротивлялся, да провести все эксперименты с лампочками и трубочками, какие бы рефлексы и разум проявлял ты, что бы и откуда у тебя закапало и потекло и как бы описали тебя другие мудрецы? Но над тобой издеваться нельзя по закону, который создал ты сам, чтобы можно было безопасно издеваться над другими существами, при этом прогундосив девиз, что все нужно для людей. Вот только — для каких? Все это нужно для медицины. Но для какой?

Наша биологичка Наталья Александровна, как и я, любила животных и, кажется, тоже стеснялась биологии. Она обожала собак. У нее жило штук пять-шесть всяких мелких и редких по тем временам пород. Была пара пекинесов и еще какая-то мелочь. Я пошел посмотреть и остался на ночь.

В ее доме смотрел с удивлением не на пекинесов. Восьмиклассника поразили ее

глаза.

Она спросила меня, почему я такой злой, почему обижаю всех, а защищаю ту беременную девочку. После этого я остался. Я подошел к ней, взял двумя руками за голову и поцеловал так, как меня учили мои лягушата. Вот тогда я, наверное, впервые и перепутал нежность, ласку и доверие с похотью. Конечно, было и желание. Но не оно оказалось главным в тот день.

Я знаю женщин теперь и могу сказать, что это было. Женщины любят силу и стремятся к ней до тех пор, пока с возрастом наконец-то приобретают ее сами и начинают ею пользоваться, страшно и неумело, пугая собственных детей и уродуя и без того уже никуда не годных мужчин.

Она тянулась к силе, а проснувшийся во мне зверь рвался к ее телу, презирая душу

Не могу сейчас говорить о себе в третьем лице... Потому что все это сделал я. Это все, наверное, нельзя искупить. Не знаю, можно ли свалить на неведение. Наверное, нет.

Оттолкнув ногой слишком наглую императорскую собаку, я опустился с нашей учительницей биологии на кровать. Она тихонько плакала, не понимая себя. Ей было стыдно перед всем миром: перед мужем и перед скулящей разношерстной толпой, скребущейся возле кровати. Я был в восторге и искренне потешался над абсолютным неумением взрослой замужней женщины. Даже тогда сквозь презрение я удивился этому. Но сила, пусть и не такая, какой должна быть, сделала свое дело. Дрожащие пальцы Наташи все время пытались закрыть мне глаза, а я насмешливо овладел женщиной, которая, может быть, впервые становилась ею. Она отдавалась мне с упоением, бесконечно повторяя:

“Прости меня. Прости меня...” А потом, лежа в постели, уставшая, как никогда в жизни, счастливая и махнувшая рукой на свой стыд, рассказывала мне о том, как я защищал беременную девочку, как она видела мою драку за школой, а рядом стоял тот, чью женщину я защищал, и только испуганно хлопал глазами. Она говорила мне, что это ей очень знакомо.

Очень жаль, что я полностью не смог тогда понять женщину, которая в двух словах рассказала мне свою жизнь. Рассказала, как всегда пугали ее мужчины своим хамством и похотью. И когда встретила доброго, тихого интеллигентного человека, сразу же поспешила выйти за него замуж. А потом поняла, как легко перепутать интеллигентность и доброту с обычной трусостью. Ее муж, как часто бывает сейчас среди мужчин, был беспросветным трусом. Не понял я нашу бедную биологичку. А жаль.

Да, весь мир словно дрогнул и покосился. И обучал премудростям любви в супружеской постели замужнюю женщину двоечник восьмиклассник.

Сейчас я лежал на полу, упершись головой в школьные альбомы, и сквозь громовой храп Серафимыча вспоминал ее. Мне всегда везло на женщин, просто на удивление. Биологичка была прекрасна. И я никак не мог скрыть свое восхищение от большой груди с маленькими и как бы фарфоровыми сосками. Я научил ее отдаваться и любовался этой дрожащей грудью, над которой поднимались нежные, круглые, полупрозрачные плечи. Она была тоненькой, и от этого ее грудь сводила с ума. Все было детское и прозрачное, покрытое белым нежным пухом. И при этом большая, колышущаяся, бесстыдно торчащая вперед грудь.

Она любила меня, как сумасшедшая, взхлеб, причитая, до боли сжимая мне руки. Очень жаль, что я не помню ее звездных знаков.

Она держалась, как только могла, не подавая виду, что хоть сколько-нибудь знает меня, но даже вопли жизнерадостных младших классов не могли заглушить ее бьющегося сердца и дрожи во всем теле. И я с ухмылкой вскидывал на нее глаза, глядя в упор, после чего она всегда что-то роняла. Я безжалостно потешался, поднимая упавшие тетради и журнал, отдавал их, стискивая ее ледяные пальцы, после чего все снова выскальзывало из Наташиных рук. Я уходил все по той же дороге из школы, закончив свой восьмой класс. И только один-единственный человек во всей школе, во всем мире кусал губы и пальцы до крови оттого, что я уходил. Даже тогда я понял, что это первый человек, которому я безумно нужен в этом мире. Она шла по длинной и узкой улице, утонувшей в вишневых деревьях,

шла и плакала, никого не стесняясь, бессмысленно причитая у меня за спиной. Помню отдельные слова: “Милый что делать? опять одна”. Непередаваемое, странное зрелище, одно из самых странных на нашей Земле, — когда красивая, нежная, умная женщина причитает от страха остаться одной. Она довела меня до самого двора, и перед тем, как зайти в калитку, я четко осознал, что нужен этой девочке женщине, что это я ее сделал женщиной, и значит, остался в ее сердце навсегда. Но, хмыкнув и сглотнув тугой комок, застрявший в горле, я ушел от нее навсегда по вытопанной бабушкиной клумбе. Двоечник жаждал других жертв в новой, теперь уже самостоятельной жизни. Разве он понимал, кого обидел? Девочку - практикантку, которая старше была всего то на пять лет

Как мне порой хочется увидеть тебя, Наташа Александровна!

Я громко захлопнул альбом, не выдерживая больше силы памяти, и, перебравшись на кровать, ушел в сон, не веря в его успокаивающее действие.

ГЛАВА 6

Сон не принес спасения, просто поменялись уровни памяти. Теперь сон унес меня на истоптанную бабушкину клумбу.

Я уже не страдал и не боялся своих близких, как и материнских слез. Просто люто ненавидел все. Я был уверен, что, если вырвусь из школы и этого ненавистного двора, будет что-то новое и гораздо лучшее.

Я часто задумываюсь, ведь не со мной же одним так поступает жизнь. А как же другие? Ведь у них не было Учителя.

В конце восьмого класса дряблость и хилость каким-то чудом исчезли, ведь внутреннее и внешнее неразделимы. Появилась злость, какая-то необузданная дерзость и подарок от папы — невысокий рост с крепким телом. Папа мог бы гордиться своей юной копией.

Появилась еще одна новая проблема — отец ушел от нас навсегда, как, сквозь рыдания, объяснила мне мать. Ушел в одном спортивном костюме, оставив все. Впрочем, все — громко сказано. Это “все” означало “ничего”. Но оставил он нас в доме своих родителей, а значит, на полное съедение. Мы были совершенно чужие. Бабушке с дедушкой куда интересней было взять квартирантов. О том, что мы чужие и ненужные, они заявили нам сразу. Куда же было деваться — наипервейшая неразрешимая задача. Огромный дом, такой же двор, большое хозяйство, которое бабушка с дедушкой безмерно любили. Ох, как безбедно они жили! Даже слишком безбедно! А мы на фоне всего этого благополучия очень часто сидели с матерью на хлебе. И ее женский вой уже начинал сводить меня с ума.

Я полностью перестал уважать свою мать. Была заветная мечта — быстрее уйти от всех и все забыть. В общем, сделать то, чего, оказывается, сделать невозможно. Прости меня, мама, но было именно так. Для меня это просто загадка, почему же я, единственный ребенок единственного сына своих бабушки и дедушки, был никому не нужен. И даже после сумасшедше веселых пиршеств с воплями и пальбой из дедушкиной двустволки по воронам, что по глупости пролетали мимо, — после этих радостных оргий, мы с матерью не получали ни куска с заваленных едой столов. Что могла заработать женщина, чтобы прокормить себя да здорового уже мужика?

Восьмой класс, особенно его конец, запомнился мне еще одним — постоянным диким желанием есть. Ненависть, раздирающая грудь и все внутренности... Ненависть, не детская и даже не человеческая, родилась внутри восьмиклассника. Однажды в момент дедушкиных празднеств я сидел, подперев голову, во дворе, чтобы не слышать материнских причитаний... И скажу честно: очень надеялся, что хотя бы меня дедушка позовет для того, чтобы накормить. Я хотел есть, как собака, о которой по какой-то причине совершенно забыли. Во двор с кучей гостей из дому вышел шатающийся радостный дедушка с двустволкой наперевес. Все друзья тоже были веселы — точные копии моего дедушки. Только рядом с ними были не перепуганные бабушки, а наглые и самодовольные

любовницы, которые смело покрикивали на своих “мужей для развлечения”.

Дедушка, совершенно не стесняясь бабушки, стоял в обнимку с рыжеволосой дамой, которую тоже стеснение мучило не слишком сильно. При виде всего этого злость всегда душила меня. Дедушка уперся прикладом в плечо и дуплетом бабахнул по сидящим на дереве воробьям явно не воробьиной дробью. Поскольку к их ногам вместе с размочаленным воробьем упала толстая ветка.

— Ну-ка, внучик, — начальственным тоном произнес он, заряжая двустволку снова.

Пропало все: стыд, обида... Мелькнула первая мысль: “Накормят! Может быть, потом что-нибудь достанется и матери”.

Когда он напивался, клумба становилась излюбленной темой.

— А ну-кась, внучик, — дурачки уродея слова, снова обратился ко мне дедушка. — Расскажи-кась, как ты, червяк, испортил клумбу, — величественным тоном потребовал он.

Все дружно заржали. Не знал он тогда, что обращается уже к совсем другому человеку. Откуда было ему знать за его важными делами о плачущей матери, о том, что он вырастил достойного сына? Откуда было ему знать о моих белых и сладких лягушатах, о школьных половинчатых девочках, о собаках, которых живьем распинают на хирургических столах, требуя от них мыслей, добиваясь при этом только крика и страха? Откуда было знать, что совсем недавно, уткнувшись белым лбом в его ворота, обо мне, а не о нем рыдала красивая полногрудая учительница биологии? Разве мог даже подумать о том, что я молотил тех, кто обижал маленькую, неприметную беременную девочку? Я больше не был тем перепуганным и задерганным внучиком. А ведь он так любил показать свою силу!

Да, так мой бедный дедушка не ошибался никогда в жизни! Ничто и никто не может изменить человека. Человек меняется сам, по собственному желанию. Создатель дает ему эту возможность. А в какую сторону — человек выбирает сам.

Не вставая с места, я набрал полную горсть грязи и очень удачно, одним броском, залепил всю дедушкину физиономию.

— Да я тебя! — одним движением вытершись, взревел он, как раненое животное, и наставил на меня двустволку.

И вдруг такой грозный, такой непобедимый дедушка показался мне мерзким, маленьким, до невероятности жалким.

— На колени! — наставляя на меня ружье, уже по-серьезному хрипел дед.

Я медленно встал, подошел к нему, и дуло уперлось мне в грудь. Он даже не сопротивлялся. Бедняга... Он пропустил момент, когда внука уже нужно было уважать. В это время из дома выбежала бабушка.

— Ба, — спросил я ее, выдернув ружье за ствол и упершись прикладом в плечо, — ба, зачем тебе этот придурок? — И я ткнул ружьем в круглое брюхо деда.

— Сереженька, Сереженька, — запричитала бабуля, — прошу, не надо, не стреляй!

— Что! — поразился я. — Стрелять?! Да я же за него отвечать буду! Вы что тут, совсем обалдели?!

Публика была в оцепенении. Я со смаком прицелился в телевизор, стоявший на веранде. Мои родители за всю жизнь так и не нажили такого богатства. Как же он бабахнул! И какое это было наслаждение!

— Почему же ты так живешь? — я снова обратился к бабушке. — А когда он спит с этой рыжей сукой, ты выходишь в другую комнату. — Один ствол был еще заряжен.

— А, дедуля, — я повернулся к нему. Дед дрожал, как побитая дворняжка. По лысине обильно текли струи пота.

— Ну что, местный деспот, — спросил я его, перехватив ружье за ствол, — врезать тебе этой штукой? — Я помахал перед его носом прикладом. Дедуля издал что-то вроде мычания. На большее он был не способен. Конечно, я могу понять, все это его сильно удивило.

— Клумба испорчена! — я хмыкнул. — А как назвать то, что случилось с бабулиной жизнью, половой ты наш гигант?..

И я с размаху щелкнул прикладом по сиденью перезрелой рыжей красавицы. И, что меня удивило, она не издала ни звука, только как-то тихонечко, не по-человечески хрюкнула. А я, сколько было сил, врезал двустволкой об угол дома. Приклад разлетелся в щепки.

— Держи, снайпер! — Я протянул деду два покореженных ствола. Дед взял остатки ружья трясушимися руками.

— А теперь — все в дом, ублюдки! Сегодня я с матерью покидаю ваше гостеприимное гнездо. Скажите спасибо, что не сжег его!

Больше своих дедушку с бабушкой я не видел никогда в жизни. Потом через огород я направился к матери. К ней тогда еще не вернулась кипучая энергия. Она была жалкая, испуганная и податливая.

— Собирайся, — сказал я. — Мы сейчас же уезжаем отсюда.

— Куда? — испуганно спросила мать.

— К твоей матери, — ответил я.

— Но, Сереженька, — возразила мне мать, — о чем ты говоришь? Ведь у нее одна комната. Да и живет она в коммуналке. Ты хоть знаешь, что это такое?

— Узнаю! — ответил я. — Не оставаться же в этом гадюшнике! Да и не получится остаться. Я с дедушкой немножко поругался.

— Ты?! — поразилась мать. Но ведь это была мать. Взглянув на меня, она сразу все поняла, чего не смогли сделать ни дедушка, ни его мудрые гости.

— Наконец-то! — вскрикнула мать. — И давно это с тобой? — поинтересовалась она.

— Лишь бы надолго, — мрачно ответил будущий девятиклассник.

— Собираюсь...

В восьмом классе у меня появилось много друзей и обожателей, так что организовать грузовичок ничего не стоило. Много злости накопилось в этом странном восьмикласснике... Я попросил шофера проехать через огород и пару оставшихся клумб. Он страшно удивился, но, честно говоря, сделал это с удовольствием. Заложеной какой-то непонятный секрет в этом удивительном создании — Человеке.

В окнах мелькали физиономии уже не гуляющих, а прячущихся гостей.

Забросав в грузовик жалкие пожитки, я взял здоровенный дедушкин портрет, почему-то висевший у нас на самом видном месте, и вернул его оригиналу, вышибив двойную раму в окне. Я уезжал с того места, в котором родился, с места, в котором выжил, в котором вырос, с места, в котором потерял отца, деда и бабушку... Уезжал оттуда, где покаречили мать и мою душу. С места, где меня любил один-единственный человек — презираемая мною, непонятая женщина. Уезжал оттуда, где не любил никого. Это было прощание с детством. Меня никто не делал ни жестоким, ни злым. Я не попал ни под чье влияние. Я попросту никому не был нужен.

В этот же день вечером нас принимала коммуналка и тихонькая, всеми любимая и уважаемая инфантильная бабушка. Она все поняла с первых слов, тихонечко поохала. День был воскресный, и забивающие козла соседи дружно ринулись помогать нам разгружаться. Их удивила скромность скарба, мужчин еще более удивила привлекательность моей мамы. Ну, а молодое поколение радостно, но, как и положено, настороженно воспринимало меня.

Коммуналка оказалась действительно потрясающей вещью: длинный коридор, с левой и правой сторон двери махоньких комнаток, в которых ухитрились размещаться чуть ли не по двадцать человек. В конце этого коридора была небольшая кухня и туалет с ванной.

Может быть, где-то и были дружные коммуналки. Сейчас очень часто и с удивлением я натываюсь на телепередачи, где какой-нибудь сумасшедший старикашка или старушка сетуют, буквально плачут, что живут они одиноко и даже не знают, как зовут соседей. И, горестно вздыхая, вспоминают, как все дружили, как все вместе праздновали... Может быть, я не прав, мне ли судить? Может быть, где-то и были когда-то такие волшебные чудо-коммуналки? Но для меня коммуналка и гражданская война — абсолютно одинаковые

понятия. Я бы вообще, прежде чем выпускать в жизнь школьника, посылал его на практику на пару месяцев в коммуналку. Там становишься мудрецом. Одним словом, пожив в коммуналке, начинаешь искренне и неподдельно завидовать знаменитому герою Даниэля Дефо.

Но пока мне было не до проблем коммуналки. Нужно устраиваться на работу. И пошло бесконечное добывание справок о том, что у меня действительно тяжелое положение в семье. И еще одну справку, где я клятвенно заверял горисполком, что буду учиться в вечерней школе рабочей молодежи.

Все добыв, я устроился учеником мастера КИПа, а проще — слесарем по ремонту весов. Вот тогда и начались настоящие премудрости жизни. Я ходил по вызовам ремонтировать большие стационарные весы в столовых, ресторанах и кафе, где первым делом, когда приходил такого рода мастер, ему подносили стакан, наполненный далеко не лимонадом. Весовщики были ценными людьми, их всегда ждали с нетерпением и страшно любили. А тут еще был молоденький и злоющий. Таких любили особенно. Еще я успешно поступил в школу рабочей молодежи, а проще — в вечернюю школу. В моем аттестате о среднем образовании должно было теперь значиться не десять, как у всех нормальных людей, а целых одиннадцать классов. Школа меня устраивала вполне. Там умоляли появляться хотя бы раз в две недели. Проявляющийся один раз в неделю — это уже отличник. И что самое прискорбное, эта школа дала мне первую безумную любовь. Я влюбился как сумасшедший. Даже удивляюсь, как не погиб от этой любви. Она действительно была удивительной.

Ох уж эта Оленька! Я считал, что красивее женщин на свете? не бывает. Но ей было двадцать шесть, а мне только шестнадцать. Она была как девочка, удивительно наивная, тоненькая и прозрачная. Ох уж эта лягушечья память!.. Я не дал бы ей и семнадцати. Курносый носик, короткая светло-русая прическа, характер хулиганистого мальчишки и такая же фигура. Я жил только одним — скорей бы в школу!

Училась она там не потому, что до такого возраста все никак не могла получить среднее образование, а просто схитрила. У нее была навязчивая идея — поступить в институт. А аттестат был неважный. Так вот в вечерней школе она решила его улучшить.

Когда я вышел из школы, проливной дождь заливал все. Стало понятно, что добраться домой будет непросто. Я заскочил под зонт выходящего из школы невысокого худого паренька.

— Ну, не выгонишь же ты меня? — с улыбкой спросил я и потерял дар речи.

— Нет, не выгону, — усмехнувшись, сказала она.

Она жила в совершенно противоположном конце города. Я, конечно же, соврал, что мне туда же.

Есть она, есть — эта любовь с первого взгляда! И никуда от нее не денешься! А те, которые утверждают, что ее нет, — то почему же они должны говорить, что есть, если ее у них не было?

Я довел ее до самого подъезда. По дороге узнал все, что возможно:

в каком она классе, почему учится в школе. А потом в подъезде вцепился в перепуганную девчонку и, ничего не объясняя, сам не понимая зачем, почему-то начал, спеша, целовать ей руки.

— Дурак, сумасшедший дурак! — бормотала она, прижимая мою голову к себе.

Мне даже показалось, что это была одна из моих лягушат. Я был уверен в этом.

Как же тебя зовут, сумасшедший? — оторвав наконец-то меня от себя, спросила она.

Я так долго вспоминал, что она начала хохотать. Мы стояли в подъезде до утра. Мы рассказывали друг другу все, что могли: я — о себе, она — о себе. Это была одна из тех странных женщин, которые не выходят замуж для того, чтобы выйти, и поэтому в свои двадцать шесть она ни разу там не побывала. Потом, попрощавшись, мы договорились встретиться снова в школе.

Я шел по городу и страдал от того, что соврал о своем возрасте. И еще

периодически кусал пальцы, ведь у нее уже была первая любовь. Я никогда не думал, что это так больно. И снова новое и совсем непонятное чувство. Сколько же их будет — этих новых чувств в жизни? Наверное, много, до самого последнего дня. Я любил. Но как с самого первого мгновения была отравлена моя первая любовь!

На работу я решил не идти. Мастера КИПа себе могли иногда такое позволить. Зайдя в коммуналку, я услышал какие-то вопли и причитания — очередной скандал. Опять кто-то у кого-то украл мыло. А может, снова не поделили тараканов.

— Молчать — и по комнатам! — рявкнул я. В коммуналке меня уважали. А когда узнали, что мне только шестнадцать, то дядя Хаим, в ужасе всплеснув руками, воскликнул:

— Что же дальше вырастет из этого мальчика?

Да, жизнь в коммуналке была непростой. Туалет с ванной всегда был перегружен. Очереди надоели и так. Но самая длинная и постоянная очередь была именно возле этих дверей.

Коммуналка — удивительная наука... Все и всех ненавидел дядя Хаим. Каждый день он желал братьям по коммуналке столько, что если бы, не дай Бог, у него оказались экстрасенсорные способности, то от нас бы давно ничего не осталось. Но главное не это. Двадцать раз дети пытались забрать его к себе, но не смогли этого сделать. Впрочем, однажды за какие-то заслуги государство вспомнило о нем и выделило квартиру, так что дядюшке Хаиму поневоле пришлось выехать, чтобы уступить место очередному счастливцу, который не имел даже коммуналки. Дядюшка Хаим на прощание со слезами целовал каждую ступеньку заплеванной лестницы и даже кому-то оставил в наследство свою личную крышку от унитаза. Ох и загадочные существа — люди... И если кого-нибудь слишком интересует мистика, ради Бога, поверьте:

не оглядывайтесь на далекий Тибет, не задумывайтесь о монастырях и общинах, там все просто и понятно, поживите в обыкновенной коммуналке.

Снова школа. Оказывается, и в школу можно идти с бьющимся сердцем и трясущимися руками. Почему на первый урок она не пришла? Это был самый длинный, самый отвратительный урок в моей жизни. Как я жалел, что она не в моем классе! На перемене я, как сумасшедший, бродил вокруг школы. Где же она, где? Вот она, женщина, ради которой я готов на все. Да что же это со мной? Сердце лупило так, как будто хотело выскочить. Что же она со мной сделала? А если не она, то кто? Как назвать это очередное чудо?

Мне все время хотелось целовать ей руки, прижиматься к ладошкам губами и не отрываться от них никогда, целовать игрушечные *пальчики*, только и способные, казалось, ласкать меня.

И вдруг удивительные слова: “Знаешь, милый, а ну ее, эту школу! Пошли ко мне! У меня сегодня никого”.

И вот ее дом, двухкомнатная квартира, ее комната, красиво обставленная, ведь она была уже взрослая женщина. Работала начальником смены ОТК, что-то там контролировала. С моими сорока рублями ученика КИПа эта комната была просто непостижима.

— Мы сейчас напьемся кофе, — объявила Оленька. — У меня есть прекрасная музыка... У меня даже есть борщ собственного приготовления.

“Какой борщ, какой кофе, какая музыка!” — мелькнуло у меня в голове. Я хотел только одного — любить! А любить я умел.

Я схватил и повалил ее на огромное красное одеяло.

— Так сразу? — удивилась она.

— Какое сразу, любимая, — бормотал я. — Мы столько ехали, столько ехали! А сколько шли!

Она захохотала, но через несколько мгновений с удивлением уставилась на меня, а потом, жарко прижав к себе, объявила мне, что я — Бог!

Я готов быть кем угодно, лишь бы ей было хорошо, лишь бы она любила меня и никогда не оттолкнула от себя.

Потом она взмолилась, хватит, а я не отпускал ее. Через несколько мгновений она начала умолять любить еще. Глупая, она просила еще. Я мог бы любить ее до самой смерти, не останавливаясь ни на секунду. Никогда мне ни с кем не было так легко и хорошо. Если она чего-то не могла, то, не стесняясь, училась сразу. У нее было удивительное качество — она всегда говорила правду. Она восхищалась мной, и я был счастлив.

Тогда я ощутил впервые преимущества того, что женщина маленькая. Как легко и удобно было ее любить... Я вспомнил, как мне тяжело было в коммуналке с толкательницей ядра. Еще я с ужасом чувствовал, что та, которую я люблю, мало любит меня. А может, всем влюбленным так кажется?

Это была первая женщина, которую я не презирал, перед которой преклонялся.

Мы, уставшие и обалдевшие, лежали в постели, любуясь друг другом. Удивительная девчонка с прозрачной кожей, совершенно ровной и белой, без пятнышка и волоска, детские плечи и абсолютно без груди, но это почему-то приводило в восторг. Какое-то неземное создание! Я схватил ее на руки и начал кружиться на месте.

— Сумасшедший! Сумасшедший! Сумасшедший! — повторяла она.

И я действительно ощущал себя сумасшедшим. Я не знал, как выразить свое счастье. Впрыгнув в брюки, будучи совершенно уверенным, что со мной ничего не случится, я одним махом выпрыгнул в окно с третьем этаже. Да и быть ничего не могло. Потому что внизу была клумба, за которой явно кто-то тщательно ухаживал. Надо было видеть, как она испугалась.

— Сергей! — закричала она, наполовину высунувшись из окна своей спальни.

— Ну что вы так кричите, девушка? — удивился я, стоя по пояс в цветах. — Я сейчас же приду.

На пороге, забрав у меня цветы, она надавала тысячу ласковых тумаков, я подставлял бока, щеки, затылок и со смехом повторял одно и то же, миллион раз: “Люблю! Люблю! Люблю!”

Ну не могла, не должна такая любовь окончиться нормально. Такого не бывает в этом мире. Это невозможно! И я знаю почему. Ну кто бы прокормил этих двух идиотов, которые, устав от любви, устав от поцелуев, все равно сидели бы, уставившись друг на друга, до тех пор, пока не уснули бы от усталости.

Наверное, это и не любовь, наверное, это болезнь. Встречаются два человека, и в соединении рождается какой-то вирус, делающий безумными обоих. Да, бывают и такие тяжелые болезни.

Ах, люди... Вы хотите мистики, вы хотите чудес, аномальных явлений — распахните глаза и оглядитесь вокруг. Вы ходите рядом со всем этим, вы даже касаетесь этого руками.

Летающие тарелки? Они жалки и смешны по сравнению с человеком, Пусть тарелки летят дальше, куда хотят...

Не был я законченной сволочью. Любила меня еще и толкательница ядра — мощной спортивной любовью. Впрочем, я понимаю, чем она меня соблазнила. Нелегко отказаться от женщины, которая выше тебя на полторы головы и при виде которой мучает мысль, войдет ли левая или правая ее грудь в десятилитровое ведро. Много ли мужчин похвалятся, что имели дело с такой грудью. Вот только поздно я понял, что характер у нее соответствующий и, если что, не дай Бог, она прибегнет к насилию.

Это была красивая женщина, полногрудая, с талией, с округлыми широкими бедрами, с мощными длинными ногами, но уж очень в увеличенном масштабе.

Вся коммуналка знала о нашей любви. И когда уходили на работу или еще куда-нибудь ее родители, то, хотел я или нет, она брала меня на руки и уносила к себе в комнату. Я даже не мог представить, как можно сопротивляться.

Да, действительно, коммуналка — удивительное место. Один раз, зайдя к ней, через десять минут я резко открыл дверь, и в комнату к мастеру спорта буквально упало человек пять.

— Смотри, какой шутник, что вытворяет! — возмутилась тетя Соня.

— Экспериментатор! — буркнул кто-то.

И они, громко возмущаясь, хлопнули дверью.

— Успокойся, это нормально! — махнув мощной рукой, сказала моя ядерная любовь.

Какой же все-таки красивой она была! Кустодиев или Рубенс рыдали бы горючими слезами, увидев Машу. Даже я иногда жалел, что у меня отсутствует художественный дар. А так как писать картины я не умел, меня все время подмывало ее сфотографировать. Я твердо знал, что больше такого не будет никогда. Приятно было ощущать, что Леда, Даная — вот она — под боком... Но надоела, честно говоря, она мне до чертиков. Может быть, потому что не ощущал я себя Зевсом. До него я явно не дотягивал.

Я не знал, что придумать. Уставал я от этой любви, как от разгрузки вагонов. Намекал ей как мог. Но что ей намеки? Отделаться я не мог никак. А жили мы через стенку. Я так и не научился обижать человека, если у него искренние чувства. А тут искренность была абсолютной. Что такая женщина могла найти в юнце ростом метр с кепкой, до сих пор понять не могу. Я снова летел на крыльях к своей тоненькой любви. И однажды в излишнем упоении рассказал ей всю правду — что мне шестнадцать с половиной.

Я очень любил ее и не мог понять, почему же она так горько рыдает. А она рыдала так, что не могла говорить. Мои поцелуи тоже не могли остановить рыдания. Она рыдала и рыдала.

— Ведь я любила тебя! Ты это понимаешь?! — с рыданиями вырвалось из нее.

— Отлично! — возрадовался я.

— Дурак ты мой, ведь я люблю тебя, можешь понять? Ведь я замуж за тебя хотела. Дурак! Дурак! — повторила она. — А что потом? Ну, ты представь!

— Ну что, через полтора года поженимся. Она хмыкнула и снова надолго зарыдала.

— Сынок ты мой! — причитала она, отчаянно схватив свою голову, будто она должна была вот-вот взорваться. — А в двадцать, тридцать, сорок...

— Чего? — не понял я.

— Чего чего?! — всхлипывала она. — А ты представь: в сорок лет ты такой же останешься, а я — старуха.

Мы любили друг друга. Она успокоилась. Я считал, что успокоил. Прошел почти год, и однажды мы поссорились, не помню из-за чего. Три дня не виделись. Я еще не сказал о ее родителях. Это были любящие друг друга пожилые люди, тихие и спокойные. И только позже я понял, почему они смотрели на меня с испугом. Ведь это именно я заставил их совершить такой поступок.

Три дня мы не виделись. Это было слишком. И на четвертый день я летел на крыльях. А мне открыли чужие люди, чужая женщина объяснила, обалдевшему, трясущемуся, как в лихорадке, что только вчера она въехала в эту квартиру. И вдруг я понял, что, может быть, целый год втайне от меня они готовили все это. Она боялась, что я разлюблю ее, она хотела, чтобы я любил и помнил ее молодой.

Я вымаливал адрес. Какой там адрес?! Она предусмотрела все. Это был хитрый двойной обмен.

Вот так бывает. И осталась у меня любовь, толкающая ядра. Вечно доступная и жутко красивая. Спутники бы ей толкать!

Снова поплелся я в свою коммуналку, заранее зная, что ждет меня при входе непобедимый мастер спорта.

Что началось потом? С утра работа... Я выпивал поднесенный стакан, ремонтировал весы, постигая тайны искусства обжоривания покупателей. В вечернюю школу ходить больше не мог. Все напоминало о той, ради которой, казалось, жид. В душе рождалась все большая ненависть к женщинам. И ничего я не хотел тогда понимать. Это было время полного озлобления и непонимания даже самого себя. Где была тогда община с Юнгом и великим Учителем? Сейчас, конечно, понятно — нужны были эти испытания. Огромная ответственность лежит на мне. Ноша, которую сообща взвалила на меня община. Она

тяжела, но я сам подставил плечи.

Человек, имеющий знания, медленно сходит с ума. Он пытается изо всех сил отдать их другим. Это прекрасно и невыносимо тяжело.

Великий Учитель дал мне нести это знание. Наверное, знал, что никогда я не попытаюсь избавиться от него в пути.

С легкостью и счастьем порой я несу его, удивительные сновидения дает оно и силу, благодаря которой побеждаешь! Состояние целостности, знания, ощущение блаженства и абсолютного богатства, которое ни отнято, ни утеряно быть не может.

Но бывают иногда тяжелые пробуждения: полная пустота, отчаяние, осознание безысходности. Становится безмерно жаль себя. Хочется кричать, выть, кусать себе руки. Да, я знаю, так и должно быть, но я точно знаю еще одно: не дай Бог обычную, как у всех, жизнь! И еще я знаю: если бы Создатель мне предложил жить в безумном, беспросветном состоянии и один раз за всю жизнь почувствовать блаженство, в котором я иногда живу, все равно я бы выбрал этот один раз. Мелькнувший за всю жизнь лучик блаженства, дающий знания.

Община знала, что сделала. Судьба, линия жизни так сложилась, что я готов был, не согнувшись, принять всю сокровищницу знаний:

Наверное, не каждому это дано. И, наверное, не у каждого была такая жизнь — изломанная, покореженная, местами перебитая и неровно сросшаяся, в заплатах, в странном гороскопе, который означает символ жертвенной воли и еще массу положительных и отрицательных моментов. Они все утонули в данной мне Зодиаком ослепляющей ярости. Люди моего знака часто не доживают и до двадцати пяти. Они просто сгорают. Учитель знал об этом и дал жизнь, взамен предложив нести эту ношу. Он знал, что с самого начала я все равно выберу знания.

Вот и несу теперь груз, в котором нет памяти. То, что знаешь, легко забыть. Этот груз можно только понять. Можно ли забыть то, что понимаешь? Груз удивительный, соединивший в себе все внешнее и внутреннее, что есть в Человеке. И если раздавать его по частям, то знание тает в руке без следа. А если отдать его все, не каждый сможет нести эту тяжесть.

Человека можно сделать здоровым, избавить от многих болезней. Человеку можно помочь решить его проблемы, сделав более счастливым. Он поймет, зачем ему семья, жизнь, он найдет в женщине все, что искал и о чем мечтал. И если увидит, что женщина не такая, как хотелось, так ведь — он ведущий...

Человек поймет, что нет более четкого и яркого зеркала, чем любимая и желанная женщина, которую он создавал по крупинам. Чтобы она родила ему детей, здоровых, верящих им, двоим, понимающих и никогда не оставляющих тех, кого любят. Это очень важно, это дает состояние веры и любви.

Но есть еще состояние радости. Когда ты знаешь, что сделал то, ради чего выжил в Пути, то, ради чего не боролся, а получил за свой правильно пройденный Путь.

Что же это? Это когда появляется Он, тот, кто понял тебя и стал сильнее. Был бы ученик. Учитель всегда найдется.

“Ученика тебе!” — кланяются, приветствуя друг друга при встрече Мастера, и этим сказано все. И нет большего стремления у Знающего, у Любящего и у Радостного.

“Ученика тебе!” — гласит древнее приветствие. И кланяется тот, кого приветствуют. Спокойно и невозмутимо, ярко вспыхивая внутри страстным пламенем. Каждый хочет прожить эту жизнь.

“Ученика тебе!” Какой же он — тот, кто не побоится, подставив плечи, разделить твой тяжелый и бесценный груз? Ты есть Знающий, но правильны ли твои знания, правильно ли ты понял то, что выверено тысячелетиями, то, что собрано в бессмертный огненный сгусток, правильно ли ты понял — тебе скажет он. Ученик. Смейтесь в лицо тому, кто говорит о секретах или говорит: “Учитель не разрешил!”... Секреты есть только у мертвых или у тех, у кого нет ничего. Не разрешается говорить только ложь. Смейтесь в лицо

демонам, демонам глупости, себялюбия и самозначимости.

Блаженное, давно забытое состояние. Я сидел в тишине, на кровати, где спали я и мать. Посредине стоял огромный круглый стол. С одной стороны от него прижимался к стене старинный буфет, с другой — диван, на котором спали бабушка с сестрой. Возле нашей кровати была втиснута тумбочка с телевизором. Напротив телевизора стояла чугунная форсунка, а рядом — дверь. Больше девять квадратных метров не вместили бы ничего.

Чтобы подойти к печке, нужно было встать с кровати и пройти по дивану. Под столом невозможно — там лежали вещи, так же как и под кроватью. Жили, задыхаясь, но мы хотели жить...

Благословенная форсунка! Сколько трагических и веселых воспоминаний у меня с ней связано! Грела она великолепно, даже в самые морозные дни. Но только когда горела. Зимним утром мы долго полушутя-полусерьезно переругивались, глядя на покрытые инеем стены, решая, кому же вставать и включать ее, родную. Спать с включенной форсункой не рисковали никогда.

Посидев в тишине и насладившись ею, я ушел. Скоро должны были прийти обитатели девяти квадратов. Я брел по набережной, обремененный массой человеческих желаний. Хотелось завести собаку и чистую любовь, если таковая имеется в этом мире. Собаку хотел огромную, страшную и красивую. Вспомнив девятиметровую каморку, я хихикнул, а представив любовь, хихикнул еще злораднее.

Родственники вдруг с ужасом обнаружили, что у меня проявляется “наследственность” — так они выразились. Мой дедушка был любителем выпить, и я часто появлялся с запахом.

И вот однажды — о чудо! — папа, на то время заведующий кафедрой физвоспитания, вспомнил обо мне, видимо, благодаря маме “Осень большая целовека” — как сказал бы в шутку Юнг.

Небрежно и брезгливо оглядел он место моей работы, полупьяных начальников, почему-то вдруг вставших по стойке “смирно”.

— Пойдем! — сказал он. И я пошел. Я любил своего отца.

— Лаборантом будешь работать.

— Да кем угодно! — махнув рукой, икнул в знак согласия я. У меня к тому времени был уже первый разряд. “Мастер КИПа” — гордо именовалась моя профессия.

— Ну, а пока, — сказал отец, — начало лета... и я нашел тебе отличную работу.

Будильник мне дала мама. Ого-го какой! Он с трудом, но все же будил меня. Открыв глаза, я вскакивал. “Быстрее, быстрее!” — мысленно подгонял я себя. Схватив ключи, сбегал со второго этажа преподавательского домика, вслепую открывал обшарпанную дверь в неказистое здание, подбегал к микрофону, падал на стул и, встряхнувшись, включал тумблер, после чего невероятно бодрым голосом, изо всех сил изображая убедительность, четко и властно заявлял.

— По лагерю объявляется подъем! С добрым утром, товарищи!

После чего валился на заранее приготовленную, стоявшую рядом раскладушку и спал до тех пор, пока не просыпался.

Помню, как ругал меня заместитель начальника лагеря по спорту за то, что я однажды забыл выключить тумблер, и сладкий здоровый храп в течение получаса разносился по лагерю, пока несколько преподавателей взламывали дверь радиорубки. Какие жуткие муки за шестьдесят рублей в месяц!

Я представляю, сколько проклятий бедные студенты обрушивали на мою голову, слушая мои заявления по радио. И еще была махонькая бабушка преподаватель, старенькая, трясущаяся, которая никак не хотела уходить на третью уже по сроку пенсию, а все мучила и мучила несчастных студентов. Все прекрасно знали, что не смогут ее выдворить никогда — уж слишком она была заслуженной и почтенной. Еще все знали, что умрет она прямо на паре, читая свою любимую эстетику. Хорошенькое же представление об эстетике было у наших студентов!

Добрая, трясущаяся бабушка однажды поймала меня возле родной рубки и, буквально рассыпаясь, очень долго объясняла, как я скуп в своих объявлениях. Она утверждала, что обязательно нужно говорить:

“С добрым утром, дорогие товарищи!” и объявлять год, месяц, число и день, температуру воздуха и воды.

Я слушал ее, и мне становилось страшно. Я представлял, сколько же человек желают бабушке поскорее оставить этот мир. Но, видимо, из этих пожеланий она брала силу Сумела так приспособиться, волшебная старушка.

Объявлять все это я, конечно же, не объявлял, но жизнь моя превратилась в жизнь настоящего разведчика, который ни в коем случае не должен попасться на глаза страшной “тяфочке” (так почему-то студен ты называли старушку) Я понимал, что второй такой беседы просто не перенесу. Потому что на половине первой мне уже хотелось хохотать, кричать, бегать, хлопать в ладоши, и только внезапно нахлынувшее уныние с отупением спасло от шока бедную старушку.

Я метался, как раненый зверь, я хотел, требовал у мира любви. Очень хотелось быть кому-то нужным. Меня снова ночами начали преследовать и лягушата, и моя несчастная первая любовь, и белый высокий лоб учительницы биологии, уткнувшийся в некрашенные доски забора

— С добрым утром, товарищи! — в очередной раз я прерывал сон бедных студентов. — С добрым утром! — И порой эти слова вызывали у меня удивление. — С добрым утром! — вырывалось у меня по ночам, сопровождаемое непонятными всхлипываниями. Так, по крайней мере, утверждала она

Моя жизнь стала все больше усложняться Страшная бабушка меня полюбила Она постоянно придумывала, как можно еще больше усложнить мою жизнь. Заместитель начальника лагеря меня вызывал уже несколько раз Когда это случилось впервые, я зашел в его кабинет и ужаснулся. За столом торжественно сидела Аля Ханановна

— Вы знаете, молодой человек, есть прекрасное решение — не только баловать наших студентов музыкой, но и еще напоминать им о завтраке, обеде и ужине — чтобы не путались первая и вторая смены.

“Кошмар! — мелькнуло у меня в голове — Теперь нужно еще и в завтрак, обед и ужин объявлять первую и вторую смену”.

Я готов был разорвать мерзкую старушку. Спокойная жизнь закончилась.

— Конечно, Иван Иванович! — с улыбкой пообещал я. — Так все и будет.

Второй раз меня вызвали через несколько дней. Сидя за столом, Аля Ханановна сияла. Мои мучения, видно, наполнили ее неиссякаемой жизненной энергией. Она даже помолодела и, как мне показалось, стала меньше трястись.

— Вот что, молодой человек, — торжественно заявил директор. — Мы теперь будем объявлять, какой группе и когда идти на занятия, и у нас будет полный порядок.

И тут я понял, что нужно срочно и серьезно заболеть. Я попытался это сделать, на что мне сказали: “Ну понятно, больной. Ну и?.. Тебе что, тяжело в микрофон сказать?”

Стало понятно.

Мое положение безнадежно. Никто не считал, что я занимаюсь работой, поэтому не сочувствовали, и я совершил преступление: сломал радиорубку. Совершенно не разбираясь в аппаратуре, я взял в две руки усилитель и раз пять изо всех сил встряхнул. Это помогло.

— Ты проспал подъем! — завопил преподаватель физкультуры, с грохотом залетая в мою комнату.

— Нет! — торжественно и одновременно с печалью заявил я. — Аппаратура вышла из строя.

С каким наслаждением, лежа в кровати, я слышал то отдаляющиеся, то приближающиеся истерические вопли физкультурника:

— Подъем, подъем, подъем! Вставайте, сволочи! Вставайте, идиоты!

Оказывается, после подъема он был главным, потому что потом в лагере

торжествовала зарядка.

Он был противный мужик, и я радовался его проблемам.

Я блаженствовал на пляже, хотя душа и трепетала от мысли, что бабушка найдет какого-нибудь специалиста и усилитель починят. Но специалист не находился, и бедная Аля Ханановна (студенты еще называли ее Халявовна, и она откликалась — вот до чего довела третья пенсия) хирела на глазах. Старушка никак не могла найти способа “покушать” меня. Очевидно, я был вкусный, и из мерзкой старушки начал сыпаться песок.

Я блаженствовал под июльским солнцем, подставляя ему все места, которые только мог. Любовался девочками, бегущими по пляжу в том, что они называли купальниками. Малюсенькие лоскутики не закрывали ничего, и от этого по телу разливалась сладкая истома. Там же, на пляже, был у меня один интересный случай. Однажды, искупавшись, я вышел из реки и увидел двух молодых людей, которые что-то сосредоточенно изучали на песке. До меня вдруг дошло, что изучают они мои следы... Конечно, следы у меня были уникальные. Благодаря им меня пощадила Советская Армия. С этим дефектом в нее не брали. Я подошел к ребятам со спины. Один умник тыкал свежесломанной веточкой в мой след. Конечно, он был интересный. Казалось, что прошел человек в странной обуви. На всю стопу была как бы надета дощечка. Абсолютно прямая, без малейших вмятин. А там, где должны были быть пальцы, она заканчивалась, и они четко отпечатывались на песке. Это было плоскостопие в самой законченной степени. Я присел рядом и стал слушать.

— Смотри! — радостно проговорил один другому. — Вот и вся тебе теория. Вот это и есть соединение с практикой. Представь себе этого человека: очень короткие кривые ноги, массивный корпус, чрезмерно длинные руки. Какой блестящий пример происхождения человека! Ему, наверное, даже сейчас легче лазить по деревьям.

— Предельная волосатость, — подсказал другой.

— Да-да, — кивнул его напарник.

— Как бы я хотел посмотреть на него, — мечтательно произнес один из них. — Какое должно быть лицо, оно наверняка соответствует всему этому...

— Да, обязано соответствовать: приплюснутый нос, вдавленные виски... Великая наука, — обратился один к другому, — а ты говоришь... Что там кость. Тут по следу можно определить все — от и до.

— Ребята, вы кто? — не выдержал я.

— Антропологи, — гордо произнес один из них.

— Двоечники, — злорадно прошипел я, натывав им целую кучу своих свежих следов.

На них, обалдевших, было смешно смотреть. Мне даже стало их жаль.

Я мог бы хамить бесконечно, но тут заметил ее. Опять худенькая, дрожащая от нежности, так показалось.

— Как зовут тебя? — спросил я с сердцем, замирающим от восторга.

— Ира, — просто ответила она.

— Знаешь, Ира, — устало попросил я, — если можешь, очень прошу тебя, влюбись в меня. Мне тяжело и одиноко.

Поверх чудесного, крошечного тоненького носика на меня смотрели удивленно хлопая, глаза, отливающие небесным перламутром.

— Кто ты? — спросила она.

— Я тот, кто будит вас по утрам.

— Так это ты? — усмехнулась она. — У тебя хороший голос

В эту ночь я был не один, я поражал ее своими знаниями любви, а она меня — нежностью, которая заполнила всю комнату. Нежностью, всепоглощающей и загадочной. Мне было хорошо, но обман снова проглотил мои чувства.

Как хорошо любить тонкую, нежную, тихо вздыхающую в объятиях девочку! Маленькую и воздушную, ее можно легко поднять двумя ладонями над собой. Еще ее можно держать в руках, как белую бархатную птицу, которая дрожит и приникает к груди. Ее

можно брать на руки и, не опуская на кровать, целовать, бесконечно перебирая в руках. Еще одна белая птица, еще...

Вот она, моя последняя надежда.

— Ты нужен мне, — шептали губы, — ты сильный и красивый.

Она становилась коленями мне на грудь и тонкими пальцами перебирала губы, волосы, глаза, целовала и перебирала снова. Она, казалось, может растопить камень, растущий в моей груди. Она смеялась тихим смехом, как шепотом, и говорила, что я тот, которого искала. Ходила обнаженная в бьющих сквозь окна солнечных лучах. Они пронзали ее насквозь

Я снова был счастлив. Жил встречами “Ира”, — шептал во сне и наяву Ира осветила мою боль и злобу. Как много может сделать крохотная женщина с мужской злобой и неверием. Она может превратить все в любовь Когда же найдут этого механика? Я начал мечтать. Утром заору в микрофон: “Ира, мне хорошо с тобой, я люблю тебя”. И все проснется, чего никогда не могли сделать, слыша идиотское “С добрым утром, товарищи!”.

Сердце окостенело, и опять мне показалось, что навсегда. Неважно, как все подучилось, и неважно, как я узнал. Рама вылетела от удара кулаком, кровь хлынула, обильно поливая пол. Она лежала в постели с каким-то... Да кто его знает с кем!

— Почему? — с болью вырвалось у меня

— Он добрый, — тихо и испуганно сказала она. — Я нужна ему. Как же можно прогнать, если так просят. Пойми...

И вдруг я понял, что она просто дура и дрянь, а я — слепой дурак. Хотелось нежности — на, жри! Ну и наелся, наелся так, что решил уехать.

Экспедиция - пугающее слово означающее долгую разлуку с родными и с опостылевшей жизнью.

Что тебе надо? Живи. Мать сделала подарок — выхлопотала у отца кооперативную квартиру, а бабушка, тихая бабушка, открыла тумбочку, на которой стоял телевизор, и вынула деньги. Но сестра уехала. Она всегда любила жить по чуть-чуть у разных родственников.

— Живи! У тебя есть квартира и ликующая толкательница ядра, — умоляла мама меня, и я почти согласился. Но смерть бабушки, которую выносили уже из новой квартиры, подтолкнула меня вперед.

У меня вдруг появилось стремление к новому, необычному. И я уехал, увернувшись от салатницы, которую метнула в меня моя мама, от толкательницы ядра и от всего остального.

К тому времени мать отошла. В ней снова начала пробиваться кипучая энергия, и, поверив Георгию Серафимовичу Святодуху, я распрощался со всем, что связывало меня с окружающим. Не боялся я нового и неизвестного. Только бы подальше да поскорее.

Да здравствует экспедиция! Первопроходец, пионер. Я начинал так же, как и все великие путешественники Да здравствует экспедиция!!!

ГЛАВА 7

Воспоминания не придали особой бодрости. Сон был или не был... Проснувшись, я протер глаза и поплелся на кухню. Хотелось пить. Открыв холодильник, прилип губами к литровой банке знаменитого, воспетого Серафимычем МБК. Стало легче.

Дверь в кухню, скрипнув, отворилась. Судя по физиономии Серафимыча, он уже долго бодрствовал, тем более что зашел не один. С ним был какой-то парень. Сразу стало понятно, что он подчиненный. Со своими поездками в Китай, в Японию и так далее Серафимыч вышел на какую-то начальственную должность в речпорту.

— Садись, Серега, — хлопнул он меня по плечу.

Из холодильника появились чьи-то кости, какие-то консервы и большая бутылка водки. Однако чувствовалось: веселья не будет. Парень был расстроен давно и привычно. Святодух тоже для приличия хмурился.

— Сынок мой, — кивнул он в мою сторону.

— Саша, — вздохнув, произнес молодой человек. Я тоже слегка покивал, прихлебывая чай.

— Ну, Сашуня?.. — рявкнул Серафимыч.

Они налили по полстакана. Мне мой отчим даже не предлагал, знал — бесполезно, — давно махнув на меня рукой. Саша что-то хотел сказать, но Серафимыч, оттопырив губы, тряхнул головой.

— А, понимаю, — сказал его подчиненный.

“Интересно, что он понимает?” — подумал я. Мне было тошно, но из кухни уходить не хотелось. Нужно, чтобы кто-то был рядом, а они, я понял, не собирались говорить о тайном. Я тихонечко попивал свой священный зеленый чай. Правда, этот китайский чай почему-то был грузинским, но все же нормальным чаем.

Тут я услышал разговор, который встревожил. Опять неприятное ощущение чьей-то беспомощности, когда знаешь — помочь можешь больному человеку, но мешает что-то, глубоко сидящее внутри собственного тела. Как подступиться, как избавиться от дурной извилины в голове?

Уже тогда я знал главную тайну трав. Любая болезнь, говорил Учитель, является болезнью интеллекта. Поэтому ни в коем случае не нужно ставить диагноз, ни в коем случае не сосредоточиваться на приготовлении трав...

Есть такая работа. Сложная, требующая полной концентрации внимания, полной расслабленности тела, потому что только такой человек, влившийся в колебания окружающего, может составить сбор. И, конечно же, секрет трав невероятно прост, хотя величием своим равен самому Космосу. Травы, собранные когда луна в полной своей силе тянет соки на себя, вверх. За ними выходят на заре, чтобы через некоторое время на ярком солнце “объявить”, выпалить все ненужное, а потом в тени дать им дойти. Какими же чудесными становятся эти правильно собранные травы! С опасной и огромной силой они тянутся к составителю, забирая его энергию, силу, мысль и состояние. Каким же чистым и здоровым должен быть человек... А какое спокойствие должно протекать по его живому телу, наполняя жадно впитывающую жизненные соки траву...

Можно подобрать сбор под человека, для того чтобы вычистить его. Есть травы, способные выбросить из больного то, что он накопил за долгие годы, совершая ошибки. После этого легко разобраться, что с больным. Ведь любой орган, страдающий от накопления грязи, начинает звучать по-своему. Человек просто сам ощущает, где он больше разрушен. Потому что не кто-то иной, а он сам себе говорит об этом, выбрасывая то лавину желчи, то слизи, песка и даже груды черных непонятных камней.

Но все это ничтожно, детский лепет по сравнению с той непостижимой силой, которую нужно приложить, чтобы вымолить у больного эти действия.

Если назвал себя целителем, значит, ты можешь вылечить любую болезнь. Уметь вылечить — это ничто, уметь вылечить — это самое примитивное действие того, кто лечит. Высшее умение — убедить больного делать все, что говорит врач. Чтобы больной не упрощал, не улучшал, не изменял, как ему кажется, в лучшую сторону, а просто выполнял то, что ему говорит лечащий. Какой же силой убеждения нужно обладать, чтобы заставить человека сдвинуться с места! Чтобы он изменил хоть немного свой привычный, монотонный образ жизни. Ведь если заболел, значит, что-то нарушил в этой жизни, перестал быть единым целым. Лечащий — это все, ибо он заставляет открыть глаза. И только тот, кто может взять, вновь возвращается в мир, с которым он уже начал прощаться.

Конечно, кажется, что личная сила целителя должна быть невероятной, магической. Да, это именно так. Только вот в чем беда. Люди ждут не силы и магии, все почему-то ждут абсолютную чушь. Магия и сила — среди нас, и гот, кто лечит, владеет обычной человеческой магией. Не ждите, от вашего спасителя не повалит дым и огонь, но вслушайтесь, возьмите — и вы увидите настоящую великую силу и спасение. Силы стояли рядом и ждали, когда вы заметите их. Вот это и есть та удивительная загадка травника,

которую люди, очевидно, для собственного ложного успокоения и еще большей веры облекли в покровы невероятных тайн. Лечащий заставляет увидеть, он убеждает, что нужно уничтожить звериные инстинкты, глупость. Все соглашаются, но побеждают глупость и зверя единицы. И чем больше сила убеждения у лечащего, тем более сильный он маг.

Но не дай Бог навредить Тогда тысячи исцеленных не будут стоять ничего. Если хотя бы одному стало хуже, тогда он не Мастер и маг, а обычный преступник. Но у Мастера это исключено, хотя у него есть еще больший страх. Он не причиняет вреда, но твердо знает чем меньше он убедил, тем ниже его мастерство.

Я услышал простую и неприятную историю Потом, когда начал лечить и приобрел больше опыта, то именно такое встречалось чаще всего “Оно” съедало человека до самых костей, оставляя измученный дрожащий скелет и безумные, ничего не понимающие глаза. И эта болезнь, как мне кажется, пугала людей больше всего Ее совершенно никто не мог лечить Само же лечение отличалось от понимания мира в обществе, вырастившем меня Далеко не каждый больной соглашался лечиться и делать то, что ему предлагали. Не каждый принимал спасение. Мне казалось, это не моя вина — сам Создатель хочет, чтобы эти люди в невероятных мучениях оставили Землю

— Да поймите же вы, — слушая рассуждения Серафимыча и парня, не выдержав, гаркнул я. — Ведь умрет он скоро. Осталось совсем недолго. Пойми, Саня — легко, очень легко спасти твоего отца. Лишь бы только он слушал да делал то, что я буду говорить.

— А кто вы? — выдавил из себя обалдевший парень.

— Да никто, — выдохнул я. — Просто неудачник, знающий законы жизни и смерти.

У Серафимыча полезли глаза на лоб. Непонятно, каким чудом из открытого рта не вывалилась куриная нога.

— Да кто ты такой? — вдруг взревел он, плюнув этой ногой в меня. — Ты ты ты... — как из автомата, сыпалось из открытого рта. — У человека горе Мы всем портом не знаем, как помочь. Где только не лечили, куда только не возили его отца, — и он грохнул кулаком о стол.

Парень вертел головой, глядя на нас. В широко открытых глазах светилось то, что всегда мне давало силы. Это была вспышка веры, веры в меня.

— Кто я? Компрессорщик-разрядник... И еще тот, кто знает многое. По крайней мере о вас. О вашей печени — Я вдруг стал спокойным и даже ехидным. — Все знаю, да. Даже то, как вы один раз в три дня корчитесь на унитазах, кусая себе локти, а потом запихиваете обратно свой вывалившийся геморрой. Знаю, как вы хватаетесь за печень, которая вас толкает изнутри. А еще, — наступал я на него, — знаю, как просыпаетесь по ночам и испуганно стонете оттого, что не чувствуете рук. В них только через час возвращается кровь Что, еще? — не унимался я. — Может быть, то, что вчера вы не могли разогнуться в течение часа, ползая на четвереньках на работе? Вы боитесь, чтобы этого не узнала моя мать. Не бойтесь, она вас не бросит. Она умеет любить. Она хорошая, несмотря на свои вопли. А левый глаз у вас затягивает пленка, которая может держаться и день и два... Но скоро это будет дольше. Ну так что, папа? — вдруг взорвался я. — Что ты мне скажешь теперь? И, кстати, не “Мочу Больного Корейца” я пью, а пью то, что не дает мне стать таким, как вы, — испуганной развалиной, огромной и волевой, но потерявшей веру в здоровье. Наверное, даже вам становится смешно при виде маленьких белых таблеток. На этикетке пузырька бессовестно и нагло написано, что они сделают вашу печень такой же, какой она была когда-то в молодости. Зачем что-то менять? Пей их — и будешь здоров Как прекрасно и просто!

Во мне вспыхнул какой-то огонь. Школа, община, Учитель, мастера — все отошло в сторону. Может, в тот миг так было и надо.

Я встал из-за стола, подошел к кухонной двери, медленно и не спеша, как лист бумаги, проткнул ее насквозь открытой ладонью, вогнав руку по локоть.

— Вопросы есть? — спокойно спросил — Если есть, не стесняйтесь, Георгий Серафимович, спрашивайте.

Святодух тяжело дышал, выпучив глаза Внутри него раздавался какой-то

клокочущий звук.

— Ну поймите же, — тихо и спокойно продолжал компрессорщик, — каждый должен заниматься своим делом. Все дела необходимы на этой Земле. Но кто дал вам право, вам, из машинного отделения, давать советы, останавливать и учить меня? Когда я плюну на все, то приду к вам, и вы научите меня, что делать с парходами.

— У меня машина возле подъезда, — срывающимся голосом прошептал парень.

— Ну так поехали. — И мы направились к двери. На “Жигулях” катили долго, в другой конец города.

— Расскажи все по порядку, — приказал я.

— Да рассказывать нечего, — как бы извиняясь, ответил парень. — Веселым мой батя был всегда. Деятельный, даже очень, — как бы о чем-то вспоминая, хмыкнул он. — А здоровья сколько... Это не передать. Пятьдесят девять лет, а что вытворял. Даже удивительно. Пил часто, но умело. Куда там мне! И половины не осилю! Пятьдесят девять лет. И знаешь, ведь у него, ну это, любовница была, молодая. Представляешь?

— Ну, — буркнул я.

— Да что “ну”! — вздохнул он. — Почти девять месяцев, ни с того ни с сего температура. Вот так...

— Какая? — спросил я.

— Меньше тридцати восьми не бывает. А так — и под сорок. Когда как. Знаешь, — вдруг быстро заговорил он, — куда только не возили... И в Харьков, и в Киев, даже в Москву, вот.

— Саша, — не выдержал я, — объясни мне, какая разница — Харьков, Киев, Москва?

— Ну как же, — пожал он плечами. — Ну это, ну...

— **И что “ну”?**

— Да сейчас вижу. Но что сделаешь? А денег истратили... Последний раз всем портом сбрасывались.

— Да уж! — сказал я. — Ведь медицина-то бесплатная.

— Да ну ее! — махнул он рукой. — Пока не грянет, все так думают. Только слышишь, — Саша повернулся ко мне, — Серафимыч, того, он хороший мужик.

— Да уж, — ухмыльнулся я. — Конечно, хороший.

— Сережа. — Он долго молчал. — Туг вот что. Не верит мой батя уже никому.

Да, я знал — это одна из основных проблем.

— Все будет хорошо, — я хлопнул его по плечу.

Выехав за город и немного прокатив по земляной дороге, мы подъехали к частному дому, двор которого начинался с огромных железных ворот.

— Приехали, — тревожно вздохнул парень.

Дверцы машины хлопнули, ворота заскрипели, и мы направились к дому. Мне стало страшно. Это был мой первый больной, а рядом — ни Юнга, ни мамы, ни Учителя.

Саша тихо отворил дверь.

— Может, спит, — шепотом сказал он.

Пройдя через прихожую, он зашел в первую комнату. Я сел на стул, наблюдая, как мой новый знакомый роется в какой-то здоровенной коробке, набитой всякими бумажками и таблетками.

— На инвалидность хотят переводить, — сказал Саша. — А до пенсии чуть-чуть не хватило. Вот так.

Я долго с умным лицом пытался разобраться в бумаге, на которой рядом с тремя печатями корявым почерком была написана какая-то чушь. “Заболевание крови”, — я разобрал только эту идиотскую надпись. С таким же успехом можно было написать: чего-то не того съел и так далее. Очень походило на насмешку злого человека либо больного на голову.

— Ну как диагноз? — спросил Саша.

— Что ж, — кивнул я, — все понятно.

— Вылечить можно? — неуверенно спросил он.

— Вылечить нельзя только двоих.

— Каких? — испугался Саша.

— Мертвого и того, кто не хочет. Того, кто не хочет, и так понятно почему. А мертвому это не нужно.

— Да, — почесал затылок мой новый знакомый. И вдруг с дрожью в голосе прошептал: — Лишь бы захотел.

— Захочет, — сказал я и встал со стула.

Саша подошел к двери, приоткрыл ее и заглянул в комнату.

— Ну, батя, — неестественно радостно сказал он, шагнув в комнату, — глянь, кого я тебе привел. Врач, да какой! Всем врачам врач!

— Здравствуйте, — шагнул я в комнату.

— Ничего не хочу, — рыдая, выдавил из себя человек, закрыв лицо руками.

То, что я увидел, было действительно страшно. В кресле, закрыв лицо руками, сидел дрожащий скелет. Живая мумия вдруг зарыдала, затряслась и открыла лицо — желтое, горячее, со сверкающими глазами.

— Не трогайте меня, не трогайте, я устал. Дайте спокойно умереть. Убери его, Саша, убери. — Он дрожал, тыкая в мою сторону пальцем. — Меня такие смотрели, такие смотрели! — лепетал он. Нервы больного болтались на тонкой изъеденной постоянной температурой нитке.

— Ну кого ты мне привел? — Он перешел на слабый крик. — Меня смотрели такие, такие смотрели! — повторял он. — Кого же ты привел мне? — плакал старик. — Посмотри, сколько же ему лет? — Это была глубокая и серьезная истерика.

Даже сейчас я жалею, что не старый и страшный, не горбатый и с бородой. Этот секрет я, наверное, не разгадаю никогда. Ну почему таким верят больше, чем молодым, здоровым и сильным? До сих пор, увидев меня, больные откровенно разочарованно тянут свое “Тю-ю!” и многие признаются честно, что знаменитого лекаря они представляли маленьким, тщедушным, трясущимся старичком.

Сидящий в кресле все говорил и говорил, дергаясь и ни на секунду не умолкая. То кричал, то рыдал, то беспомощно ахал.

Я сам себе удивился, даже не знал, что способен на такое с больным.

— Заткнись, дед, заткнись! — заорал я, как сумасшедший, топнув ногой и размахивая кулаками. — Заткнись! — бесновался я.

Старик опустил руки и, открыв рот, тут же замолчал, перепугано глядя на врача, которого привел сын. Даже Саша отпрыгнул в сторону.

— Послушай, дед, — грозно продолжал я. — Как хочешь, могу уйти, только запомни: когда я состарюсь и поумнею или стану трястись, как ты, тогда уже будет поздно. Понимаешь? Ты мне ответь на два вопроса — и я уйду. — Я старался не дать ему опомниться. — Скажи мне, кровь у тебя жирная?

— Не знаю, — шепотом произнес он.

— Хорошо, — грозно сказал я. — Сейчас все объясню. Ты всю жизнь вставал и сутра заполнял свой желудок. Нет! Молчать! Ни единого “умного” слова. Ты сразу набивал свое брюхо хлебом, яйцами, колбасой, сметаной, нажираясь до отвала. Ведь сейчас-то похудел килограммов на сорок, не меньше.

Старик молчал, уставившись на меня.

— В обед... — продолжал я. — Впрочем, какой там обед: ты был полон сил и ел постоянно, с утра до вечера, запихиваясь борщом, молоком, сметаной, яйцами, свежим белым хлебом, все это заедая салом. Ты жрал и жрал, потому что это было главной радостью, счастьем и одним из высших наслаждений в твоей жизни. А сейчас ведь ничего не лезет? — грозно спросил я. — Так ответь: кровь у тебя жирная?

— Жирная, — кивнул старик, продолжая с открытым ртом смотреть на меня.

— Говори, дед, что будет, если взять стакан сметаны, она ведь тоже жирная, и поставить в холодильник? Что с ней будет?

Больной перестал даже дрожать. Он напряженно думал.

— Что с ней будет? — снова спросил я

— Станет холодной, — пробормотал он

— Думай, дед, пришло твое время

— Загустеет, — вырвалось у него.

— Умница, — подбодрил я. — А если эту сметану поставить на солнце?

— Скиснет, — жалобно прошептал он.

— Да когда же ты начнешь думать? — рассвирепел я окончательно.

— Станет жидкой, — поправился старик.

— Умница. — Я от удовольствия захлопал в ладоши. — Так вот слушай. Ты — доелся. У тебя такая жирная кровь, что она не в силах бежать своим путем, она загустела, и может стрястись что угодно. Она может закупорить какую-нибудь тонкую вену, может образоваться густой кусок. Жирная она, понимаешь, жирная... А помнишь, что происходит со сметаной в холодильнике? Так вот, твоя центральная нервная система... Тыфу ты черт! — выругался я. — Твоя башка, — я постучал по своей, — так перепугалась... А она, как ты знаешь, дед, руководит всем, и с ней нужно дружить. Так вот, башка повысила общую температуру тела. Помнишь, что происходит со сметаной на солнце? Она разжижается. Вот и кровь твоя бежит сейчас нормально, только так продолжаться долго не может, и если обезжирить кровь, то необходимости в такой температуре не будет. И ты, дед, снова станешь нормальным человеком. Фух! — выдохнул я и вытер потный лоб.

Старик затрясся снова, с трудом встал и взял мои руки в свои раскаленные.

— Обезжирь, сынок, — шепотом попросил он и заплакал.

— Обезжирь, — эхом отозвался его сын.

Старику действительно повезло. Был как раз тот чудесный месяц, когда можно собирать травы, ведь того, что я привез с собой, нужно было добавить ничтожно мало. Лечить можно только той травой, среди которой живет больной, — и никакой другой. Хотя почему-то у всех существует глупая вера в чужое.

Я поехал сам далеко за город, чтобы не разочаровывать ни отца, ни сына. Они бы точно никогда не поверили, что самые простые, свободно растущие травы могут хоть чем-то помочь. Это было выше их понимания.

Вот таким был мой первый больной, которого я убедил оригинальным способом. И, клянусь, больше я так старался не делать.

Болезнь со стороны казалась ужасной. На самом деле лечить ее было легче легкого. Меньше чем через два месяца полностью нормализовалась температура. И отец Саши стал выздоравливать. Вот и принес я в дом свою первую благодарность за спасенную жизнь — большую литровую бутылку самогона. То ли они все потратили на Харьков, Киев и Москву, то ли еще на что-то. Ко мне люди всегда приходят выжатые до конца после долгих скитаний. И эта проклятая нищета преследует до сих пор.

Есть правило, по которому больным нельзя говорить, сколько с них за лечение, а сами они почему-то не спрашивают. По этим правилам в наше время не проживешь. Но еще по законам лечения просто необходимо, чтобы больной расплатился. Только так прерывается космическая связь зависимости. Никогда больной не вылечится, если не расплатился. Расплачиваясь, он прерывает нить зависимости. Многие, забыв это сделать, удивляются, винят лечащего — болезнь неизменно возвращается. А ведь плата может быть любой. Даже катушка ниток, подаренная за спасение жизни, обрывает зависимость. Каждый дает столько, сколько может, но лишь поблагодарив от души, человек выздоравливает. Но самое удивительное: настоящий целитель практически обречен на голодную смерть, а ложный — на смерть сытую.

ГЛАВА 8

Весь в мыслях и неизвестно еще в чем, шел я к своей главной катастрофе, уверенным мягким шагом, к самой здоровенной и прекрасной ошибке в жизни.

Ошибка выглядела совсем невинно, на первый взгляд. Маленькая, хиленькая пятнадцатилетняя девочка. При виде ее я остановился, будто ударившись о стену. Она стояла и не плакала. Просто не знала, чем это кончится. Я посмотрел на нее раз И не увидел ничего. Посмотрел второй — и снова ничего не увидел. Так же, как и в третий Вглядываясь в ее лицо неизвестно в который раз, я почему-то увидел лицо Учителя и услышал его слова. “Ошибки прошлого ранят в самое сердце” Какое прошлое? Тут даже нет еще и настоящего.

Мне очень хочется рассказать правильно. Но так как это было более чем семнадцать лет назад, я все же попробую объяснить, что же это было. Со стороны законов тех удивительных и настоящих. Поверьте, здесь вы найдете и их

Надо же объяснить, что делала она, когда я смотрел первый, второй, третий и шестой раз Интересно, что она точно так же смотрела на меня Все забываю у нее спросить (вглядываясь, я увидел Учителя), что же увидела она Зачем спрашивать? Знаю все равно совет Вот так и живу в неведении

Стоим, значит, и глядим друг на друга Смотрит на меня круглая физиономия, с чуть приоткрытым ртом и круглыми черными глазами Ну прямо убиться в них можно! Потом я взял ее и повел к себе домой. Остальное пропускаю. Жена все-таки.

Она была наглая до безобразия. Вообще то, не знаю, кто кого затащил в дом. Но уже через пятнадцать минут мне хотелось избить ее до потери сознания. Шлепать своими лапами по щекам, чтобы эта наглая круглая физиономия превратилась в красный помидор. Представляете себе — помидор и две шальные круглые сливы посередине. Дело в том, что ни рта, ни носа у нее не было. Я их не рассмотрел даже сейчас. Только глаза стали еще сумасшедшее. Не могу подобрать другого слова. Сумасшедшие и дурацкие

Найдете мне хоть одно еще сравнение с женскими глазами, которые вы необыкновенно любите Они должны, обязаны (предупреждаю, это изречение в чистом виде мое и к Школе никакого отношения не имеет). Да, обязаны быть дурацкими и сумасшедшими! И выражать в себе все окружающее. Задумайтесь когда-нибудь о женских глазах.

Нос, уши — это мелочи Лишь бы не слишком мешали. Ну вот, только вспомнил о ней — сразу начал швыряться собственными цитатами. В общем, главное — глаза И если очень хочется, то можно и все остальное.

Вот она — первая, настоящая рана прошлого, которая останется навсегда

Наглая отличница, жалеющая, что не родилась пацаном Откуда было ей знать, что родилась для мук со мной и рождается уже не в первый раз для меня? Много наших жизней

В общем, жить друг без друга стало невозможно. Но ей пятнадцать, жестокая шутка Вот и будь счастлив, как можешь! Она пошла к маме и радостно поделилась своим счастьем После чего уже не радостно, но совершенно искренне вся семья начала ей выкручивать руки, объявив на всю школу (это по тем то временам), что, видите ли, эта красавица влюбилась, хочет бросить всех и все и быть счастливой Она смеялась над нотациями директора, учителей, ей было смешно. Когда любишь как сумасшедший, все смешно и противно вокруг, кроме твоей любви

Сбежала эта девочка среди ночи с третьего этажа по газовой трубе, накинув на себя ночную рубашку, сапоги да шубейку, и притопала поутру ко мне домой

Дозвонившись с трудом, мне, сонному, она спокойно все объяснила своими непонятными глазами. Я сразу проснулся. Значит, так, прикинул я, папа — пожарник, а это — пожарная машина на ходу. Если кинутся, то утром

— Ну вот, заяц, готовься. Минут через пять приедет за тобой большая красная пожарная машина.

И ошибся В двери ломиться начали сразу Я, конечно, был не дурак даже тогда и сразу открыл.

— Да мы!.. Да я! — завопил папа в пожарной форме, с трясущимися за спиной мамой и сестрой.

— Поймите, дядя! Я никого не выкрал, не изнасиловал. Забирайте, забирайте, — и начал подталкивать ее к двери

Тут сразу же все заткнулись. Забрали И больно ударили глаза. В них блеснуло “Предатель!” — “Ага, жди, — подумал я. — Предателя нашла” Сидел и думал, не обращая внимания на свою вопящую маму. Во-первых, да, это — она Но самое смешное, я не знал, где она живет. Так, примерно помнил — и все.

— Сколько же ей лет? — страшным голосом кричала моя мама

— Пятнадцать, — спокойно отвечал я. Мама ахнула и упала на диван.

— Да да, — подтвердил я, — пятнадцать и дадут. Все думают только об этом. А любовь? Какая там любовь? Разве им, умным, понять... Суши, мамуля, сухари, — буркнул я и вышел, хлопнув дверью

Что-то припоминая, я бродил в тех местах, где должна жить она. И тут, встретив ее подружку, узнал адрес. А это значит — улицу, дом и квартиру И начался невыразимый кошмар. Не было такого дома и квартиры, была только улица. Три дня я бродил по этой длиннющей надоевшей улице, тыкаясь в каждый дом по двадцать раз. “Ну нет такого номера, рехнуться можно”, — думал я. Меньший номер был, больший — тоже. А этого дома — не было. Мне стало страшно по настоящему могу не увидеть никогда в жизни больше круглую физиономию, с этими обалдевшими, дурацкими глазами! И *тут* я заметил, что, шатаюсь три дня по улице, постоянно натыкаясь на одно очень интересное здание под названием “Почта” Я кинулся к выходящему почтальону. Это была женщина

— Да вот там, за мостиком, этот дом

— Как? — завопил я — Ведь это же пожарка!

— Там и люди живут.

— Где? — удивился я

Из-за каменного забора огромного завода валил черным пластом дым прямо на пожарку Не верилось, уж очень нежилое было это здание. Ни простыней, ни белья, только пустой, Угрюмый двор. Потом я узнал, что наши доблестные пожарники в состоянии все высушить в ванной, на кухне и в комнате на батареях. Гордые оказались эти пожарники Не желали спать на черных от заводского дыма простынях

И действительно, к пожарке, со стороны завода, были прилеплены три этажа жилых квартир Я постучал в дверь в ожидании бури. Вопреки всем законам движения предельно напрягся

— Боже, кто пришел? — открыв дверь, радостно всплеснули руками лапа пожарник с мамой. Тут было чему удивиться.

— Проходи, Сереженька, — ласково сказала уже почти моя теща. Но когда я вошел, то сразу все понял. В углу сидел злобный и насуспенный, уже почти четыре дня ничего не евший, потухший помидор с опухшими печально дурацкими глазами. И вы думаете, он бросился ко мне в *объятия*? Как бы не так!

— Смотри, нашел! — хмыкнул злобный помидор.

Короче, все напились, наелись и отложили разговор на следующий день. Помню, блеснула в залитом алкоголем мозгу последняя здравая мысль: “Что ж я вытворяю? Ну зачем мне такой крутой помидор? Чего я с ним делать буду?”

На следующий день с больной головой и желудком я слушал мудрые проповеди пожарника. Ох уж эти солдаты! Мы сидели на кухне, он ритмично стучал рукой по столу, выговаривая загадочные фразы. Это выглядело примерно так.

— Ну, вот, потому что это, — удар кулаком по столу, — значит, в общем, того, — удар снова, — и поэтому что ж делать? “Интересно, — подумал я, — какое у него звание?”

— В общем, так, — и он снова забарабанил по столу, очевидно, боясь, что я невнимательно слушаю. — Ты понимаешь, ну совсем... Я почесал затылок и решил ему помочь.

— Ей пятнадцать, — сказал я.

Ох и странные эти пожарники! Он вдруг как-то непонятно подхрюкнул и начал четко говорить, но почему-то в стиле Ветхого Завета, которого никогда не читал.

— Семя, кровь моя, понимаешь, — сказал он, саданув кулаком о стол. — Творение она мое, понимаешь, дочь, ни в чем не отказывал. Я даю свободу, свободу и волю. Не деспот я, а отец, понимаешь! — Очередной удар по столу был сокрушительный. — Пойми, — продолжал он, — дочерей у меня всего только две. Одна уже — за алкоголиком.

“Бедный папа, — думал я, глядя на него, — какой там алкоголик? Ты ведь дочь отдаешь идиоту, кретину, пьющему МБК и мечтающему спасти целый мир, нищему компрессорщику, уже почти наполовину оглохшему от любимого компрессора, без малейшей перспективы на дальнейшее существование. Боже, что же я делаю? — Мысли бились в голове, как птицы. — Ведь я люблю. Конечно, люблю. Но как можно обрекать любимую на такое существование? А отказываться, наверное, уже поздно”.

А пожарник-папа все бубнил, но уже грустно, что очень хочет видеть свою дочь либо с высшим образованием, либо, на крайний случай, хотя бы на очень хорошей работе. “Что же ей смогу дать? — печально думал я. — А может, спросим у нее?” — вдруг осенило меня.

— Татьяна! — громко крикнул пожарник. — Иди сюда.

— Ну, чего кричишь? — Дверь на кухне распахнулась, и зашла исхудавшая, но уже счастливая моя жена.

— Я для тебя все! — гаркнул папа. — Кем хочешь быть, выбирай?! — громко крикнул он.

— Женой, — не задумываясь, ответил гордый помидор, и две сливы алчно и дерзко загорелись. — Женой, — повторила она, став в боевую стойку.

“Бедный папа, — снова подумал я. — Вот так, растили с мамой двух дочерей и увеличили семью на алкоголика и придурка”.

— А не рано? — спросил папа.

— Как раз вовремя, — ответила она. И тут пожарник просветлел.

— Как, уже?! — заорал он, схватившись за голову.

— Уже, — ответила она.

— Да ведь ты же только растешь! — звонко пропищала мама, ввалившись из комнаты в кухню.

— Значит, уже выросла.

“Да, поговорили”, — подумал я.

— На каком месяце? — с дрожью в голосе спросила мама.

— Чего? — не поняла Татьяна. Тут не выдержал я и расхохотался.

— Так вы ж уже, — удивленно сказала мама.

— Ну и что, — ответил я. И тут с ужасом понял, что это за люди. Раз уже, значит, должно. А раз уже и нету, значит, кто-то из двоих болен. — Вы извините, — попросил я прощения, — это у вас раньше так было, а мы неграмотнее.

Родители с уважением посмотрели на меня. Насчет этого все мои милые женщины могли не бояться. Меня коробила одна мысль, что где-то снова буду ходить я — маленький, перепуганный и истерзанный. Я не хотел второго себя и очень боялся этого. Боялся даже до общины, уж очень сильно годы моего унижения пропитали кровь.

Плохо понял я тогда слова Учителя: если растет сила в человеке, то только он и никто другой может сделать ее разрушающей либо созидающей. В этом у меня был действительно пробел. Я делал все упражнения внутреннего и внешнего развития. Конечно, усердно тренировался, несмотря на все злоключения, становясь сильным и обрастая окружающим безумием. Вот так и начала становиться светлая школа черной.

Женщины слишком рано ощутили что-то во мне, а после общины началось какое-то безумие. Ведь предупреждал Учитель, что сила может пробудить зверя — жадного, скребущего когтями по сердцу. Зная, что этого делать нельзя, я переступал человеческие

законы. В этот миг зверь прибежал ко мне из логова.

Ночь. Душная, одинокая, черная и давящая... Каждую ночь в одиночестве, лежа в рыхлой постели, я был потихонечку до утра, кусая губы и пальцы, тяжело засыпая. После часа или чуть больше беспокойного сна меня будила мать на работу — к ненавистному компрессору. Я мечтал закрыться в компрессорной и слушать уже любимое тарыхтение. Но было поздно. Всегда какими то непонятными путями через проходную прорывалась то одна, то другая, а то и по две. Я не звал их, а значит — предавал Далее через рев компрессора, закрывшись на врезанный начальником замок, я слышал тихий стук женских пальцев, который заглушал все, и даже прошедшую ночь Зверь приходил мгновенно и не желал мне объяснять, что через женщин лучше и больше можно понять мир Но разве так?!

Я напоминал себе охотника, который не может не стрелять, сам не зная почему, в пролетающих птиц. Добро и зло стали приходиться ко мне поодиночке, каждое в свое время. Но я точно знал, где добро, а где зло. Рыдал во сне по ночам, рыдал в компрессорной, хватаясь за голову, затыкая уши.

Я проклинал себя за расстрелянных птиц, за угробленные души этих женщин “Ведь я мужчина! — говорил я себе — Разве имею право калечить чувства, которые пробудил в них!”

Рев компрессора, казалось, посылал мне какие то проклятия за все сотворенное мною. Но как только прозрачные ногти касались снаружи облупившейся двери компрессорной, я вскакивал и говорил себе: “Ведь я мужчина! Не я прихожу, не я зову! Как может мужчина отказать, если женщина просит!”

“Вставай”, — ревел мне компрессор, становясь союзником и моим Зверем.

Ни одна женщина, которой я открывал дверь, не слышала компрессора

“Пожирай ее, — ревел компрессор, — рви”

И я рвал В крошечной комнатке на антикварной лежанке

“Молодец”, — ревел и хохотал за стенкой компрессор Но я уже был согласен с ним

А потом вспоминалось, какую дрожь восторга он пропускал по моему позвоночнику Я вспоминал вибрирующие кончики сосков, вибрирующие ресницы, кривящиеся и дрожащие губы. Вспоминал по ночам, когда ненавидел себя, когда просыпался от вкуса крови, текущей из прокушенных в отчаянии губ. Вставал и, ненавидя все, сгорбтившись, топал к своему холодильнику и снимал жар МБК

Ах ты, моя компрессорная, когда состарюсь, сложу о тебе поэму, — проклятая! В одно прекрасное время я понял, нужно бежать из нее, куда-нибудь, но бежать Понял тогда, когда в дверь компрессорной постучала не женская, а мужская рука. Не понимал я, что не любовь заставляла женщин идти ко мне, а стремление, животное стремление иметь здоровых детей Гнал их страх, который шел от ослабевших духом и телом окружающих мужчин Не понимали мы этого.

Я выпускал очередную жертву, и перед тем, как выйти, мы с ней столкнулись с одним из ребят нашего спортзала Что за наваждение? Удивительные вахтеры. Они не пропускали своих, не узнавая. Неясно, как чужие спокойно входили и выходили.

— Привет, — радостно сказал я старому приятелю.

— Погоди, — ответил он, положив руки на плечи моей белой птице — Зачем ты так, значит, это правда?

— Он просто лучше, — взмахнув белыми крыльями, ответила она.

— А я — задрожал он

— Не знаю, — честно призналась она Рядом стоял компрессорщик, хлопая глазами, как идиот Я не видел их вдвоем никогда.

— Ты любишь ее! — спросил приятель шепотом, едва шевеля губами

— Ты любишь меня? — спросила она, вздрогнув ресницами

Я рванулся вовнутрь — там хохотал компрессор. Я снова рванулся, вперед — там стояли они. И я ушел, пнув ладонями на выходе приставучего вахтера, оставив навсегда компрессорную, хохочущий в ней компрессор и их двоих, убитых одним выстрелом. Я шел,

шатаясь, как больной, прикрывая глаза рукой, в робе, оставив даже ключи от дома.

Компрессор сожрал все, что мог. Мою трудовую книжку и двух живых людей.

Кто шел? Наверное, не я. Это был приехавший из сказки, из понятной и радостной, с сильными людьми, очень красивыми и умными. Приехавший спасти наш простой мир, в котором он жил и должен жить. Не я это был, а какой то двадцатилетний, разрывающийся на две части мальчик.

Вот только кто сможет простить его? Может быть, простят ту, хорошую сторону. Я знаю, что первую А вторую? Она ведь тоже была частью этого мальчика.

Я хочу написать об Общине, о Школе, об удивительных и простых законах Космоса Но как о них писать, не рассказав о преследовавшем безумии? Я не писатель Мне это не нужно. Но, кажется, наконец то понял, что такое муки творчества Понял, почему художник кричит, хватаясь за голову, кричит, что нет у него вдохновения.

Я понял, почему у писателя дрожит рука, искривляя буквы Не потому, что вдохновение Просто в тот миг, когда хочешь отдать лучшее, вспоминаешь всю жизнь, от начала до конца Она бывает очень страшной, она хватается своими щупальцами, как осьминог, и даже иногда отбрасывает в угол комнаты, ударяя головой о стену.

“Я не могу!” — кричит художник, протыкая свой холст “Я не могу!” — кричит тот, кто пишет книгу, сжигая свои кривые буквы и пугающие слова

Теперь я знаю точно. Учитель был полностью прав Ошибки прошлого ранят в самое сердце Мне даже кажется. Учитель, что они частенько убивают наповал Что делать мне? Но я знаю, все равно найду силы дописать до конца, до твоих законов, великих и незыблемых, знаю, для чего пишу, хоть ты. Учитель, и не совсем одобряешь это. Да, я сын этого выжившего из ума мира Но ты же знал, куда посылаешь меня Что ж, ты не ошибся Все это не убило меня Ты знаешь, для чего я пишу Для того, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь так же оглядывался, как я. Или, не дай Бог, написал такое же.

Плохо соображая и бредя как в тумане, наткнулся я на прохожих. Дома никто не удивился. Не спросили даже, почему в промасленной робе. Я сидел в прихожей на полу, тупо уставясь на люстру, не понимал простую истину. Человек так же, как и животное, стремится продлить свой род, укрепить себя на этой земле. Но только животное это просто делает, а человек... Его разум довел до боязни продления рода, а желание довело до иступления.

— Ты чего, сынок? — испуганно спросила мать — Ты не нашел ее, тебя прогнали? Что теперь будет⁵ — Она начала переходить на крик.

— Да ничего, — ответил бывший компрессорщик — Женюсь я, вот и все.

— Ой! — радостно хлопнула ладонями она — И родители согласны? Ведь такая молоденькая.

—Согласны, согласны, —прошипел я.

— Георгий, Георгий! — радостно закричала мать

Из глубины квартиры выпрыгнул Серафимыч и как-то странно начал расплываться Вся квартира стала похожа на колышущийся сосновый лес.

—Ну, —прогудел Серафимыч, жуя что-то. —Здорово! Мать медленно расплывалась серым облаком, поднимаясь под по толок.

— Мы тебе даже квартирку бабушкину вернем, — пропищала она с потолка.

—Угу, —прогрохотал Серафимыч, полностью растворяясь у меня на глазах.

И вдруг я увидел, что он сегодня ел. В прозрачном желудке лежал слой борща, слой недожеванных котлет и еще слой какой то дряни.

— Вот будет хорошо, — послышался издали голос мамы “Ну вот, даже квартиру сохранили”, — подумал я, ковыряя пальцем полупрозрачную дверь кладовки.

— Работать будете, — пищала мама — В вечерний пойдете.

Силы были на исходе. “Господи”, — вспыхнуло у меня в мозгу. Вспомнились слова Учителя: “Родители ведут и, если не понимают, не доводят, виноваты только они и никто другой. И не будет им спокойствия ни тут, ни там”.

День был тяжеленный. “Здесь не нужен я. Где ты. Учитель? — Тяжеленный был

день. — Не знаю... А может, Серафимыч наступил на голову...” Я потерял сознание.

И увидел, что Святодух схватил меня за ногу и таскает по нашей огромной, кооперативной, чешского проекта трехкомнатной квартире. А голова моя бьется о пол, об угол длинного коридора, о дверь кладовки. Наигравшись сполна, он легко, как перышко, одним взмахом швырнул меня на стоящий в гостиной диван. Обливаясь слезами, за ним на коленях ходила какая-то старая корейка, похожая на Смерть. Она умоляла, чтобы меня не убивали, а Серафимыч, хохоча громовым басом, горстями хватал из воздуха огромные кедровые шишки и бросал в ее морщинистое лицо. Потом несколько раз подпрыгнул до потолка и хлопнулся своим широким задом на мою и без того сдавленную грудь. В одном углу стоял Юнг и плакал, как ребенок, протягивая ко мне руки. В другом — сурово молчал Учитель. Откуда-то из мути выплыла узколобая обезьяна в белом колпаке и халате.

— Сейчас все будет хорошо, — проворковала она и нежно погладила меня по голове. Потом из здоровенной ампулы набрала что-то в шприц и попыталась длинной иглой ткнуть в мою вену. С силой схватив ее за волосатую кисть, я провернул. Это уже был не сон. В моей крови только рис, овощи и зеленый чай. Укол мог убить. Оказывается, рядом было еще двое врачей. Они с ужасом застыли на месте. Разинув рты, стояли мать и Серафимыч. Я лежал в одних трусах все на том же диване. Обезьяна со шприцом, вереща, валялась на полу.

— Ну, хватит, — взревел я, впрыгивая в брюки. И, не совсем осознавая ситуацию, пнул ногой в зад еще одного человека в белом халате. Сперва они выбежали все в коридор, а потом, хлопнув дверью, кинулись к лифту.

“Так, — скользнула мысль, — конец ясен. Сейчас будет милиция либо санитары”.

Натянув футболку, я поскакал вниз по лестнице. Какое-то время нельзя было появляться даже дома.

ГЛАВА 9

Я бежал как угорелый, перед троллейбусной остановкой зачем-то оглянулся и врезался боком в нее. Оступившись и беспомощно раскинув руки, она упала, рассыпав красные яблоки по зеленой траве. Одно, подпрыгнув, выкатилось на асфальт дороги, а потом, подпрыгнув еще раз, — на проезжую часть. Я не отошел от передряг и поэтому помчался за ним, ничего не замечая вокруг. Я очень боялся, что его раздавят колеса. Оно ускользало, как нечто главное в жизни. Машине не удалось раздавить яблоко. Раздался визг тормозов, потом — тупой удар в бок. Я несколько раз развернулся на месте. Из машины выскочило человекообразное существо и, схватив меня за горло, с воплем начало трясти. Раздался женский крик, и грозное создание несколько раз сумочкой получило по голове, запрыгнуло в машину и снова умчалось вдаль. На тротуаре, глаза, стояли обалдевшие люди, а рядом со мной, на дороге, — высокая и красивая женщина.

— Ты с ума сошел, — сказала она.

— Смотрите, оно целое! — Я протянул ей красное яблоко.

— Сумасшедший, — тихо сказала она, вырвав яблоко. Потом схватила за руку и потащила за собой...

И вот компрессорщик сидел в прохладной комнате, утонув в мягком кресле.

— Пей, — услышал он и увидел перед глазами полный стакан прозрачной жидкости.

Экс-компрессорщику ни о чем не хотелось думать, и он не спеша выпил раскаленную жидкость, после чего заснул тихим сном. Каково же было удивление, когда, проснувшись, увидел совершенно незнакомую квартиру, иди, вернее, спальню с белой мебелью, обвешанную зеркалами. На столике возле кровати стояла здоровенная заграничная бутылка, наполовину пустая. При виде ее бывший компрессорщик понял, что хочет выпить.

“Ну вот, еще один порок прилепился”, — пронеслось в похмельной голове.

Но рассуждать о жизни совсем не хотелось. Я вцепился двумя руками в бутылку и начал усиленно лакать. Несколько раз глотнув, я услышал искренний смех, поперхнулся и поставил бутылку на место. В спальню вошла в халате, с мокрыми волосами, знакомая

женщина. Почти все сразу вспомнилось.

— С добрым утром, спасатель яблоч, — улыбаясь, сказала она. — Как дела?

Я бодро выскочил из-под легкого одеяла и так же лихо, с возгласом удивления, заскочил обратно, потому что был совершенно голый.

— А что ты так удивляешься? — усмехнулась она. “Неужели?” — пронеслось у меня в голове.

— Интересно, может, ты не помнишь, как меня зовут? Конечно, я не помнил.

— Ну хорошо, — покачала снова она головой. — Скажи еще, что между нами ничего не было.

— Послушай... — пробормотал я.

— Маша, — подсказала она.

— Ага, Маша, — подтвердил я. Компрессорщик действительно ничего не помнил. Как ей объяснить то, что было пережито. Ах, как стыдно! Она захохотала громко и искренне.

— Бедненький, — ее рука погладила меня по волосам. — Ты действительно какой-то странный. Верю, что ничего не помнишь. А знаешь, я самая красивая и лучше меня нет никого на свете!

— Да ну? — удивился я.

— Точно, — подтвердила она. — И еще ты меня очень любишь.

— Ничего себе...

— Да-да, повторяю твои слова. Так вот, радость моя, глотай еще — и проваливай отсюда.

Разве мог я так просто уйти?..

Прошло немного времени, и, совсем расквасившись, шмыгая мокрым от слез носом, положив голову на мою грудь, она просила остаться навсегда. И я остался. На целых два дня. На третий день, прощаясь со мной, она благодарила сквозь слезы за эти два дня. Так благодарит наказанный ребенок, который не верит, что его простили.

— Ты ведь еще придешь? — зная, что нет, спросила она.

— Конечно, приду, — зная, что нет, ответил я.

“Нельзя, — говорил я себе, — нельзя слишком расслабляться. Ибо высшая мягкость порождает жесткость, от которой страдают окружающие”. Мне хотелось развернуться и снова нырнуть в белую постель. Ну, а что потом? И, махнув рукой, я простился с ней, превратившись снова в бывшего компрессорщика без компрессора и видов на будущее.

Вот она, остановка. Зеленая трава и оставшееся под лавкой одно большое красное яблоко.

ГЛАВА 10

Вот и случилось то, чего очень хотелось и чего нельзя было делать. Я зажил семейной жизнью, все отдаваясь и отдаваясь от Учителя, от Общины и мастерства. Моя мама торжественно вручила нам ключи от старой бабушкиной квартиры. Родители жены (женой она должна была стать официально в семнадцать лет, но любовь победила все), родители жены подбросили несколько стульев, немного постельного белья, чего-то там еще, и мы дружно зажили.

После сумасшедших ночей — бессонных, в которых присутствовали и Школа, и любовь, — сонная, заинтересованная моими знаниями, любимая жена убегала в свою школу изучать премудрости девятого класса. Школьница и жена. Просто женой ей не дали стать. Тогда так было нельзя. Гордая, счастливая и уставшая — но жена!

Все-таки как тяжело вспоминать то, что было более чем семнадцать лет назад. Я диктую, а моя вечная жена пишет и делает вид, что совсем не плачет. Это, наверное, просто сдуревший весенний комар залетел ей в глаз.

Не плачь, если можешь. Ведь ты, наверное, единственная птица, которую я изранил больше всех. Но пойми и прости, тогда я вообще не мог без тебя. Кто бы слушал меня

ночами, если бы не ты? Ты слушала, совершенно не понимая, кивала в знак согласия, потом засыпала на задней парте в своем ненавистном классе, и все равно получала пятерки. И кто бы в семнадцать лет пошел работать, спасая меня. Но тебе сейчас шестнадцать, и об этом потом. Ты пишешь, хочешь заплакать. Плачь, если нужно. Почему бы тебе не заплакать, тем более что эту книгу я посвятил тебе.

Вот так мы и жили. Пока еще не работали — ни я, ни жена, — но потихонечку и благодаря дедушке с его густой кровью могли как-то перебиться. Ему стало стыдно, и он присылал к нам людей со своими надоевшими болячками. Двое необыкновенно любящих друг друга, чтобы не сдохнуть с голоду, в один день принимали кучу людей и поэтому не сдохли. Но иногда среди больных попадались умные люди, которые оставляли деньги.

Спасибо, Учитель, опять благодарю тебя Ницета — что самый лучший Учитель и Мастер Ты сделал все, чтобы я стал нищим Какое это счастье!

Мы пережили зиму и весну, хлебая вдвоем благословенный зеленый чай, и были просто счастливы. Это добрый год в моей жизни Год А не слишком ли много? А вдруг мало? Целый год Тогда я забыл о равновесии в природе Но счастливый год взорвался, как испорченная граната в руках, сразу после лета Как обычно, неожиданно и напавал.

Ох, община, ты действительно опасна.

Все началось примерно так Договорившись с одним счастливо излеченным, мы впихнули в багажник его машины рюкзак и палатку На заднее сиденье — мешок крупы, овощи, и поехали, не зная куда Примерно туда, где крутили мне руки своими лапками незабываемые лягушата Мы решили пожить диким образом. Разбили палатку недалеко от знаменитого лагеря Университета. Жена Таня весело варила кашу, совершенно не подозревая о дальнейшем.

Прожив на природе дней пять, дружно решили, что нужно пойти в ближайшее село за восемь километров и купить на последние деньги бутылку водки и буханку хлеба. Вот что-то, но бутылку водки мы купили, конечно же. И, не отходя от сельского гастронома, прикончили ее, сидя в зеленой высокой траве. Поставив пустую тару возле дороги, обнявшись, потопали к своей палатке.

Меня внезапно оторвал от жены и полез целоваться такой же пьяный, но совсем незнакомый Я напрягал свою память изо всех сил И вдруг. Да это же один мой дальний родственник!

— “Фольксфаген” там, — торжественно объявил он, показывая пальцем на убитый “Запорожец”.

Это ж надо, мой, как выяснилось, троюродный брат, мало того, что вспомнил меня, он еще, оказалось, окончил школу с золотой медалью, ДГУ с красным дипломом и стал биологом, при этом работал старшим егерем огромного лесного хозяйства.

— Я устрою тебе отдых, — пообещал брат, не глядя на дорогу — Так ты не отдыхал никогда

Брат был прав Не дай Бог мне когда-нибудь так отдохнуть еще!

— У нас хоть и заповедник, — пропел шатающийся брат, — сейчас возьмем твою палатку Зачем ты ее *бросил*? А вдруг стащат?

Палатку я не бросал Возле нее ждал обласканный любовью верный, страшнее не бывает на вид, но очень добрый здоровенный пес Я гордился им Он был чистокровный немец “От лучших собак немецких офицеров”, — гласила его родословная. Мои старые друзья упрекали “Зачем тебе ментовская собака?” Но, глядя на родословную, они удивлялись. Гордость меня распирала: он был чистокровный. Я специально дал ему смешное имя: Конфурик — от слова *кунг-фу*. Он мог убежать от меня — слишком самостоятельный пес. Но сам решил, что будет всегда со мной и никому не отдаст даже ветку на расстоянии своего поводка. Я любил его, а он любил нас.

Кто мог подойти к этой палатке, если там сидело умеющее казаться страшным, черное, доброе существо с огромными белыми клыками? По крайней мере, мой брат, увидев его, зашептал:

— Хочу, хочу

Мне завидовали все егеря, но в конце лета я потерял его навсегда. Кто виноват — не знаю.

Мы собрали все вещи и поехали в Дом охотника, дав возможность перепуганному молодому кобелю бежать за машиной. Потом, не выдержав, я выпрыгнул из нее и прижался к черной башке.

Дом охотника оказался очаровательным. Он был в густом сосняке, на песчаном берегу абсолютно круглого озера, в центре которого задумчиво стояла белая цапля. Игрушечный домик был окружен рубленным забором. Во дворе находилась маленькая кухонька, а под единственным огромным дубом, раздвинувшим сосны, стоял стол и несколько лавочек. Вокруг бегали куры, из дальнего сарайчика раздавалось сопение и удовлетворенное хрюканье. “Райская жизнь!” — наивно подумал я.

Егерей было четверо. Я удивился, когда оказалось, что в природе они совершенно не разбираются. Мой краснодипломный брат был также по нулям. Зато он лучше всех стрелял из вертикалки. Был там один старикашка, к которому все бегали советоваться. В Доме охотника — шесть комнат. В одной из них поселились мы. У Конфурика впервые за неделю был приятный обед, который он схрумал в одно мгновение, — из убиенной им курицы, после чего, конечно, получил по башке. Это ему не помешало с удовольствием съесть и кашу, но после легкого мордобоя он понял, что вкусных куриц трогать нельзя. Конфурик лежал под дубом, с тоской глядя на бегающие вкусности. После этого бедное животное поднималось и тыкалось мордой в жратву, которую с наслаждением заглатывала свинья. Он удивлялся, как можно жрать такую гадость, потом снова, не веря своим глазам и носу, пробовал, плевался и в тоске уходил под дуб.

Утро было солнечное и прохладное. Обнявшись, мы с любимой пошли вглубь леса. Лес красотой не уступал дальневосточному. Любуясь озерами, лугами, мы открыли, что в середине лета можно насобирать кучу грибов. Община научила меня разбираться в них. Наши футболки превратились в два мешка с грибами. Грибы и пшенка — что может быть лучше? Конфурик искренне помогал собирать. В основном, вытапывая. А потом исчез вообще. Пройдя два луга, я свистнул. Черное чудовище появилось, выплюнув мухомор.

— Спасибо, — поблагодарил я и зашвырнул гриб в центр озера. Но чудовище не успокоилось и ринулось за ним.

— Да ладно, пошли, — махнул я рукой, и мы потащили грибы в Дом охотника.

Егеря честно признались в абсолютном незнании грибов.

— А какие это? — спросили они.

— Как называются — не знаю.

— А как же есть будешь? — Они были слишком далеки от природы, чтобы по запаху понять, можно есть или нет. Я пытался объяснить, чем еще больше напугал егерей.

— Ладно! — махнул я рукой. — Нам больше будет.

Грибы с кашей — это класс. Увы, Конфурик наше мнение не разделял, с тоской глядя на квохчущий кусок мяса. Природа брала свое. Что бы он ни ел, куриная тоска одолевала нестерпимо. Куры — братья наши меньшие, но бедному псу было не до братства. Мать природа безжалостно привила любовь не к курам, а к курятине.

Егеря увидели, что грибы пошли, удивились, потом удивились еще раз, и все пошло у них с самогоном. Двустолки наперевес, пьяные ноги и стрельба по ласточкам. В ласточек они не попали, зато остался без хвоста петух и погас единственный фонарь, который днем освещал лес.

Я стоял в обнимку с женой, любуясь вечеряющим лесом. Егеря спали на траве, прижавшись к своим двустолкам. В центре озера на задумчивую белую цаплю шипел откуда-то появившийся черный лебедь. Ночь спустилась мгновенно, накрыв своими крыльями лес. Одна, вторая, третья... Звезды зажигались в необъятном космическом просторе.

— Хочу костер, с треском, с дымом, — услышал я свой голос. Мы разожгли его, в

память о далекой недостижимой общине. Где

вы, любимые мои? Я вспоминал о покинутых друзьях. Как там ваше загадочное лето и ваши костры? Сколько времени утекло без вас? Гораздо больше года. Мне нужно, мне необходимо к вам.

Под утро, обнявшись, мы спали в своей комнате. Дверь задрожала.

Кто-то замолотил безжалостно.

— Серик, Серик, — послышался пьяный голос брата — Выходи, знакомить буду.

Мы оделись и вышли. Я ахнул. Нас с ревом приветствовала огромная толпа. Во дворе стояло шесть семь машин. Всмотревшись в толпу, я понял, здесь были девочки из университета, которых, судя по всему, биология мало волновала. Какие-то люди в костюмах с галстуками, люди в милицеских формах. На столе лежал, страшно ошестинившись ребрами, поджаренный баран. Вокруг него — огурцы, помидоры и лук. И бутылки. Из кустов выглядывал перепуганный Конфурик.

— Братишка мой, — заорал пьяным голосом брат. — Ба-альшой мастер кунг-фу, — подло выдал он.

— А мы сейчас выясним, — объявил хмельной полковник.

— Ты готов? — грозно спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

— Держись

На меня ринулся капитан из толпы. Капитан попался упрямый до невозможности. Наверное, инструктор. Он махал руками очень долго. Откуда ему было понять, почему я не убегая и ничего не делаю. Он все не попадал и не попадал. Я деликатно не трогал его. И наконец, хлопнувшись задом на песок, капитан громко приказал:

— Налить мастеру... и мне!

Что было делать? Много времени не нужно, чтобы понять эти наезды на природу. Приезжавшему начальству было глубоко плевать на лес, рыжики и рядовки, на синекрылых зимородков. Оно в них иногда попадало из дустволок. Это были начальники — милиции, шахт, гастрономов. Безжалостно стреляли во все, что могли: в фонари, в кур, в стремительных стрижей, в хохлатых удонов. Начальники... я почувствовал: они могут выстрелить туда, куда хотят. Это снова затянуло меня безумным вихрем, водоворотом ненависти. Снова у меня появилась безжалостность ко всему живому. Начальство тоже создала Природа, но я его начал ненавидеть

Жену и меня зауважали. За что? За сломанный кулаком забор. За то, что я мог легко свалить молодого крепкого быка на спину. Откуда им было знать, как что просто? Всего лишь техника. Обалдевшая орущая толпа окружала меня, любясь, как казалось ей, невероятным. Я хватал быка за рога и с силой начинал поворачивать голову в правую сторону. Он сопротивлялся в обратную. После чего я резко поворачивал влево. И животное, не ожидая этого, легко валилось на спину, задрал четыре ноги вверх.

Начальственная пьянь была в восторге. Потом я себя ощутил еще сильнее и решил промчаться на одной из совершенно одичавших лошадей, которые независимо паслись целыми днями по бесконечному лесу. Наклоняя голову, они сами заходили в небольшой сарайчик.

Пьяные пары безжалостно обволакивали мои мозги. Демоны их терзали, настраивая на новые подвиги.

Белый конь, бывший чемпион, который по старости покрылся “гречкой” и перекочевал в лесничество, был избран моей жертвой. Я дождался, когда он проходил мимо забора, и, оттолкнувшись от бревен, сиганул ему на спину. Какая жесткая, крепкая грива! Белый кинулся со всех ног в сарай. Ворота были невысокие, мне могло снести голову. Видно, было еще не время. Толпа визжала. Я завис на раме ворот, а конь заскочил в свое стойло. Жена, улыбувшись сквозь слезы, удивилась, что я еще живой.

Алкоголь, самовлюбленность окутали меня. Община с Учителем лишь иногда выплывали из тумана перед невидящими глазами, растворяясь в лесных травах, источающих

дурманящий аромат. Не мог я понять, чего хочет этот черный лебедь, которого прошлой зимой выходил самый старый егерь, почему он шипит на стоящую белую цаплю. Лебедь подплывал, шипел, отплывал и снова шипел.

Однажды, сидя на желтом песке, ощутил, что круглое озеро, белая цапля, черный лебедь похожи на мою безумную душу, которая запуталась в сосновых волнах зеленого леса, то ли этого, то ли дальневосточного Алкоголь высвечивал круглое озеро, безжалостно запутав меня. Кто же ты, белая, и кто он, черный, и где она, золотая община?

Что делать мне. Учитель, как бежать к тебе, сквозь что прорываться? Где собрать силы, как пробить эту стену? Меня замуровала толпа, восхваляющая, наглая и пьяная, замуровала жена своей искренней любовью. Как мне прорваться? Куда я попал? Пес облизывал мое лицо, глядя человеческими глазами. Плакала жена, понимающая меня, но пока ничего не дающая, кроме любви и сострадания. Хотелось кричать:

“Спасите меня!” Кто спасет меня?

Я убежал от мыслей, разжигая огромные костры. Так разжигали в общине. Молился, рыдал и вновь возвращался к пьяной толпе, которая доходила до безумия, бегая голышом вокруг озера.

Белая цапля не спорила в дни сумасшествия. Она улетала с черным лебедем. Становясь родными, они парили над сосновыми волнами, вдали от человеческой глупости.

“Кто же я?” — мучил меня вопрос. Как жестоко оставила мне мою боль община — выбросила! А я думал, что живу...

Мы с женой уходили к дальним озерам. Рядом бежал черный пес. Он удивлялся всему. А я завидовал ему. Я часто падал на колени, рвал куски мха, падал в заболоченные озера, обдавая их запахами перегара, не понимая своего безумия. “Что со мной?” — вскакивая по ночам, кого-то спрашивал я.

Черный пес слизывал с лица грязь. Жена, плача, целовала мои глаза.

Я тебя испугался, страшный мир, но жить нужно было в тебе.

Как же жить, чтобы не было больно? Если в Доме охотника меня ждала толпа женщин, которые почему-то желали быть ранеными птицами, ранеными в кровь, изодранными в клочья. Интересно, что они чувствовали? Откуда мне знать? Они понимали только одно: то, что видели перед собой. Я был ранимым. Научился любить, но не научился делать больно. Милые мои, кусать локти — это так просто. Поверьте, можно легко укусить себя за сердце. И я кусал себя. Зачем вы любили меня так? Что сделал я вам? Вы хотели детей? Но вы же боялись их иметь. Так чего же вы хотели? Хотели меня? А кто я для вас? Я — чудовище, не дающее детей. Мне вдоволь хватало самого себя, и не дай Бог сотворить такого же. Это противно! Так что же вы хотели, завывая, утопая в сене, проваливаясь в душистые сухие травы? Ох этот сеновал. Это был кусок ада, где карали тех, кто хотел, и тех, кого хотели.

Травы, которые несли в себе дух Вселенной, травы, возвращенные Космосом на теле Земли, покрывали дуреющие разгоряченные взмокшие тела. Травы, на которых в безумных позах вершилась фальшивая любовь — она не порождала детей, но порождала похоть зверя, который завернул на этот сеновал. Травы могли загореться от трущихся тел.

Почему не вспыхнуло пламя? Где был адский огонь? Спасибо, Учитель, ты пощадил меня, несмотря ни на что. Кто знал, что Школа даст мне эту вселенскую силу? Знал только ты, мой единственный Учитель.

И слава Богу, это были не ранимые девочки, а женщины, которые бесновались от всесильного Зверя. Жена сидела в комнате, обняв подушку, то ли понимая, то ли чувствуя. Я благодарен ей. Наверное, сердце Татьяны разбилось на тысячи частей. Я знаю: каждая часть будет болеть особенно за ошибки моего прошлого.

Белый конь принял меня. Я летал на нем, сбивая руками и головой сухие сосновые ветки, топчa луга и врезаюсь в стога. Уцепившись за жесткую гриву, я поверил, что на этот раз проскочил. Но конь споткнулся, и я упал в стог. И вот опять — тоненькая девушка. Она выронила тетради, охнула и упала. Такая тоненькая, с бесцветными и глубокими глазами.

— Кто вы? — с испугом сказала она.

— Не бойся, это просто я.

— А кто вы? — дрожала она.

— Разве ты не ждала меня? — удивился я.

— Я боюсь вас.

— Ты боишься меня? Ты ждала и боялась меня всегда.

— Но кто вы? — спросила она.

— Я сельский подпасок, пасу лошадей, они разбредлись по этому бескрайнему лесу.

Мой любимый конь много дней бежит, мы ищем их. Что же мне скажет председатель! — я схватился за голову и сделал несчастный вид.

Девочка расхохоталась и заявила, что я обманщик.

— Конечно, — не возражал я. — А кем можно стать, увидев бездонные глаза?

— Но нельзя быть таким наглым, — успокаиваясь, сказала она.

— Я не наглый, я тот, кто нужен тебе. — Черный демон закрыл нас своими крыльями.

— У тебя злые губы, — сказала она. — Я их боюсь.

— Меня все боятся. Уходи, — попросил я. — Бери свои книги и уходи, — умолял я.

Она отшвырнула их в травы.

— Ну кто же ты?

— Я? Пасу лошадей, людей и собак. — Из-за стога вынырнуло мое черное чудовище, клеща белыми зубами. Девочка оступилась и опять упала.

— Кто это?

— Это мой брат, — сказал я. — Он не хороший, он обманщик и вечно творит подлые дела.

— Я боюсь не его, а тебя.

— Посмотри на меня. Разве я могу сделать что-нибудь плохое?

— Я боюсь тебя. — Бездонные глаза замигали. — Он может укусить, — мудро изрекла она. — А что можешь ты? Я развел руками.

— Я могу любить.

— Сумасшедший. И наглый. — Ее плечи дернулись.

— Глупая, — ответил я. — Просто сумасшедший. А у тебя бездонные глаза.

Если в этом мире и есть безумие, это было оно. Я пнул ногой свое черное чудовище и припал губами к бездонным бесцветным глазам. Демоны хохотали, летая вокруг.

“Община, Учитель, — эти слова звучали издалика. — Вот твое предательство перед женой, которую ты так любишь”.

Она не знала мужчины и потому была так прекрасна. Нетронутая грудь и розовые губы. И если будешь перед чем-то слабым, это так просто. Нужно провалиться в бездонные и бесцветные глаза.

— Как хорошо, — прошептала она.

— Да быть этого не может! — удивился я.

— Хорошо потому, что боль от тебя.

Потом я забрасывал ее цветами, рвал с корнями и бросал. Пчелы безжалостно жалили меня, а я забрасывал ее душистым обволакивающим запахом. Кто была она? Под стогом сена мятые тетради. Одежда смешалась с травой. Слезы и цветы стояли над нами радугой. Она хватала своими руками траву и стыдливо закрывалась ею.

“Подлец, — мелькнуло у меня в мозгу, — ведь огромные глаза жены твоей увидят сквозь время. Зачем ты тронул девочку, облив себя этой кровью? Ведь ее не отправишь просто так обратно домой. Что же делать еще с одной душой?”

Мы собрали книги, тетради, колючки друг с друга и побрели волшебным лесом. Я брел в тумане, густом и непроглядном, левой рукой держась за жесткую гриву белого коня, а правой обнимая хрупкие плечи. Не часто мне попадались девочки с бесцветными и бездонными глазами, похожие на нежных, в росе, только что проснувшихся бабочек,

трепетно сидящих на сонных луговых цветах У этих бабочек еще нет сил пить нектар, они полусонные. Бабочек легко взять в руки, в теплых ладонях бабочки наивно тычутся длинными хоботками между пальцами. Вот и взял я прозрачную бабочку, сорвав с того места, где сидеть бы ей долго и перебирать свои тетради с бессмысленной белибердой, которая никогда уже не поможет этой сорванной с цветка бабочке. Упавший цветок никогда не вернется на ветку. Но он возрождается дрожащей белокрылой бабочкой. Упавшая с ветки бабочка никогда туда не вернется, но она возрождается переливающейся лазурной птицей, которая дарит свои трели, ничего не требуя взамен.

Мы шли зеленым лесом: я — с болью в сердце, с серым туманом в глазах, она — с льющим в сердце счастьем и с ярким солнечным днем в бездонных глазах. А рядом брело мое черное чудовище, понимая абсолютно все. Создатель не дал моему псу слов, и поэтому в трудные моменты, несмотря на все обиды, причиненные ему, он слизывал своим шершавым языком мои горячие слезы, порожденные демонами. Мы шли, все те же домики, длинная асфальтовая дорога, ведущая в столовую.

Завидовал я тогда людям, которые совершают поступки, не задумываясь над ними, совершают потому, что ХОТЯТ. Вроде бы маленький поступок, такой безвинный, но, когда их много, они сотрясают нашу единственную Мать-Землю.

Люди! Не старайтесь сделать кого-нибудь лучше! Не кричите во все горло, что нужно любить людей! Задумайтесь о себе. Не совершайте предательств! И никакой конец света не сможет прийти к нам, если каждый хотя бы один день не совершит ни одного предательства или обмана! Представьте себе, каким чистым и радостным будет этот день на всей Земле. А если не один день.

И вот мы пришли туда, где столько лет назад меня спасли два маленьких существа, две глупенькие лесбиянки, которые навсегда остались для меня божествами. Для чего спасли? Может, для общины? Может, просто для самого себя? Милые белые большеглазые и большеротые лягушата!

— Постой, — сказал вдруг я. — Как зовут тебя, бабочка?

— Алла, — улыбаясь, строго сказала она.

— Знаешь, Алла, меня зовут Сергей, а в общем, я несчастный неудачник.

Конечно, фурор мы произвели невероятный Все смотрели из окон на нас с открытыми ртами. Представьте себе: с девочкой самых строгих правил, с профессорской дочкой, с лучшим математиком госуниверситета (она заканчивала последний курс) — так вот, с ней в обнимку шло непонятное существо с длинными волосами, в какой то полувоенной форме (подарок вечно пьяного брата-егеря), правой рукой обнимающее математичку, левой — белого коня. Сзади плелось недовольное, зыркающее вокруг черное чудовище.

— Ты хорошо знаешь лагерь, — заметила она. — Откуда?

— Пойдем со мной, — прошептал я.

Мы прошли мимо умывальников и вышли к сосняку. Шли недолго. Вот сломанная береза. Она оказалась гораздо ниже, чем раньше. Мы всей компанией подошли близко, и из прогнившего нутра березы выпорхнула серая птица. Я увидел наконец то птицу, о которой мечтал столько лет. В стволе все так же лежали три небольших в крапинку яйца. Упав на колени и уткнувшись лицом в горячую хвою, я зарыдал, как женщина, всхлиывая и подвывая. Было абсолютно все равно, что подумает белый конь, черная собака и с бездонными глазами девочка, которую сегодня сделали женщиной.

— Что с тобой? — терзалась она. — Ну, отвечай!

— Ничего, — сквозь рыдания отвечал я. — Просто твой новый Друг обладает великим даром ясновидения. Хочешь, скажу, что будет дальше. Кто-нибудь набредет на этот ствол, и глупые руки унесут птицу, посадят в клетку, а из этих яиц не выведутся веселые птенцы. Птица от тоски несколько дней будет биться о прутья своей тюрьмы, а потом затихнет навсегда. И все те же глупые руки выбросят ее в высокую траву.

Прижавшись к своему несчастному математику, обливая слезами ее детскую грудь, я

рассказал ей о сломанной березе и загадочных лягушатах.

Я не рассказывал никому.

Рассказал. Со всей болью, со всем своим пониманием мира, ничтожным, но своим. Так не сумел бы рассказать даже Учителю, ведь он не был женщиной. Женщиной, которая, не задумываясь ни на мгновение, дала то, что должна была отдать раз в жизни одному мужчине, зная, будучи уверенной: этот мужчина пройдет с ней через всю жизнь.

Очень часто глупость, оседлав Зверя, катается на нем по свету. Зверь обожает демонов. Он с радостью подставляет им спину, катая на себе то глупость, то подлость, то злобу, то ненависть, то страх... А ведь эту, наверное, мимолетную любовь в стогу тоже принес на своей спине Адский Зверь. Она гладила меня по голове, слушая все ужасы, и я вдруг до боли в печени, до нестерпимого страха понял, что ей абсолютно все равно, что было со мной. В прозрачных бездонных глазах мелькало только одно: ты мой!

— Я не твой! — вдруг вырвалось у меня.

— Как это? — прошептала она.

— Ну, у меня есть жена, собака, дом, — растерялся я.

— А как же я? — почти злобно спросила она. И прозрачные глаза стали серыми.

Мне показалось, что это был сам Зверь.

— Ведь я же просил, чтобы ты ушла, помнишь? Просил, умолял!

— Интересно, — хмыкнула она, — что скажет бедный папа?

— Ну, — вырвалось у меня, — а папа здесь при чем?

— А, — она махнула рукой, — все равно, видно, так суждено. Пошли со мной, все поймешь.

Первое мое столкновение с жизнью ученых. Ничего не понимая, длинноволосый брат егеря брел за тоненькой девочкой, за ними бежал по пятам вечно недовольный, очевидно, из-за отсутствия кур на территории лагеря, черный пес. Как бы я себя повел, если бы знал, что иду с профессорской дочкой и то, что она уже на своем пятом курсе в каких-то зарубежных серьезных журнальчиках печатала личные измышления?

Мы — конечно, кроме собаки и лошади — зашли в номенклатурный домик. Белый не спеша щипал траву, а пес уселся у двери. Соображать было трудно. Рядом женщина, которая нравилась, та, которая познала частицу моей боли. А тут...

— Здравствуй, папа! Познакомься — это Сережа!

— Здравсьте, — растерянно сказал я и сразу понял, что не в ту сторону.

— Анатолий Анатольевич, — произнес седой мужчина и протянул мне руку. —

Между прочим, заведующий кафедрой биологии, — напыщенно добавила Алла.

“Так, значит, второй — папа!” — сообразил я.

— Сергей, — выдал я и пожал руку.

— Анатолий Анатольевич, — вспоминал я, прослушав имя папы. “А, дядя Толя! Тот мужик, который читал интересные лекции о животных, когда я четырнадцатилетним бегал по лесу”.

Заведующий кафедрой сразу объявил, что у них сабантуй, а я — гость.

“Вот это повезло, — подумал я. — Сабантуй с профессорами! С ученым светом!”

Вот уж действительно повезло! Откуда было знать, что на самом деле это простая русская сказка: Кошей Бессмертный, его прихлебатели и еще не до конца ставшая Бабой-ягой то ли внучка, то ли дочка? До меня вдруг дошло, что у ее папы на носу не что-нибудь, а пенсне, самое настоящее. Непонятно, куда попал: то ли в среду ученых-аристократов, то ли аристократов-ученых? Именно этот момент я полностью пропустил в школе.

Помню свою вечернюю школу. В нее прибегала еще одна ученица:

то ли аристократка, то ли “чья-то дочь”. Мы с ней прогуливали уроки, но я совершенно не знаю, как нужно общаться с людьми, которые причисляют себя к определенному сословию.

Кто была она, эта девочка, которая прибегала даже дождливыми вечерами в школу рабочей молодежи? Скажите мне: какого сословия может быть девушка — стройная, с

крепкими руками, с гладкими упругими, как глобус, коленями? Какого же сословия была она, та, которая могла быть воздухом, горячим солнцем, а зимой — ледяной, с густо обсыпанными инеем волосами? А эти волосы... Честное слово, они были ниже колен, жесткие, как грива моего коня. Я со смехом называл ее Буратино, глядя на рот, а она, обиженно надувая губы, доказывала мне, что у нее совсем небольшой нос. Я запомнил ее потому, что это была первая женщина, которой я боялся сказать: “Ты красивая!” Это настоящая человеческая трусость вместе с жадностью. Казалось, что все сразу увидят эту красоту. Какого же сословия она была?

Да, биологи оказались людьми небрежливими и небедными. Дядя Толя был охотником, я помнил. Сперва занесли большой казан, в нем плавали чьи то ноги.

— Идеально приготовленная дичь! — объявил Анатолий Анатольевич.

После было уже не так страшно. Пошла колбаса, хитро замаскированная. В ней младшие братья вырисовывались меньше Море зелени и — о чудо! — большой котел с чистым белым рисом. Так захотелось есть, что я забыл о своей любви “Боже, — представилось вдруг, — насколько помнится, дичь едят руками!” Сейчас моя нежная девочка своими воздушными пальчиками возьмет чью-то ногу и будет ее аккуратно обглаживать, наверное, оттопырив мизинчик. А эти пупырышки на коже. Разваренная кожа, легко отстающая от мяса, а мясо — от кости.

Стало тошно Я сел на кровать Впрочем, кипела подготовка к сабантую, и то, что мне дурно, не заметил никто

— Гадкий мальчишка! — услышал я. — Ты не обманул меня, как наши студенческие йогы, которые едят все Тебе действительно нехорошо от мяса. Интересно! — прошептала она — А я слышала, кто не ест мясо, тот и вовсе не мужчина!

Тут уже разозлился я, глазами показав ей, что упираюсь ногой в ножку кровати Кровать, я, дочка и папа — все упали на пол.

— Это ж надо, — сказал сидящий напротив Губин — Какие отвратительные кровати выдают нашим студентам! Три человека сели, а уже и ножка отвалилась!

— Вполне нормальное явление, — ответил Аллин папа. — У нас в лагере почти у всех кроватей ножки слабые.

“Ничего ж себе! — подумал я. — Что ж это нужно вытворять на этих кроватях?!”

Но папина дочка все поняла Глаза хищно заблестели. И тут понял я: если она чего-то хочет, то получает всегда. Мне захотелось резко вылететь за дверь. Может, я это и сделал бы, но забыл, в какую сторону она открывается.

Мы сидели на отремонтированной кровати, и я думал. “Ладно, ешьте меня, лишь бы только мой пес за дверью никого не съел!” Но был почти спокоен. Куры ему, наверное, больше нравятся, чем профессора, потому что они не такие жесткие. Из-за двери я слышал недовольное бурчание своей собаки. Это был очень умный пес, и он знал, что за скулеж получит. И надо же — нашел выход. Зевать ему никогда не запрещали. Поэтому он томно и протяжно зевал. Наверное, те, кто проходили мимо, глядя на собаку, думали, что бедное животное не спало несколько лет.

Все было готово. Меня с кем-то познакомили, что-то говорили. Я, конечно же, ничего не понимал и ничего не слышал, кивал головой, иногда заглядывая в прозрачные глаза. А мордочка, на которой они были, корчила смешные рожицы, периодически высовывая кончик языка.

— Итак, друзья, — провозгласил Анатолий Анатольевич Губин Все, оказывается, уже стояли. Я вскочил.

— Выпьем за нашего уважаемого именинника.

Аллин папа чинно раскланялся, поправляя пенсне. Я навалил себе полную тарелку риса, нагреб свежих помидоров и ушел всеми мыслями в тарелку Потом, выпив какой то гадости за уважаемого именинника, принялся лихо орудовать ложкой, причем гораздо лучше, чем корейской алебардой.

Поглощая огромные количества пищи, периферическим зрением я разглядывал

бездонноглазую, а она, хитрющая, оттопырив пальчик, кокетливо сосала леденец.

— Может, еще? — шепнула математик, когда я прикончил тарелку.

— И даже дважды!

— Ну, ты и кушаешь! — с уважением сказала она.

— Пополняю нехватку животных жиров, — ответил я.

— Кстати, молодой человек, — обратился ко мне Губин. — Поверьте мне как биологу.

Хотя он оказался не биолог вообще.

— Травоядное животное имеет несколько желудков. В общем, это сложный процесс. Я объясню вам попроще. Эти желудки как бы переваривают по очереди жесткую растительную пищу, передавая ее друг другу. А у вас, юноша, желудок один и не очень длинный кишечник. Поверьте мне новое течение, то бишь вегетарианство, очень вредно само по себе. Думаю, больше недели вы не выдержите, — завершил он.

Стало понятно: даже если сейчас стать на колени и перекусить зубами железную ножку кровати, после чего поклясться самой страшной клятвой, что питаюсь так уже несколько лет, он все равно не поверит. На меня насмешливо и торжественно смотрели бездонные глаза. За домом ржал конь и отвратительно зевал Конфурик. Стало понятно не надо вставать, лягать руками и ногами Губина, этого профессора биологии, его можно убить несколькими фразами, простыми и ясными, как день. Очень долго не с кем было поговорить на эту тему.

— Впрочем, молодой человек, — снова торжественно произнес он, — питаюсь растительностью, вы должны, как лошадь или корова, пастись с утра до вечера. Иначе корова издохнет от дефицита питательных веществ.

Все внимательно слушали. Было понятно — умные разговоры они любили.

“Бедный дядя Толя, — подумал я, — что же сейчас с тобой будет?”

Я почесал в своих длинных волосах, взглянул на свою торжествующую подружку и, глубоко вздохнув, решил как можно мягче объяснить биологу, что он заблуждался всю жизнь. Но зло опять одержало верх. А может, то была обычная правда, которая тоже имеет немалую силу?! Многие боятся этой правды. Но ведь не я же, в конце концов, затеял этот спор и лекцию по биологии? Меня почему-то привела сюда эта девочка! Внутри почувствовалось кипение, стало понятно остановиться уже не в силах! Наверное, только медвежья пуля, выпущенная из дяди Толиного двенадцатого калибра, могла меня остановить.

— Милый дядя Толя, — спокойно произнес несостоявшийся компрессорщик — Ах да, Анатолий Анатольевич, — поправился я. — Но, бегая за вами много лет назад, последний раз я называл вас именно дядей Толей. Правда, тогда возненавидел вас лютой детской ненавистью — Губин стоял, раскрыв рот, удивленно таращась — Я все сейчас вам объясню, Анатолий Анатольевич. Вспомните: на всех занятиях, во всех походах с вашими студентами таскался за вами любопытный четырнадцатилетний мальчишка. Вы явно недолюбливали его, вы не могли ответить на половину заданных им вопросов. Так получилось, что мне на них ответил другой человек, а вам сейчас объясню я. И если говорить правду, то прежде всего объясню, за что так возненавидел вас, хотя вначале любил. Вы забыли, наверное, этот эпизод. Впрочем, на протяжении многих лет он повторяется каждый раз. Сейчас я понимаю, что было с вами. Но тогда это была загадка для пацана.

Всеми любимый преподаватель объявил, что для особо интересующихся студентов на шесть часов утра назначается длительный поход с сухим пайком в наши украинские пампасы. Этот поход вы придумали для особо любознательных. Как ни странно, таковых оказалось достаточно много. Кстати, — ухмыльнулся я, — большей частью там были студентки. В начале восьмого вы с сильнейшего похмелья вышли объявить, что поход отменяется, но весьма удивились, увидев количество жаждущих познать окружающее. С небольшим опозданием толпа обожателей вместе с вами покинула лагерь для того, чтобы углубиться в постижение природы, которую вы им предъявляли, совершенно не

задумываясь, что в чем-то преподаватель Анатолий Анатольевич может заблуждаться. Вы охотник, перестреляли массу зверья, и еще вы прочитали огромное количество книг. Их написал такой же бездельник, совершенно не вдумывающийся в законы природы. А зачем вдумываться? Эти авторы тоже в свое время протирали штаны на лекциях, как и те, которые их учили. Все они были практики, вернее, охотники. Одной вещи только не пойму, — злобно вырвалось у меня — Как биолог может быть охотником, если по сути своей он должен ненавидеть ружье?

Было очевидно, что после обещания пойти со студентами у вас произошли какие то неприятности, да к тому же вы после них напились. Но студенты тоже вас не пощадили из-за большой любви и стремления понять родную природу. Попробуйте вспомнить: вокруг толпы сновала ваша любимая гончая, совершенно не ведая о существовании похмелья, за что вы ее тогда очень ненавидели, наверное, завидуя ее жизнерадостности.

— Не буду все подробно описывать, — сказал я — Но, что-то объясняя, вы вскинули ружье, раздался два выстрела, и к ногам любопытных студентов упали две небольшие птицы. Это были ходулочки. Я помню ваши слова: “Смотрите!” — гордо и торжественно объявил любимый преподаватель. Я запомнил, как у одного еще судорожно дергалась голова. “Вот два великолепных и редкостных экземпляра. Это, возможно, единственная пара в наших краях. И вот что интересно...” — продолжали вы, склонясь над птицами.

Но я уже не слушал объяснений, я бежал по степи в свой домик, малодушно рыдая и ненавидя вас. После этого меня перестали интересовать ваш приятный голос и манера объяснять. Стало понятно, что дядя Толя — обыкновенный убийца.

— Простите меня, Анатолий Анатольевич, — развел я руками — Откуда мне, глупому мальчишке, было знать, что на вашей кафедре не было чучел этих прекрасных и редких птиц? А как без них многое объяснишь студентам? Я недавно был в музее и узнал их. Откуда мне, юному мальчику, было знать, что быть убийцей — это хорошо, что без этого нельзя научиться любить и понимать природу? Думаю, это были не последние и не первые ваши птицы, тем более что они не были “последними в мире”. Вы были прекрасным охотником, но таким чемпионом стать не повезло. И нет тут страшного, что одна девочка, а это я знаю точно, ушла из университета навсегда, простившись с биофаком и любимым преподавателем. Думаю, мир ученых не оскудел без нее. Страшно ей стало от убийства. Может быть, таким и должен быть биолог? Откуда мне знать, двоечнику и разгильдяю, все эти ученые тонкости? Не ребенок она была, неужели не понятно неприятности, похмелье. Пусть, дура, еще скажет спасибо, что пальнули вы не в нее, а —подумаешь! — в какую то чету редких куликов!

— И, сдается мне, дядя Толя, — продолжал я, — понимаю, откуда берутся биологи, которые легко могут убить младшего брата, а потом сжевать. Примерно такая же программа у студентов медиков. Вот почему к концу учебы у тех, кто выдержал, пропадает жалость и любовь и появляется равнодушное спокойствие при взгляде на человеческое “мясо” и муки, терзающие его. Вот так мы учим и учимся милосердию, доброте и пониманию всего того, что окружает нас. Как я мечтал пальнуть из вашего ружья, дядя Толя, но, слава Богу, случай уберег меня. Вы не успели научить меня убивать.

В домике повисла тишина.

— Впрочем, извините меня. Я слишком разошелся, описывая ваши добродетели. Сейчас объясню, почему не собираюсь умирать через неделю на этом питании, хотя у меня всего лишь один желудок и я не похож ни на корову, ни на лошадь. Ничего не скажу нового. Вы это знали и без меня. Но знать и понимать — две большие разницы. И все-таки, очень хочется верить, что поймете. Не так уж вы и прекрасны, как считали раньше, дядя Толя, да и студенты не так уж вас любят, — попробовали бы не любить! Знаете, если вы иногда не спите, мучаясь, не понимая состояние бессонницы, не понимая страшных снов, — поверьте мне, это та пара куликов, души которых острыми клювами стучатся в ваше сердце, нарушая его обычный ритм. Наверное, не только одни кулики. Еще волчьи клыки, клыки диких кабанов, острые когти барсуков, мало ли кого вы еще убили! Уважаемый хранитель

природы, вы уже, наверное, профессор?

— Доцент, — выдал из себя Губин.

— Ничего, — успокоил я — Убьете еще кого-нибудь — и станете профессором! Все, больше не отвлекаемся. Сейчас о самом главном. Питаюсь я так уже много лет. Именно это спасло меня от многих болезней, которые надвигались уверенным шагом. Знаете, лошадь или корова за раз могут сорвать губами и языком небольшое количество травы, а я, вы видели, съел две здоровенные тарелки риса с помидорами, еще и облил все маслом. Вы представляете, что бы это было, если есть так с утра до вечера? Даже боком не зашел бы в эту дверь! И, как вы говорите, это “модное течение” насчитывает уже несколько тысячелетий. Впрочем, у нас с вами даже о времени разное представление. Поверьте, человек не сразу научился убивать и поедать живые существа, хотя вы, биологи, утверждаете, что именно убийство и поедание себе подобных в нас развили разум и вывели в люди. Забудьте все теории и представьте хоть на мгновение люди стали людьми и освободили свой мозг от постоянного поиска пищи благодаря белковому питанию! А ведь это ваша классическая теория, так сказать, реалистическая. Без всякой чуждой мистики. Научился убивать и поедать себе подобных, поумнел — и стал ЧЕЛОВЕКОМ РАЗУМНЫМ.

Я не знаю, от чего там человек высвободил себя, но загрузился навечно Съешь более слабого — человеком станешь! Весьма реальная теория! Вот только что-то фашизмом пахнет! Да, задумаешься над чем-нибудь очень понятным и незыблемым — и получается неясное, вот-вот рухнет. Ладно, я не буду полностью убивать ваш сабантуй. Ведь нужно еще много выпить и съесть.

Я указал на чьи-то ноги в черном вареве:

— Если вам захочется, если это нужно, да еще если положено, переборите себя, вернее, любовь к себе и своим ложным знаниям, найдете меня — и я расскажу все без утайки. Но перед тем, как оставить вас наедине с праздником, напомним я вам, дядя Толя, то, что вы прекрасно знали и без меня, знали, но понять и не пытались. Самый последовательный в мире вегетарианец, который ест листья, ветки и более ничего, — этот вегетарианец ближе всех на планете стоит к нам, имеет группу крови и прочие аналогичные человеку качества. Ну? — поощрительно взглянул я на заведующего кафедрой.

— Горная горилла, — с испугом выдал он.

— Да, дядя Толя. У меня к вам огромная просьба если мы когда-нибудь увидимся, не нужно говорить, что необходимое количество белков она берет за счет того, что на листиках попадают букашки и таракашки. Это будет выглядеть как бред. Если такое скажете, то я напомним рост и вес гориллы, ведь по этой теории она должна съесть в день чуть ли не по слону. Извините — и гуляйте дальше!

Я вышел в центр, всем чинно поклонился. У двери меня ждала любимая собака, ей не нужны были никакие теории. Она меня любила и так, со всеми плюсами и минусами.

— Пошли, чучело, — хлопнув дверью, сказал я. И мы втроем белая лошадь, черная собака и я — двинули в сторону Дома охотника.

ГЛАВА 11

На полдороги к Дому охотника меня затрясла лихорадка. Там, на желтом песке, перебирая его руками, которые каждую ночь перебирают мои волосы, сидит самая трогательная женщина на свете — моя жена. Как буду смотреть ей в глаза? Ведь не умею скрывать. Да и как можно скрыть что-нибудь от нее? Как можно скрыть от женщины, которая любит неподдельно? Каждый раз, даже после разлуки на час, я всегда слышал ее бьющееся сердце. Так сердце бьется при первой встрече после долгого расставания

— Дочка, девочка, — порой причитал я, прижимая ее к груди. — Бедная моя!

Она тихо вздыхала, всё понимая, вздыхала, неся в себе нечеловеческую боль.

Вернувшись, я привязал чудовище к забору и затащил свою жену в комнату, где, стоя на коленях и, обнимая загорелые ноги, рассказал все, от начала до конца. Наверное,

Comment [2]: <!--
StartFragment-->

лучше бы врал. Но так и не научился. Была даже мечта — научиться врать, но, в конце концов, я понял, что этим даром природа меня обделила раз и навсегда. Как жить дальше, что делать? Нужно научиться врать — либо стать совершенно другим.

Я чувствовал эту боль, я ее видел. Она туманом окутывала мою жену, а жена терпела, но слезы часто катились из круглых глаз. А волосы уже тогда начинали высвечиваться сединой.

Обычный палач. Насколько проще было взять огромный топор, торчащий в колоде возле крыльца, и ударить в эту густую седину! Зачем она связала жизнь со мной? И вправде ли был я идти по жизни с женщиной?

— Бедный, бедный, — повторяла жена, перебирая мои волосы. — Что же это с тобой? — шептала она. — Как нам бороться против этого? Где взять силы? Ведь ты, любимый, хороший, ты не виноват, я знаю, но кто же виноват? — снова спрашивала она

Я видел, ей хочется кого-то обвинить, но только не меня.

— Но я ведь действительно не виноват, — сквозь слезы причитал странный муж, обнимая жену. — Я буду бороться с этим, клянусь тебе!

“Как же смотрю я ей в глаза! А как посмотрю в глаза Учителю?” — терзали меня мысли. “Не будь таким”, — говорил я себе. Казалось, что, если я одержу победу над этим безумием, лебедь подплывет ко мне, цапля подойдет — и мы поймем друг друга. Я был уверен, что они заговорят со мной, ведь я уничтожу зло. Меня поймет даже мой белый конь, а черное чудовище заглянет в глаза и тихо скажет что-нибудь необыкновенно доброе. А седина жены исчезнет навсегда. Я, рыдая, обнимал ноги своей жены.

— Милый мой, — шептала она. — Не будет тебе спокойствия никогда. А я постараюсь выжить, — обещала она. — Я постараюсь не обижать и не ревновать тебя.

Но боль со злобой иногда смешивались в ее черных глазах и пальцы впивались в мои волосы. Почему я не сошел с ума? Почему я не седой, как лабораторная крыса? Зачем мне столько сил, которые терзают ее, ту, которую люблю больше всех?

— Пощади меня, — кричал я по ночам, обращаясь неизвестно к кому — Пощади меня.

Я падал с кровати, ударяясь о стулья и жесткий пол. Казалось, не выберемся мы с женой из этой силы, которая так жестоко закружила нас

— Успокойся, — гладила она меня по голове. — Тебе еще долго не выбраться

— Разрешите мне рассказать тебе все, — умолял я.

— Если станет легче конечно, милый. Спи, родной, у тебя завтра трудный день

Она всматривалась в мое лицо, с удивлением пожимая плечами и качая головой.

“Как больно мне!” — мерещились слова сквозь сон, и я просыпался от раскаленной слезы, падающей мне на лицо. Я чувствовал, что кто-то из нас не выдержит этой боли. Но я был трусом, боялся спросить, приходит ли к ней изредка, как ко мне, радость понимания окружающего. А вдруг не приходит!? Если нет, я сразу умру.

“Не обманывай себя, — кто-то шептал мне по ночам — Не понимание, не Школа дает тебе радость, это любовь ее дает тебе прощение, и будет она скоро полностью седой, со страшными глазами. Все это будет переходить в безумие. На какое то время, ненадолго, на час, на два, на день она будет уходить из вашего дома. Не отпускай ее. Она тебя будет ненавидеть. Если тыпустишь, будет она брести в пустынном городе, не замечая ничего на своем пути. Она будет люто ненавидеть тебя. А потом, отойдя от нахлынувшей тьмы, с птичьим криком боли будет бежать обратно к тебе, не разбирая дороги. Она может легко погибнуть на бегу, потому что ничего не будет видеть, кроме твоих виноватых глаз, глаз избитой собаки.

Не отпускай ее от себя, когда она ненавидит тебя. Люби ее в этот миг, в этой ненависти, падай в ноги, хватай за руки, целуй, ведь это она разрывала твою боль и страх пополам, впитывая большую часть в себя. Она — женщина, которая любит. Она видит твою боль, отчаяние и хочет вобрать все в себя, но все это не вмещается в ней, разрывает ее мозг и грудь. Она ненавидит не тебя — в слепых глазах, если ты захочешь, можешь увидеть

ненависть только к тому, что терзает тебя. Пройдет время, и она, твой единственный и самый близкий друг, будет снова с тобой.

Вот что тебе подарил Создатель. Он подарил спасение. Ты можешь разделить свои страх и боль. Она чувствует, что ты к чему-то стремишься. Она верит в твою победу больше, чем ты, верит в силы, верит в знание и красоту, но ей ничего этого не нужно, ей нужен только ты. Все остальное — тяжесть, которую нужно нести. И если ты жив, то жив благодаря ей. Она, как мать, дала тебе жизнь Мужу своему, целителю, сумасшедшему Мастеру и своему ребенку, который спасает мир, не умея спасти себя и любовь”

Засыпал я на своей узенькой кровати, и через пропасть, в которой стояла тумбочка, не видел жены. Дом охотника был приличным домом. Пузатая полированная тумбочка отгораживала нас друг от друга. “Надо спать, — говорил я себе, — ведь завтра утро Нужно проснуться и ощутить жизнь не такой, какой она была вчера, а по-новому, радостно”

Новое утро я назвал “утром после Губина” Было понятно, какой переполох произошел там. Прилизав волосы и протерев глаза, в егерских штанах и еще в какой то жуткой безрукавке я вышел на солнце Настроение было паршивое В этом состоянии я легко мог загрызть целую группу первокурсников.

На лавочке напротив железобетонного крыльца я увидел культур но сидящую профессорскую дочь Ох, как захотелось превратиться в лебедя и улететь к чертовой матери за этот лес, за всю нашу Землю! Ее глаза были такие же бездонные, и там, где не было дна, виднелись жадность, любовь и желание.

Оказывается, телом можно не владеть. Голова приказывала: зайди за угол дома, а ноги понесли к ней Я шел, идиотски улыбаясь В голове зажужжала целая семья пчел “Сейчас, — думал я, идя навстречу бездонноглазой, — выйдет на крыльцо моя жена”

— Привет, бесовестный, — сказала она, опуская мне на плечи свои ладони.

“Женщины, — подумал я. — О, сколько в этом страшном слове!” Я знал, что из-за физической слабости, но духовной силы они бьют всегда посторонними предметами. Моя профессорская доченька сидела возле кухни, на которой висел пожарный щит во всю стену. Вот сейчас это и произойдет.

— С добрым утром, Сережа! — За спиной послышался голос жены. А на груди была голова профессорской дочки “Этого я не переживу!” — кольнула мысль

— Хоть бы нас познакомил? — искренним голосом попросила жена.

— Алла, — вынырнула профессорская дочка из-под моего плеча.

— Ох уж этот мой братишка, — весело сказала Татьяна — Милая Алла, он бабник, не верьте ему! — Она весело рассмеялась и по-сестрински потрепала меня за ухо.

Мне стало все ясно и смешно. Скандала я не хотел. Это на вид она потрепала легко. Жена поняла философию по-своему. Она подняла руку на меня, она избивала своего мужа по им же выписанной справке. В следующее мгновение я получил мощный удар под зад.

— Ох, уж эти братишки! — Татьяна засмеялась и забежала в кухню. — Ведь с братьями обращаются именно так! — прозвенел ее голос

— Вот это у тебя жена! — изумилась математичка. — И что же мне теперь делать?

— У тебя прекрасный брат! — крикнула она и, схватив меня за руку, потащила в лес.

Нужно было бежать к жене. “Какая разница, что подумает математик! Но ведь в данный момент я — брат Какое издевательство!” — возмущенно решил я

— Куда идем?

— Гулять идем, конечно, Сереженька. Но ты мне скажешь, жена это или *сестра*?

— Сестра, конечно Ты что, не слышала?

— Странная она какая то

— Семья у нас вся такая

— Слушай, ты зачем испортил сабантуй? Между прочим, это был день рождения моего папы.

— Это я испортил? Интересно...

— Да, непонятный ты какой то. Вот потому то ты и будешь мой! Она жарко

прижалась ко мне.

— Твой — это как? — удивился я. — Я ведь не математическая формула, которую, написав на листке, можно засунуть в карман. Да и вообще, черт возьми, — взревел несостоявшийся мужебрат, — я ведь тебе по-человечески объяснил: кони у меня разбредлись. Беда у меня. А ты!..

— От судьбы не уйдешь! — философски заметила математик.

— Это я-то судьба?! Какая-то судьба у тебя не того!

— Ну что ж, бывает и такая, — усмехнулась она. — Это называется тяжелая судьба. Слушай, — сказала она, — а этот черный монстр постоянно ходит за тобой?

Я пожал плечами.

— А за кем он должен ходить? За тобой, что ли?

— Вообще-то, красивая собачка.

— Еще бы! Это моя гордость!

— Слушай, а ты кто? Чем ты вообще в жизни занимаешься?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Живу, стараюсь.

— Но ты, конечно, учился в нашем университете?

— Да нет, — ухмыльнулся я. — Даже в школе толком не учился.

— Я хочу тебя, — вдруг без всякого перехода сказала она, — на белых простынях, в приличной комнате. Вот такого, грязного и нечесаного.

— Ну уж ладно грязного! — возмущился я. — Слушай, а почему ты не замужем? Вообще-то пора... Да еще дочка такого папы...

— Не попался мне такой пастух, как ты. Была всякая интеллигентская шваль, — злобно произнесла она. — Я математик и, кроме математики, еще просмотрела массу фильмов. И думала, что только в них бывают такие наглые, как ты. А папа приводил ко мне пару доцентиков, знаешь, таких, где нужно долго разбираться, тетенька это или дяденька.

Она засмеялась, а я глубоко задумался.

Мы подходили к лагерю.

— Да, — сказала Алла, — ты знаешь, что натворил своей лекцией на именинах?

— Лекцией? — ухмыльнулся я. — Это вы просто лекций никогда не слышали. Я вам как-нибудь прочту.

Мы зашли в уже знакомую комнату. В ней был “очень интеллигентный” порядок. Стояли две белоснежные кровати, а между ними — чистенькая, умытая, такая же интеллигентная профессорская дочь. Она подошла к пластмассовому ведру с водой, которое стояло на тумбочке.

— Ты ведь еще не умывался? — спросила Алла.

— А что мне умываться? Я в грязи не валялся!

— Я тебя слегка умою, — улыбнулась девчонка. И вдруг схватив ведро, вылила мне его на голову. Сорвав какое-то узорчатое одеяло с кровати, она толкнула меня на белую профессорскую простыню, которая сразу покрылась черными разводами от егерской формы. — Вот сейчас высохнешь, — шепнула она мне на ухо, — и пойдем собирать твоих лошадей.

Она сдирала с меня егерскую форму, поражая своей силой. “Что за девочка?! — думал я. — Ничего себе бывают девочки! Как же ее измучила математическая жизнь!”

Посрывав все с меня, она долго смотрела. Смотрел и я на нее, закинув руки за голову. “Что же это с ней? — мелькали мысли в голове.

— Любовь это или нервный срыв? А может, она того?” Но интересного в ней было немало. Даже было что-то настоящее. Эта мысль развеселила.

— Смотри-ка, — сказала она. — Умный, сильный, да еще и веселый! А ты знаешь, радость моя, что сейчас с Губиным? — продолжала она, глядя на меня.

— И что же? — поинтересовался я.

— Сабантуй кончился после твоего ухода. Все разбредлись, а Губин до сих пор сидит в своем домике и держится за голову. И, думается мне, сидеть ему еще так долго.

— А ты откуда знаешь, что за голову? — съязвил я.

— Да знаю я твоего дядю Толю, давно.

— Он такой же мой, как и твой. И вообще, я так долго буду лежать?

— поинтересовался не брат и не муж.

Ее белая футболка и шорты стали в таких же разводах, как и простыня.

— Не отдам тебя никому! — жарко шептала она мне в ухо. — Не отдам тебя никому...

Ее дурь передалась мне. Я взмахнул рукой, и в кулаке появились мокрые тряпки, обнажив белое тело. Математик захохотала и укусила меня за плечо.

— Да-да, — сказал я. — Именно этим мы еще не занимались. Ты же все-таки не лошадь — девочка.

— Я не лошадь, — уверенно сказала она. — Но твоя жизнь спокойная кончилась навсегда.

— Глупая! — Я взял ее двумя руками за голову. — Ты думаешь, у меня была когда-то спокойная жизнь?

— Ну, хочешь, я тебе сделаю ее самой спокойной? — Из бездонных глаз математика вылетели две слезы. — Ну, — тревожно прошептала она.

— Что “ну”?

— Что же ты хочешь? — От ее крика зазвенело в ушах.

— Я хочу, чтобы ты долго помнила обо мне. Я хочу сделать из тебя женщину, настоящую, а не ту, которой было бы больно и непонятно. Хочу научить тебя любить, ведь я у тебя первый. А первого нужно помнить. Поэтому он должен быть хорошим. Я хочу, чтобы ты в своей жизни, делясь с кем-то сокровенным, говорила: “Был у меня настоящий любимый”, а не “был там один...”

Она захохотала, а потом безжалостно начала бить наотмашь по щекам. — Это ты меня хочешь сделать женщиной? — целуя сквозь слезы, спрашивала она. — А кто же я сейчас, по-твоему?

В углу зарычал Конфурик, обнажив белые клыки.

— Видишь, меня обижать нельзя, — заметил я. — И, кстати, ты не стесняешься братишки?

— Я не стесняюсь даже папы, который может в любой момент зайти.

“Точно, сумасшедшая!” — перепугался я.

— А знаешь ли ты, — вцепилась она в мои волосы, — что до вчерашнего дня я любила только математику? Откуда было мне знать, что самая красивая формула в жизни будет написана мокрым и грязным созданием, лесной пылью на моей белой простыне?

— Так, может, решим ее? — с надеждой спроси я.

— Она уже давно решена. И я сейчас буду разбирать эту формулу по частям.

Алла отпустила мои волосы и бешеным ртом, жестким и страстным, вцепилась в мои губы.

— Вот эти цифры, — сказала она, оторвавшись на мгновение, — самые сладкие. А ведь это всего-навсего твои губы!

У меня были в жизни девочки, но чтобы они так быстро превращались в женщин, чувственных и ненасытных... Я даже не предполагал о таком. “А может, такими бывают только математики — измученные умственным трудом? Очень жаль, — думал я, — что не могу поговорить с ней о математике”. В школе я ее пропустил, в общине ее просто не было. В общине была совсем другая математика — математика слов, чувств, любви.

— Почему тебе хорошо? — пытал я ее. — Ведь тебе должно сейчас быть больно.

— А мне больно, — шептала она. — Очень больно. Но лучше больно и хорошо, чем не больно и никак! Так вот, мой человеческий пастух, — сказала она. — Не жалею меня. Хочу знать и уметь все. Учи меня!

— Учись! — И я накрыл ее своим телом. — Учись! Тебе попался хороший учитель.

Я был уверен, что наши стоны слышал весь лагерь. А в далеком Доме охотника болело сердце моей жены, которая зачем-то решила, что сегодня нужно быть сестрой. Бедная

девочка! Почему она так сказала? Я понимал, что ей очень больно, больней, чем мне. Когда на Дальнем Востоке, упав на колени под кедром, я вытаскивал из своих ребер погнувшийся оперенный дротик, разве это была боль? То было обычное удовольствие, удовольствие от победы и от того, что дротик не прошел сквозь ребра, удовольствие от того, что смоляная ветка выжгла грязь и я остался жив.

— Какой страшный шрам! — математик показала на него. — Боже! — воскликнула она, ворочая меня по простыне. — Да ты же весь в шрамах! А эти змеи и дракон!.. — И она с яростью начала целовать шрамы, полученные в серьезных поединках с недругами или просто при падениях с тренировочных станков.

— Хорошо быть женщиной! — захлебываясь в поцелуях, причитала она. — Хорошо быть женщиной!

Но я не мог с ней полностью согласиться. Мужчиной быть тоже неплохо.

Моя черная собака спала в углу комнаты, тихо поскуливая и вздрагивая всеми четырьмя лапами.

— Расскажи мне об этих шрамах, — попросила Алла.

— Рассказывать о них больней, чем получать, — усмехнулся я. — Давай не сегодня?

— Как прикажешь, милый, — ответила она.

— Ну, значит, приказываю: не сегодня! — засмеялся я, начиная медленно и аккуратно любить ее. И тут я снова поразился, увидев, что ей действительно приятно.

Математик захлебывалась от восторга. Слова, отдельные и ни с чем не вяжущиеся — “математика”, “белый конь” и “самый сумасшедший в мире”, — бессвязно и бессмысленно срывались с дрожащих губ.

— Научи меня всему, — умоляла она меня. — Я хочу научиться с тобой всему.

Я согласно кивнул головой и растворился в ней.

Я действительно растворился. Вся жизнь до этого маленького аккуратненького домика промелькнула перед глазами как чужая. Мне мерещились с визгом пролетающие дротики, мерещилась борьба за добро и красоту. Растворившись в бездонноглазой, я удивился: ведь за добро и красоту, за Истину мы тоже дрались, пытались убить друг друга, человек человека.

Растворившись в этом маленьком математике, я четко понял, что хоть часть Истины не ускользнула от меня. Но как прикоснуться к Ней полностью? Понял, что далек от понимания, так же далек, как и от своего сопящего и дрыгающего четырьмя лапами во сне черного пса.

— Мне хорошо! — услышал я откуда-то издалека и пришел в себя.

“А ведь она совсем не нужна мне! — резанула мысль по сердцу. — Она думает, что я нужен ей. Как же она заблуждается, бедная девочка! Что же делать с ней? Куда девать подстреленную птицу с разбросанными по мокрой простыне волосами — этими белыми крыльями?”

И, закрыв глаза, в полном отчаянии, я вспомнил своих маленьких лягушат, вспомнил все то, чему они учили меня.

“Бери, бери, все это не мои секреты. Это секреты безумства. Когда человек не знает, что делать, он в отчаянии бросается в самый доступный экстаз. Вот что такое, девочка, та любовь, которой мы занимаемся. А ты думала это — счастье? А это счастье заключается всего-навсего в соединении двух молодых и жаждущих тел. Это не любовь. Секрет прост: два сладко пахнущих тела; молодость, неподстреленная еще горестями и болезнями, действительно сладко пахнет; тела, смешиваясь, порождают новый, удивительный запах, и этим запахом наслаждаются демоны и звери со знакомыми нам и простыми именами: Глупость, Жадность, Сплетни, Желания и Зависть! Сколько их еще бродит вокруг нас, пытаясь в свою очередь насладиться нами?”

Сколько же сладострастия и блаженства было выпущено в сосновые волны, в старый молчаливый Космос! А потом меня, конечно же, пронзила боль неудовлетворения и абсолютного опустошения, боль, неведомая еще этой девочке-математике, боль, приносящая

пустоту и отчаяние.

Когда мы вышли из домика, то наткнулись на Губина, который сидел на лавочке. Вообще-то именно на этой заросшей облепихой лавочке решили посидеть мы. Я махнул на все рукой, полностью признав себя побежденным. Меня победили все, кто мог: и демоны, парящие над нами; и жена моя, идущая со мной по Земле в неизвестность; и счастливая математичка; и Губин. Аллин папа тоже был победителем. Даже мой черный, вечно голодный пес победил меня, как младенца. Их победа была налицо. Губин узнал нечто новое и глубоко задумался. Жена была счастлива, потому что любит меня и идет рядом. Алла была счастлива, она почувствовала много нового. Аллин папа вдруг понял (правда, с опозданием), что от простого и совсем неученого юнца идет какая-то непонятная опасность для всемирной математики. Все что-то понимали, делали, чувствовали. И даже мой грозный черный кобель — и тот вел деятельную разведку территории, подчеркнуто грозно, набрасывая вокруг нас круги, всем своим видом показывая, что в любой момент отдаст жизнь за своего хозяина. Один я не испытал ничего нового, хотя за эти несколько дней вроде бы и сделал много.

Я тоскливо тащился по все той же узенькой асфальтовой дорожке, которая сворачивала влево к закрытой со всех сторон облепихой лавочке. Плелся за счастливой, познающей мир девчонкой с простыми, ничего не созидаящими мыслями. Было понятно только одно: каждый человек — существо, пытающееся победить, завладеть другим существом, — и ничего более! Вот и получается: вместо “возлюби ближнего”, мы лихо возлюбили самих себя. Не приносил мне ничего мир, в котором я жил, живу и буду жить вечно.

Тогда стало ясно, что именно в меня Создатель и не бросит свою гремучую молнию. Община подарила мне страшный кокон, в тысячи раз тверже, чем панцирь черепахи. Горел я в нем, изрыгая пламя в самого себя, не выпуская даже маленького дымного колечка.

О Создатель! О Учитель! Как вы были справедливы, растягивая мои мучения, длиною в бесконечность! Как бегущую океанскую волну, символизирующую великую силу и неизбежность Школы Ссаккиссо' Старую и полную всяких хитрых зазубрин Великую Школу!

— А-а, Сергей Анатольевич! — услышал я — Подсаживайтесь к нам — Губин сделал широкий жест рукой, указывая на почерневшую от времени лавочку

“Ну вот, — подумал я, — опять начнутся лекции, диспуты, споры, которые порождают только истерику и больше ничего”. Но тут дошло, что он меня назвал по имени и отчеству. Значит, узнал каким то образом, что мой отец в прошлом был начальником этого лагеря. Из моего маленького математика получился плохой прорицатель. Сидя за столом и держа обеими руками голову, такого не узнаешь.

Мы присели рядом.

— Сергей Анатольевич, — снова обратился ко мне Губин. На бездонноглазую было страшно смотреть. У нее отвисла нижняя челюсть, которую она никак не могла подобрать.

— Анатолий Анатольевич, ну что вы! — меня передернуло — Какой я вам Сергей Анатольевич?

— Так вот, Сергей Анатольевич, — невозмутимо продолжал Губин, — мы просим вас выступить с лекцией.

“Ого, — подумал я — У них тут какие то лекции бывают! Интеллигенты!”

— А когда? — поинтересовался я, большим пальцем захлопнув челюсть милому математику.

— В воскресенье сюда приезжают отдыхать почти все Мы вовсе не отрицаем присутствия чего-то нового.

“Во, выдал, — подумал я — Действительно, профессор!” Слегка поклонившись и пообещав, что я почту за счастье в воскресенье, в два часа дня, присутствовать в лекторском зале, я пошел в Дом охотника.

ГЛАВА 12

Ну что можно рассказать толпе самовлюбленных доцентов и профессоров? Особенно после того, когда, наевшись и напившись, они будут с сонным видом слушать меня. Мне еще математик рассказала, что, оказывается, существует факультет ФЧЖ, что означает “Физиология человека и животных”. Оказывается, существует микробиология, гидробиология, просто биология, орнитология, ихтиология, и так далее, и тому подобное. Кошмар! В общем, каждый занимается строго своим. Кто микробами, кто птицами, кто паразитами, кто непаразитами.

Вот это я попался! Как будто мы живем не все вместе на одной Земле! Погубят они меня. “Это же как врачи, — думал я. — Одни лечат голову, другие — сердце, третьи — почки, потом желудок, как будто все это не в одном человеке, как будто не от запоров болит голова!” Мне даже по ночам иногда снилось, что я захожу в кабинет и оставляю врачу голову, потому что он занимается только ею. Остальное несу другому... И так далее, и тому подобное!

В общем, расчленили нас по частям, и каждый специалист изучает свою. Человек-то маленький. Ладно, ухитрились расчленить его на части. Но разбить по частям наш мир? Это нужно было уметь!

Мы поговорили немного с Анатолием Анатольевичем. Как и в детстве, я задал кучу вопросов, но на этот раз, сильно смутившись и опустив голову, он жалобно объяснил, что разбирается только в птицах.

— Дядя Толя, но ведь птицы наши летают над нашими полями, лесами да и, в конце концов, над нами. Как можно заниматься только ими!

“Может, я чего-то не учел? И это — заведующий кафедрой! Интересно, кем бы был Юнг? Наверное, академиком. Да нет, был бы шаманом. Объясняющим все четко и ясно, но, конечно, неправильно”.

— Пойдешь, Сережа? — услышал я жалобный голос Аллы.

— Конечно, пойду. Когда мне еще так повезет?

До диспута остался день. Я метался по Дому охотника, как раненый. “Надо же что-то записать, — думал я. — А что записать, если не знаю, о чем будем говорить? И, в конце концов, если и записать, то это нужно, как минимум, потом прочесть”.

Такое у меня всегда получалось с трудом из-за волшебного почерка.

“Все, хана! — думал я. — Задают меня ученые мужики, как последнего мамонта, которого по их теории задавил ледник”.

Действительно, я был дурачком, жалким маленьким мальчиком, отпущенным из общины по собственному желанию, а может, хотению бабушки Няма. Я жутко волновался о своей собаке. Ему, наверное, не будут давать остатки из столовой, если хозяин доброго пса не ответит на какой-нибудь вопрос.

Завтрашние действия я не мог представить вообще.

Но вот оно настало, это страшное воскресенье. Опоздал ровно на час из-за того, что гонялся за Конфуриком с дубиной, спасая жизнь очередной курице. Он не был виноват. Курочка Ряба пыталась наклеваться его каши, которая для него была священным продуктом. Бедный пес печально заглядывал в свою тарелку, надеясь там увидеть хоть кусок курицы. А тут — она, наглая и живая, да еще и пытается съесть кашу! Прокралась к тарелке, как шпион! Пес был наказан за попытку обожраться курятиной, а я пошел на лекцию расстроенный. Мой многожурный брат все еще терзался за первую убиенную курицу. Второе покушение вывело его окончательно из себя. Можно подумать, она несла золотые яйца! И по намекам брата-егеря я понял, что мы ему надоели до смерти. В семье не без урода! Увы, этим уродом оказался я! Патлатый, не умеющий пить, разрисованный драконами, непонятный брат! Кому ты нужен такой? Некомпанейский... Ну не мог я пить эту мутную буряковку. Они все были с высшим образованием и пили как надо. Но, черт возьми, какое отношение это имело к биологии?

В общем, денек у меня выдался далеко не такой, какой должен быть перед лекцией.

За мной пришел лично завкафедрой, помешав выполнять действия, из-за которых так прославился Юлий Цезарь. Я уже долгое время читал нотацию Конфурику и пытался выяснить у жены, почему все же она решила в тот день стать моей сестрой. И как только ухитрился делать все одновременно?

— Ну, идите же, идите, Сергей Анатольевич, — тянул меня за руку Губин.

И я пошел. Сам не знаю куда. А как мечтал прилично одеться, выглядеть хотя бы нормальным молодым человеком. Как они называли это? Сборы, симпозиум, научные собрания? А может, клуб по интересам?

В общем, так. Затащил меня дядя Толя в приличного вида здание. Все ученые мужи с женами сразу же, конечно, захихикали. Анатолий Анатольевич втиснул меня на какую-то трибуну. Я оказался в центре и на высоте. Долго изучал ученых мужей, у которых животы были набиты шашлыками и, наверное, налиты вином. Хочется верить, что не буряковкой. Они же все-таки должны быть гурманами. Такие бородатые и красивые.

— Ну, и долго мы будем так сидеть? — сказал приятного вида сухонький старичок.

— Извините, — пожал я плечами. — Можно, конечно, и постоять. Но мы же пришли поговорить. Так спросите что-нибудь у меня.

— Мы — у тебя? — удивился старикашка.

— Толь Толич, ты чего его притащил? — послышался голос из зала.

— Погодите, погодите! — замахал руками Губин.

— Ну, не хотите вы, тогда начну я. Знаете, товарищи, я сейчас вам всем задам единственный вопрос. — В душе у меня медленно нарастало зло на разьевшихся биологов. Я знал, что, обращаясь к врачам из-за своей тучности, они уходили, пожимая плечами. “Конституция у вас такая”, — жалобно говорили им врачи. — Да, так вот, я сейчас задам вам вопрос, и вы мне на него ответите по-разному.

— Извините, молодой человек, — не выдержал все тот же сухонький старичок. — Мы прожили жизнь. У каждого из нас своя истина и понимание этой жизни. Мы не чистые листы бумаги. И глупо было бы, совершенно глупо, если бы все ответили одинаково. Ничего, юноша, вы нового нам не сказали. Да, я думаю, и не скажете, — зевнул старичок. — На рыбалку бы сейчас.

— Извините, — подергал я себя за ухо. — Если вы будете давать кучу разных ответов, так как вы прожили каждый свою жизнь и, как вы говорите, у каждого своя истина, тогда у нас очень мало времени. Поэтому разрешите задать первый вопрос?

— Ну-с, ну-с, — пропел старикашка. — Да, извините. А сколько вам лет?

— Простите, но возраст определяется не количеством прожитых лет, так мне кажется. И, пожалуйста, давайте начнем! Вот простой вопрос. Вы, наверное, знаете, что, прежде чем воздвигнуть какое-то строение, необходим фундамент, а потом кирпичик за кирпичиком складывается верхушка. А ведь с разными ответами вы не построите даже фундамента. Фундамент должен быть един, так же, как едина истина, которая находится на пике этого строения. Боюсь, что вы спутали истину с желаниями. Конечно же, желания разные и понимание разное. А истина едина. Но в данный момент я говорю о светлой истине. Потому что истина может успешно разделиться на светлую и темную.

Я не знал, что мне говорить. Мне необходимо было говорить так, чтобы они поняли. Но община мало посвятила меня. И, глядя на само довольные физиономии, понял, что попался.

— Поймите, — продолжал я. — С вашими разными ответами фундамент развалится, а он должен держать гигантское строение, потому что путь к вершине очень сложен.

После моего вступления зал слегка оживился.

— Ну-кась, ну-кась, — сказал один толстый бородатый дядька.

— С вашего разрешения, — поклонился он сухонькому старичку, — я хочу ответить на этот вопрос.

— Прошу вас. Подойти к вершине — это трудный путь. Как любое строение, она, конечно же, стоит на фундаменте, чтоб не дай Бог не развалиться. Как, впрочем, вы

(извините, я не имею в виду именно вас) развалили все. Так вот, вы будете спорить, а я дам вам ответ. И вы, все до единого, согласитесь с ним и скажете, что он единственно правильный.

— Да гоните его в шею! — послышалось из зала.

— Вот наглец какой! — это был женский голос.

— Мы слушаем вас, — проскрипел старичок. Было видно — его уважали.

— Как же имя этого фундамента? — спросил я.

— Ну, это простой вопрос, — сказал толстяк. — Нужно желание, вот и все.

— Ну, да, — взорвался еще один, сидящий за ним. — Желания мало. Нужно знание.

Раздался скрипучий смех сухонького старичка.

— Ну и молодчик попался, — хихикнул он. — А ведь и желания, и знания мало.

Нужен еще и учитель, да еще и настоящий, — скрипучим голосом сказал он.

“Странно, — подумал я. — А ведь вопрос простой. Я до него дошел сам. Впрочем, как сам? Прости, учитель”. И вдруг все они начали спорить, добавлять еще что-то. Один только старичок тихонечко сидел и, улыбаясь, смотрел на меня вдруг прояснившимися глазами.

— Да послушайте же! — не выдержал я и двумя руками шлепнул о трибуну. — Это будет бесконечно. Потому что вы не забыли, а даже не знаете элементарной космической азбуки. Вы нарастили животы и бороды и зачем-то обманываете и мучаете студентов. Поймите меня. Начало пути к истине — это, прежде всего, здоровье. Ну куда пойдет больной человек, за какими знаниями, за каким учителем и с каким желанием, если у него где-то болит? Как можно на одних руках, с парализованными ногами ползти к этой истине, к знаниям, к учителю, как можно идти туда с переполненной желчью печенью или с болью в голове? Зал ахнул и затих.

— Кто не согласен с этим? — спросил я.

Тишина прерывалась сопением толстого бородатого мужика.

— Ну, хорошо, — проскрипел старичок. — Мы с вами согласны. А что дальше?

— Вы со мной согласны? — удивился я. — Я не хочу с вами спорить. Я хочу спросить у того почтенного мужчины, который пожелал ответить на мой первый вопрос. — Мой взгляд упал на толстого типа. — Скажите, вы согласны?

— Ну, согласен, — буркнул он.

— Так, значит, вы знаете, что такое здоровье, — удивился я. — И можете дать ему определение?

Худой старикашка не выдержал и залился скрипучим смехом на весь зал. Толстяк напрягся, покраснел.

— Ну, что когда ничего не болит, — выдавил он из себя.

— Да, знаю я одного печеночника, который, когда печень не болит, прыгает до потолка. И еще есть знакомый. Когда он садится на унитаз раз в пять дней, для него это горе, а в три — уже здоровье и счастье. Так куда же мы прилепим это здоровье? — развел я руками. — Как определить: я здоров? А значит — счастлив и люблю людей, и меня беспокоит, что они могут быть нездоровы. Каким я должен быть, чтобы чистым, светлым, здоровым ступить на путь знания, стать камнем великого фундамента? А знаете, сколько еще впереди, до верха? Там, где высоко и незыблемо стоит вершина. Что вы мне скажете на это? — Толстяк молчал.

— Это азбука Космоса. Вы пренебрегли ею. Вернее, не вы, а те, кто были до вас. Очень долго до вас. И придумали вы легкую белиберду, убивая животных, поедая их, наращивая животы, которые упираются в рули ваших машин. Мне жаль вас, больных и несчастных. Да, вы не чистые листы бумаги. Вас уже не изменить. По крайней мере, не всех. Но я жизнь положу на это. Пусть не вас, но хотя бы ваших студентов.

Я чувствовал крылья демона, чувствовал, что оскорбил и победил всех их, не сказав еще ничего. Диспут, спор или как там его — умер, не родившись. Я видел: им было страшно, но мне не было стыдно. Мое зло, ты и сегодня не сбежало от меня. Неужели ты бессмертно?

— И напоследок, чтобы не запутывать вас совсем, я расскажу маленькую историю. Был у меня один знакомый. Геморрой у него выпадал прямо в унитаз. В общем, не геморрой, а кишка целая. Болезнь — штука интеллектуальная, и, насколько позволяет интеллект человеку, настолько он и вылечивается. Человек нарушает в своей жизни определенные правила, злоупотребляет чем может.

Так вот этот умник влезал в ванну после унитаза, открывал холодную воду и направлял себе струю в зад. Все мышцы сжимались, и кусок кишки заскакивал обратно. И вот что интересно. Придумал он это сам. Я пообещал ему, что зад у него через четыре месяца будет как у младенца, если он не будет есть всего три продукта и будет пить те травы, которые дам ему. “Да пусть он разорвется у меня совсем, чем так себя мучить. Смотри, не есть самое главное! Лучше таблетки пить!”

— Да, — торжественно сказал я. — Фундамент требует интеллекта. Да и еще кое-что, кроме здоровья.

Ну, сделал он себе операцию. Отрезали кишку ему лишнюю и снова пришили. Но, извините меня, если не удержало ее собственное тело, неужели нитки хорошего хирурга удержат? Может, нужно бороться с тем, что выталкивало эту кишку? Послушайте хотя бы об этом.

Любая литература как можно дальше уводит от истины, ибо ни один учитель никогда не написал ни единой книги. Писали только его бездарные ученики — для того чтобы прославиться или заработать деньги. Знания передаются из уст в уста, из рук в руки. Но помните: говорю о знании.

И, пнув коричневую трибуну, я вышел из зала.

— Спасибо, мальчик, — раздался скрипучий голос за спиной. Шел злой. Как никогда в жизни. Я задавал много вопросов своему любимому дяде Толе. Он мне не мог на них ответить. Я тоже безумно боялся вопросов этих напыщенных красноречивых в пенсне. Я не могу дать им имя. Кто они — ученые? Это ложь. Кто они — приспособленцы? Не знаю. Я не был тогда, когда они приспособлялись. Но кто же они? Зло? Нет. Зло в тысячу раз сильнее. Они слабые, жирные, им осталось два шага до апоплексического удара. А кто был этот старик с блестящими глазами? Почему я не хотел спорить с ним, почему он поблагодарил меня в спину? Что это было? Как об этом рассказать своей жене? Как рассказать своему черному чудовищу? Я расскажу ей, а его возьму за косматые уши, прижму к себе, к своему лбу горячую морду, и тоже, как у жены, попрошу прощения — за все.

Они учат людей? Кто дал им на это право? Неужели среди людей есть те, кто их любит? Неужели среди молодых, сильных и красивых людей есть те, которые их слушают? Где ты, жена моя? Кому мне упасть головой в колени? Кому мне выплакать всю боль непонятного? Нет ничего страшнее непонятного. А люди называют это мистикой. Ах, какое удивительное слово придумали вы, люди!

А впрочем, наверное, это зло. Ведь оно пользуется тупым, жирным, всеоблакивающим и безапелляционным. Не верю. Неужели, пусть на мгновение, пусть на тысячную долю секунды я привел это зло в смятение? Кто я? Не знаю.

Но я вдруг почувствовал, что нужно бороться. Я ощутил запах борьбы — и борьбы не той, которая лежит в силе движения и в силе разрушения. Я почувствовал силу борьбы, где царствует слово, сила слова, которая непобедима ничем, ибо слово — это есть дух. И не за силу убивали на нашей старой Земле, а за дух, за слово, которое несло в себе истину. Пусть не иссякнет кровь Земли, которая идет сквозь сердца наши. Страшно, что иногда огнем. Но не знаю я огня, который сжигал бы чистое.

Смелым был Создатель, все в человеке отдал демонам, все удовольствия, все блага земные, а себе взял нежное, прозрачное, невидимое — душу. И, имея все блага, хватает человек порой за сердце и, не веря в Создателя, в страшный момент, в момент боли своей, говорит: “Господи, что-то делаю я не так!”

А может ли он, этот человек, имеющий все, ощутить, что внутри него есть сам Создатель? Может ли человек, имеющий все, понять, что ничего этого ему не нужно, что он

может ходить счастливым по удивительным земным лугам, не убивая, не поедая, а любя цветы? Зачем те животные, которых он пасет? Чтобы потом зажарить их на вертеле и быть тучным и слабым? Ведь он может брести по удивительным горам и равнинам, вдыхая запах цветов, обнимая травы. Представьте себе — нет тех животных, которых тысячными стадами выпасают для смерти. Есть человек, его дух и великий океан любви. А сколько бы места освободили эти животные? А сколько бы убийств прекратилось? А видели вы когда-нибудь, как убивают животных?

Любите травы. Любите цветы. Создатель завещал вам это. Он верит в вас. А демон... Он не может быть сильным, ибо пуст был мир, и создал Создатель и мир, и демонов, и людей. Все создал Он и смотрит, чего мы стоим.

Мне Община ничего не говорила об этом. Я сам душой, духом своим, телом своим, ибо они не разъединимы, прочувствовал. Я понял:

Община взяла меня навсегда.

На крылечке Дома охотника сидела моя жена и, улыбаясь с непонятным блеском в глазах, смотрела на приближающегося брата. Черная псина, радостно взыв и поволочив за собой ползабора, кинулась мне навстречу.

— Здравствуйте, ребята! — ехидно сказал я, после жесткого, заборного подбива под колени.

— Что-то ты в какой-то странной позе лежишь, — сказала жена. — По-моему, именно в этой позе великий Гаутама расстался со своей плотью. Вот только, наверное, так он не корчился. Что с тобой, милый?

— Не собираюсь я расставаться со своей плотью, — шипел неудавшийся лектор.

ГЛАВА 13

Боль была невероятная. В мою бrenную плоть влезло что-то огромное и острое. Мой жизнерадостный пес в этот миг, после долгой разлуки, усердно слюнявил мне нос. Я не выдержал и заорал. При вечерней лампочке мы все втроем вытаскивали из моего бедного зада заборные колючки.

В Доме охотника было все. Поутру просыпались с похмелья, с распухшими головами, носами, ушами. Но с задом. Я, наверное, был первым

— Ну, как лекция? — утром спросила жена

— Сдерни простыню и посмотри, — буркнул я.

— Ну, если с таким успехом — то гениально, братишка!

— Знаешь что? — Я виртуозно вскочил с постели, не коснувшись ее задом. В тот же момент в дверь тихо постучали. Быстро напялив шмотки, я сказал.

— Войдите!

На пороге показался мой вечно пьяный брат.

— Как дела. Серенький? — качаясь, спросил он Мои нервы были на пределе.

— Здравствуйте, молодой человек Вас, кажется, зовут Сергей? — начал куражиться он — Говорят, вы стали лектором. Пожалуйста, родной, лектори мне чего-нибудь — И он захихикал, ковыряя в носу.

— Сейчас сделаем! — пообещал ему я. И одним махом запрыгнул на стул.

Спрыгнув с него и забыв о своей ране, я хлопнулся на кровать. Пьяный егерь, шатаясь, выбежал из комнаты.

Жена молчала. Кровать с грохотом затряслась. Кто-то бил меня изнутри. Дышать было нечем. Тут я вспомнил математика, проклятый сеновал, неудачный сабантуй, дурацкую лекцию, терзающих меня демонов, свою мать. Посмотрел на жену и понял, чтобы спросить у кого-нибудь хотя бы о чем-нибудь, мне нужно всего-навсего преодолеть Транссибирскую магистраль. И тут я вспомнил, что для жены я еще и брат

— Почему? — заорал я и стулом высадил оконную раму — Почему? Почему? —

вопил юный лектор, пиная кровати и стул.

Такое было со мной впервые.

В это время я сидел возле своей жены и с улыбкой смотрел на беснующегося идиота. В окно полетела и тумбочка. Меня испугало одно: жена смотрела не на сидящего рядом, а на беснующегося. Она видела только одного. А ведь меня было два.

— Почему? — снова завопил debil. Я дернулся и вылетел в окно. Во дворе стояла перепуганная кучка отдыхающих.

— Почему? — взревел я, схватив за шиворот своего брата. Я бы затряс его насмерть, голова могла оторваться, если бы не жена.

— Почему? — вопил я во всю мощь своих легких, требуя несуществующего ответа от дергающейся во все стороны головы дальнего родственника.

— Сережа, — Татьяна упала между братом и мной, и я вдруг оцепенел вместе со всеми. — Ну, что “почему”? — заплакала жена.

— Почему я брат? Почему я не учился в школе или хотя бы в техникуме? Почему я не стою спокойно за станком, почему не сижу за партой, почему мне так больно от того, что ничего не знаю?

— Надо ехать! — согласилась Татьяна.

— Ну да, тут недалеко! — ухмыльнулся я.

— Серик, — выпуская слезу с соплей, заявил брат. — Серик, вообще-то брат — это я.

— Да пошел ты! — гаркнул я и кинулся в круглое озеро.

Хотелось схватить за ногу раздражающую своей невозмутимостью белую цаплю.

Озеро приняло мое разгоряченное тело. Я охладил свою дымящуюся голову и, выпустив пар, пошел к своей маленькой, все еще всхлипывающей жене. Потом, оглядевшись, поразился. Очевидно, случилось что-то со временем. Когда же они успели? Все во дворе были вдрызг пьяные. И тут как из-под земли вырос мой обожаемый братец, пьяный еще больше, с полным стаканом мутняка. Выпив, я сел под сосну. Меня не трогали целый день. И как только вечер накрыл все своими прохладными крыльями, “надо ехать!” — решил я и пошел спать.

Сон. Звериная борьба. За что борюсь. Учитель? Кто я? Нет, прости... Я помню: сильный может стать зверем. Как я хочу быть сильным, пусть зверем, пусть человеком, но не двумя одновременно, кем-то одним! Господи! Учитель! Не разрывайте меня. Это очень больно. Это так больно, что челюсти сводит судорогой и горячо крошатся зубы. Они похожи на жернова мельницы, которые крошатся, бездарно перемалывая зерна жизни. А мозг — это, наверное, безумный ветер, который крутит эти жернова. Что же это за зерна? Наверное, люди.

Мы с женой уехали, вернее, сбежали, оставив лес, который сводил с ума. Еще я застрелил свою собаку двумя медвежьими пулями. Они разнесли ей голову вдребезги, потому что двое суток мой пес как-то сильно, не по-собачьи, а по-человечьи мучился, стеная, изо всех сил пытаясь что-то сказать. Его рвало кровью. Я не знал, что с ним, но догадывался. Он хотел сказать, что больше мучиться не в силах. Он просил “освободить” его. Я “освободил”.

Сбежали от орущих толп тупых и пьяных, от заумных профессоров и рвущихся к плоти женщин, сбежали от тлеющего сеновала, от черно-синих ночей, на которые была наброшена звездная сеть. Мы вырвались из нее в серые лабиринты горячо дышащего города. Думая, что выбрались, попались снова, похоронив в лесу единственного, который нас любил и понимал. Я зарывал его своими руками.

Что принес город? Новые страхи, новую несправедливость. Но перед новой несправедливостью, наверное, стоит вспомнить своего тупого математика. А жена терпела и понимала, покрываясь серебристой паутиной, которая все безжалостней и безжалостней путала ее черные волосы.

Математик нашла меня в самом центре черной глотки города, где я жил, незаконно принимая уже бесконечные потоки больных, которые начали закручивать, постепенно

подводя к беде.

В математике, оказывается, не столько лирики, как предполагал я. Простите, но теперь ненавижу математику и математиков.

— Ты же обещал мне! — с ненавистью шипела математик.

— Что обещал я тебе?

Глаза забегали, но обещаний она не вспомнила.

— Я просил, чтобы ты ушла... Я умолял тебя. Ты встретила меня на пути, когда я собирал своих коней, я боялся растоптать тебя, и мне пришлось остановиться. Но ты все равно хотела быть растоптанной. Что же я обещал тебе?

— Но ты же, ты... — Она схватила меня за руки. — Ты же жил со мной!

— Я жил и до тебя.

— Но ты же спал со мной!

— Я спал и до тебя.

— Может быть, ты знаешь, что нужно было делать с тобой, кроме этого?

— Я не знал математики. Вот и пришлось с тобой спать. Ведь я же честно признался, что буду это делать.

— Ненавижу тебя! — крикнула она.

— Так что же делать мне? — удивился я.

— Решать должен ты. Ты ведь сильный!

— Хорошо. Мы поженимся.

Математик радостно взвизгнула и успокоилась.

— погоди, Таня, — сказал я жене. — Я только схожу посватаюсь.

— Давай, — ответила она. — Только недолго. У нас сегодня еще куча больных.

И я пошел.

Разгильдяй, отъявленный бандит, потому что ничего, кроме как хулиганить, в этой жизни пока еще не умел.

— Что же ты будешь говорить маме с папой? — нежно прижимаясь, спрашивала глупый математик.

— Я буду говорить только правду. Так меня научили мама и Учитель.

— Мы будем жить хорошо, — проворковала она.

— Конечно! А почему мы должны жить плохо?

Я был измучен больными и хотел, чтобы сватовство закончилось побыстрее. Сильно хотелось домой. Скорее б напиться своего МБК и уткнуться головой в нагретую женой подушку. “Что ж я натворил? — кувыркались мысли. — Вылезу ли из этого? А если вылезу, куда влезу опять?”

Ну и жизнь у меня началась после общины! Да, впрочем, и до общины была такая же. Учитель сумел объяснить, что она странная и неправильная. Я полностью признавал это. Но легче не становилось. “Надо ехать! — безжалостно рвала мысль. — Надо ехать!” А наивная математичка уже жала на звонок своей квартиры. Звонок был громким, противно бьющим по голове. Я всегда старался говорить только правду. Дверь отворилась.

— Мама, мама! Сережа к нам пришел!

Мы зашли в типично математическую квартиру. Все было чистенько, ровненько, красивенько до омерзения. Ровненькие книжные полочки с полными изданиями вождей. Наверное, на всякий случай. Кровати, заправленные так, что, садясь на них, можно было порезаться об угол одеяла. Мерзкая показательная скромность. Сразу создавалось впечатление, что профессорская семья все запихивает в здоровенный чулок.

“Да не могут так скромно жить папа-профессор, мама-доцент и дочка-вундеркинд!” — мелькнуло у меня в голове.

— Ну-с, молодой человек, — сказал папа, — присаживайтесь... Я сел в продавленное хилое кресло, стоявшее возле скромного потертого стола.

— Знаем вас, да и слышали много от доченьки. Помним вашу речь. Ну, что вы еще расскажете?

— Правду! — гордо ответил я. — И ничего, кроме правды!

— Как вы живете и где? Допрос начался.

— Живу в центре города в однокомнатной квартире с женой. Юный математик заерзала на стуле.

— Как с женой? — поперхнулся папа. Его умные глаза вылезли из орбит и, казалось, сейчас соьбьют очки с носа.

— Так вы ж хотите жениться на нашей дочке! — встряла мама.

— Вы же любите ее! — еще больше удивился папа.

— А как можно спать с женщиной, не любя? — в свою очередь удивился я. — Прямо разврат какой-то!

— Так вы уже и спали! — завопила мама.

— А что — нельзя? — снова удивился я.

— Что ж ты, гад, делаешь?! — С папы интеллигентность спала в миг.

— Делаю то, что должен делать каждый здоровый мужчина.

— Так вы женитесь на нашей дочери? — снова встряла мама.

— Вот с женой разведусь и сразу женюсь, — ответил я.

— А потом? — тяжело задышал, как астматик, папа.

— Если жена, оставив квартиру, уйдет к маме, будем жить в центре.

— Ну, а математика? — прохрипел папа.

— А на фиг мне ваша математика! — пожал я плечами. — Я ж не на математике женюсь.

— Деточка! — заорала мама. — Ты же лучший математик университета! Деточка, ты же лучший философ! Боже мой, у тебя же будущее! — Мамин голос начал уверенно переходить на тембр милицейского свистка. — Детка, ты хоть знаешь, чем он занимается? Кто он? — свистела мама.

— Кем ты работаешь? — взвыл отдышавшийся папа, схватив меня за воротник.

— Я еще пока не работаю...

— А что же вы будете есть?

— Кашу, — честно признался я.

— Какую кашу? — ужаснулась мама.

— Любую, лишь бы не вермишель!

— Но почему же? — ахнула мама.

— Потому что государство добавляет туда тухлые яйца, — признался я.

— Какие яйца? — Папа схватился за сердце.

— Куриные.

— Так он же сумасшедший! — вдруг осенило маму. Математик, схватившись за голову, горько рыдала на стуле.

— Не плачь, не плачь, деточка! — продолжала мама. — Мы тебе сделаем чудесный аборт. И все будет просто великолепно.

— Какой аборт? Зачем?

— Так, значит, не надо? — Мама с папой даже обнялись. — Значит, все нормально?

— Какое нормально! Мама, папа, поймите, он занимается Востоком, правда, нигде не учился, но был там, а это еще лучше, чем учился. Ну, в общем, поймите, все еще лучше, чем надо, — доходчиво объясняла мудрый математик.

Не знаю, как по математике, но по устному пересказу у нее, наверное, была двойка.

— Ужас! — Мама картинно схватилась за сердце. — Дитя, ты же будешь восточной рабыней! Я сразу это поняла! — пошло попыталась испугать несчастного ребенка мать. Но тут юный математик вскочила со стула и схватила папу за рубашку.

— Папа! — орала она, захлебываясь и тряся его. — Папа, ты пойми, — выла она. — Я ненавижу математику, ненавижу философию, я ненавижу даже Карла Маркса! Я люблю Сергея!

Она хотела броситься ко мне, но родители с визгом завалили ее на кровать. Это все

напоминало американский футбол, только игроки были без доспехов. Я развернулся и побрел домой. Очень хотелось спать. Звуки борьбы математического семейства постепенно затихали за спиной.

— Ну, как? — спросила жена. — Тебя приняли в семью?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Не успел спросить. Они были слишком заняты. Ты ведь знаешь, родная, мне ничего не надо, но вот тот, второй, — все никак не могу договориться с ним. Прости, сестричка, если сможешь. А если не сможешь, прости все равно.

Снилась какая-то невероятная чушь. Я решил теорему Ферма. Огромная толпа вопит от счастья. Стоя на высокой трибуне, я машу руками, а внизу, на коленях, рыдая, просит прощения математическая семья.

Пробуждение было тяжелым. Чувствовалось, что скоро придет что-то страшное. Наверное, беда. Есть такая неотвратимая штука — беда. Старая грязная нищенка, которая ходит в надвинутом на глаза ветхом тряпье и жалобно просит, вытягивая вперед свои костлявые руки. Стоит не выдержать, чрезмерно окунуться в собственную жалость и что-нибудь протянуть ей, она вспыхивает адским пламенем, хватая костлявой рукой не то, что даешь, а втягивает в себя, обволакивает черным туманом. И каким бы ты ни был, сильным, умным, влиятельным, ты попадаешься грязной нищенке и становишься сам прибитым и несчастным, жалким и уродливым, как она. Потому что беда бросает тебя в то место, о котором ты даже не подозревал. И не дай Бог тебе просить у нее пощады. Ты только опозоришь себя.

В это утро беда ко мне пришла как обычно в своем хитром и изначально лживом облике — бодреньким мужичком с испытанным лицом и красным носом. Он долго плел какую-то чепуху, объясняя, что у него больная дочь, что готов платить любые деньги, лишь бы я, знаменитый врач, взялся лечить.

Я смотрел на него, кивал, говорил: “Приводите”, — а сам четко ощущал присутствие страшной старухи в крошечной комнате. Он ушел, и я даже не мог вспомнить, о чем договорились. Весь день был в тумане. Я ощущал слабость и невозможность сопротивляться. В мою жизнь уже запустила скрюченные руки страшная стерва Беда. У нее много имен: Беда, Страх, Испытание. Ее называют по-разному, кто как понимает.

В шесть часов вечера к старенькому дому подъехал воронок, из которого вылез участковый и еще двое в помятых пиджаках. Они зашли, как к себе домой, без приглашения сели. Жена испуганно смотрела, а я знал. Я ждал целый день.

Участковый говорил без намеков, при этом нагло улыбаясь:

— Ну что, дружок? Ты ж не врач. Я потупился и пожал плечами.

— Да и людей к тебе ходит ого-го! В общем, делиться надо, — нахально улыбаясь, сказал участковый.

— Чем? — спросил я.

— Тугриками! — заржали они втроем.

— Но ведь у меня нет.

Стало ясно, что это начало конца.

— Подумай, — посоветовали они. — Завтра днем приедем. И две помятые дворняжки мелко затрусили за уходящим участковым.

— Да, — буркнул я, — а ведь один из них — вчерашний мужичок!

— Который? — с судорожным вздохом спросила Татьяна.

— Да один из двух.

Лежа с закрытыми глазами, я думал о том, что будет дальше.

Жена сидела надо мной. Она не все понимала, ведь ей было только шестнадцать.

Четырнадцать ноль-ноль. Дверь открылась без стука.

— Ну что? — спросила наглая морда в милицеских погонах.

— Нет у меня ничего, — сказал я, открыв глаза.

— Тогда пошли.

Сопротивляться было бесполезно, я знал. Дверцы “газика” захлопнулись за мной. Может, кто-нибудь и не поверит, но это было начало восьмидесятых. В отделении мне дали прочесть чудо-бумагу, где обвиняли в страшных злодеяниях, как сказал участковый, “за жадность”.

Статьи двести шестая, часть третья, и сто сорок пятая, часть вторая.

Даже не хочется пересказывать этот бред. Статьи тяжелые, по ним сажали сразу на усиленный режим.

Но мне повезло, как объяснили веселые дяди. Жертв не было, то есть пострадавших. Граната, которую я бросил, взорвалась, все, что надо, загорелось. Это ж просто чудо: люди в это время вышли!

В тот момент я ощутил, что такое закон в руках дебилов. Когда сказал, что не подпишу, меня схватили за руки, потащили в какой-то кабинет.

— Смотри, его тоже уговаривают, — объяснили мне. Парнишку младше меня держали за руки откормленные дебилы, а еще один надевал на голову толстый целлофановый кулек. Я подписал все. Это не сила победила силу — это рваная стерва безжалостно сдавила своими кривыми лапами.

Испытание, расплата за все. Ужас накрыл своим черным крылом. Не буду много рассуждать, но это было именно так.

Я потом встретил этого парнишку в лагере. Нужно было найти убийцу отца прокурора. Его кто-то ударил в темном переулке кирпичом. Поймали хулигана, и он все подписал. Если вы не знаете, что такое задыхаться, а потом вдруг дают один глоток воздуха — не два, не три — один, и ты снова задыхаешься... Сперва я это увидел, а потом испытал и сам. Подпишешь все!

Когда на суде меня обвиняли во всех смертных грехах, стало весело. Я признался во всем. Потом спросили, не скрываю ли еще что-нибудь. И, глядя на рыдающую жену, глядя на мать и друзей, я вдруг улыбнулся и честно признался, что смерть Рамзеса II полностью лежит на моей совести. После чего прокурор долго шипел на меня и гневно стрелял глазами.

ГЛАВА 14

Этот суд состоялся через десять месяцев после того, как меня всем РОВД уговаривали подписать бумагу. Десять месяцев в тюрьме — без солнечного света, на мерзкой баланде, не зная, какой срок тебе дадут. Десять месяцев мой следователь расследовал сверхсложное дело. Десять месяцев в полутемной камере я наблюдал за такими же несчастными и ожидающими, беснующимися от собственного ничтожества, издевающимися над слабыми. Когда издеваешься над другим, своя собственная боль и страх становятся более невесомыми, менее ощутимыми. Когда прекращаешь издеваться, все это снова обрушивается с непостижимой силой.

Вся камера — семьдесят пять человек — с нетерпением ждала какую-нибудь новую жертву, какого-нибудь перепуганного маленького дрожащего человечка, чья умственная недоразвитость сразу же бросалась в глаза. Ошибиться нельзя, у них дрожали руки, от испуга тряслась голова, сумасшедший взгляд бегал по сторонам. Это были больные извращенцы, которые либо насиловали, либо уговаривали своих собственных детей. Вся камера ждала развлечения. За них не будет мучить совесть — успокаивали себя подследственные.

А какой преступный извращенец мог бросить их в общую камеру, где было семьдесят пять якобы людей?! На них набрасывались с радостным воем, сразу узнавая, что именно сделали они

Каким же должно быть общество, если оно не разобралось, что делать с больными и недоразвитыми извращенцами? Сажайте их на электрический стул, вешайте, расстреливайте, закапывайте живьем, если хотите! Но бросать в общие камеры на невероятные издевательства, на расправу тем, которые себя считают более достойными, тем, которые якобы мстят за детей...

Бред! Тяжело понять, чья это вина и почему они стали такими. Но не дай Бог

посмотреть, как издеваются над ними, делая изуродованными педерастами! Да, у тех, кто что делает, есть оправдание: они не такие. Тех, кто мажет их пайку хлеба дерьмом из параша, — они не такие. Те, которые протягивают им кружку с мочой вместо чая, оправдывают себя: мы не такие.

Мне ли судить? Не знаю. Но было жутко. Я почти сошел сума. Сидя на нарах, положив голову на колени, думал, думал и думал: “Вот как заплатили мне люди! Неужели именно так платят тем, кто спасает от болезней и продлевает жизнь?”

И снова пришло время удивляться. Оказывается, человек способен на такое, что не приснится и в страшном сне. Не понимаю, как выживали другие. У них было меньше сил, они не знали того, что знал я. В камере, где большое количество людей, одна из главных проблем — нехватка еды. Да и еду давали такую, что не всегда можно было есть. Но находились умельцы, которые из ржавой селедки, покрытой белой солью, ухитрялись делать котлеты. Ее несколько дней вымачивали и жарили в мисках на одеялах. Но в данный момент я говорю не о кулинарных возможностях загнанного в каменный мешок человека.

Мне повезло. Так, наверное, не везло самому дотошному из исследователей. Я не собираюсь писать о тюрьме и о зоне. Не собираюсь хвастать знанием “фени”, и вообще, хочу как можно быстрее проскользнуть по этим воспоминаниям. Но не писать вообще было бы нечестно. Однажды пьяный начальник режимной части решил пройти по коридорам родной тюрьмы. Как потом выяснилось, это бывает раз в пять лет. И тут повезло! В камере жарили котлеты. Дверь отворилась, и заскочило десять здоровенных мужиков, узколобых и пузатых. В тот момент я сидел на нарах возле двери и был страшно удивлен, увидев, что у каждого в руке по здоровенной деревянной киянке. За ними чинно вошел маленький пузатый мужичок с майорскими звездами на погонах. Я присмотрелся к киянкам и, не выдержав, захохотал. На них было четко написано печатными буквами на одной стороне — “Димедрол”, на другой — “Анальгин”, и так далее. Поперхнувшись, я заткнулся, вспомнив, где нахожусь.

— Цьому, цьому и цьому, — ткнув пальцем, скачал майор — Пять! А цьому, веселому, — он ткнул в меня, — вышка!

После чего радостно по-идиотски захохотал, захлопал руками по жирным ляжкам, зачем-то прокукарекал два раза (весело, наверное, ему было) и жирным козликом поскакал из камеры. Дверь громко захлопнулась за широкими спинами его охраны.

Два дня было спокойно. Я даже начал забывать о том, что произошло. На третий день кормушка открылась. Нас четверых перечисли и вызвали на выход без вещей. В голове сразу крутнулось “Вышка! Да не расстреливать же они будут!” — подумал я. Мы вчетвером вышли в коридор. На каждого из нас по два здоровенных жлоба. Всех развели в разные стороны.

Я шел по длинному коридору со своими охранниками неизвестно куда. Разговаривать и не пытался. Знал — бесполезно.

Это был первый этаж. Мы спустились на этаж вниз, как я думал, в подвал, потом еще на этаж вниз, потом еще. Тут я понял, что впервые в жизни попал в самое настоящее подземелье. Сперва были просто скользкие мокрые камни, потом все перешло в пронизывающий холод. Сырость на глазах превратилась в ледяную корку.

“Куда же меня ведут? Неужели все это человек сделал для человека?” Я ощутил свою ничтожность, слабость и никчемность. Стало ясно понятно, что я никто. И если бросят в этой сырой могиле, то уже не найдут.

Как бывает страшен человеческий разум! Как были бы прекрасны люди, если бы научились, оставаясь при разуме, утверждать себя хотя бы в простом поединке!

Вот такие смешные мысли, полные животного страха, зародились в моей раскаленной голове среди обледенелых стен. Спуск кончился, и мы через низкие двери вошли в длинный узкий коридор, по бокам которого была вереница металлических дверей. Из одной двери выскочила веселая толстая бабушка сразу в двух фуфайках.

— Шо тама, хлопци? — бодренько спросила она, что-то дожевывая.

— Та вот, на “вышак”, — ткнул один в меня пальцем.

— Та вы шо?! — удивилась старушка. — Давно вже никого на “вышку” нэ було.

— Ничего, он веселый, выдюжит, — сказал другой. Он похлопал меня по плечу, после чего два жлоба развернулись и вышли, щелкнув замком. Я оказался с веселой бабушкой отрезанным от всего мира.

— Ну, пойдём, — зевнула бабуля. Она открыла свою коптерку и дружеским жестом предложила войти.

— Перевдягайся!

Старушка брезгливо, двумя пальцами бросила на пол какую то кучу грязных тряпок.

У меня был опыт, поэтому не спорил. Я знал, что молотобойцы с киянками всегда появляются внезапно, как призраки. Когда поднял тряпки, руки задрожали и слеза непроизвольно выкатилась из глаза. На мне была вольная одежда со свободы, в руках я держал истонченную, прошедшую через тысячу невольников одежду. Было непонятно, чего там больше материи или вшей. Все это страшным клубком шевелилось в руках.

— Нэ наравиться? — ехидно спросила бабушка.

— Да нет, мать, нравится, и даже очень, — улыбнулся я. Изголодавшиеся вши болочим стальным панцирем стиснули все тело. Ни разу не почесавшись, я, улыбаясь, глядел на бабушку.

— Та ну-у! — протянула она. — Такие здесь не выживают! — Потом указала пальцем на обрезанные по щиколотку валенки. Когда я их надел, то удивился: подошвы были стерты полностью. Слишком много ног упирались в них.

Бабуля повела меня. Мы остановились возле тринадцатой камеры. “Веселая цифра”, — подумал я. Перед тем, как захлопнуть двери, тюремщица схватила за плечо и жарко прошептала в ухо, дыхнув перегаром:

— Сьогодні треба поійсти, хочь и погано, бо завтра змерзнешь.

Я остался один. Камера поразила: два шага вдоль и два поперек, вонючая параша, все облещеневшее. Простоял, наверное, более двух часов. Два часа... А что такое десять дней? Десять дней среди камней и льда! Десять дней стынуть от холода.

Самоубийство — это глупость, и было стыдно не перед Учителем, а перед собой. Что эти десять дней по сравнению с Общиной, потерянной, наверное, навсегда... И эти десять дней на фоне той любви, которая ярко горела в груди?! Я был уверен, что потерял и ее. Зачем доброй веселой девчонке в шестнадцать лет эти проблемы? Десять дней...

И тут ледяная камера показалась не страшной и не убогой. Жалкими показались люди, которые придумали это наказание. Оторвав от дома, от мечты, разве можно было наказать еще больше?

Я прекрасно себя чувствовал эти десять дней. Ледяное оцепенение, полный отдых, лед остудил голову, мозг, застыв, работал очень тихо. Роба на спине примерзла к полу. Десять дней без еды. Есть я отказывался.

Это было блаженство — полное успокоение! Огонь тускло тлел глубоко в груди, поддерживая только жизнь. В “летные” дни открывалась “кормушка”, что-то кричали, показывая миску. Боялся только одного — будут мешать отдыхать и попытаются кормить насильно. Насильно никто не кормил, и я упивался спокойствием, разглядывая картины Дальнего Востока, сосновые волны и синее, как океан, небо. Но все кончается, как и эти десять дней. Воспоминания прервались ударом в бок. Тяжелый сапог вернул в реальность.

— Ты гля, живой! — услышал я. — Вставай, концерт закончился. Попытался, но не получилось. Почему — не понял.

— Ты гля! — опять удивился голос. — Так он же робой примерз!

Меня потащили за руку. Послышался треск, и в камере на полу я оставил своему первому карцеру кусок робы. Ничего не болело, даже не простудился. Просуживались, наверное, те, которые через день хлебали гнилое горячее пойло карцера. Я улыбнулся, хотелось жрать. В камере отлежался и отъелся.

Многого я насмотрелся в этих камерах, много их поменял за десять месяцев тюрьмы. Видел всяких — и опущенных, и перепуганных, равнодушных, и сильных. Страшный

зоопарк, особенно если ты тоже находишься в нем.

Вскоре пришел мой скорый и правый суд. Меня судили почти полчаса. Потом “воронок”, который привез на вокзал, потом “Столыпин”... Так и не понял, почему от великого реформатора осталось только название вагонов, в которых возят ЗеКа? И последнее, что сразило, затронув все струны, которые зазвенели тягучим щекочущим звуком, ударив в мозг, стиснутый костяной коробкой, — это появившийся стальной обруч, который я буду ощущать всю жизнь, как тогда впервые ощутил на бритой голове. От него уже не избавиться. Чьи жестокие руки надели его на голову в тот момент, когда “воронок” прилип к вагону, который должен был увести в далекую страну — зону?

Смирившись с судьбой, я занес ногу, чтобы переступить маленькую пропасть между “воронком” и вагоном, и чуть не упал, но все же, набравшись сил, прыгнул. Не знаю, сколько ехал, потому что сидел в углу зековского купе, закрытого решеткой, держался за голову и спрашивал себя: “Неужели то, что увидел, было не галлюцинацией?” Между вагоном и “воронком” было несколько сантиметров. И вот в эти щели — слева и справа — я увидел черные дула автоматов.

А потом сидел в купе, в котором вместо двери — решетка, держась двумя руками за стальной обруч, кем-то надетый на мою стриженую голову. “За что? — звенели натянутые струны. — Что же я сделал? Почему в меня целились? А вдруг бы тот, который целился, нечаянно нажал? Я ничего не сделал. Ведь он был свой. А вдруг бы нечаянно нажал? Будь проклят этот правый суд, который длился тридцать минут! Почему же никто не разобрался в моем преступлении? Если бы это был правый суд, как бы он удивился, что судит меня за лечение людей, возвращение матерей, матерям — детей, любимым — любимых и просто людям — людей! Неужели за это нужно мучить, унижать, бросать в цементные холодильники? Неужели за это нужно подставлять под черные дула автоматов?”

Добрый ты или злой, тот, который надел на мою стриженую голову стальной обруч? Не знаю, но мне кажется, что, если бы в решетчатом купе на голове не оказалось этого обруча, она бы лопнула в трясущихся руках.

Не помню, сколько ехал. И только лишь одна мысль, один вопрос: “За что?” — бился в отупевшей голове под стальным обручем. Но, кроме всего этого, еще была и свобода. От нее не откажешься. Там осталась мать, жена, все те, кого обидел, и все те, кто хоть как-то верил в меня.

Я часто в камере до суда думал: “Как поступить со всем этим? Кому и что сказать?” Я прекрасно понимал, что нужно безболезненно кого на время, а кого навсегда отрезать от себя. Потом уже понял, что эти четыре долгих года могут быть и последними. Правый суд совсем не учел, что часто, даже очень часто, в тюремную камеру усиленного режима попадают не преступники, а случайные люди. Вот так и попал тощенький, перепуганный белобрысый мальчик. Он не хотел проигрывать себя в карты, не хотел играть вообще с этими подонками, которые кого-то убили, у кого-то очень много украли, кого-то изнасиловали, кого-то на свободе не спеша резали, упиваясь судорогами и муками своей жертвы.

На усиленный режим, минуя общий, попадали именно такие с первого раза. Подонки боялись издеваться без причины. А несчастного извращенца как раз в камере не было. Это они считали кого-то извращением? Весельчаки... У них были очень интересные понятия и законы, не писанные нигде, а придуманные их же больными мозгами. Если ты убил ребенка, ты извращенец и тебя опедерастят, а если этому же ребенку было восемнадцать, и девушка, то ты “кончил суку”, а парень — “замочил козла”.

За что посадили белобрысого мальчишку, не помню. Он играл с ними в карты без желания играть. Он проиграл все, что мог, и самого себя. Я не выдержал и начал бить этих диких зверей по их оскаленным рылам. Бил до последнего, пока мог. Но их было много, очень много.

Милый Юнг, я никогда бы не хотел, чтобы ты разделил мою судьбу, но как тебя не хватало! Как бы легко ты разделался с ними! Они избивали безжалостно, били и ждали, что попрошу пощады, наивные и тупые звери. Есть единственная надежда — зверь туп, и это не

даст ему полностью вырваться на свободу. Они испугались, потому что я не просил пощады.

Разве могли понять, что не сделают больше, что я и так потерял все? А телесная боль — самая слабая.

Внезапно двери с треском отворились, камера наполнилась истошными воплями, киянки гуляли налево и направо. Меня вынесли из камеры, наверное, так не носили даже принцев крови. Краснопогонники почему-то ощутили свою вину. Наверное, давно в камерах не было таких боев. Мое сопротивление их удивило, как никогда. Странно было смотреть на перепуганные дебильно-нежные морды. Кто же знал, что вы такие трусливые! И я, у которого так невероятно болела душа, напугал вас обычным терпением боли. Очевидно, звериные морды жутко боятся боли. Именно такой, телесной, другая им совсем неведома, и это самый главный их страх.

Четырехместная камера, почти гостиница, ни воплей, ни стонов, ни гама, и три перепуганных молчаливых мужика. Один из троих был начальником РОВД. Он обожал проводить допросы сам. Ему не повезло, переборщил. То ли скрыть не сумел, то ли своим надоел. Дрожал он от ужаса, здесь его оградили пока, а потом?.. Дрожал он, как осиновый лист. Двое остальных... А ну их, это стадо.

Катил я в решетчатом купе, сжимая голову, к своему будущему и совсем не знал, что там, на почти забытой из-за тюремных передрыг далекой воле. Как там они, те, которых любил, и те, которые еще, быть может, любят меня? Что там, в моей маленькой комнате, как там моя маленькая жена? Разве ребенок может помочь в беде? Она, наверное, толком не может всего понять. Я успел сказать на суде плачущей жене, вернее, попросить, чтобы она простила.

— Ты сильная, молодая, — сидя на своей скамейке, прошипел я. — Прости меня. Да и зачем тебе все это? Мы даже не расписаны. Иди к маме...

Я не скажу, что имел слишком много, но после правого суда понял — потерял все. Возвращаясь в свой “воронки”, убеждал и убеждал себя, что никому ничего не должен. У матери — нормальная жизнь и Святодух. У жены — просто молодость. У Великого Дракона — свои Мастера. Меня, говорил я себе, нет ни у кого. А как все те больные, которых я недолечил? А как те, которых не лечил вообще? Куда деть знания, которые больно давят на лежащий в темноте мозг? А что же ошибки прошлого, которые ранят в самое сердце? Они ранят, а я так долго ничем их не замаливаю.

И вот я ехал в “воронке” не туда, куда хотел, а совсем в другую сторону. Они же верят и ждут меня. Когда я увижу сосновые волны? Наверное, теперь только во сне. Если смогу уснуть, а не буду впадать, как последние десять месяцев, в черно-прозрачную дрему. Лежишь и не спишь. Эта дрема спасает, чтобы не сойти с ума. Но не для радостных снов. Заснет ли он когда-нибудь, мой измученный мозг?

Душа... Душа — это я. Ее нельзя постричь, нельзя одеть в зоновскую робу. Как жаль, что она живет в моем измученном теле прочно и безвылазно, живет в моих испуганных и расширенных зрачках, стеклянных, не закрывающихся даже во сне глазах.

До сих пор через столько лет я не научился нормально спать. Жена знает, но часто забывает и тянется вытереть у меня со лба ледяной пот, я вздрагиваю и бью ее сквозь сон. А потом, не полностью проснувшись, долго ненавижу себя. Она пугается не меньше, чем я, и каждый раз, перед тем, как я решаюсь попытаться заснуть, клянется, что не прикоснется ко мне спящему. Я верю ей, а она опять забывает.

Наука спать — есть и такая. Сложная, как все в этом мире. Кому понятная, для кого-то непостижимая.

Так что же все-таки было там, на воле? Вернее, там, где жило большее количество людей. Мы наивно считаем это волей. Разве это воля, если наглый debil, облеченный властью, обязанный охранять, грабит, пугает и оскорбляет?

Пока я боролся за жизнь в тюрьме, такая же борьба, а может, еще страшнее, получилась у жены на той ложной свободе. К неопомнившейся от страшной потери шестнадцатилетней девчонке ворвался мужественный следователь, который вел дело

страшного преступника. Ворвался без ордера, без понятий, да и вообще без какого-либо права. И сразу с порога заявил, что она несовершеннолетняя и об этом жутком разврате узнает весь мир.

— Комсомольцы возмущены твоим поступком, — сообщил он. — И поэтому твоего сожителя будут судить за изнасилование, — бредил следователь. — Да и дадут ему ого-го, по всем статьям. Поэтому сейчас мы с тобой, девочка, поедem на экспертизу, которая установит твою половозрелость, — нагло улыбаясь, говорил следователь, жадно ощупывая заплывшими глазами полногрудую с крепкими ногами девчонку. Не нужно было быть слишком искушенным, чтобы увидеть извращенца.

— А можешь и не поехать, да и что тебе терять, — уже трясаясь от нетерпения, выдал из себя лейтенант. — Договоримся и никуда не поедem.

— Поедем, — тихо опустив глаза, сказала она.

— Да ведь врежут столько, что не дождешься, — он даже заерзал от нетерпения.

— Дождусь.

— Ну-у, подруга, — со злобой сказал следователь, — ты так дорожишь своим телом, что обрекаешь человека на лишние годы.

— Да нет, дядя, — с усмешкой сказала она, поднимая глаза. — Больше дорожу человеком, а тело — ради Бога — оно потерпит. И они поехали... Этот эпизод жена часто вспоминает. Были все же на “свободе” и добрые мгновения. Татьяне вот вот должно было исполниться семнадцать. Адвокаты, следователи, прокуроры — как они воспринимали ее? Наверное, легко представить. И все же бывают светлые моменты даже в этой жизни. Какой-то кабинет, и старая, даже очень старая, уставшая женщина, со вздутыми венами на руках.

— Нужно освидетельствовать половозрелость — сказал следователь, указывая на жену.

— Понятно, — сказала женщина. — А ты чего здесь стоишь?

— Я следователь.

— Ну, так иди отсюда.

Следователь вышел.

— Девочка, тебя что, изнасиловали? — врач посмотрела Татьяне глубоко в глаза.

— Нет, — вздрогнула она.

— А чего ж вы пришли?

— Мужа посадили, — всхлипнула Татьяна.

— Понятно, — вздохнула женщина. — Рассказывай...

Через некоторое время в дверь вошел напряженный следователь.

— Ну что? — спросил он. — Как вы считаете, детей иметь может? В его глазах блеснула надежда. Морщины у женщины подобрались, усталая улыбка скользнула по лицу. Она прикоснулась рукой к спрятанной за кофточкой молодой груди.

— Даже внуков, — рука, скользнув по животу, легла на стол. — И, пожалуйста, молодой человек, раз и навсегда закройте эту тему. Я вас прошу.

На этот раз следователь сорвался, не выдержав, хлопнул дверью, убежал.

— Иди к прокурору, — устало сказала врач. — Может быть, хоть что-нибудь получится.

Татьяна до сих пор благодарна старой усталой женщине. Прокурор долго слушал.

— Иди и пиши заявление о замене следователя. Так просто жена случайно избавилась от издевательств и, возможно, долгих мучений. Иногда ее захлестывает невероятная злость.

— Как я жалею, — говорит она, — что не проткнула эту сволочь кухонным ножом. Скольких он еще покалечит! — часто восклицает Татьяна.

Я иногда пугаюсь зародившейся в ней жестокости, делаю вид, что ничего не случилось.

— Ну и что, — отвечаю я. — Ведь тебя не покалечил. Поверь мне, это нужное испытание.

Еще жена часто вспоминает, как пыталась давать взятку то одному, то другому, так толком и не поняв, кому же нужно ее давать. Она не верила нашему правосудию после следователя, но была удивлена тем, что никто не хотел брать деньги, даже самый жадный, наглый не осмелился взять деньги у почти ребенка. Взять не взяли, но и помочь не помогли. Она страдает до сих пор от того, что не смогла меня вытащить сразу, ведь я был невиновен.

ГЛАВА 15

И вот наконец приехал я в зону. Снова дула автоматов, черных, но уже не таких страшных.

Человек быстро привыкает. Заборы, заборы и заборы. Мир заборов, крепких, очень высоких, с колючими волнами наверху.

И сразу кровавый концерт. Зоновская “женщина”. На зоне не бывает женщин. Мужчина? Нет, просто мужского пола. Оно уснуло в углу длинной и вонючей параша, вовремя не вычистив ее руками. Так всем казалось веселей. Лопаты стояли в углу. Вот ими его и били. Все хохотали, потом выбегали из большого, на сто человек барака, все новые и новые, посмотреть на этот кровавый концерт. Его били совковыми лопатами по спине, ниже, по голове, били безжалостно, не спеша, с размаху, он кричал и кричал, карабкался на железный забор, потом повис на острой бахrome. Путанка, тебя боятся все, а он повис. Застрял и так провисел три дня, никому не нужный. Два дня прокричал. Не знаю, чей это был голос — не человека и не животного, одно из самых страшных зрелищ в жизни. А все смеялись или делали вид, что смеются, выходили из барака и смеялись, заходили снова. Морды — испуганные, и бегающие глаза.

Вот так началось. Здравствуй, моя зона! Сжатая в три тысячи человек Страна Советов. Большая длинная одноэтажная хата. По бокам — по две кровати, одна поставленная на другую.

После кровавого концерта нас посчитали и разложили по верхним нарам. Это все называлось этапкой. На этапке жили месяц-два. С нее распределяли по отрядам в другие бараки, тоже окруженные решеткой.

Кто-то дернул за руку. Я открыл глаза. Рядом стояло четыре человека, вернее, четыре головы, которые я увидел со своей верхней нары.

— Пойдем, — сказал один из них.

Ни о чем не спрашивая, я вышел из барака. Меня подвели к каптерке — маленькому сарайчику, сваренному из металлических листов, без окон, но с дверьми. Я зашел в этот бункер с одним. Он закрыл дверь изнутри, это было его ошибкой. Пошарив в кармане, лысое наглое существо (Кто же знал, что он мучается в этой концентрации уже десять лет? Он был блатной, а я — никто. До сих пор не пойму, чем я им так понравился.) из своего кармана бросило в меня горстью леденцов. Я стоял, ничего не понимая.

— Держи, зайчик, — прошепелявил ЗеКа. И только тут я понял все. Бил без жалости. Тумбочка, стол, полочки — все было вдребезги разбито его головой.

— Я понял, — верещал несостоявшийся любовник, — понял все. Коптерка дрожала, как барабан.

— Ну, кто еще секса хочет? — спросил я, выбрасывая его через дверь. Можно было идти спокойно спать дальше. Стало ясно, что теперь меня трогать не будут. Но утром по справедливым зонамским законам я получил свой второй в жизни карцер. После штрафного изолятора на этапке жить стало невозможно, и я понял — любым способом нужно что-то придумать.

Все бараки были окружены локалкой. На сваях возле этих заборов стояли будки, в которых зимой холодно, а летом нестерпимо жарко. Там сидели “калитчики”, которые нажимали на кнопки, щелкая электрическими замками, иначе не зайдешь и не выйдешь. Открывали они только “пастухам” в милицейской форме, да и еще всяким “подпаскам”.

Я бродил, озверевший, по локалке и чувствовал: меня скоро так прессонут, что

гостеприимная санчасть откроет передо мной металлические ворота. Пораскинув мозгами, я решил действовать. Несколько раз замечал: “калитчики” то в одном, то в другом месте покорно нажимают на кнопки, щелкая замками при виде какого-то непонятного человека, который им небрежно кивает.

Он был явно не из ментов и не из вольных, одет странно: ЗеКа, а в дорогом спортивном костюме, и вместо тяжелых ботинок — мягкие тапочки.

— Братуха, слышь, земля, подойди, — позвал я его на уродливом получеловеческом языке. Он подошел, удивленно подняв брови.

— И шо там?

— Дело есть. Я, понимаешь, на воле всю жизнь занимался каратэ. Сходи к пахану и скажи, что у меня есть план, как уйти в побег. Он с трудом подавил смех, приняв очень серьезный вид.

— Принято, — таинственно шепнул он, — сейчас приду. И ускользнул в глубину локалок. Я сразу представил, как он ржет, рассказывая какому-нибудь серьезному блатюку, что появился новый клоун и назревает веселое развлечение. Долго он не задержался.

— Пошли, — “калитчик” покорно щелкнул замком. — Пахан ждет, — делая жутко серьезный вид, он бросил по дороге.

Мы зашли в следующую локалку, и вот тут, зайдя в очередной барак, я действительно удивился. Он был ненамного меньше половины перегороден. На веревке под потолком плотной стеной до пола висели одеяла. “Странный занавес”, — подумал я. Мы с новым приятелем зашли в прореху. Моим глазам предстали три кровати, сдвинутые вместе. Получалось довольно таки шикарное ложе. На них вместо сеток лежал большой деревянный щит. Стены были обклеены цветными плакатами, из магнитофона тихо лилась ненавязчивая музыка. На кроватях сидел человек достаточно пожилого возраста. У него на лице было очень серьезное выражение, которое он старался сделать еще серьезнее.

— Садись, братуха, — сказал он мне, указывая на место возле себя — Понимаешь, — добавил он, — я давно хочу свалить на свободу. Вот только такого, как ты, подходящего, не было. Рассказывай, — он хлопнул рукой по колену.

— А ты точно пахан? — серьезно спросил я.

— Гуня, подтврди, — он обратился к моему новому знакомому.

— Еще бы, век свободы не видать, — замахал тот руками. Комедия была невероятная.

— Ну тогда ты его выгони. А то очень серьезный разговор.

— Уйди, Гунька! - Ну? — снова спросил он, когда тот вышел. Ему не терпелось повалить дурака. Я понимаю, конечно, было скучно.

— Как тебя зовут? — без перехода спросил я.

— А что? — удивился он.

— А то, — ответил я, присев рядом, — что устал я от этих дебилов. Надо же было хоть как то попасть к нормальному человеку. Что ж, мне от скуки подышать на этой этапке? И так уже замучился.

Я понял, что рассмешил его даже больше, чем хотел. Он хохотал, как ребенок. Лупя руками по кровати, которая гудела на весь барак.

— Саня, — протянул он мне руку, насмеявшись вдоволь.

— Сергей, — ответил я.

— Ну ты, братишка, и даешь! Эй, Гунька, — заорал он. Гунька влетел с серьезным лицом, готовый выполнить любое приказание. Саня увесисто хлопнул его ладонью по шее, от чего тот аж согнулся.

— Ах ты, рожа, — сказал он — Ты что, нормального человека увидеть не можешь, тупица?!

— Батя, батя, — завизжал тот. — Да я.

— Пошел вон!

И Гунька вылетел стрелой.

— Что за кадр? — спросил я, кивнул в его сторону.

— Да, — Саня махнул рукой, — шерсть поганая.

— Это как? — не понял я.

— Да это петушня, лезущая в блатоту, — объяснил мой новый знакомый.

— Да, — протянул я, — очень понятно.

— Ничего, — ответил мой новый друг. — Я вижу, что тебе это не нужно. Тем более, у меня будет теперь возможность поговорить на нормальном языке. Ну что. Серый, как там на воле? — тоскливо вздохнул он — Расскажи Я ведь тут двенадцать лет чай гоняю.

Интересного было много. Приходили старые ЗеКа.

— Сколько же тебе до воли? — спрашивали они

— Да вот, три года осталось, — опуская глаза, говорил я Удивлялись, смотрели как на диковинку. Ведь у них было восемь, девять, десять, пятнадцать. Они просили, чтоб я рассказывал.

— Да что рассказывать. Бросил я своему врагу бомбу в окно. Да он, зараза, вышел в это время из комнаты.

Не говорить же им, что сижу вообще ни за что. Кто поверит? Многих встречал. Три тысячи человек на крошечном пятачке. Очень повезло мне с этим Саней. Прожил я легкую жизнь На работу не ходил, менты не трогали, действительно повезло. От голода не умирал. Попробуйте прожить с утра — тарелка каши без жира, кусок хлеба, днем — вода с капустой и опять пустая каша, с чаем без сахара, едва желтого цвета. А вечером — кусок гнилой селедки и вообще непонятная баланда. Хлеб мокрый, спецвыпечка, и очень много тмина. Тмин — это прекрасное лекарство, вот только есть этот хлеб почти никто не мог. А бросают его туда, видно, для того, чтобы не гнил.

На кухне, оказывается, много чего было. И даже мясо. Все это продавалось с черного хода. Из “амбразур” столовой выходила только мерзкая еда. Почему “амбразуры”? Потому что ЗеКа бросались с тарелками на них грудью. Им, наверное, тоже было некуда деваться, как и Саше Матросову. “Амбразуры” были с решками, за которыми стояли с толстыми мордами повара из тех же ЗеКа. Они любили плескать кипятком через эти решки на голодных, толкающихся людей. От такой пищи падали даже здоровенные мужики. Холод и голод их делал похожими на дворовых собак. Забыл покормить хозяин — вот и упал непородистый паршивый пес. Они не умели “крутиться”, “шустрить”, “вышивать” и “сдавать”. А если и умели, то не хотели, потому что дома ждали семьи, измученные жены, дети. Они верили в досрочное освобождение и паха ли как проклятые, падая от слабости. А если нарушение, то какие льготы!

Ну вот, хотел быстро закончить про зону, а как? Ну, не о том я пишу. Было... Было всякого очень много. Когда мне оставался до конца год, вызвал начальник режимной части в “Белый Дом” — так называлось административное здание — и, улыбаясь, протянул какую-то бумажку с мудреными словами. Я даже и не читал.

— Не выпендривайся, Михалыч, объясни, — попросил я.

Он подхалимно сощурился и пропел тенором. Зоновские менты так и не поняли, почему я не умирал на оцинковке возле той страшной ванны, которая была даже без ограждения. В нее опускали калориферы и вынимали уже оцинкованные. Сколько там остались без ног? Они ползали по зоне, стирая свои кулаки о спрессованную землю. Страшные у них были кулаки — мозолистые, больше, чем их собственные головы. А сколько там было всяких страшных работ, черных и грязных! Я думаю, об этом написал кто-нибудь другой.

Могу еще сказать, что особой пошлости и извращений на зоне не было, как пишут в книгах. Потому что не было и сил. Хвала усиленному режиму! Как многих он исправил, сделав добрыми и осознавшими. Ох, и злобу же они принесут с собой на свободу!

А педерасты, которых не пускают даже в баню? Они моются, вымывая свое “фуфло”, которое пользуют все кому не лень, и зимой и летом за бараком. Потому что другие ЗеКа не терпят грязных.

Но я не о том. Не понял меня Михалыч, и черт с ним.

— Слушай, — заискивающе сказал он. — Пускать прощаться с друзьями не положено. А вдруг чего намутил. Возьмут и замочат.

Он был трясущимся, красноносим алкоголиком, без глаз, с мутными узкими щелочками.

— Михалыч, ты сошел с ума. Глянь, во что я одет.

— Не волнуйся, брат, — хихикнул он. — Только вот девочкам из бухгалтерии на конфеты дать надо.

Мне выдали двести с мелочью. Блатные сделали так, что закрывали наряды, будто я работал. Я их швырнул Михалычу на стол. Грязные деньги. За что он дал мне потасканные штаны, черную рубашку и кроссовки.

Моя удивительная жена в Украинском Президиуме каким-то чудом добила помилования, и мне добрая Советская власть скосила аж целый год. И вот я, ошастливленный, ни с кем не прощаясь, был вышвырнут без денег, без никого рядом, на свободу. Даже жена еще не знала, будет помилование или нет, поэтому никто не ждал.

Два свидания давали ЗеКа в год, а жена приезжала почти каждый месяц. Работая на заводе, чтобы хватило денег привезти мне да ментам заплатить за свидание. На заводе работала грузчиками группа женщин. Они с одного конца цеха в другой катали руками сразу по пять-шесть колес для “Жигулей”. Там среди них не выдерживал ни один мужик, поэтому работали только женщины. Катали и колеса от “Белаза”. Иногда не удерживали равновесия женские руки. Падало колесо, и женщина, надрываясь и рыдая, тянула его своими слабыми руками вверх, чтобы катить дальше. Какие у них были причины так работать?..

А свадьба? Свадьба у нас была на зоне. Татьяна начала натягивать обручальное кольцо на распухшую от чьей-то морды руку, потом зарыдала, а я сказал: “Милая, мне ведь все равно его нелзя здесь носить”. Расписывающие нас дружно рассмеялись. Может, это и было смешно.

Нас действительно здорово исправляли. Жена до сих пор вспыхивает ненавистью при виде мента, я же боюсь, истерически боюсь, что когда-нибудь не выдержу и вцеплюсь ему в глотку так, что лопнет кадык. После ненадетого кольца она прождала целый день. Если роспись, то должно быть свидание. И целый день десять женщин ждали, зная, что комната только одна. Как мудро нас исправляли!

Выйдя на трассу и махнув рукой, я сразу удачно тормознул старый “москвич”.

— А-а, — понимающе протянул мужичок за рулем. — В город, конечно?

— В город, — подтвердил я. — Поехали.

В дороге немного поговорили, а потом счастливый бывший ЗеКа заснул тяжелым дерганным сном.

Жена моя, ты встретила меня уже совсем седой, а я все не седею и не седею. Стыдно. Но может быть, оттого, что никогда не забываю о Школе, о знаниях и, что бы ни было” каждый день стараюсь делать упражнения, которые подарил Учитель.

А вообще у тебя судьба ждущей женщины, которая не знает, что с ним, с любимым и сумасшедшим. Как же нужно любить, чтобы терпеть! А я делаю свои упражнения и буду делать их всегда. Потому что жду своего ученика, того, который возьмет половину моего тяжелого груза. Мне сразу станет намного легче. Но встретить его нужно во всеоружии, не седым и разваленным, а сильным и молодым!

Женщина живет любовью, мужчина — любовью и идеей. И как часто иногда идея стоит впереди любви! Но женщина, если она живет любовью, настоящей и неподдельной, никогда не упрекнет любимого. Но как часто мы ошибаемся и из своих любимых пытаемся сделать учеников! И эта ошибка выливается в страшную беду. Беду, которую исправить практически невозможно.

Женщина, которая любит вас, никогда не будет вашим учеником, потому что Господь не дал ни ей, ни вам этого права.

Женщина, которая любит, — это частица вашей жизни.

Ученик — продолжение вас в Знаниях. И вот он приходит. Как объяснить ему, что все убито в нас и в тех, кто вырастил его?

Мы христиане, и, как говорил Великий Учитель, нам не нужны традиции, а нужны знания. Многие спорят об этом, но традиции выходят из знаний, а их пока у нас нет. Отняли Христа, а с Ним рождается вера в Него, разливается по нашей крови с молоком матери.

Сколько поколений жило без Него!.. А сейчас вдруг “взял и уверовал”! Как же так получилось? Говорят — “пробило!” Может ли такое быть? Что знают о Христе те, которых пробило? Юное христианство рассчитано на то, чтобы с него начинали жить, чтобы в колыбели, открывая глаза, мы видели и чтити лик с иконы. В нашей стране это уничтожили. И поэтому знания древних предлагают вернуться к Вере, но более сложным путем. Мы сами его избрали, когда разрушили и Веру, и Храм, в котором Она живет. Избрали сложный путь через знания, логику и незблемые законы космоса с непоколебимыми доказательствами формулами. Только они могут нас снова вывести к прекрасной Вере, ибо на Ней держится Океан Любви на хрупкой и любящей нас планете. Но далеко не каждому это будет дано. И кому не дано, тот попадет в свой личный Апокалипсис.

Я буду дышать, делать упражнения, верить для того, чтобы мое разбитое тело, которое не пощадили ни Советская власть, ни лагеря, ни войны, как можно дольше хранило в себе мозг. Верю, что он понадобится людям. Я верю в юные головы и сердца.

Жена долго плакала и обнимала. Плакала снова, вливая в меня удивительную мощную жизненную силу. Умела она помогать останавливаться в моменты отчаяния, чтобы оно не заполняло доверху. Откуда была эта сила в маленькой седой девятнадцатилетней женщине?

Она рассказала все: как было нелегко, какой у нас интересный Президиум Верховного Совета и так далее... Но впереди жизнь, и ее нужно было жить.

Куда идти работать? Снова проблема! Да и что я мог? Боевое искусство? Над ним все смеялись, особенно над словом “искусство”. И тогда я снова в тайне начал лечить, чтобы не умереть с голода. А что я умел? Ничего! Обычный паразит на теле здорового общества. Лечить права не было. Я нигде не учился, так считалось. Вернее, не было бумажки, которую выдают отупевшие, безграмотные “учителя”. Я не просидел ни одной пары, не протер ни одних штанов, я протирал и рвал кожу, но кому до этого было дело?!

Ах, Учитель! Ну почему же ты не выдал мне хотя бы какой-нибудь бумаги! Да и кто бы в нее поверил? Впрочем, как и в тебя? Ни тебя, ни меня тогда просто не существовало.

Поэтому ходил я по квартирам, таскаясь по протеже знакомых с одного конца города в другой. И, как всегда, меня благодарили то чаш кой чая, то бутылкой самогона. Но бывало — и деньгами. Вот так мы выживали. Только голодали часто.

Учитель, если бы тебя не было вообще, что бы было со мной? Может, хорошо? А может, и нет? Так иногда думал в отчаянии.

Учитель, я очень счастлив, молюсь за тебя и буду молиться до конца жизни. И если можно будет молиться потом — то буду молиться!

Жизнь, скитания по квартирам научили видеть и понимать людей. Я пропускал их сквозь Школу, я сравнивал их с Учителем, но я жил и очень боялся. Так вот, виляя из стороны в сторону, дождался несчастный продолжатель Школы Золотого Времени, когда боевые искусства вылезли из глубокого подполья и, сощурив глаза от яркого солнца, огляделись вокруг. Эти глаза верили в хорошее, но, увы, его не увидели.

Прошло несколько лет. И действительно расконспирировались тайные квартиры, сырые подвалы. Что же увидели выходцы из них? Деньги, деньги и еще раз деньги. Кто был богаче, тот был мастером большей силы, да еще и с внутренней энергией. Оказывается, внутренняя энергия определяется количеством денег: чем больше их, тем сильнее ты мастер.

Если есть целая коробка из-под туфель, у тебя шестая степень мастерства, ты очень сильный. А если есть целая сумка, то ты почти дедушка Ням.

Да, Учитель, я не сомневаюсь, что ты знал обо всем, но счастье, что ты не видел этого! Один раз я, наивный, даже попытался сунуться в недавно образовавшуюся

организацию под чудесным названием “Академия у-шу”. Сколько отвратительной чуши я там услышал и увидел! Первое, что мне заявили: я выдумщик. Толстый и наглый комсомолец даже предложил мне писать сказки.

— Если хочешь заниматься, то мы тебя можем устроить за недорого, — объявил мне комсомольский деятель.

— А то смотри: он тренировать лезет, в начальство сразу, — поддакнул другой.

“Ничего себе начальник! — подумал я. — Это они о тренере так! О человеке, который пашет, как лошадь, отдавая все силы!”

Но это были мои наивные заблуждения. Потом набежали другие специалисты и начали забрасывать меня какими-то китайскими терминами с очень украинским акцентом. А я, болван, объяснял и объяснял, наивно веря, что, может, меня поймут или хотя бы выслушают, но терминов этих я не знал, да и кто их знал?

Они придумали свой тайный язык — хамства и невежества. Деятели потешались уже в открытую. А потом буквально приказали показать несколько движений. Я спокойным тоном объяснил, что покажу — но в спарринге. Мог, конечно, и просто показать, но уж очень они были отвратительные — в идеальных костюмчиках, галстуках, с комсомольскими значками.

— Вот вы, — я обратился к одному из них. — У вас китайская Школа? Давайте поработаем прямо здесь. — И все-таки чувствовали они меня.

— Но, во-первых, — важно сказал деятель, задрожав от страха, — ты еще слишком молод, — хотя я был явно старше его, — а во-вторых, я могу покалечить тебя, дружок, — назвал он меня зачем-то собачьим именем.

А глаза были полны страха, который никак не удавалось скрыть.

— Да и вообще, — продолжал он, — мой учитель запретил выходить на поединки.

Он удачно нашелся и поэтому стал еще в два раза величественней и надутей.

“Эх, — подумал я, — хотелось бы глянуть на учителя, который запрещает отстаивать честь школы!”

— Ну, да, — подтвердил я, — понятно. Это чтоб секреты не выдавать!

— Ну конечно же! — важно протянул комсомолец, надувшись еще больше.

— Ну-ну, — понимающе кивнул я, потом не выдержал и похлопал красавца по толстой морде, посоветовав не лопнуть.

— Это отчего? — поразился он.

— От секретов, — ответил я и вышел за дверь.

Вот такая была первая встреча с украинскими “мастерами” боевого искусства. Ох, Учитель, зачем ты не выдал мне справку! Не буду плакаться и объяснять, как я несколько лет шаркался от всех и от всего. Община многое мне дала, но и много отняла. Но я пытался выжить, потому что мой добрый Учитель сказал: “Ты вернешься, конечно, вернешься”.

Порою было отчаяние: куда я вернусь? Казалось, что вернуться могу лишь в тюрьму. Иногда приходил спасительный сон, нервный, дерганный, с ударами по щекам тому, кто волновался за меня, порою — пинком ноги. В этих снах я метался, как щука, пойманная на блесну, которую тянут туда, где ей совсем не хочется быть. Вот я и жил там, где жить невозможно, и рвался туда, куда меня не пускали те, с которыми я жить не хотел. Они презирали меня, но и не отпускали от себя. У меня был НАДЗОР. Жена хотела продолжение меня, я хотел тоже, но что мог дать маленьким искренним глазам? Какую игрушку мог я положить в розовые ладошки? Мне было страшно.

ГЛАВА 16

Поверьте, все же иногда бывают чудеса, даже в нашей беспросветной жизни вспыхивают они яркими звездами.

И вот он вспыхнул. Мастер — красивый, русоволосый, с такой же бородой, стройный, с великолепными сухожилиями и мягкой походкой молодого тигра. Он ходил так,

как будто все, весь мир, принадлежит только ему, смотрел нежно, обволакивая своими синими глазами: дома, тротуары, каштаны и серебристые тополя. Женщины, дети и старики, глядя на него, влюблялись без памяти. Мужчины боялись.

Я завел себе еще одну овчарку. Насчет собак всегда был строг и поэтому выбрал самую лучшую.

Ох, уж этот дедушка Павлов! Я просил свою добрую черную овчарку, которую назвал в честь того, оставшегося в лесу.

— Конфурик, позови Таньку!

И он шел на кухню, тянул ее за то, что на ней было: то ли халат, то ли спортивные брюки, бездумно, по-глупому, по собачьи (рефлекторно, как утверждал умный дедушка Павлов), отрывая куски. Интересно, какой же это был рефлекс? Она кричала, лупила его ладошками по здоровенной черной башке. А он мотал ее из стороны в сторону и тащил.

— Бессовестный, — слышал я из кухни, — ты опять порвал мне колготы!

А он, негодай, довольно урча, тянул ее ко мне — мой вечный, мой любимый Конфурик! Память о тебе идет из покрытых ряской прудов в большом зеленом лесу. Так и не понял я, какими же рефлексам мы общались и можно ли ими общаться. Но память о тебе спасла меня в этой жизни. Ты привел меня к самому главному — спасению, подарив настоящее кунг-фу.

Я вышел с ним прогуляться теплой ночью. Пес был гордым, как всегда. Он знал, что красив и силен. Высоко поднятая голова, длинная шея, широко расправленная грудь.

— Ко мне, Конфурик! — грозно крикнул я, когда он попытался перебежать на другую сторону дороги. Вдруг из темноты вынырнул стройный черноволосый юноша и дерзко схватил меня за плечо.

— Почему “Конфурик”? — спросил он и сразу по-детски завизжал на его крепкой руке повисла черная башка моей собаки. Я обиделся на пса. Молодой человек схватил меня беззлобно, у него были крепкие руки, руки кунгфуиста, но эти руки Конфурик ощутил сразу и поэтому вмешался.

— Что ж ты делаешь, зараза! — я крутнул пса за ухо, он, обидевшись, перепрыгнул лавку и побежал к ближайшему скверу.

— “Конфурик” потому, — сказал я парню, который зажал свою травмированную руку ладонью, — что я очень люблю кунг фу.

— Я тоже, — кисло улыбаясь, сказал он

— Успокойся, — в свою очередь сказал я. — Ночь черная, и он черный. Все нормально. Ты не успел, потому что очень молод.

— Да просто уровня не хватает, — протянул парень. — А вообще он молодец! Не укусил, а ударил. Даже крови нет.

— Но если не хватает уровня, давай научу! Парень мне поверил и сразу перешел на “вы”.

— Знаете, — прошептал он — У меня есть настоящий учитель. А я, я просто дрянь! Учитель дает все свои знания, свою боль. Он говорит учись, слабым быть очень плохо. И знаете, ведь слабость — это слабость духа, из духа, а не из временного ада нашего тела состоит человек!

Ну, тут я удивился. По тем временам да такие разумные речи! Еще и такой молодой! Мне почудилось, что я сплю. Говорил он как молодой, но чертовски правильно, так правильно, что морды комсомольцев замелькали перед глазами. Я засмеялся, а он лихорадочно продолжал. Прямо воспламенился!

— Поймите, мы с вами никогда не попадем в ад. Ада не существует. Просто когда наше жаждущее удовольствия тело уйдет, растворится, будет очень больно за совершенные ошибки, за ошибки прошлого, Душа, наш дух, то есть мы, будет сильно страдать. Это и есть ад. Как много тело забирает у нас!

Его голова с короткой стрижкой дернулась

— Я ненавижу себя порой! Но как бороться?! Все это было смешно до слез. Я взял

его руками за оттопыренные уши и прижал к плечу. Пацан был выше меня на целую голову.

— Ошибки прошлого ранят в самое сердце! — прошептал я ему в ухо.

— Кто вы? — выдохнул он.

— Да пошел ты... Кто твой учитель?

— Я привезу его. Далеко? — спросил он.

— Жутко. Через улицу!

— Когда?

— Сейчас ночь. Завтра будет утро. Значит, утром. Получится? — испугавшись, спросил я

— Да.

— Ну что ж, завтра утром!

— Когда?

Его глаза засветились такой радостью и надеждой, что у меня закружилась голова. Этого не ощущал я давно.

— Утром, понимаешь, мальчик, утром. Утро — это тогда, когда солнце выходит из-за черной линии и освещает все то, в чем мы живем. Утро — это то, что дает нам надежду. И каждый нормальный человек всегда немного боится, что оно может не наступить. А я каждое утро не могу понять, почему же оно наступило. Ведь мы не заслужили его. Приходите утром. Может, ты думаешь, что я не буду ждать? Или думаешь я буду спать?

— Я приду, — прохрипел парень — Приду, — повторил он, опустившись на колено, соблюдая этикет, созданный мудрецами много тысяч лет назад. Потом крутнул подбежавшего Конфурика за нос и растворился в темноте.

Я стоял, обалдевший “Куда же он приведет своего учителя? Он так к нему ломанулся, что забыл об этом спросить!”

Я решил немного постоять. Минут через пятнадцать послышалось тяжелое дыхание. Под чьими то сильными ногами грохотал асфальт. Мой пес не насторожился, а только удивленно ждал.

— Вы не ушли? — вынырнув на свет, еле дышал лопухий.

— Вон, смотри! — Я показал свое светящееся окно. Оно выплескивало свой мертвый свет на корявый мокрый асфальт, который недавно положили на такую же мокрую землю, и он, растрескавшись, напоминал пустыню, пострадавшую от засухи. Пустыня в центре города.

Я всегда плохо спал. Но в эту ночь, конечно же, не сомкнул глаз. Курил без остановки самые крепкие сигареты. Были такие — “Памир”. Памир, Крыша Мира! Интересно, кто же курит на Памире эти страшные сигареты? Может, там растет табак? Памир — это чистый горный воздух. Тогда я еще не был в горах, но на сто процентов был уверен, что горный воздух не такой.

Примерно так рассуждая, досидел до утра. В Общине курение не поощряли, но и не запрещали. Хотя курили табак, который выращивали. Конечно, он был не такой страшный, как остальные сигареты. Плохому научиться легко. Но именно “Памир” без ароматизации крепостью напоминал об Общине.

Утро было чудесное, потому что в шесть мои открытые двери мягко толкнул русоволосый и бородатый. Так же мягко войдя, он улыбнулся и совершенно бесшумно сел на предложенное место. В нем почувствовалась незнакомая, но мощная Школа!

Жил я тогда, как и сейчас, в однокомнатной квартире, перехитрив всех. На сорок сантиметров по периметру стен сделал столы с дверцами, на стены повесил коллекции бабочек, в которых разбирался, завел себе змей и даже сильного крупного варана из Китая. Он жил в подвешенном на стене террариуме, большом и удобном. Только появлялись у меня деньги от богатых больных, я сразу покупал то, что было близко к природному движению.

Конечно, можно упрекнуть за то, что я мучил братьев своих меньших, но все же у меня им было гораздо лучше. Да, я виноват, что австралийских лягушек, которых купил у одного, китайского варана, которого забрал у другого, южноамериканских улиток и змей и все остальное не смог выпустить на родине. Как бы я довез их туда? Так и живем до сих пор

с этим добрым пучеглазым контрабандным товаром — они, я и жена.

Утро неумолимо. Кто остановит его, когда оно желает быть?

Он сел на мой пол, застеленный татами, с удивлением посмотрел на коллекции, ящики с бабочками и висающие на стенах террариумы. Сколько связано у меня с этими стенами! Веселые строители сдали дом со стенами, в которые не вбивались никакие гвозди. Стены даже нельзя было просверлить. Кто-то из друзей притащил мне ящик дюбелей. Клепал я их своим большим молотком, оставшимся по наследству от бабушки. Удивлялся, потому что слышал, кроме специального молотка, похожего на пистолет, заряженного капсюлями, дюбеля не вбиваются никак. Делюсь, я нашел способ: “бах!” — и по шляпку! Плохо “бах!” — согнул. Ну, а уж если очень плохо, дюбель с кошмарным звоном срывался, ударялся в противоположную стену или в потолок, настойчиво пытаюсь воткнуться мне в голову. Я был молод. “Карма!” — говорил я себе. Фиг вам, фиг... Карма? А кто ее делает? Для кого она? Ох эта карма! Спасибо дюбелям... Пожалели они меня, вместе с кармой, не воткнулись в мою дурную голову!

Он снова улыбнулся и своими требовательными глазами взгляделся в мои. “Ну-ну, — подумал я, — смотри. Ты увидишь, что хочешь”.

В его глазах я почувствовал любовь, ту любовь, которая выражается в ощущении и понимании духа, в невысказанных страданиях, в невыплеснутых чувствах и знании. Все это понимают только те, кому нужно, а нужно тому, кому дано. Его слова были великолепны:

— Чем вы занимаетесь? — спросил он. Ни имени, ни “здравствуйте!” Было понятно, что от всего этого он устал.

— Я иду по Школе и пытаюсь понять то, что окружает меня.

— На чем все это основывается?

— То есть? — нахально спросил я.

— Через какой символ идет это?

— Через символ движения, понимания жесткости — во имя мягкого. Через символ понимания мягкости — во имя жесткости, и смешения того и другого. Разве не из этого состоит окружающее?

То ли от отчаяния, то ли от безнадежности я обнаглел окончательно, переходя на какой-то школьный, но полусофизм.

— Вы занимаетесь кунг фу? — сжались его губы.

— Да, я пытаюсь делать движения в мире хаоса, чтобы понять его.

— Да, хаос — это высшая гармония, — он усмехнулся.

— Так, может, сделаем несколько движений? — с надеждой спросил я.

— Конечно, если вы не боитесь за свои прекрасные террариумы.

— А разве мало места?

— Более чем достаточно!

Учитель, это один из тех технических моментов, когда мне очень жаль, что ты не видел. Мы дрались по высшему классу! Понимали, что разбить нос или пах — это просто. Мы ведь не были врачами и поэтому любили друг друга, безжалостно пинаясь всеми частями тела и так, и этак, как только могли. Потом, часа через полтора, одновременно рассмеявшись, мокрые и счастливые, успокоились. Да, он был неплох...

— Откуда ж ты такой? — улыбаясь, спросил мастер.

— А как тебя зовут?

— Игорь, — ответил он.

Как хорошо, Учитель, что ты нас не видел потом. Мы напились, как свиньи. Пусть и нельзя это понять, но, наверное, как-нибудь можно оправдать.

Несовместимое не только нужно совмещать, хотя это возможно, несовместимое нужно понять. Крайность — удел сумасшедшего. Мы живем в обществе и потребляем созданное им. И если общество говорит на кого-то, что это дурак, то он дурак действительно. Поэтому, если не дурак, он создает втайне от общества и пытается не спеша, аккуратно отдать созданное тому, кому это нужно. Это называется оккультизм.

Нельзя увидеть того, чего нет. Но бывает, если увидел, не говори никому. Другие не видят — значит, этого нет. Нельзя увидеть то, чего нет. Можно увидеть то, чего не хотят другие. Вот так получают сумасшедшие. От этого не уйти. И бросаются они из угла в угол в смиренной комнате на мягкие стены, все равно разбивая свои больные, натруженные, “видящие” головы. Судьба иногда одаривает их качествами “видения”, но кто их понимает? И бьются они о твердые или мягкие стены. Может, наоборот, может, к слишком добрым людям приходит истина, которую ненавидят другие.

ВЫПИСКА ИЗ УЧЕБНИКА ПО ПСИХИАТРИИ

“Вечером была привезена больная. Она плакала, тихо, беззлобно протягивая ко всем руки.

— Люди, люди! — причитала она. — Не делайте плохого... Не обижайте близких своих. Люди, люди! — умоляла она. — Нужно понять детей. Не вы даны им, а они вам. Зачем же вы так жестоки?

Больную укололи успокоительным. Утром лечащий врач спросил:

— Как вы попали к нам? Она молчала.

— Так как же вы попали к нам?

— Через дверь, — жалобно глядя, произнесла больная”. Диагноз — маниакально-депрессивный психоз”.

Но разве не через дверь пришла она? Разве через окна тащили эту больную, несчастную, “видящую” женщину, отягощенную внезапным и непонятным знанием? Через дверь внесли ее те, кто были слишком разумны.

Мой новый друг Игорь оказался удивительным человеком, у которого хватило сил не попасть в сумасшедший дом. И для того чтобы понять, кто он, необходимо немного погрузиться в прошлое.

Китай — страна чудес. Чудеса на каждом шагу. Все о них знают, и поэтому не буду перечислять подробности, а скажу о главном. Китай — он самый древний, начало начал. Из него вышло все, а значит — самое прекрасное и самое безумное, что только есть на Земле. Все ценности и все извращения человечеству дал именно он. И, как все самое древнее, он давно начал отживать, дряхлеть и разрушаться. Как у очень дряхлого старца, в мозгу иногда вспыхивает память об истинном и прекрасном. Эта память пробирается сквозь затуманенный разум, сквозь болезни и немощный организм. Особенно когда заводятся страшные разрушающие опухоли. Последнее, что добило окончательно древность. Великая зараза, память о ней не умрет никогда: — Мао Цзедун.

Нельзя упрекать великих мастеров Дао, которые отреагировали на культурную революцию по-своему. Они не боролись. А может быть, так и надо? Может быть, эта борьба была бессмысленной? Путь не-деяния — это великий Путь, если он неизвращенный. Нам сложно понять традиции и само Дао. Но кто будет спорить с великими Учителями? А сколько их погибло из-за Мао и орущей толпы хунвэйбинов? С трудом можно поверить, что не боролись племена уйгуров, дунган, да и сколько там еще этих воинственных племен!

Но, оказывается, по какому-то закону Космоса все это удивительное сокровище в виде знаний и Учителей, которые их несли, вновь расцвело, тайно, на территории нашего родного СССР. Не буду долго рассказывать, как голодные, едва идущие беженцы появлялись на Дальнем Востоке. Но многие, наверное, помнят, как в какую-нибудь приграничную воинскую часть попадали старики с трясущимися руками. Они прекращали страшные эпидемии дизентерии и других болезней, заваривая несколько крошечных пучков травы на огромные солдатские котлы. Кого гнали обратно, кого оставляли при части, а кто и сам исчезал неизвестно куда. Вот такая она была — культурная революция, обокравшая Китай с ног до головы.

Находка. Город ветров и кораблей, алкоголиков и бандитов.

Тысяча девятьсот пятидесятый год. Официальные кабаки в порту и тайные портовые притоны. Прокуренный бардак, оружие пьяные морды. Драки, поножовщина. Девочки, пришедшие добровольно и затянутые силой. Поножовщина идет вовсю. Здоровенные

портовые мужики крошат зубы кулаками, размахивают ножами, дерутся за тоненькую молоденькую девушку, испуганно стоящую в углу на заплеванном, заброшенном окурками полу. Она дрожит, прижавшись к грязной стене. Вся эта бойня идет за нее, кто первый будет обладать ею, кто растерзает эту девочку. Ее лицо искажено страхом, но если присмотреться, то можно разобрать красивейшую китаянку. Наверное, такими были наложницы древних императоров.

По грязным и кривым портовым улочкам, прикрыв глаза, идет худой, сгорбленный годами длинноротый старик. Он идет как слепой, но идет уверенно, почти не разбирая дороги.

Драка внезапно прекратилась. Китаянка шагнула от стены, протянув руку.

— Отец, тебя долго не было. Я испугалась, — уже спокойно произнесла она.

На пороге стоял выпрямившийся старик. Его глаза открылись, оглядывая остолбеневшую толпу.

— Красота — это дар демонов! — по-русски произнес он. — Я стар, — продолжал старик. — Это место далеко от нашего дома. А красота — это дар демонов, — старик устало прикрыл глаза. — Сядьте, — повелительно произнес он. Никто даже не пытался спорить. Это была жуткая сила.

То ли пришло время нам постигать мудрость древних, то ли какая-то часть благодарности за то, что страшная страна приютила мудрость. То ли этого хотел Космос, не знаю, но с грязного кабака началась история кунг-фу в нашей стране. Мне иногда кажется, что для многих людей это было истинное спасение. А если это спасение дал Фу Шин, Великий Учитель тайной секты Шаолиньского монастыря, неизвестно почему ушедший из Китая, — его, конечно, сберегли бы. Но он почему-то ушел...

Конечно, Фу Шин не был очень щедр, и можно себе представить, сколько мальчиков, парней и мужчин прошло через него. Он выбирал и выбирал. А люди объединялись, принимая мудрость древних, развивая свои собственные традиции, пропуская их через ту же мудрость, ведь в настоящей мудрости рождаются традиции. После этого во многих городах России появились тайные общества, несущие в себе целостность мысли и движения. Может быть, я преувеличиваю, но уверен, что лучших спортсменов и лучших врачей в нашей стране дало именно это великое движение кунг-фу. Но без извращений ничего не бывает. И поэтому власти преследовали, как могли, уничтожали, загоняли в лагерь. И разросшееся, уже ставшее огромным движение потихонечку уменьшалось, уходя все глубже и глубже в подполье. Но остались в нашей стране мастера, легенды о которых доходили и до Китая, и до Вьетнама, и даже до Лаоса с Таиландом.

Вот так, более сорока лет назад великая мудрость тоненьким ручейком пролилась из древнего Востока и разлилась в тайное море по нашей бескрайней стране. И это море сейчас начало потихоньку проступать на поверхность. Об этом можно говорить бесконечно, можно писать книги с тысячами глав. Китайские мастера приживались, начинали общаться друг с другом, иметь своих учеников, обмениваться ими, иметь детей, учить и их. И когда Китай понял, что потерял, было поздно. Так истинная мудрость и знания древних получили новую родину.

Я слушал Игоря и не верил своим ушам. Неужели я не одинок, как собака, в этой стране? Неужели есть люди, которые знают столько, сколько и я, даже больше? Игорь усмехнулся.

— Мой учитель, — сказал он, — это тот, который учился лично у Фу Шина и был одним из лучших и любимых его учеников.

Я чувствовал, что еще немножко, — и у меня будет истерика, держался, как мог, хотелось броситься в объятия этому бородатому сильному человеку, человеку, который буквально спас мою жизнь. “Я не одинок!” — хотелось закричать на весь мир.

Но, переборов себя, я с надеждой спросил:

— А где он? И как можно его увидеть?

— Я завтра еду к нему. Здесь недалеко, километров сто двадцать от города. Хочешь

— поехали.

И этим он убил меня наповал!

Я спал почему-то как убитый — первый раз после тюрьмы.

В семь часов утра меня разбудил лопухий. Чмокнув жену в щеку и одевшись, я выскочил на улицу. Боже мой, там стояли желтые “Жигули”, в них сидел улыбающийся бородастый, и мы покатали в ближайший город на встречу с первым в моей жизни великим украинским мастером кунг-фу. Учеником самого Фу Шина.

По дороге разговаривали без остановки Лопухий слушал, шевеля изо всех сил ушами Он ехал в первый раз и был счастлив до чертиков. Мне было приятно сознавать, что его Игорь взял за знакомство со мной. Разговаривая в машине, мне вдруг стало особенно больно за свою Школу Что же я расскажу этому мастеру, что покажу? Ведь так мало знаю! Потом стало стыдно. А на середине пути вообще захотелось выйти из машины. Я поделился этим с Игорем.

— Ну, — усмехнулся он — Терпи. Еще и не такое будет. Сначала ты удачно ступил на Путь, но потом у тебя действительно были тяжелые годы пустоты и одиночества. Терпи, Серый, — посоветовал он — Андреич поймет тебя, поверь мне.

Машина остановилась рядом с Днепром, берег которого полностью зарос кустарником. И, что интересно, в центре зарослей стоял небольшой дом, комнаты на четыре, с разными сарайчиками и небольшими пристройками, а вокруг на берегу изо всех сил росли многоэтажные дома. Мы зашли в заросли, и у меня захватило дух. Я попал на великолепную площадку с тренажерами. Их было много, и некоторые я видел впервые. Площадка была идеально чистой.

— И вот этого. Серый, скоро не будет, снесут дом нашего учителя, построят какуюнибудь пятиэтажку. А куда его? Кто знает?

— Давай перекурим? — попросил я.

Мы зашли за площадку. В кустах была небольшая аккуратная лавочка.

— Игорь, мы так с тобой много говорили, а кто он, кем работает? Я совсем забыл, где мы живем.

— Кем работает? Вообще-то во всех цивилизованных странах такие люди как достояние страны получают государственную зарплату, чтобы не было проблем и чтобы со всего мира можно было принимать гостей. Но у нас Ты же знаешь! А работает он в школе учителем физкультуры.

— Ты что! — ахнул я.

— Вот так вот, друг, — усмехнулся мой новый знакомый. Стриженный лопухий печально кивал головой, слушая нас.

— Ну что, идем? — спросил Игорь.

Я встал, расслабился, потом шумно выдохнул и наконец решился — Пошли!

ГЛАВА 17

Пройдя тренировочную площадку со станками, мимо огромного абрикоса мы подошли к дому, возле которого стоял длинный стол и такие же лавочки, вкопанные в землю.

— Смотри, Серега, — сказал Игорь, — вот за этим столом сидят все, кто может ворваться в нашу загадочную страну. Андреича начали потихоньку признавать ученые, врачи приезжают из разных стран. Но пока еще это тяжело. У него много учеников. Если б не они, то ни ему, ни гостям нечего было бы есть. Разве на зарплату физкультурника прокормишь детей, жену и такую кучу гостей?

— У него еще и дети? — изумился я.

— Да, — подтвердил Игорь. — Целых трое.

— Ну, дает!

— Ну, так мастер!

Comment [3]: <!--
StartFragment-->

Игорь подошел к двери и постучал кулаком. Дверь распахнулась, и из нее шагнул крепкий кудрявый мужчина и сжал в объятиях Игоря.

— Ну, здравствуй, бандит! — ласково сказал он.

— Андреич, я тебе подарок привез!

— Да ну! — удивился тот. — Думаю, что не этого лопухого. Лопухий засмутился.

— Что за школа? — повернулся ко мне Андреич.

— Корейская, — выпалил я.

— Интересно! Вот чего уж не было давно, так это ее! — Мастер внимательно посмотрел на меня. — И конечно же, не тхэ-квондо. Небось, что-нибудь родовое. Судя по рукам, да?

Я кивнул в ответ головой.

— Школа? — снова спросил он.

— Ссаккиссо.

— Дракон... — задумчиво повторил Андреич. — Так это ж Юнг, Ням! Ничего ж себе подарочек! — потер он ладони. — А ну, пойдем, мальчик! — И он буквально потянул меня на площадку.

В нашей стране люди, относящиеся к кунг-фу, я имею в виду настоящих кунгфуистов, знакомятся так всегда. Они просто невероятно устали от разговоров, от абсурдной философии и человеческой глупости.

— Неплохо! — сказал Андреич. — Но мало. Мало работал с мастерами из рук в руки.

— Да уж! — кивнул я головой, потирая свои руки. Подвигались мы немного, но у меня было впечатление, что по рукам аккуратно, можно даже сказать, любя, но все же прошлаась монтировка.

— Не переживай! — сказал Андреич. — Дам мазь — и к утру ничего не будет.

Руки, медленно пульсируя, превращались в сплошную гематому.

— Слушай, как тебя зовут?

— Сергей, — потирая руки, ответил я.

— Серега, ты ведь дракон, а я тигр. Ты знаешь эту легенду? Когда сразились тигр с драконом, почему никто не победил? Это был единственный бой дракона, где дракон сразился на равных. А вообще-то дракон всех научил: и тигра, и змею, и птицу — да, всех, кто на нашей Земле! Но только тигр обозначился как сила *Инь*, а дракон — как сила *Ян*. *Ян* создал *Инь*, дракон создал тигра как свою противоположность. Знать эту легенду — это значит знать стихии и законы, по которым они действуют. Учитель рассказывал?

— Нет, — беспомощно пожал я плечами.

— Ну, ничего, расскажет.

— А может, вы? — жалобно попросил я.

— А может, и я, — усмехнулся Андреич. — Ну, а сейчас пошли пить чай. Да, а лопухого как зовут?

— Саша, — пискнул лопухий.

— Ну, пошли чай пить, Саша.

Мы зашли в дом.

Там было пусто. Жена и дети были у родственников. Как потом выяснилось, в те моменты, когда Григория Андреевича начинала доставать Советская власть, он своих отправлял подальше. Приходили какие то люди, начиная от участкового и заканчивая непонятными в штатском. Все чего-то нудили, чего-то хотели, разговаривали как-то загадочно. Но скорее всего, у них была простая задача — завербовать, ведь столько людей вокруг. Это бывало часто, по несколько раз в год. И каждый раз гости уходили, покачивая, а иногда тряся головой. Им было непонятно, почему невозможно запугать, морально подавить этого на вид простого мужичка, вокруг которого почему-то всегда такая огромная толпа. Посадить, наверное, могли давно. Но, очевидно, чувствовали, что там он будет еще более опасен. Да и толку там от него не будет никакого. Законов Андреич не нарушал, страшного ничего не

сотворил, но количество людей вокруг него пугало власти. Не что сейчас беспокоило мастера. В те далекие годы у него в доме произошло удивительное совещание, в котором участвовал и я. Мне начало везти безмерно, наконец-то! Чувствовалось, что жизнь изменилась к лучшему.

Попивая чаек, Игорь наконец-то решился и спросил у Андреича, почему он его так срочно вызвал.

— Дело в том, ребята, — сказал Григорий Андреич, прихлебывая чай, — что есть тут городок, совсем рядом с нами. И, как вы знаете, на фабрику прибыла большая партия вьетнамцев. Война-то у них кончилась. И кушать стало нечего.

Да, тот период в стране был очень интересным. Многие не понимали, почему появились огромные толпы маленьких узкоглазых людей, которые по двадцать, а то и по тридцать человек бродили из магазина в магазин и скупали все, что могли. Каждый скупал по десятку тазиков, мясорубок, ножиц, мисок — да в общем, всякую мелочь, пугая этим продавцов. Они совершенно не понимали по-русски, были очень говорливы, но говорили шепотом и, тесно прижавшись друг к другу, ходили, озираясь, по городам.

Очередная ошибка нашей страны, которую она вот так, по-идиотски, бездарно пыталась исправить. Вьетнамцев сперва боялись, потом начали ненавидеть, а потом — просто гонять. И великая древняя страна, страна мудрости и джунглей, бродила по городам, пугаясь больших домов и больших наших людей, став просто “чурками”, как с “любовью” их называли наши соотечественники.

Можно бесконечно рассказывать о подвигах вьетнамского народа, о том, как их никто никогда не мог сломить, о том, что этот маленький народ — самый воинственный народ в мире. Можно рассказывать о войне, она сожгла всю страну, но не поработила ее, о тех уникальных подземных ходах буквально под всем Вьетнамом, благодаря которым партизаны появлялись внезапно. Враги пытали стариков, женщин и детей, но никто не вырвал из них ни слова о подземных ходах. Они молчали, хотя все прекрасно знали, где эти артерии, дающие спасение и ведущие к победе. Две великие страны не смогли уничтожить горящие джунгли. Две страны отступились от них, а потом каждая по-своему замаливала грехи. Наша страна замаливала их особенно оригинально. Вот таким способом.

— Так вот, — продолжал Андреич, — сунулись несчастные каратисты однажды, увидев какого то вьетнамчика, тренирующегося в посадке недалеко от своего общежития. И, если это не сказки, то работает он разводным.

— А как это? — поинтересовался Игорь.

— То-то и оно! Живет он в общежитии, в маленькой комнатенке, но с женой! — Андреич поднял вверх указательный палец. — Уже интересно! С чего бы это — с женой? Поутру, когда нужно идти на фабрику, высовывает голову из двери и громко кричит в коридор: “На работу!”

Собравшись, ему стучат в дверь и говорят, что готовы. Он их отводит на фабрику, а фабрика в пяти метрах. В конце работы забирает.

— Да, хорошая работа — разводной! Мне б такую! — хихикнул Игорь.

— И слушаются, говорят, его — ну прямо как в сказке! — добавил Андреич. — Да, так вот про наших каратистов. Тупоголовые такие! — вздохнул он. — Ничего, кроме как позориться, не умеют.

— Ну, так наглые, у себя дома, — вставил я.

— Пришла толпа, человек десять, и заявила: “Что-то дергаешься ты, чурка, очень. Давай с каждым по отдельности поработаешь”. Спаррингеры узколобые! А они ж простые, эти вьетнамцы. Да и барьер языковой — ого-го какой! Да и времени, говорит, нету: забирать своих с работы надо. Вот он на свою голову и предложил за счет экономии поработать сразу со всеми.

— Да, Андреич! — протянул Игорь. — Видно, он сильно спешил.

— То-то же! Никого не покалечил. Но катались эти герои, как бублики. В общем, ребята, сейчас придет Гончаренко, он вьетнамский хорошо знает, и мы съездим в

общезитие. Больно слухи упорные. Может, что новенькое. Вьетнам — это очень интересно!

— А почему, учитель? — спросил лопухий.

— А потому, что этой стране некогда расслабляться. И в виде боевого искусства она развивается постоянно. Это не танцы у-шу, Сашок! Это истинное кунг-фу, развивающееся в боевой партизанской обстановке. Вот такие там ребята!

В дверь постучали, Саша вскочил и отворил ее. Я чуть не ахнул. В дверном проеме стоял мужчина лет сорока пяти, небольшого роста и такой же в ширину. Огромная лысая голова. Маленькие звериные глазки сверкали ясным и обжигающим огнем. Здоровенные кулаки мягко свисали по бокам. Они были треугольными и похожими на страшное боевое оружие.

— Приветик! — улыбаясь, но настороженно глядя то на меня, то на Сашу, произнес мужчина.

— Это Шурик! — Андреич кивнул на лопухого. — А это родовая Корея.

— Да-а... — протянул незнакомый мужчина жуткого вида.

— Только знакомиться сегодня, Колоня, ты с ним не будешь! Я уже с ним познакомился. Колоня помрачнел.

— Опоздал! — хмыкнул он. — Ну и как?

— Нормально, — кивнул Андреич. — Ну что, едем, Игорь?

— Вперед! — с готовностью ответил тот. — Сейчас только нашему дракону руки смажу.

И еще пять часов в машине. Я начал уставать. Гудели руки. Шурик дремал. Гончаренко с Андреичем о чем-то тихо беседовали. Мелькали поля, а в голове был полный сумбур. Все казалось сказочным сном. Я попал в удивительный новый круговорот жизни. Она сжалась надо мной.

Грязное общезитие. Пять этажей. Кучки перепуганных маленьких узкоглазых людей, быстро-быстро что-то щебечущих друг другу.

Мне нравилось быть с тремя сильными людьми. У них никогда не было проблем ни с большими коллективами, ни с отдельными людьми. Агрессивно настроенные коллективы перед ними сразу рассасывались, прямо-таки растворялись, а отдельные люди были ласковы и понятливы до чрезвычайности. очередное чудо — непреклонный страж в общезитии, сидящий на входе, после пары слов Гончаренко бросил свой пост и, радостно улыбаясь, как своим любимым родственникам, повел нас в комнату к загадочному вьетнамцу.

Дверь открыла красавица, которая, как нам показалось, вышла прямо из гонконговского фильма. Ее удивительного нежного акцента не передать, но из пухлых губ, я понял, прозвучало:

— Здравствуйте, проходите!

Мы зашли в крохотную комнату, а страж побежал на свой пост. Нет, все-таки комнатой это нельзя было назвать: слишком она напомнила тюремный карцер, в котором, поджав ноги, на полуторной кровати сидел маленький, но невероятно крепкий вьетнамец с невероятно печальным лицом. Было видно, что он очень устал от подобных визитов.

Как потом нам объяснил Ле Гун, лучше б его побили в той посадке или, может, даже убили! Каждый день толпы аборигенов ходили вокруг общезития с воплями: “Учитель!” — усердно кланялись, увидев его то в окне, то в вестибюле. Бедный Ле Гун боялся выходить уже несколько дней, и его бригада, печально щебеча, выходила и приходила сама. Он понимал, что совершил ошибку и за эту ошибку придется как-то отвечать. Мы для него оказались спасением. Потому что Игорь был первым признанным даже комсомольцами и имел удостоверение по боевому искусству на уровне всесоюзного масштаба. Андреич же пока высовываться попросту не хотел. Это была заря боевого искусства нашей страны.

А пока мы всего лишь вошли к Ле Гуну в комнату, и пропустить, что было дальше, просто невозможно. Вьетнамец вскочил с кровати и совсем с не вьетнамской сдержанностью зажестиковал руками.

— Не массел я, совсема не массел! И не усителя! Блигадила я! Лабоция я! Понимаес?

— жалобно взывал он.

Мы молча стояли, строго, без улыбки глядя на Ле Гуна. В будущем — на нашего самого близкого друга и Учителя.

Но сейчас это был измученный, перепуганный вьетнамец. Эту роль он играл великолепно.

— Холосо! Комната сто два тли. Там массел!

Мы кивнули и, ничего не говоря, пошли в сто двадцать третью комнату.

Подойдя к двери, Гончаренко подмигнул нам и зашел один. За дверью через минуту послышались дикие вопли. Она широко распахнулась, и низко кланяющийся вьетнамец с круглыми от ужаса глазами что-то по-вьетнамски доказывал Гончаренко, который ржал, как конь. Все вместе мы снова пошли к Ле Гуну.

В комнате у него вьетнамец, рыдая, бил себя кулаками в грудь и трещал без умолку. На него было жалко смотреть. Ле Гун махнул рукой, и тот растворился. Сев на пол, мы долго слушали, как Гончаренко свободно, без запинки разговаривает с Ле Гуном по-вьетнамски. Я, конечно, ничего не понимал, так же как и Шурик. Было видно, что Андреич и Игорь понимают, но слабовато.

Пришло время немного расшифровать всю эту историю.

Мы прожили в общежитии несколько дней. Этот маленький напряженный вьетнамец пришел в себя, поняв, кто его окружает, он стал для нас тем, кем должен быть. Свою миссию Ле Гун выполнил полностью. И там, в грязном общежитии с потрескавшимися стенами, я узнал тайну кунг-фу.

Разве есть религии на Земле, идущие от Бога, которые говорят: кради, убивай и разрушай? Разве есть религии, которые учат совершать что-нибудь отвратительное? Почему же любовь к Христу разбилась на тысячи любовей? Почему монахи разных орденов часто вынимали из-под сутан и дряхлых хламид кинжалы и кололи друг друга? Почему каждый любит Христа по-своему и понимает его по-своему?

Древний Будда глядел печально на своих воюющих учеников, а они, чтобы отстоять свое понимание Будды, в бою становились разящими змеями, тиграми, драконами, разрывающими друг друга.

В нашей стране если и говорилось об этом, то очень просто: не могут разделить власть и все хотят быть главными. Каждый судит по себе. Ле Гун объяснил это просто и понятно. Конечно, и без стремления к власти быть не могло. Но все же в основе лежало правильное понимание Создателя.

Люди, которые понимали его по-своему, объединялись, создавая течения и школы, и каждый считал, что он понимает лучше. И каждый искренне верил, что может спасти людей, развив свое учение и отдав его людям. Не власть лежала в основе. Какая власть могла быть у нищих, голодных, странствующих по миру монахов францисканцев? Какая власть могла интересовать сбивавших ноги о камни монахов-даосов? Вера и стремление — вот что толкало на эти трудности. И от понимания этого нам тогда в маленьком общежитии стало страшно, но радостно.

Наша огромная страна потеряла все. Несколько поколений не задумывалось ни о чем. А если и задумывались отдельные люди, то их попросту уничтожали. Но рабство, гласит древняя восточная мудрость, — это самое удивительное состояние. Рабство порождает рабов и великих героев. Слишком наивно и глупо поступили с нами. Не могло это длиться долго. Не могла троица патлатых и бородатых так сразу уничтожить великую святую Троицу. Не могла Библия, выйдя из древних великих Гималаев, так просто уйти, уступив место безумным томам Ленина и “Капитала”. Страшны были эти ладанки на груди у детей в виде пятиконечных звезд с непонятным кукольным образом кучерявенького божка.

Рабство перешло в великую силу, порождая уникальных людей, которые, живя в абсолютной темноте, хватались за китайских мастеров, пришедших с Востока.

Мастера сперва удивлялись, а когда понимали, что не экзотика тянет людей, а тянутся они за крошечным глотком знания, и понимали тогда мастера космический смысл

“великой” культурной революции, такой страшной и такой необходимой. И только в этой стране должны были возродиться Великие Знания, одряхлевшие на своей родине, не где-нибудь, а именно — в нашей стране, изголодавшейся и уставшей. Вот так культурная революция своей волной через Железный Занавес вынесла самое лучшее, что нужно было погибающей стране.

Все это не было секретом для японских, вьетнамских и лаосских мастеров. Их всегда беспокоила огромная земля без семени знания.

Заволновались мастера живых и сильных школ кунг-фу. Но не могли они попасть в нашу страну, как удалось это китайцам. И только нам, советским людям, иногда становилось смешно, когда видели, как за одно и то же, абсолютно за одни и те же идеи и знания, воюют мастера разных школ. Они были настолько одинаковы, что мы практически не видели различий. Потому что различия заключались в традициях, а знания, которые мы брали, порождали наши собственные традиции. И быть по-другому не могло. Но все же разница в школах есть. Школы тигра, змеи, птицы — это школы подражательные. А мастера всегда стремились к стихийным.

Наконец пришло время и вьетнамцев. Они, отвоевавшие столько лет, дошли до того, что за десять алюминиевых тазиков с радостью отдавали любую новенькую трофейную машину. В ней риса не сварить, да и на сожженной земле его не вырастить.

Вьетнамцам давали общежития, и за жалкие гроши они работали, где только могли. Вот так и затесался в очередную партию большой вьетнамский мастер кунг-фу. Он был первый, который должен узнать о состоянии кунг-фу в нашей стране, а самое главное — на какой философии оно базируется. Поэтому простился со своим дедом, меч которого покоился во Всевьетнамском музее. Меч старшего учителя Вьетнама, обожествленного при жизни...

Забыл сказать очень важное. Если кому-то хочется назвать это работой вьетнамской разведки, то, пожалуйста. Государство всегда считалось с мастерами кунг-фу и, не боюсь заявить, слушало то, что предлагали они. Так что Ле Гун отправился в СССР отъездаться и разбираться что к чему.

Но ажиотаж его убил наповал. Кунг-фу, каратэ были настолько популярны через книги и кинофильмы, что он уже собирался назад домой. Мы приехали вовремя. А плачущий вьетнамец — это был тот несчастный, на которого Ле Гун спихнул обязанности мастера, и он с утра до вечера рассказывал аборигенам байки. А тут вдруг Гончаренко, да еще повьетнамски, с коварными вопросами... Заплачешь, конечно!

Прожили в общежитии мы месяц. Я даже на время забыл о жене. Вьетнамец удивлялся нашим знаниям, периодически с уважением кланяясь Андреичу. Тогда мы и поняли крошечную разницу в стремлении передать знания у корейцев, китайцев и вьетнамцев. И чего им ссориться? Вот так в СССР рождалось великое Вселенское кунг-фу, о котором, как после оказалось, мечтал первый патриарх северной тибетской Школы! Школы, из которой вышло все.

Тибет — колыбель знаний, школ и людей. Но до него из маленькой обшарпанной комнаты было далеко. Не зная ничего этого, мы думали и думали, рассуждая, споря, а порой вступая в жесткие дружеские поединки с Ле Гуном, как внутренние, так и внешние.

Я ехал домой. Карман приятно оттягивал диплом, который позволял спокойно работать тренером. Сбылись мечты. Мне нужно было набирать людей и учить их, учить думать, чувствовать, любить, а уж потом махать кулаками. Я не был полностью уверен в себе, но был счастлив. По крайней мере, мы с женой не будем голодать. Диплом был великолепный — от Академии ушу. Я мог людям давать лечебные системы и оздоравливать. Я не пользовался медицинскими препаратами, а это означало, что, если аккуратно, не высовываясь, лечить, заваривая травы, трогать меня не будут.

Огромный зал. Сто пятьдесят человек. Я оказался лучше, чем умные комсомольцы. И слава Богу! У больных были больные друзья, у всех дети. Прав был Учитель: бояся выпустить знания, которые накопил;

Они могут разрушить все —тебя и тех, кому помогаешь. Никогда ничего более тяжелого я не делал. Даже не подозревал, что так тяжело.

Самое безобразное, что есть в нашем мире, — это реклама. И я абсолютно убедился: рекламируют всегда ненужное. Началась новая эра в моей жизни, тягостная и не слишком приятная. Я стал необходим людям —больным, ищущим и страдающим; все остальные совершенно не замечали ни Школы, ни идей. Но их было мало. Они были “благополучные”, усмешкой реагируя на происходящее.

В те времена страна была больше обеспокоена грядущими переменами, поэтому власти практически махнули рукой на всевозможные течения. Спать приходилось по два три часа в неделю, постоянно ожидая, что все-таки придут люди в штатском и погрузят в “воронки”. Но этого не происходило. Приходили другие, приезжали издалека. И днем, и ночью стучались в квартиру, требуя, умоляя: “Если вы можете помочь, значит, вы должны!”

Деньги было брать невозможно, приходилось трудиться. Когда ты что-то можешь, тяжелее всего смотреть в глаза больному, который надеется и просит. Легко ли взять у такого деньги?

Спасибо залу. Он кормил, кормил слабо, но все таки... У Игоря тренировки заканчивались немного раньше. Он приходил ко мне, кланялся залу, тихонько садился рядом с одним и тем же вопросом:

— Ну, как. Серый, тяжело? — Я устало усмехался в ответ.

Без помощи телевидения, газет и каких-либо объявлений больные начали приезжать отовсюду, со всей огромной страны. Я понял, как мало могу. Лечил по принципу ощущений и тех продуктов, которыми люди могли питаться. Но этого было очень мало. Большого я не мог, потому что не знал. Начало свободы давало возможность съездить к Учителю. Ехать было необходимо, но больные, появившиеся ученики держали не менее крепко, чем когда то держала тюрьма. Ученики у Ученика! Как это было похоже, слепой ведет слепых! Но им было нужно все это. И я отдавал, как мог. А они брали, как могли.

Приезжающие ко мне верили, что я чудесный лекарь, ждали чуда. Первое разочарование наступало тогда, когда они меня лицецерели — молодого и полного сил, а не трясущегося старика. Потом второе разочарование приходило, когда больные выслушивали, что нужно им делать. Нужно было менять свой образ жизни, долго пить горький отвар трав, питаться по-другому. Многих раздражало это, иные уходили с недовольным видом. Но были и такие, готовые грызть камни. Ведь каждый человек —это индивидуальность. Я, к сожалению, не мог раздавать волшебные пилюли и не лечил прикосновением рук. Сколько раз зарекался, что лечить буду только безнадежных, но приходили и другие, ныли, а когда им объяснял все, ныли еще больше.

Так мы с женой обрастали невероятными мистическими сплетнями. Слабые люди любят молоть языком. И убедились мы с женой, что он действительно без костей. Если бы не моя жена, которая научилась мастерски составлять травы! Больных она, практически, взяла на себя. Что было бы со мной? Не знаю...

Женщина — это великая сила. Помня об этом, я не могу не кланяться тебе. Великая сила! Ничто не может так созидать и разрушать, как женщина.

ГЛАВА 18

После тренировки. Одиннадцать часов вечера. Даже не стук В дверь поскреблись.

В последнее время мы жили нервно и чутко. Если и есть в этом мире люди, которые спокойно сидят за дверью, когда в нее стучат или звонят, то это не мы.

С годами терпеть стало невозможно. Татьяна без лишних вопросов открыла дверь. В квартиру неуклюже, однобоко кланяясь, зашла женщина лет сорока, держа за руку маленькую девочку. За той — паровозиком — трое детей. Она минуту молчала, а потом заплакала. В левой руке у женщины был зажат средних размеров мешок.

— Вот, смотрите, — сквозь слезы сказала она, вытряхивая из мешка кучу денег.

Много бумажек — и все по рублю!

— Что это? — ахнула жена, схватившись за сердце.

— А это мне, — заходясь еще больше слезами, отвечала женщина,

— всем домом собирали. У нас много подъездов. И с каждой квартиры

— по рублю. Видите? Мне есть чем платить. Только помогите! Вот так я мог заработать “большие деньги”!

— Рассказывайте, — строго потребовал я.

А Татьяна трясущимися руками быстро-быстро запихивала мятые рубли обратно в мешок.

История такова. Я знал, как лечатся многие болезни. Но я уже знал один из законов природы: не нужно ставить диагноз. Диагноз — это направленное лечение, которое, конечно же, никогда никого не приводило к здоровью. На Земле не так уж много продуктов мужского происхождения, а тем более, что сейчас все продукты подвержены обработке Мужские теряют свою силу *Ян*. И в связи с этим можно смело сказать, что “янистых” продуктов, то есть мужских, практически не осталось. Их нужно вычислять и понимать. В те времена понятия *Инь-Ян* стали просачиваться в нашу официальную медицину. Были даже умные профессора, которые написали на эту тему несколько статей, но они половину переписали из древних непонятных трактатов, а другая половина — собственные измышления.

Инь — это обволакивающее, вбирающее в себя, увеличивающее. *Ян* — это сжатое, стремящееся вперед, выталкивающее. Много ли сейчас осталось болезней, при которых органы, суставы, ткани уменьшаются? Все переходит только в плюс-ткань, в женское. Сколько болезней, где процесс идет на уменьшение, сжатие и тому подобное?

Бывает, когда после длительного воспаления или увеличения органы высыхают, но это уже другое.

Чем страдает сейчас человечество? Увеличением суставов, увеличением сердца, печени, почек, плюс-ткани, то есть раковыми заболеваниями, ожирением, язвами, увеличивающимися, захватывающими все большие и большие объемы. Увеличением веса. Человечество растет, рыхлеет, дряблеет, гниет.

Вот вам и *Инь* — натуральный и искусственный. Человечество погрязло в *Инь*. Так получилось. Все придуманное, все искусственное, начиная от зловонного черного дыма, заканчивая обработанными продуктами, — все это *Инь*. Посмотрите на наших мужчин. Разве не *Инь* они? Толстозадые, слабые и дряблые! Все просто. Нужно только хорошо понимать, где *Инь*, а где *Ян*. И тогда нетрудно все расставить по местам. Только, конечно, если этого захочет сам больной. Трудиться — это тоже состояние *Ян*. Легче лежать на кровати. Но даже в движении можно окутать себя состоянием *Инь*, превратиться в разрастающийся, неправильно развивающийся зародыш, который вырастет не во что-то нормальное, а в дряблое и никчемное создание!

А чтобы было понятно, я скажу об *Инь* и *Ян* со стороны человеческой природы. В двух словах.

Инь и *Ян* имеют огромное количество значений, но вот главное и простое. Земля и семя. Женщина и мужчина. Женское — это влагище. Более женского, наверное, уже не придумаешь. Оно вбирает в себя, обволакивает, в себе вращивает и увеличивает. А что может быть более мужским, чем фаллос? Он стремится вперед, проталкивая и выталкивая на своем пути.

Но понятнее всего о женском и мужском могу рассказать на примере своей жены. Когда был в местах лишения свободы, Татьяна работала на заводе, в насквозь продуваемых цехах. И заработала воспаление тройничного нерва. А это значит — невероятные боли, и правая сторона лица в два раза больше, чем левая; опухоль твердая, как камень. У этих больных практически никогда не возвращается первоначальный облик. Не буду долго говорить о том, как я испугался и малодушно повел жену к врачам. Они так долго рассуждали, что повергли меня в панику. Инфекционное это или еще что-то? А один добрый врач, молодой мужчина, посоветовал разводиться и бежать.

Инь-Ян. Один из самых сильных *Ян* — зеленый чай с морской солью. Самый сильный *Инь* — имбирь. Я решил воспользоваться законом природы. Кормил жену мало на протяжении двадцати пяти дней почти исключительно рисом и морковкой, немного подсолнечного масла. Это значит, в организме присутствовал в основном *Ян*. Из концентрированной настойки имбиря на правую сторону лица ставил примочки. Женское расширяющее разжижило, как бы растопило отвердевший гной, а постоянное употребление супер-*Ян* в виде зеленого чая с морской солью выталкивало гной, который должен был разесть, как объяснили мудрые врачи, все на своем пути и войти в мозг. Значит, *Инь* размягчил. *Ян* вытолкнул! И из маленькой дырочки в углу глаза начал выходить толщиной со спичку столб гноя. Потом на правой щеке открылись две дырочки, из них тоже пошел размягченный, но все-таки твердый гной. Вот самый классический пример женского и мужского для спасения человеческой жизни.

Если хорошо вдуматься, вместо того чтобы пробивать дыры в легких и выкачивать гной через катетер, подобным способом, то есть правильным сочетанием *Инь-Ян*, можно беспрепятственно выгнать слизь из легких через естественные отверстия в организме.

Так вот, моя больная.

Можно начать как в сказке. Жила-была семья. Муж, жена, четверо детей. Жили, трудились, тянулись, как могли. Все было хорошо.

В народе это заболевание называется подагра. Им мучаются десятилетиями. И ничего! Плачут, скрипят зубами, подолгу не могут встать с кровати, но все же встают. А тут... Случай был редким.

Суставы являются естественными мельницами организма. Кровь несет в себе шлаки и кристаллы, которые размалываются в единственном месте — суставах. И я совершенно не знаю, почему иногда шлаков такое большое количество, что суставы не в состоянии их размолоть. Советую врачам не искать, отчего так много появляется шлаков, и не думать, почему суставы не в состоянии их перемолоть, а помогать больному избавиться от боли.

Вначале начинают воспаляться и болеть суставы. Болеть сильно, по ночам доводя человека до крика. Потом центральная нервная система выходит из положения как может. Чтобы человек не мучился, потому что это невыносимо, мозг делает суставы неподвижными, и они растут, чудовищно увеличиваясь в размерах. Но главное — не болят! Представьте женщину, у которой все пальцы уже год не гнутся, кисти рук неимоверно увеличились и заострились. Не гнутся локти, гнется только одно колено и немного позвоночник. При этом боль неимоверная. Чем это кончается? Человек будет полностью обездвижен. В этом состоянии боли прекращаются. Потом заливается мозг. В таком состоянии больной может лежать долго. Через определенное время затихает, изуродованный, зашлакованный. А результат этого — муж в ужасе убежал. Он пытался лечить жену, но как — не знал никто. Все усердно пытались поставить диагноз, отчего и почему. Я не обвиняю этого мужчину. Зрелище действительно страшное.

Может, кто то способен и на большее. Может быть... Но женщина живет до сих пор. То, что начало застывать, не застыло. Я не сделал ее полностью здоровой. С трудом она растит своих детей. Пусть не гнется вся, но живет без боли и без дальнейшего ухудшения состояния. Она счастлива.

Дочитайте написанное до конца. Может быть, и вы сможете понять, как помогать таким людям, как помогать хотя бы своим близким И мне, наивному, кажется, что мир в лице наших близких и родных обретет большую силу.

До первой трагедии оставалось совсем немного. Было очень хлопотно, но это была работа. Впрочем, любая работа — если к ней относиться со всей душой — забирает много сил. Но дает новое, ни с чем не сравнимое состояние.

Я вселил, наверное, не совсем здоровую уверенность в своих учеников. Один из таких умников подошел и спросил, можно ли принять роды у жены на дому.

— Как? — не понял я.

— Вы понимаете, — выпятил грудь он, — вот уже два месяца я хожу на курсы, по

три раза в неделю нам показывают, как принимать роды.

— Что за курсы?! — ужаснулся я. — Какие роды?! Мне казалось, что он бредит.

— Ну, есть такие курсы, — продолжал вундеркинд. — Называются “Роды на дому”. Два месяца нам все объясняют и показывают по видею. А потом каждый принимает роды у своей жены.

“Ни фига ж себе демократия! — мелькнуло у меня в голове. — Ни фига ж себе курсы!”

— Это как? — выдавил я.

— Ну, кооператив такой, — ответил ученичок.

— Ни черта ж себе кооператив! — пробормотал я.

— Да! — Он снова гордо выпятил грудь. Очевидно, люди совершенно озверели, если в таких кооперативах, задуривая голову, тянут деньги! У меня не было слов. Как объяснить этому напыщенному, самовлюбленному уроду, что и он, и эти кооперативщики, которые “недорого берут”, просто сошли с ума?

— Послушай! — Я не выдержал и, схватив его за шиворот, несколько раз встряхнул. — Ты когда-нибудь видел огромную лужу крови? Может, знаешь, как она пахнет? Запах крови, сынок... — Я снова встряхнул его. — Ты нюхал ее, сволочь! — вырвалось у меня. — Или ты знаешь, что делать, если будет кровотечение? Что будешь делать ты, если твоя жена, мать твоего будущего ребенка, который еще не вышел из нее, начнет истекать кровью? Не грохнешься ли ты в обморок?

— Но ведь нам все объясняли...

— Иди отсюда! Я запрещаю тебе! Запомни, усвой, схавай, врубись, как можешь. Я запрещаю тебе!

И понял, что говорить с ним бесполезно. Я оттолкнул его от себя и, развернувшись, пошел в другой конец зала.

Огромный зал. Сто пятьдесят человек, триста глаз, столько же ушей. Я чувствую себя виноватым. Но кто же знал, что человечество породит такие кооперативы, которые только показывают по видео, без запаха, без звука, без прикосновения. Мир начал переворачиваться с ног на голову. Я всегда буду чувствовать себя виноватым в том, что случилось.

Прошло время. Сколько прошло, не помню. Тренировка была в разгаре. Я ненадолго заскочил в тренерскую. Следом сразу же зашел он.

— Учитель!

Я вздрогнул от этого слова, как от удара.

— Мне нужно с вами поговорить. У меня проблемы. С трудом в перепуганной физиономии можно было узнать нахального юнца.

— Да. — Я внимательно начал вслушиваться в него.

— Вы понимаете, я все-таки сделал.

— Что? — спросил я.

— В общем, мы родили.

— Кто это “мы”?

— Ну, это... — Он засмущался. — Жена моя. Уже прошло время, а ей все плохо и плохо. И запах от нее какой то странный... Вы знаете, как будто гниение. А ребенок, в общем, нормальный.

Он начал успокаиваться и уверенней смотреть на меня.

Я не гнал его, и он начал по-свойски улыбаться.

— Я ведь знаю, — продолжала наглая морда, — вы самый прекрасный врач. Я столько слышал! И, конечно же, — в довершение улыбнулся он, — самый лучший гинеколог в мире.

На мгновение я перестал себя контролировать “Какая сука!” — мелькнуло в голове

Ткнув его ладонью в грудь и оглушив, выволок в зал. Все опешили. Сто пятьдесят человек остолбенели, глядя на нас.

— Смотрите, — громко сказал я, швырнув его на пол. — Перед вами сидит обыкновенный убийца. Вот он, — я указал пальцем, — принимал роды у своей жены. Он насмотрелся на экране телевизора, как это нужно делать. Он получил документ в каком то кооперативе. А если бы его не было, этот подонок никогда бы не осмелился принять роды у своей жены. Этот документ ограждал его от ответственности. Если что — было на кого свернуть. Любил ли он свою жену и ребенка, которого принимал? Вот они — те страшные амбиции, о которых я вам рассказывал. Когда есть оправдание, можно совершить любое преступление. А здесь оправдание документальное: случись что, виноват вроде как и не он! А получится — правильно — ГЕРОЙ! И жена будет всегда скромно улыбаться, глядя преданными глазами на своего “героя”, который, в сущности, преступник, совершающий действия на “авось”. Авось получится! Не получилось! Куда он пришел! Он пришел к нам в зал. Ко мне. Клянусь вам, ребята, я отговаривал, запретил это делать. Не знаю, чем помочь. Никогда не принимал роды и никогда ни с чем подобным не сталкивался. Я даже не смотрел этих видеофильмов. И только что этот подлец заискивающе говорил, что я прекрасный доктор и великий гинеколог. Вот оно — отчаяние! Понятно без объяснений, что его гонят из всех больниц, когда спрашивают, где рожала жена. Никто не берет на себя ответственности. Да и кому она нужна в нашей стране! “Рожала дома — дома и лечите”, — отвечают, наверное, так?

Я пнул юнца в бок. Он судорожно закивал в знак согласия.

— Ты говоришь, я прекрасный гинеколог! Да, я гинеколог. Сейчас ввезут в зал гинекологическое кресло, и я начну заниматься своей повседневной работой.

Парень сидел на полу, молча глотая слезы.

— Не знаю, что делать, — обратился я к залу и к нему. И вдруг почувствовал себя виноватым. Виноватым перед всем миром, перед ним и перед его несчастной женой. “Бедная девочка! — подумал я — Если ты выживешь, то тебе же быть с ним!”

— Пошел вон!

И я, развернувшись, зашел в тренерскую. Потом туда зашла моя жена.

— Пойдем домой. Уже прошел час после тренировки, — тихо сказала она.

Мы вышли из зала, толпа ребят стояла молча. Не глядя на них, я побрел домой, а следом, не задавая вопросов, шел самый близкий человек. Когда нужно, она могла быть молчаливой. За это я буду благодарен ей всегда.

Две тренировки прошли без меня. Думаю, что нашлась замена. Уже тогда начали появляться добрые и преданные ребята, в лучшем понии мании этих слов. Несколько дней не спалось вообще. Не было даже дерганого сна. Не было ничего. Лежал, тупо уставившись в потолок, и вспоминал Общину. “Нужно ехать!” — мысль терзала безжалостно. Но больше всего пугала другая: “Почему же я не еду?!” Не пускали, наверное, те, кому был нужен.

Несколько дней я не реагировал на звонки. Жена понимала меня и не подходила к двери. Три дня полного молчания, давящей боли. Три дня мучений за совершенное не мной. “А может, все-таки я?> — эта мысль не давала покоя.

Стук в дверь становился все настойчивей и настойчивей. Мне захотелось открыть. В коридоре заклацал замок. Понимание без слов было не в первый раз. Этим жена меня не удивляла.

— Здравствуйте! — услышал я.

Подняв глаза, увидел мужика с огромными кулаками.

“Боксер!” — мелькнуло в голове.

— Говорите, — попросил я, даже не встав. Да, были курьезные случаи. Как говорят классики, это было бы очень смешно, если б не было так печально.

Первая больная, при воспоминании о которой я становлюсь гордым и надуваюсь как индюк.

Рассеянный склероз. Сколько об этом сказано и написано! По моим непроверенным данным где то в Америке какой то миллионер (откуда мне знать правду?! — но все же приятно!) оставил завещание, гласящее, что, если найдется человек, который вылечит

рассеянный склероз, ему ставят золотой бюст и вручают миллион. Не какихнибудь там тугриков, а долларов! Вот уж не помешали бы! А бюст могут оставить себе. Зачем грабить Америку?

Она была жена боксера. Он мужественный человек. Полюбил женщину, у которой болезнь уже поселилась внутри. Хотел ребенка, несмотря ни на что. Сохранились сильные мужчины, слава Создателю, на нашей Земле!

Мой прекрасный боксер завел ее под руки. Женщина была на костылях. Это очень страшно. Я сел. Из больших красивых глаз медленно катились крупные слезы.

— Послушай, — спросил я, — чего ты хочешь?

Слезы покатились быстрее, и, всхлипнув, она прошептала:

— Хочу пройти на шпильках!

Невинное желание при рассеянном склерозе! Я усмехнулся.

И пошли длительные ее мучения. Женщина была сильная, готовая на все. Приехала с мужем издалека. Объяснял два дня подряд, как нужно питаться, делал травы на целый год, твердил, что лучше быть при мне. Она говорила, что у нее работа, и обещала делать все, без запиночки, без малейшей ошибки. Я поверил. На целый год были составлены сборы трав, даны системы дыхания, пробуждающие чакры и даже кундалины — пробуждение “Великого Змея”.

Они приезжали еще несколько раз. Через год женщина влетела в мой дом, радостная, на своих долгожданных шпильках и, конечно, полностью истыкала мой борцовский ковер, с таким трудом раздобытый. Я на нее наорал, а потом мы долго смеялись. Свирепый боксер залил шампанским весь дом.

Я даже испугался, что австралийские лягушки не выдержат в своем микробассейне шипучую смесь, но все обошлось. Потом ребята объявили, что через несколько месяцев у них будет ребенок. Прошел еще год. И на своем пороге я увидел похорошевшую, крепкую, стройную женщину. Она, счастливо улыбаясь, держала на руках румяную полугодовалую девочку. А боксер, мрачно насупившись, захотел поговорить со мной наедине. Я был потрясен.

Какая странная штука жизнь! Она любила мужа, она боролась со своей болезнью. Это была очень сильная, необыкновенно сильная женщина. Есть недостаток. Есть прекрасный муж, ребенок. Живи! Но борьба вошла в ее жизнь очень прочно. Ей нужно было бороться. Хроническая нехватка борьбы. Ведь столько лет бороться с рассеянным склерозом...

— Она умница, — сердито бубнил боксер. — Но случилось какое-то безумие. Все время чем-то недовольна. Может, с психикой что-то. Может, еще как поможешь? Пойми, — вздохнул он. — Ну, все ей не так! Ну, не было такого раньше! Что делать?

На боксера было жалко смотреть. По одному виду здорового мужика становилось понятно, что он просто боится попросить сделать так, чтоб жена хоть немного снова заболела. Хотя бы немного шаталась. Это было написано на его выпуклом лбу.

Подобного потом будет еще много. Будут приходить мужья жен, которые похудели и стали красавицами. Они будут всерьез просить, чтобы сделать жен прежними. Будут отчаявшиеся жены, у которых выздоровевшие мужья стали бегать на сторону. Но что поделаешь?

Лечить человека только телесно — это не лечить его совсем! Не осознавал еще своих действий я до конца. Да и сил бы никаких не хватило. Впрочем, настоящим лечением это нельзя было назвать. Сделанное наполовину — это хуже, чем не сделанное вообще.

Глядя на боксера, я ощутил такую вину, что стало не по себе. Но ведь это — здоровая семья, здоровый ребенок. Значит, все хорошо. А результат какой получился...

Я решительно встал и, взяв его за руку, потянул в комнату. В комнате сидела здоровая, красивая, розовощекая женщина с малышкой на руках. Та весело сопела, теребя ее за пальцы.

И я сделал то, чего делать нельзя. Слишком слабый я был и уставший.

— Слушай, красавица, где твои костыли? Она удивленно захлопала глазами.

— Дома остались, — сказала, пожав плечами.

— А хочешь, я верну тебя на них?

— Нет-нет! — вдруг крикнула она.

— А это просто! — Я сделал страшное лицо. — Захочу — и верну! Женщина верила мне безмерно. Она потеряла дар речи и только отчаянно трясла головой.

— Смотри! — Я погрозил ей пальцем, как маленькому ребенку. — Муж скажет — и верну! Так что не выбрасывай их! А теперь — слышите, стучат? Там таких, как вы, — куча! А троих я уже вернул обратно — кого на палку, кого на костыли!

— Не надо! — Она обрела дар речи.

— Тогда идите отсюда и здоровыми не возвращайтесь никогда!

Женщина, прижав ребенка к груди, буквально ломанулась на выход. А сзади, подмигнув мне и хмыкая, шел боксер. Больше их я не видел никогда.

Жизнь перестала шадить меня. И тогда я столкнулся с психологией детей. После стало понятно, что необходимо бежать к Учителю.

Дети — маленькие чудовища, которых создали большие чудовища-взрослые.

Во время очередной тренировки в кабинет постучали. После моего “да?” — дверь отворилась, вошла высокая красивая женщина лет сорока.

— Я, наверное, к вам? — мягко улыбаясь, спросила она. За время работы с людьми я совсем забыл о красивых женщинах. А может, просто красивые женщины в этот период не попадались? Это была, наверное, самая красивая моя больная. Красиво она делала все.

Мы пили кофе в ее небольшой двухкомнатной квартире, и я, кивая с умным видом, внимательно слушал ее.

История в общем-то простая. Гордые и красивые женщины всегда тянули как магнитом. А разве может быть по-другому? Женщина, которая не выходит замуж только потому, что нужно, — это уже интересная женщина. Растить ребенка без мужа, конечно, сложно. Но выбирать мужчину для своего ребенка, заведомо зная, что мужа не будет, потому что нет достойных, — это уже загадочно. Нет достойных... Как понять это? Стоило задуматься. И я думал, попивая кофе, от которого уже отвык, слушая интересный рассказ. Его прервал звонок. Она побежала в коридор. Через мгновение послышался звонкий и жизнерадостный детский голос, и в дверь комнаты заглянула веселая мордочка лет двенадцати. Пропишав: “Здравствуйте!” — пацан убежал в другую комнату.

Потом снова хлопнула входная дверь.

— Это мой сын! — гордо сказала Наташа.

Лучше бы они и не рожали без мужей! Потому что без них получают слишком страшные чудовища. Однобоко воспитанные однобокой любовью. Нет ничего страшнее в мире половинчатого состояния, но об этом чуть позже.

Моя больная Наташа. Еще в ранней юности испытывала головные боли. Они усиливались и с возрастом перешли в сильные головокружения с потерей координации и душащими рвотами. Где только она не лечилась и кто только ее не лечил! Последнее лекарство, которое я увидел на столе, меня развеселило от души. “Побочными явлениями, — там было написано, — может быть головокружение, головная боль и рвота”. И если таковая случится, необходимо немедленно прекращать принимать лекарство.

После непродолжительной беседы оказалось, что встреча с унитазом у нее происходит раз в пять дней при помощи большой горсти слабительных таблеток.

— Ай-й-й-й! — удивился я. — Такая красивая женщина — и такая глупая! Разве голова растет не оттуда? И разве не в голову бьет то, что гниет и лежит так долго?

Она была очень красивая, и это не слишком меня от нее оттолкнуло. Мы долго смеялись после того, когда она наконец поняла, в чем ее проблема. И то, что мучило всю жизнь, было уничтожено за несколько месяцев. Но уничтожение требовало сил.

Я часто приходил к ней. С ней было интересно. Умная сильная женщина. Это такая редкость. Они без мужей действительно слишком много набираются ума.

Она схватилась за Школу, за медицину. Это был мой первый больной, который

согласился выдержать тяжелые испытания. Наталья хотела быть здоровой и очень тянулась ко мне. Опять назревало новое преступление, от которого, казалось, невозможно уйти. Но оно прервалось длительным скандалом, как только мы заговорили о ребенке.

Маленькое, хитрое двенадцатилетнее создание. С печатью равнодушия и поиска постоянной выгоды на противно улыбающейся мордашке.

Наталья рассказала ужасающую историю. По каким-то методикам, я не помню, но явно идиотским, у них были просто пугающие отношения с сыном. Она это рассказывала гордо, как великий педагог. В какой-то книге то ли австрийского, то ли шведского профессора Наталья вычитала, что с детьми необходимо вести себя абсолютно раскованно. Профессор утверждал (очевидно, он был маньяком), что с детьми нужно вести себя непринужденно с самого рождения. Подчеркиваю — не можно, а нужно переодеваться перед детьми, как, видите ли, делают у них во всех семьях! Бедная Наташа! Она, видимо, не вычитала, в каких. Таким, видите ли, образом дети якобы привыкают к необычному и сразу постигают все. Перед детьми нужно ходить обнаженными, нужно с ними мыться в душе. Тогда они ничего не скрывают от своих родителей, как и внешне (имеется в виду тело), так и внутренне, рассказывают все, не тая.

Эх, глянуть бы в лицо этому психологу! Он уж куда покруче старика Фрейда. Они постоянно все что-нибудь да путают. Никто вовремя им не объяснил элементарного понимания женского и мужского. Иначе бы никогда не запутались и не написали эту чушь, завязнув в собственных мыслях и желаниях. Нельзя переводить все на секс, хотя и без него тоже никак! Но не все же...

Да, он руководит практически всем в жизни. Но ведь это легко изуродовать. И, наверное, нужно правильно направлять детей. Но уж никак из-за бегания по дому голым не произойдет гармония!

Было у меня с Юнгом несколько коротких бесед на эту тему. Я сделал свои выводы, может и ошибочные, но все же свои. Впрочем, ошибся я вряд ли сильно.

Инь и *Ян* присутствуют в каждом человеке пятьдесят на пятьдесят. И как страшен должен быть ребенок, выращенный на сто процентов в одной половине! Что же она наделала! Чашка с кофе выпала у меня из рук.

— Как?! — заорал я. — Что ты мелешь, дура!

Она посмотрела на меня с чувством превосходства.

— Я сейчас найду книгу.

— Сидеть! А знаешь ли ты, что такое по Школе стеснение?! Меня, моя, учили так. И запомни это! Я свято верю в то, что ты сейчас услышишь. Самая первая и самая яркая эмоция проявляется у ребенка в стеснении. Запомни, — шипел я на нее, — меня учили так. Если ребенок не стесняется с пяти шести лет и легко может не только при чужих, а даже при своих родителях быть обнаженным, то не вырастет он уже никем. Через стеснение познается мир. Если ты кого-то стесняешься, ты всматриваешься в этого человека и задумываешься, почему стесняешься его. Если ребенок что-то закрывает, чтобы не увидели другие, значит, он эмоционален.

— Нудистка проклятая! — вырвалось у меня. — Твой же сын должен быть абсолютно равнодушным. Этим ты украли у него мир и ощущения. Он сперва должен стесняться своей обнаженности. Ты должна была говорить: смотри, тебя увидит чужая девочка, тебя может увидеть чужой человек, одевайся быстрее. И запомни, дура, — не мог остановиться я — Стесняясь этого, заложенного в самом начале, он начнет стесняться своей неопрятности, он будет задумываться над проступками и стесняться своих неправильных действий. Ты убила в нем все. А ребенок должен со временем научиться стесняться даже своих недостойных мыслей. Что же ты наделала!

Я метался по комнате, а она сидела, величественная, снисходительно глядя на меня. Я видел, что не верила.

И тут я решил ей все доказать. Жестокий эксперимент, но все-таки так было нужно.

У ребенка уже давно появилось равнодушие, поиск постоянной выгоды, неуважение

к окружающим.

— Пойми, ты вырастила маленького монстра! А она сидела в кресле и уже не высокомерно, но все же недоверчиво усмехалась.

— Что ж, будет доказательство, — решил я.

Демон черного эксперимента зашуршал над домом, и дверь собственными ключами открыло маленькое чудовище.

Эксперимент был на основе Школы. Наталья действительно страдала от достаточно сильной болезни. У Витюши голова еще не болела. Но ребенок уже начал мучиться жестокими запорами. Наташа желала своему сыну, как всегда, добра и поэтому лихо, несмотря на мои возражения, пересадила его, как и себя, на правильное питание. Она забыла, что в ребенке, закармливаемом конфетами и разными деликатесами, не было воли сорокалетней, прожившей нелегкую жизнь женщины.

И, как мы узнали потом после эксперимента, маленькое чудовище ходило по школьным друзьям, по родственникам и жалобно рассказывало, что мама плохо кормит, да и вообще издевается. Поэтому изменения в питании почти никак не отразились на ребенке. Единственное — дома он маялся, глотая ненавистную кашу, давясь зеленым чаем. Вот уж для кого действительно этот чай был “мочой больного корейца”!

С мамой он никогда не спорил. Да и зачем спорить? Ведь можно обмануть! Дети умеют обманывать строгих и сильно любящих ложной любовью родителей. Для них они выстраивают удивительно крепкие железобетонные стены, о которые разбивается все.

Уже очень рано такие дети учатся сидеть, умно глядя в глаза родным, с абсолютным пониманием кивать головой, отключаясь от всего мира, входя в дьявольскую медитацию, сквозь которую не проходит ни одно нравоучение.

Наверное, строгость и правильность — совсем не ключ к пониманию ребенка, так же как и попытка купить его, пообещать что-то за выполнение определенных действий. Никто на Земле не умеет так приспособливаться, как маленькие дети. Дети, у которых нет никаких принципов и норм и которые формируются только за счет поступков и отношения к ним взрослых.

Я очень боюсь детей, как всего сложного и непонятного.

— Проходи, Витюня, — позвала мать.

Он приехал от какой-то далекой бабушки, которая явно не слишком заботилась о правильном питании. А тут уже целых два дня мама правильно кормила!

— Познакомься, вот наш чудесный доктор, — Наталья кивнула в мою сторону годовой. В глазах, в глубине веселой мордашки я увидел плохо скрываемую ненависть. Еще бы! Конечно, было за что ненавидеть.

— Здравствуй, Витюша — Я подошел к нему и двумя пальцами потрепал по бледной мордашке — У нас сегодня большой праздник. Твоя мама сделала чистку крови, и мы решили расслабиться — Я играл наверняка — Ты что, малыш, больше любишь пирожное или мороженое?! — улыбаясь, спросил я.

Глаза хищно блеснули. Противная мордаха облизнулась.

— Пирожное! — пропищало чудовище.

— На! — Я сунул ему в руку деньги. — Лети! Нам с мамой — по два мороженных, а себе — пирожное.

Хищно хрюкнув, Витюня убежал. Было видно, что ему очень хочется.

— Ну, и что за эксперимент? — с удивлением спросила Наталья.

— Не спеши, радость моя. Сейчас все узнаешь!

Я знал и был твердо убежден, что именно так и будет — в правильном действии не бывает ошибок. Все происходило, как тогда, в Общине. Прозрачное кино. Все, что будет, быстро пробежало перед глазами до того, как случилось.

Минут через пять дверь отворилась. В комнату вошел Витюша с маслянистыми от удовольствия глазами. В одной руке он держал два пирожных — “корзинки”, а другой запихивал в рот третье.

— Мама, — спокойно и радостно чвакая, произнес он, — в киоске мороженого нет.

Что-то в последнее время я начал часто срываться. Наверное, надо было срочно уезжать в Общину.

Правой рукой я схватил мальчика за загривок и крепко сжал.левой долго размазывал оставшиеся “корзинки” по его круглой физиономии. Очевидно, у меня был зверский вид. Наталья, забившись в угол, испуганно молчала. А я, открыв дверь, безжалостно вышвырнул в коридор воющего Витюню.

— А теперь слушай! — грозно рыкнул я. — И не смей перебивать! Ты не обратила внимания, что я специально сказал — пирожное и мороженое. И бежать было нужно в два разных места. Единственное, на чем мог быть прокол, — это если бы вдруг твой красавец захотел и то, и другое. Но он не до такой степени гурман. А теперь давай думать. От подъезда до гастронома метров пятьдесят. В гастрономе большая вероятность купить пирожное. Но иногда бывает и мороженое. Там его, конечно же, не было. А от гастронома до ближайшего ларька с мороженым — метров сто. Очень хочется верить, что он добежал хотя бы до него. Твоему сыну глубоко наплевать, хотя он прекрасно знает, сколько ты голодала, сколько ты не позволяла себе сладкого. В гастрономе, может, и купил бы. Дай Бог, чтобы он добежал до ближайшего ларька! От ближайшего до следующего — ну, может, метров сто. А потом — еще и еще.

Ну, ладно, пусть наплевать на меня! Но ведь ты же мать! Ты заботишься о нем. Ты, как говоришь, знаешь его душу. Ему настолько наплевать, что он даже не додумался: если нет мороженого в гастрономе, хотя бы купить пирожное и нам! Ведь им можно заменить то, чего хотели мы. Но он хотел только для себя.

Где же его чувства? Где эмоции? Где волнение за тебя? Ты понимаешь, что ему наплевать на все? И дай Бог, милая моя, чтобы была донесена до тебя кружка воды в глубокой старости! Читай больше свои книги, умничай, плюй на чувства, на подсознание и на эмоции. Умная ты моя! — Я злобно пнул кресло.

Из другой комнаты слышалось повизгивание измазанного кремом Витюши.

— И еще. Если бы не было меня и твое чадо впрыгнуло в комнату и все это объяснило, ты бы ничего не ощутила и не заметила. Задумайся: не от тебя ли, такой чувствительной и понимающей, получился он? А по-моему, ребята, вы один другого стоите.

И я ушел, грохнув дверь.

ГЛАВА 19

На этот раз стук в дверь был особенным. Он отдавался прямо в сердце. Я вскочил и открыл. За порогом, улыбаясь, стоял Игорь, рядом — Андреич, а за ними — свирепый Гончаренко.

— Татьяна! — завопил я. — Встречай! — И кинулся на кухню ставить чайник.

Жена была ошеломлена видом троицы.

— Да-а... — протянула она — Заходите.

Каждый из них поклонился и чмокнул жену в руку.

Они все знали нашу историю и с уважением смотрели на седины молодой женщины.

Когда я забежал в комнату, на правах старшего начал говорить Андреич:

— Слушай, Кореец, — к тому времени так меня называли все, — мы пришли тебе объявить о домашнем аресте.

Андреич любил шутить, но сейчас шутки в его словах не было.

— Как это? — не понял я.

— А так, дорогой, — вмешался Игорь.

Гончаренко сидел посреди комнаты, внимательно нас слушая.

— До тех пор не выйдешь из квартиры, пока не сделаешь отчет.

— Какой? — удивился я.

— Сколько больных я к тебе присылал? — спросил Андреич.

— Ну, не помню, — пожал плечами я.

Тогда слушай, заработавшийся ты наш. Всего пятнадцать. Из них шестеро — раковых. И все здоровы. А это, дружок, значит ты должен сесть, написать отчет о раке и потом запрятать его под подушку. И мы за этим пришли проследить. Ну и, конечно же, с удовольствием послушаем. Вон, Гончаренко у нас любит писать, и писать умеет быстро. Такие вещи, — Андреич похлопал меня по плечу, — должны быть записаны и лежать под подушкой. Мало ли что будет[?]. Смотри вперед, Серега. Игорь занимается системами дыхания и лечит, я — иглами, Гончаренко — всем, а с травами, дорогой ты наш, — улыбнулся Андреич, — в нашей банде совсем плохо. Не забывай, пожалуйста, что травы нам дала природа, и они вместе с нами растут на Земле. Все остальное — это только лишь дополнение. Так что, дорогой, тренировки пройдут без тебя. Всех твоих больных до тех пор, пока не напишешь, от двери будут отгонять крыльями орлы — целых двое. Ну, а на тренировку мы уже послали нашего самого лучшего. Не волнуйся, мы тебе даже ручку с бумагой принесли. Так что думай и диктуй. В общем, пиши, писатель.

Все уселись на татами и устались на меня.

Да, задачка! Одно дело — лечить, чувствовать, думать, прикидывать, какие сделать травы. А тут — отчет, и тем более, Андреич потребовал подойти со стороны традиционной медицины, — без мистики и всякого там оккультизма.

— Не в то время живем, Серый. Да и вообще, чтоб ты знал, необходимо к этому подходить и с той, и с этой стороны. Во всем мире всегда, кроме как у нас, официальная медицина сотрудничает и решает проблемы вместе с “нетрадиционной”. Понимаешь — сотрудничает, а не воюет! А так как мы живем в этом мире, будь добр, для этого мира объясни все. И, Сережа, еще не то время. Ты ведь у нас великий софист Влепи традиционку, — попросил Андреич. — Соедини как-нибудь несоединимое. А потом решим, что с этим делать. Давай, родной!

Я взял лист бумаги, ручку и глубоко задумался.

Я не знал медицины — в том виде, в котором ее предоставляли нашему обществу. Это одновременно и облегчало, и затрудняло дело. Я верил в Учителя, чувствовал, что его объяснения подойдут всем. И поэтому начал писать.

“Обмен веществ — самый непонятный термин, существующий в медицине. Что ж, попробую объяснить. Мы от начала до конца состоим из крошечных кирпичиков под названием клетки. Клетка имеет подвижную мембрану. В бездействующем состоянии мембрана закрыта, как крышка. Человек принял пищу, организм начал усваивать ее. Мембраны клеток раскрылись, принимая нужное количество калорий для жизни, а из них сложено все в человеке. Приняв необходимое количество, мембраны закрываются. Ненужное идет в унитаз”.

“Да, — почесал я затылок, — простенькое понимание такого сложного. А, впрочем, — махнул я рукой, — ведь это мое понимание спасло уже шесть раковых. Пусть смеются!” — подумал я. И, махнув рукой, продолжал дальше:

“Но такая работа клетки — мечта. Толстый человек, бывает, ест мало, — а толстый! Хотя ничего ниоткуда не берется, но все же так происходит потому, что мембрана клетки не закрывается. И усваивается абсолютно все. Худой человек — мембрана закрыта, и калории не могут пробиться сквозь нее. А худой иногда так ест, что толстому и не снилось! Все уходит в унитаз. В общем, как говорят в народе, “переводняк”. Это — обмен веществ, то есть его нарушение.

Если худого или толстого перевести на правильное питание, *янистое*, и дать попить *янистые* сборы, то есть пополнить огромную нехватку этой энергии в организме, то вне зависимости оттого, какой человек, — он выздоровеет, придет в норму. Толстый похудеет без всяких жиросжигателей и не обвиснет, как слон после родов, и не наберет снова вес, потому что всю жизнь не будешь голодать или сидеть на диете, а тем более — на жиросжигателях! При таких методах вес возвращается, но только в еще большем количестве. Вот такая расплата перед центральной нервной системой, которая снова требует своего! Я

называю это мертвыми методами, не приносящими ничего, кроме хлопот и расстройства здоровья.

Рак

Мы потребляем такое количество калорий, что для их отработки каждому необходимо в день копать как минимум яму длиной метров пять. Так едят наши мужчины, женщины и дети. Никто не отрабатывает, но едят все: нахмизированное, пастеризованное, обработанное антибиотиками — чтоб не завонялось раньше времени! Замученная клетка просто не выдерживает. Нервная система мечется, не зная, куда сбросить все лишнее, непережженное. И находит места. Чаще всего это женская грудь, да и вообще половые органы, которые лежат мертвым грузом, практически не выполняя должной функции. Рыхлый, ослабленный человек не пользуется своими половыми органами в должной мере. Но страдают не только они.

Лишние калории начинают сжигать клетку. Клетка не умирает — она становится другой, она перестает выполнять свои функции, а лишь усиленно размножается, заставляя другие клетки становиться похожими на нее.

Вот и вся премудрость

Сколько я слышал, как наши жалостливые врачи говорят родственникам больного, что его нужно жалеть, ему нужны лучшие продукты, калорийная икра, свежее мясо. Этим, конечно же, приближая больного к концу, закармливая и без того объевшуюся раковую клетку, которая с еще большей силой начинает жить и развиваться. Медики придумали кобальтовую пушку. Это не панацея, не от всякого рака спасает. Но все же... Идея проста: кобальтовая пушка, специфическая радиация. Если бы у человека был идеальный обмен веществ, как написано выше, то он — дитя Космоса — не боялся бы никакой радиации, потому что клетка способна пропускать ее.

Обгорающий на солнце — это человек, клетка которого не пропускает радиоактивные лучи солнца. Они обжигают клетку, что является показателем слабого здоровья и нарушенного обмена веществ.

Раковая клетка, повторяю, не выполняет функции здоровой клетки, поэтому при обстреле кобальтом разрушается, отторгаясь. Но очень часто бывает, что вместе с ней разрушается и здоровая клетка. И тут бессильны уже все”.

— А по-моему, это бред! — сказал Гончаренко, швырнув в умного меня ручку.

— Бред! — заорал я. — Почему бред?

— Да уж слишком просто!

— Просто? А сколько это “просто” спасло людей? Это ты у нас, Колюня, очень сложный, усложненнейший, так сказать.

— Это я-то усложненнейший? — Гончаренко, набычившись, встал, выставив вперед кулаки.

— Вот и прекрасно! — сказал Андреич. — Сейчас и постукается! Заодно и отдохнете. А то перенапряглись мы все. Постукались.

— Теперь ты пиши! — Гончаренко бросил ручку в Игоря. — Ему то легче. — Он кивнул в мою сторону. — Он только языком треплет.

— А ну, тихо! За работу! — приказал Андреич.

“Почему обжигается здоровая клетка вместе с больной?” — Я долго думал, не помню, сколько часов просидел.

Ребята молчали, ничем не нарушая тишину.

И тут пришла интересная мысль: “А как же эта клетка может не обжигаться, если человек на кобальтовую пушку идет, конечно же, наевшись, и клетка работает изо всех сил. Но он идет еще напряженный и испуганный, ведь в голове-то паника. Он должен сидеть с напряженными мышцами и, стиснув зубы, молиться, чтобы кобальт помог”.

Я на мгновение представил, насколько человек должен быть напряжен, и удивился, как не понимал этого раньше. Да, здоровый больного не поймет так же, как сытый — голодного. Странно, как вообще этот кобальт помогал в таком состоянии.

Значит, проблема кобальта решена!

“Несколько дней больной должен не есть, попивая водичку. Уже клетка да и нервная система загружены не так. Придя в кабинет, он должен встретиться с гипнотизером, который вводит больного в очень легкое гипнотическое состояние, мозг расслабляется, и напряжение снимается полностью. Клетка освобождается. В этом состоянии она обязана пропустить кобальт. А рак... Он будет уничтожен”. Андреич задумался надолго.

— Недурно! — промолвил он. — Ну что ж, так и попробуем сделать. Если получится насчет кобальта, тогда. Серый, ты молодец!

— Но, Андреич, это лишь кобальт. Рак бывает разный.

— Это не кобальт. Серый. Это начало. Пошел второй день нашего общего заточения.

— Еще сможешь? — спросил Григорий Андреич. — Попробуем эту тему добить до конца.

— В смысле, о раке? — поинтересовался — Ну да, все о раке.

— А все-таки ты наглый, — вставил он.

— Ну вот, сначала — “Составляй отчет!”, а теперь — наглый!

— Давай-давай, Сережа! — Андреич махнул рукой. — Ты же знаешь, что самый наглый у нас все равно Гончаренко.

Мы все были на пределе и готовы были поссориться. Готовы — это одно, на самом деле при Андреиче это было невозможно. Если бы поссорились, все вместе подучили бы по ушам.

Третьи сутки мы пили МБК, не общаясь ни с кем. Только иногда мой черный пес скребся в закрытую дверь да жена тихо стучала в нее, подавая в комнату чай.

— А теперь давай о раке вообще, — предложил Андреич.

“Рак. Самая *унистая* болезнь. Плюс-ткань. Опухоль, которая иногда растет с потрясающей скоростью. Мы живем в определенной среде. И самое нормальное — когда лечимся тем, что эта среда создает. Мы живем в умеренном климате. Об этом никогда нельзя забывать. У нас не растут ни женьшень, ни лимонник и ничего подобного. Но у нас есть не менее сильные травы. В каждом климате есть своя сила, но мы не ценим своего и вечно кидаемся на ненужное для нас чужое.

Трава — это очень большая сила. Но трава, вбитая в таблетки, запрессованная в гранулы, склеенная непонятно чем и обработанная, — это уже совсем не трава. И тем более — трава аптечная, лежащая годами на складах и скошенная косами жестоких пионеров. Бабушек всегда гоняли. Им не давали собирать травы — единственным, которые в этом разбираются.

Бабушка и трава. Как бы то ни было, но что сочетание мы впитали с молоком матери. С громкими песнями в сырые и жаркие дни, в полнолуние и новолуние, да когда угодно, когда в голову стрелнет, толпы пионеров в нашей стране заготавливали травы, рвали как хотели и когда хотели. С таким же успехом можно отломать кусок от старого полированного стола и заварить. Эффект тот же! Продуктов *Ян* во всем мире очень мало, и они бесценны, как драгоценные камни.

Продукты Ян

Баранина, индюшати́на, дичь. Рыба — судак, сельдь, карп. Кальмары. Фрукты: яблоки. Ягоды: шелковица, клубника. Крупы — рис, пшено, гречка и пшеница. Овощи — лук, морковь, редис, тыква. Зелень — петрушка, укроп.

И самые сильные, с пятью звездочками, Ян-продукты — это оплодотворенные яйца, морская соль (совершенно отличается от обычной наличием йода и химической формулой), зеленый чай (чай обычный, снятый с куста и высушенный, без прожарки с выделением кофеина — вот и все отличие).

Кому-то покажется, что очень мало этих продуктов, но они не являются диетой, так как на фоне диеты их очень даже много. И если смертельно больные будут пользоваться ими, то будут жить долго.

Травы Ян.

Ромашка, шалфей, полынь, чабрец.

Трав еще меньше. И если вы пользуетесь толстыми тетрадками бабушкиных рецептов, где написано, как лечить тысячи болезней, то это одна из ваших сильнейших ошибок. Сто лет назад совсем не было автомобилей, по крайней мере в таком количестве, не было промышленных отходов. Всего лишь сто лет назад заводы еще не закрасили наше небо. Реки были чистыми.

Травы имеют свойство сильно аккумулировать в себе окружающее. Трав *Ян* именно такое количество, которое мы записали. Все остальные — *Инь*. А Инь, как вы помните, впитывает в себя, вбирает. И поэтому ничего не стоит на месте, все развивается. Так почему же медицина должна оставаться на уровне столетней давности? Просто тогда люди больше интересовались окружающим. В России был великий Бадмаев, тибетский лама, и вся Россия постепенно переходила на лечение травами и дыханием. Весь царский дворец усиленно дышал. Дышали даже мужики, приходящие на прием. Россия набирала силу во всем и особенно в лечении своего народа. Этому мешали, но Бадмаев был при дворе. А что произошло потом, знает каждый. Еще позже технический прогресс начал сводить на нет даже работы не имеющего последователей Бадмаева. Они не развивались вместе с техническим прогрессом. Вот так и было уничтожено Октябрьской революцией великое медицинское движение, которое еще тогда начало зарождаться в нашей стране. Может, сейчас наконец что-то и получится.

Слишком недоверчивым скажу — это не все. Существуют системы дыхания, очистки крови и, конечно, соединение продуктов и трав.

После Октябрьской революции...”

— Ты смотри, какой диссидент великий! — прервал меня Андреич.

— Жертва Октябрьской революции. Дальше давай.

— Значит, дальше... — Я почесал затылок и стал диктовать.

“Если человек будет правильно сочетать продукты, а именно, рыбу, упомянутую в списке, есть только с овощами, не смешивая с крупами, а крупы варить в пяти-шести частях воды, то уже с этой начнет правильное питание. Крупы ни в коем случае нельзя есть с рыбой, зато можно с любыми овощами. Между тем, что не сочетается, необходимы четыре часа перерыва. После еды — два часа не пить! Фрукты и ягоды — как отдельный прием пищи. Каждое утро выпить сто пятьдесят граммов зеленого чая с половиной чайной ложки морской соли, за сорок минут до еды. Со всеми продуктами лавировать, составляя рецепты, но так, чтобы не смешивать несовместимые, потому что в сочетании они вызывают брожение и гниение, которые помогают развиваться плесени и грибку. И еще если три раза в день, за сорок минут до еды, заваривать только *янистые* травы (а такой сбор *янистых* трав на Востоке называется “драконов чай”) и пить, то это является полной победой над раком. Но не следует забывать, что это — рецепт только от рака и ни от чего более. Для других болезней все это совершенно не подходит.

Еще я хочу рассказать об очистке крови. Ее можно очистить естественным путем, без всяких фильтров, без мучений в больницах. Такая очистка будет не менее эффективна, если не более. Очистка крови ускорит выздоровление, но не каждый, особенно очень ослабленный раковой болезнью, может ее сделать. Хотя абсолютно все зависит от человека. Я глубоко сомневаюсь, что все написанное кого-то убедит. Как доказать, что это не бред сумасшедшего, не знаю. Но вот она, чистка.

У человека существует вход и выход. Вход — он сверху, выход — снизу, так определила природа, и по-другому быть не может. Через кишечник за десять дней проходит вся кровь. Желудок переваривает, печень расщепляет и так далее. Но только кишечник с уже обработанной пищей отдает крови все, что ей нужно. В кишечнике есть реснички — это знают даже школьники. И когда пища попадает в него, реснички выделяют капельки крови. Кровь уходит в пищу, берет из нее необходимое, а ресничка снова забирает кровь обратно. Это тот момент, когда мы можем естественным путем поймать всю нашу кровь, до капельки, за десять дней. В кишечнике можно поставить естественный фильтр, который может

настолько изменить кровь, что после этой работы необходимо снова проверить ее группу. Как это ни парадоксально, она может измениться. Но не у всех и не всегда. Если не изменилась, ничего страшного не произошло. Все равно ваша кровь чиста.

Чистка крови

Любая крупа должна быть прокалена на сковороде! В течение десяти дней есть рис или пшеничную крупу, желательно, чтобы у вас была гарантия качества и чистоты этих двух круп. Крупу варить в пяти-семи частях воды с морской солью. В день можно съедать только одну столовую ложку подсолнечного масла. Можно добавлять свежий укроп и петрушку. И больше нечего.

Жидкость. В сутки выпивать шестьсот граммов зеленого чая, не больше (на пол-литра воды — три столовых ложки чая). Триста граммов нужно выпить со щепоткой морской соли, а триста — несоленого.

Если кому-то это покажется сложным, значит, вы не больны!

Таким образом, если больной правильно будет питаться, не нарушая совмещений, употребляя растительное масло с прожаренным на нем луком (лук, кстати, тоже *Ян*), то количества калорий будет более чем достаточно. Из всего перечисленного не-Ян — только растительное масло. Но его в сочетании употреблять можно”.

... Я снова начал тренировать в зале. Проблемы больных затягивали все больше и больше. Григорий Андреич уехал к Ле Гуну, по крайней мере так говорили. Для нас он был непостижимо большим мастером и вел достаточно тайную жизнь. Приезжать к нему без приглашения мы отваживались только в крайних случаях, в основном он звонил Игорю, тот шел ко мне, и, посоветовавшись, как себя вести, мы ехали к Андреичу.

В то памятное время, когда он создал мне домашний арест, я столкнулся с настоящим мастерством, которое, честно говоря, напугало меня чуть ли не до полусмерти. То ли еще будет...

Я знал о способностях людей, но не мог даже подумать, что это может наш старший товарищ Андреич. Мы разговорились о клетке, из которой состоит человек. Андреич, задумавшись на какое-то время, вышел из прострации и похвалил меня.

— А вообще, Серега, есть элементарный тест. Упражнение на выдохе: изо всех сил выдыхаешь из себя воздух. Клетка, конечно же, стремится задержать как можно больше кислорода. И чем больше она задержала, тем здоровей.

— А как проверить? — поинтересовались все мы.

— Да очень просто: выдыхай и терпи, сколько можешь. Гончаренко выдержал тридцать секунд, Игорь — тридцать пять, я — тридцать две.

— Да, ребята, — Андреич сокрушительно покачал головой, — судя по всему, вы пренебрегаете дыханием, а оно — наиглавнейшее! Ребятки, никогда не пренебрегайте дыханием. Дыхание — здоровье клетки, а это все. Если мы возьмем обычного человека, совсем не занимающегося собой, он продержится секунд десять, но этот человек в любой момент может умереть от перегрузки или случайности. Пятнадцать-двадцать секунд — тоже ничто. Своей задержкой дыхания вы доказали, что являетесь полуинвалидами.

Мы завозмущались изо всех сил. На Гончаренко было страшно смотреть. Он махал своими огромными кулаками, что-то доказывая.

— Все, отбой! — сказал Андреич. — Серега, ты полностью закончил о плюс-тканях?

— Как сказать... По крайней мере все, что знал.

— Ну, хорошо. Тогда пошли.

Андреич попросил у моей жены полотенце. День был прохладный, и мы с недоумением прошли километра полтора к оросительному бассейну, стоящему в начале полей с подсолнухами, кукурузой и пшеницей.

Андреич ничего не объяснял. Он шел, усмехаясь. Мы покорно топали следом. Подойдя к краю бассейна, Андреич начал медленно раздеваться. Мы стояли, обалдевшие. Вода была грязная и вонючая.

— Андреич, — жалобно попросили мы хором. — Может, не надо. Чего это вы

вздумали купаться?

Оставшись в одних трусах в синеньких цветочках, Андреич накинул мне на плечо полотенце.

— А теперь слушайте внимательно! Такие вещи не демонстрируют просто так, потому что это называется факиризм. Но так как вы проявили недоверие, я могу вам показать. Вы тоже имеете свои личные качества, о которых не знаете и которые в нужный момент проявятся. Главное, ребята, не уйдите в факиризм. Иначе в наших цирках появятся еще три уникальных клоуна. Не ищите в себе скрытых способностей. Но если я вам что-то говорю, будьте добры: верьте!

Андреич скривился, попробовав ногой грязную воду, охнул и, глубоко выдохнув, прыгнул в бассейн. Мы его четко видели. Глубина была небольшая. Схватившись рукой за торчащую из стены бассейна арматуру, Андреич сел по-восточному и затаился.

— Что будем делать, Серый? — в ужасе спросил Игорь.

— А по моему, он рехнулся, — сказал Гончаренко.

— Засекай время! — дошло до меня.

— Да, как нам еще докажешь? — смутился Игорь. — В следующий раз верить будем.

Мы маялись на краю бетонного бассейна уже целый час, но спасти Андреича не пытались четко было видно, что он, скучая, спокойно сидит на дне и держится за арматуру

— Интересно, — сказал я — Если он вылезет, то, конечно, замерзнет. А чтоб разогреться, нужно поспарринговать, провести боев этак несколько. С кем же он будет?

— А кто у нас тут больше всех возмущался? — улыбнулся Игорь.

— Ладно, и так тошно, — буркнул Гончаренко, сев на землю.

— Уже полтора часа. — Игорь постучал пальцем по наручным часам.

Еще через полчаса грязная вода всколыхнулась, и по покатою стене выкарабкался Андреич, шумно вдохнув. Мы вытаращались на него, пытаясь увидеть все, что возможно. Дышал Андреич спокойно, как будто вышел из другой комнаты. Полотенце из чистого превратилось в грязное, но грязь была все равно размазана. Ни слова не говоря, наш учитель оделся на мокрые трусы, и всем стало ясно, что он разозлился.

Ко мне домой шли молча. Каждый думал о своем.

Дома Андреич отмылся, отстирался и лег спать.

— Наверное, мы пойдем, Серый.

— Давайте, ребята — И я завалился спать рядом. После этого прошло много времени, а потом Андреич исчез надолго. И мы с Игорем решились сделать одно невероятное дело, как нам тогда казалось. Мы стали настоящими друзьями, а это иногда расслабляет. А может, и бес попутал.

После долгих совещаний я взял записи, и мы покатались по длинным дорогам на желтых “Жигулях” аж прямо в Минздрав СССР. Мы рисовали себе по дороге невероятное будущее, о том, каким знаменитым я стану, что с первого мгновения (а могут ли сидеть в Минздраве дураки! — конечно, нет) эти умные люди будут восхищаться нами. Мы обязаны сделать переворот в советской медицине. Но почему в советской? Наверное, в мировой!

— Представляешь, Серый, — восхищенно говорил Игорь, — у тебя будет своя клиника. Ведь как бы ни было, в каком бы идиотизме мы ни жили, но здоровье — это прежде всего! Пойми, ты будешь оздоравливать социальную среду. Дети не будут терять своих родителей. И наоборот. Людям ты будешь возвращать людей. Они смогут нормально трудиться. Половина больниц станут не нужны.

Я радовался вместе с ним, но что-то в этом было не так. Повеяло опасностью. Увы, когда человек восторгается самим собой, он теряет все чувства, кроме любви к самому себе.

Домой мы приехали испуганные и подавленные. Сразу же позвонили Андреичу. Он был дома. И поехали к нему.

— Что случилось?! — У Андреича был встревоженный вид. Очевидно, физиономии у нас действительно были перепуганные — Рассказывайте.

Добрый знакомый Игоря договорился о нас в комиссии по рационализаторским предложениям в медицине.

— Идиоты! — В первый раз за все время мы услышали такой повышенный тон у Андреича.

Не знаю, как Игорь, но я почувствовал, как завибрировали внутренности.

— Вы считаете, что это рационализаторское предложение? Вам угрожали?

— Да! — ахнули мы. — Откуда вы...

— Молчать! Теперь рассказывать буду я! А вы отвечать “да” или “нет”.

Когда вы, умники, все подробно излагали, вас слушали спокойно. — Мы вдвоем молча кивнули головой. — Потом комиссия разошлась, и к вам подошел человек, конечно в штатском. Он сказал всего пару фраз, а после вы прилетели ко мне, как испуганные щенки. Что сказал он? — Андреич повернулся к Игорю. — Андреич, — у Игоря дрожали руки, — учитель, простите нас.

— Что сказал мент, я спрашиваю?!

— Он сказал, — у Игоря затряслась борода, — чтобы мы валили домой и были счастливы, что доехали, хотя могли бы оказаться и в кювете. А кого надо лечить, к нам пришлют.

— Ну-ну! — Андреич горько усмехнулся — И адрес знают?!

— Ага, — кивнул Игорь — В наших бумагах был адрес.

— Чей?

— Серого, — захлебнулся Игорь.

— Да уж, дружки, намутили вы конкретно! Ты думаешь, Сергею было мало?! Что ж, будет еще! Игорь готов был зарыдать.

— Но почему?! — ударил он кулаком в ладонь.

— Почему, рационализаторы вы мои дорогие?! А потому, что я говорил написать и под подушку! Вы что, дети? Мне за вами все время ходить? Одного меня хотите оставить? — Андреич вздохнул и опустил на лавочку — Может быть, вам не нравится эта осень? Думали, на паланкине вас обратно понесут? Мандарины почетные! Академики корейский и китайский! Да скорей тюрьму для вас личную построят!

— Ну почему?! — Игорь заорал и грохнул двумя кулаками о стол.

— Мебель не ломай! Тебе интересно почему? А ты знаешь, сколько научных трудов написано на эту тему? Сколько бумаги испорчено, сколько выброшено народных денег? А сколько званий, от профессоров до академиков, защитили на эту тему? Сколько аппаратуры и препаратов, сколько цехов работают? Ну, вы, ребята, и идиоты! Вас же самих лечить надо от тупоголовия! Ведь было ясно сказано — под подушку! И вы думали, что все уничтожат, всех разгонят, перестанут платить огромные зарплаты, лишат званий, объявят научные труды недействительными? Идиоты — и больше ничего!

Я сел на лавочку, зажав голову руками. Стальной обруч вокруг черепа напомнил о прожитой жизни.

ГЛАВА 20

Не знаю, с чем связать дальнейшие события, то ли с нашей поездкой в Минздрав, то ли просто с глупостью военкоматов — зачем им человек, отсидевший срок, которому несколько месяцев осталось до двадцати восьми?

Все же жизнь потихоньку налаживалась. В ней присутствовал Григорий Андреич, Игорь, Гончаренко, ребята — мои и их, ведь каждый кого-то учил. За нами ходили хороводы молодых ребят, жаждущих знания. Были разные, иногда попадались такие, которым готов был отдать все. Трудно было со временем, да и с деньгами. Ребята — кто учился, кто работал. Конечно — ни времени, ни денег. Они находили и то, и другое, платили за тренировки, поддерживая нас, и трудились. У Гончаренко, Игоря и меня двери вообще не имели замков. В квартире всегда была масса людей. Но со временем становилось легче.

Старшие ученики старались не пускать пустых людей и больных сначала пропускали через себя.

Советская власть на день рождения преподнесла мне просто чудный “подарок”. Свой день рождения каждый раз жду с ужасом. Даже если не хочется, чтобы знали, когда он, все равно узнают, в особенности больные. Есть люди, которых очень жду, в основном это ребята из спортзала и старые друзья. Но больные... От них всегда открепиваешься и с радостью мечтаешь не увидеть никогда. Каждый больной понимает, что я отдал ему очень много сил и здоровья, но всякий раз они обижаются. Не помню никого. Хотят они или нет, хочу я или нет, но по всем законам я должен о них забывать. И когда приходят поздравлять человек триста больных, становится плохо. Может быть, что и печально. Далеко не каждый больной может стать другом. Кажется, что все болезни хором набрасываются в один день в этих поздравлениях — все болезни, которые уничтожил за свою жизнь.

“Что за физиономия? А —это рак!..” —проносится в мозгу. И вот так приходят поздравлять целыми толпами" Желудочно-кишечные тракты, Раки, Язвы, Диабеты и всякая остальная Жуть.

Когда справился со всем этим и мы веселой толпой сидели в комнате — друзья и ученики, — в незапертую дверь зашла Татьяна. В одной руке она держала сирень, в другой — бумажку. С первого взгляда было ясно, что бумажка — официальная. Как всегда, испуг кольнул сердце. Жена разулась, зашла на ковер. | — Повестка! — дрожащими губами произнесла она.

— Куда? — не понял я Андреич взял у нее из рук бумажку, внимательно прочитал и бросил на стол.

— В армию, Сереженька! — сказал он. — Съезди еще в ООН — и на Курильские острова пошлют!

— И шо ж теперь? — спросил Игорь, усиленно жуя. День рождения был испорчен. Все менее близкие начали потихонечку расходиться. А я сидел, тупо уставившись на бумажный лоскутик. Когда щелкнул дверной замок, я пришел в себя. Оглянувшись, увидел самых близких друзей и учеников.

— Да а... — протянул Игорь. — Тебе через год двадцать восемь. — И вдруг, не выдержав, заржал.

— Ты чего? — спросил Гончаренко.

— Ой, не могу! — дрыгал ногами бородастый. — Я представил, — захлебываясь, продолжал он, —нашего Корейца, который марширует в строю с ружьем. Или, — завизжал он, — зубной щеткой дрящего парашу.

— Дурак, — сказал я. — Параша — это на зоне.

— Там тоже.

— И что же мне теперь делать?

На моих ребят было страшно смотреть. Грусть неопишная застыла в их глазах. Только начали постигать элементарные знания, только чему-то научились, и на тебе — забирают! Нелегко переходить от одного, который учит, к другому. Знания принимаются от того, кто учит, а значит — через него. Свое только потом, через долгое время начинает проявляться в принятом. Перейти к другому — это означало убить большую часть постигнутого. Тем более, что привык к определенной характерной выдаче.

— Ладно, не страдайте. Что-нибудь придумаем, — успокоил Андреич — Значит, так, ребята. Давайте все домой. Останутся только двое. | Так будет легче всем.

— Слушай, Игорек, — продолжал Андреич — Ты там в последнее время в психиатрии рылся. Покопайся в памяти, как Серому в армию не пойти.

— Да ну! — замахал я руками. — Не хочу я косить под придурка. Не умею.

— Гордый стал! — хмыкнул Игорь. — Ну, иди служить! Возьми оружие, —он кивнул головой в сторону висевшего на стене меча. — На плечо — и в строй!

— Слушай, умник, — попросил я. — А чего там такое можно придумать, чтоб не сильно косить? Меня когда-то из-за плоскостопия не взяли.

— Ну, дорогой, — сказал Андреич, — это ж когда было! Сейчас никак не пройдет. И не мечтай!

— Так, а что ж делать?

— А делать будем вот что! — решил Игорь. — Мы из тебя сделаем эпилептика, — радостно объявил он. — В армию не возьмут, но учти — и в космос не пошлют. На машине ездить нельзя будет, крановщиком работать не сможешь.

— Ладно, — ответил я, — мне это не грозит. Тем более, машину в ближайшее время я себе не куплю. Ты мне скажи: тренировать смогу?

— А какая тебе разница — сможешь или нет? Все равно в армию идти.

— Логично, — подтвердил я.

— А чего? — дурачки пошутил Гончаренко. — Если б ты служил, я бы спал вдвойне спокойно.

Совещание продолжалось. Огромную роль во всем этом должна была играть моя жена. Она сидела возле журнального столика, на котором стояли цветы, принесенные учениками. Тогда они показались траурными. “Как венки! — мелькнула дурацкая мысль. — Всем был, эпилептиком только не был!”

— В общем так. Серый. Приходим мы на не очень людное место. Желательно где-нибудь на пляже. Ты прикусываешь язык. — Я слушал, молча кивая головой. — Потом размазываем кровь, посыпав тебя песочком, чтоб погрязней был, после чего ты мочишься в штаны.

— Ну, уж нет, дорогой! Черта с два! Мочись сам! — не выдержал я.

— А я здесь при чем? — невинно пожал плечами Игорь. — Не меня ведь в армию забирают.

— Дальше! — Злоба меня переполняла.

— Ну, а дальше выпьешь пачку димедрола.

— Чего? — опять не выдержал я.

— Не “чего”, а эпилептическая кома после припадков. Коматозное, так сказать, состояние, — умно, как по-написанному, изрек Игорь.

— Приедет “скорая помощь”, которую вызовет один из твоих учеников, ты же знаешь, нам нельзя, слишком мы известны.

— Ну, да уж, аферисты! — согласился я. — Кто ж вас не знает!

— Вызовет Вовик. — Игорь указал пальцем на здорового двухметрового хлопца, сидящего рядом. — Он скажет приехавшим врачам, что гулял с тобой, любовался рекой, которую не каждая птица перелетит, а ты вдруг захрюкал, начал корчиться, упал, немного подергался, а потом сел, и, как к тебе не обращайся, ты тупо мычишь — и ничего более. Так вот, второго друга, а это будешь ты! — он пнул пальцем лопухого Шурика, — Вовчик оставит охранять тебя, а сам, договорившись со “скорой помощью”, ждет ее возле какого-то магазина или еще более приметного места. Слушай дальше внимательно, — продолжал Игорь. — Когда приедет “скорая”, ты будешь мычать, ничего не говоря. Но, думаю, димедрол и так сделает свое дело, потому что не верю в твои особенные актерские способности. И учти, дорогой, мочиться нужно обязательно. Врачи — они всякие бывают, даже умные.

— Игорь, — взмолился я, — а что припадков не бывает без этого?

— Считай, что нет! — строго произнес он.

— Сволочь! — не выдержал я. — Змей проклятый!

— Не перебивай, а слушай дальше. Самое ответственное досталось твоей жене.

Татьяна сделала круглые глаза.

— Один из друзей садится с тобой в машину, и вас везут домой. Дома жене будут предлагать тебя забрать, но она категорически должна всех убедить, что у тебя бывали странные состояния, и она очень боится, потому что так сильно еще не было. И умоляет, чтоб тебя увезли в больницу. Через несколько дней, а может и раньше, ты выйдешь из больницы и пойдешь к участковому врачу. Он звонит в больницу, получает подтверждение.

И все! Ты не идешь ни в какую армию! Как видишь, задача очень простая. Насильственного лечения не будет. Это твой первый припадок. Раньше были легкие отупения. Поэтому, дорогой, выпишут тебе какие-нибудь невинные лекарства для спуска в унитаз. В общем, понял.

На следующий день мы решили действовать. Легко сказать! Но сделать...

Когда на город стал опускаться вечер, Гончаренко, Игорь и Андреич с Вовиком и Шуриком, изо всех сил подбадривая, провожали меня к пляжу. На душе было тоскливо. Врать не любил никогда. А тут — целый спектакль! И еще столько людей подбадривают, видите ли! Я представлял, как они потешаются надо мной втихаря. Ну что ж, действовать все равно необходимо. Как я оставлю друзей, учеников и больных? Какое все же идиотство — забирать в армию бывшего ЗеКа, с испорченной психикой и в преклонном возрасте! Я вздрогнул, представив, как двадцатилетний сержант будет командовать, поддавая мне под зад. Жизнь опять сдавила своими неумолимыми тисками. “Господи, — думал я, — за что же это меня так? Нужно бежать к Учителю! За ошибки, наверное. Жизнь не щадит. Да и за что меня щадить? Взял на себя слишком много. К Учителю бежать надо!”

Я глубоко вздохнул, когда почувствовал под ногами песок. Мы все ступили на пляж. Недалеко от реки присели.

— Ну что, закурим напоследок? — хмыкнул Игорь. Все закурили. Игорь вытащил из сумки пол-литровую баночку, плотно закрытую крышкой.

— А это что? — спросил я.

— А димедрол ты что, сухим жрать будешь? Водички тебе взял. Видишь, побеспокоился!

— Заботливый ты мой! — Я вырвал у него банку. Вывалив весь димедрол в жменю и засыпав в рот, запил. Потом опять закурил, не ощущая дыма деревянным языком.

Прошло время.

— Ну что. Серый? — спросил Андреич.

— Не действует, зараза! — удивленно ответил я.

— Как, вообще? Так уже ж время!

— Не действует — и все! — Я чуть не плакал. Игорь, усмехнувшись, вытащил из кармана новую пачку.

— Подействует! — ласково похлопал он меня ладонью по плечу.

— Игорек, я не сдохну? Может, еще подождем?

— Куда ждать? — прошипел он в ответ. — Ночь скоро! Я вздохнул и сожрал вторую пачку.

— Да, — вдруг вспомнил Андреич. — А язык прикусывать. Серый? Давай!

Еще минут десять я пытался прикусить свой, оказывается, твердый и скользкий язык. Кто б мог подумать, что это невозможно!

— Не могу! — стонал я. — Инстинкт самосохранения не позволяет!

— Позволяет-не позволяет, а морда в крови должна быть! — сердито сказал Игорь.

— В общем так, Вовчик, — нашелся я. — Я высовываю маленький кончик языка, машу тебе рукой, а ты бьешь по челюсти.

— Не, я не могу! — Вовчик испуганно отшатнулся.

— А кого это интересует, можешь ты или не можешь, — сказал Игорь. — Надо — значит, будешь!

— Не могу! — мычал Вовчик. — Давайте лучше вы! Рука на Учителя не поднимается.

— Интересно! Ты думаешь, на друга поднимется?! И вообще — делай, что сказали, — приказал Игорь.

Все были злые и уставшие от этого идиотского приключения, которое на словах казалось простым.

— Слушай, дорогой, — поинтересовался Гончаренко, — а когда ж тебя от димедрола развезет? А это хоть димедрол был?

— Не умничай! — рассердился Игорь. — Вон бумажки лежат, посмотри!

— Ну не берет! — застонал я.

— Ладно, Серый. Клади язык на зубы, только чуть-чуть! Я положил язык, поднял руку и махнул ей. Вовик чего-то ждал.

— Ну? — толкнул его в плечо Андреич.

— Не буду! — упрямо повторил Вовик.

— Вова! — устало и жалобно попросил я его. — Надо. Понимаешь, надо! И давай побыстрее. Сил уже нет.

Язык у меня заплетался немного, и это от двух пачек димедрола.

— Ладно! — решил я Вовик. — Готов!

Он мужественно сжал кулаки и стал похож на партизана перед расстрелом.

Я снова положил кончик языка на зубы и махнул рукой. В глазах вспыхнули искры, повело в сторону.

— Что ж ты, паразит, делаешь! — завопил я, вскакивая на ноги. — Ты ж мне челюсть вывихнул! Куда ж ты бил?! Вырубить хотел, что ли? Снизу хлопнуть надо было. Свинья!

— А что? — удивился парень.

— Что-что, кретин! Кто ж сбоку бьет!

Усталость была адская. От димедрола в голове что-то дергалось. Я готов был разорвать двухметрового Вовика на тысячи частей. И вдруг почувствовал, что язык прикушен, с губ потекла кровь. Это Андреич, пока я возмущался, слегка махнул ладошкой.

— Задолбали! — произнес он. — Ничего сами не можете сделать. Может, за тебя еще и в больницу поехать?

— Ну, — восхитился я, — и не больно совсем!

— Естественно, — подтвердил Андреич и, оттянув резинку на моих спортивных штанах, быстро влил туда оставшиеся полбанки воды.

— Холодно! — заорал я благим матом.

— Да достал ты. Серый! Тебя потом еще до утра уговаривать уписаться, маленький ты мой! Ну все. Серый, пока. Через пару дней придем в гости. Нам тут уже не место. Ну, Вовунчик, вызывай “скорую”, а ты, Шурик, стереги Корейца. А то вдруг димедрол подействует! И сопрут его у нас с концами.

Ребята попрощались и ушли. В темноте еще долго слышалось ржание Гончаренко. Вовик побежал за “скорой помощью”. Я, вздохнув, положил голову на колени.

Поздний вечер был холодным, в штанах — мокро и противно.

Я задремал.

“Учитель, Учитель!”

“Скорая”.

Открыв глаза, я увидел едущую по берегу пляжа “скорую помощь”, а сбоку, как пехотинец за танком, бежал здоровенный Вовик, указывая дорогу. Я лег на песок, изображая кому.

Ребята погрузили мое окровавленное и мокрое тело в машину, и она помчалась на встречу с женой.

В машине было тепло и уютно. Я лежал с закрытыми глазами, раскачиваясь. Димедрол начинал потихонечку действовать. “Отосплюсь в больнице”, — думал я.

Машина затормозила, и через неопределенное время послышался голос жены.

— Конечно-конечно, — испуганно говорила она. — Если вы считаете нужным, он отлежится дома. Придет в себя. Конечно, я не отдам его в больницу. Потом приведу.

— Но вы смотрите сами!

Дверь отворилась, и они с доктором заглянули в машину.

— Ну, что вы решили? — послышался грозный голос доктора.

— Нет, я не отдам его! — Татьяна запрыгнула в салон и начала вытирать руками кровь на лице.

— Подумайте! — настаивал доктор.

“Черт знает что! — пронеслось у меня в голове. — По-моему, она забирает меня. Но не могла ж она перепутать. Должна ведь наоборот — сплавлять в больницу! Или, может быть, я с ума сошел от этого димедрола?”

Меня кто-то вытащил из машины. Через мгновение послышался звук захлопывающейся двери — и “скорая помощь” укатила.

Я открыл глаза, и первое, что увидел, — толпу любопытных зевак возле подъезда, соседей, высунувшихся из окон, потом — сдержанно рыдающую жену. Шурик и Вова крепко держали меня за руки.

— Придурки! — завопил я, вырываясь. — Что вы наделали! — И, не выдержав этого напряжения, подпрыгнул, закатав ладонью Вовчику в ухо.

— А чего! — жалобно проныл он. — Чего! Я носить вас должен был, а жена — забирать!

Зеваки испуганно начали разбегаться.

— А ты чего? — набросился я на жену.

— Сереженька, родной, — всхлипывала она, — на тебя страшно было смотреть. В такой позе, окровавленный, в мокрых штанах. Не могла я отдать тебя.

— Дура! Ведь мы же договаривались... — Язык начал заплетаться. Димедрол действовал все сильнее и сильнее.

— Пойми, я же женщина! Какая бы женщина отдала своего любимого в таком состоянии!

— В каком, дура?! — заплетающимся языком грозно спросил я.

— Сам дурак! — вдруг, не выдержав, заорала Татьяна. Потом размахнулась и, сколько было сил, врезала мне по шее. — Пойди посмотри на себя в зеркало. Артист! Переиграл ты малость. Напугал меня до смерти!

— Ну вас к черту! — Это было последнее, что я мог сказать. Димедрол почему-то поздно, но сделал свое дело.

Ребята, схватив под руки, на радость и удивление соседям, поволокли меня по лестницам на седьмой этаж. Лифт не работал.

Проснулся от дикого холода, что в общем-то удивило. Когда попытался поднять голову, то показалось, что к ней привязана двухпудовая гиря. Язык камнем лежал во рту. Все же приподняв голову, первое, что увидел, — это ногу, в которой торчала здоровенная серебряная игла. Посмотрев чуть влево, увидел Андреича.

— Это я на всякий случай, — улыбаясь, ответил он. — Спишь ты уже вторые сутки.

— Холодно, — еле выдавил я.

— Конечно, — согласился Андреич, резким движением вытащив иглу из моей ноги.

Собравшись с силами, я сел. Рядом сидела дорогая моему сердцу неизменная троика. Все смотрели с сожалением и любовью.

— Жена меня предала, — еле ворочая языком, попытался я сострить.

— Ладно, молчи! — Андреич махнул рукой. — Все учили, а психологию женщины — нет!

— Да, Серик, прокололись, — сказал Гончаренко.

— Конечно, вы прокололись, — прохрипел я. — Интересно, когда димедрол выйдет? Тут вмешался умный Игорь:

— Серый, это самое легко выветриваемое лекарство. В крови держится всего ничего.

— Вот сожрешь столько — и увидишь, сколько в крови оно держится, умник!

Меня стало тошнить. Вскочив и шатаясь от стены к стене, я побрел на встречу с унитазом. Покричав в него минут десять и вернувшись к ребятам, сид рядом.

— Что будем делать? — изрек Андреич.

— А! — махнул я рукой. — Возьму повестку и пойду в военкомат.

— Ну и? — поинтересовался Андреич.

— Да что “и”! Буду косить, как могу!

— А как можешь? — поинтересовался умный Игорь.

— На глухого.

— Да! — Игорь махнул рукой. — Это самое сложное. Ничего у тебя не получится.

— Понимаешь, Борода, — не выдержал я, — мне надоело мочиться, жрать димедрол, прикидываться, что я в состоянии комы, корчиться во всяких судорогах и валяться в грязи. Все! Отныне у меня восемьдесят процентов потери слуха! И запомни это, дорогой друг.

— Смотри, — сказал Гончаренко, — войдешь в роль, действительно глухим станешь.

— Лучше глухим, чем то, что было! Чем ходить с распухшим прокушенным языком и челюстью, которая еле двигается после Вовкиной клешни!

— Когда идешь? — спросил Андреич.

— Завтра, — твердо решил я.

Целый день и ночь ребята поддерживали меня и давали разные советы. Я очень не хотел идти в армию, так же как и они не хотели меня отпускать.

Утром, проснувшись в шесть часов, выслушав кучу наставлений от жены и друзей и напившись зеленого чая, я мужественно к восьми часам пошел в военкомат.

Во дворе военкомата толпилась целая куча молодежи. У всех на лицах было четко написано, что в армию они не рвутся. Кого здесь только не было! Стояли кучками — дети разных сословий. Различия были очень яркими. Пьяный прапорщик выходил через каждые несколько минут неуверенным шагом из дверей и вызывал пофамильно. Я настроился и полностью вошел в образ глухого. И когда вошел, сразу понял, что это невероятно тяжело.

“Ну, — думаю, — Община дала мне для этого силы. Если все получится, — поклялся я себе, — обязательно в ближайшее время поеду к Учителю!”

Из покореженных зеленых дверей вышел пьяный прапорщик и громким хриплым голосом объявил мою фамилию. Я стоял рядом. Он прокричал раз, второй, потом, толкнув меня плечом, грозно спросил фамилию. Я ответил.

— Чего стоишь? Глухой что ли?

— Ага, — подтвердил я.

— Гы-гы! — в ответ сказал прапорщик и подтолкнул меня к двери. Я зашел в небольшую комнату. Молоденькая медсестра приказала раздеться.

— А? — спросил я, подставив ухо к ее губам.

— Раздевайся, голубчик, — сказала она

— Совсем? — удивился я.

— До трусов. И в ту дверь. — Она указала пальцем. Комнатка была полутемная. Быстро сбросив все, в трусах и носках я зашел в дверь. Яркий свет ударил в глаза. Длинная комната, длинный стол, за которым сидело человек восемь. Они глянули на меня и ахнули. А я уставился вперед, глядя на строгую женщину, у которой округлились глаза.

— Ни хрена ж себе призывник! — сказали справа, очевидно глядя на мои наколки. — И повестка есть. Третьяковская галерея?

Я хранил глухое молчание, преданно глядя на строгую женщину. А та, в свою очередь, с удивлением уставилась на меня.

— Послушай, мальчик... гм м... — поправилась она, — ... молодой человек, у вас повестка есть!?

Я сощурил глаза и вытянул шею в ее сторону, вспомнив, что именно так делают люди с очень слабым слухом.

— А! — вдруг осенило меня. — Да-да! — Я выскользнул в раздевалку и вернулся с повесткой. — Вот! — И положил ее на стол перед женщиной.

— А сколько ж тебе лет, сынок? — слышалось уже слева. Я продолжал стоять, преданно глядя на женщину.

— Вы, наверное, плохо слышите? — спросила она. Я утвердительно кивнул головой.

— Да, он, видно, по губам читает! — раздалось справа.

— У вас зрительное восприятие звуковой речи? — спросила женщина.

— Да нет! — ответил я. — Если громко, то нормально слышу.

Очевидно, женщина была главной. Она взяла какой-то бланк, недолго на нем писала, потом, перевернув, с обратной стороны поставила адрес.

— Идите туда, а после — к нам.

— Спасибо! — поблагодарил я.

И, взяв бумажку, пошел одеваться.

По данному адресу я поспешил в больницу к сурдологу, понимая, что самые тяжкие испытания будут у него.

Зайдя в кабинет, я ужаснулся. За столом сидела злобная, толстая и грязная бабка.

— Шо надо? — спросила она. Я молча протянул направление.

— В армию не хочешь? — злобно поинтересовалась она снова.

— А? — спросил я.

— Сейчас ты у меня поакаешь! — хихикнула старуха. — У нас для призывников особенные проверки!

У меня мелко задрожала селезенка. “Наверное, попался!” Старуха взяла камертон, ударила по столу и ткнула его в мочку уха.

— Слышишь! — рявкнула она.

— Ага! — ответил я.

Старуха ударила камертоном снова и приставила к черепу над ухом.

— Слышишь?

— Слышу!

— Где лучше?

В мозгу пронеслась мысль: “Глухой должен слышать лучше там, где чувствует вибрацию, а значит, на черепной коробке”.

— Второй раз лучше, — ответил я.

— Ну-ну!

Кабинет был темным” полуподвальным. Глаза начали привыкать. Она встала и поманила меня пальцем к другому обшарпанному столу, на котором стоял станок, напоминающий приспособление для пыток. “Что же будет?” — лихорадочно думал я. Создалось такое впечатление, что кончится статьей за отлынивание от Советской Армии. Как мне все это надоело! Жизнь иногда казалась невозможной, осточертевшей, как зубная боль. “Неужели никогда я не смогу спокойно жить и работать?!” На душе стало уныло, как в сыкотную погоду.

— Клади руку! — Старуха указала на какую то металлическую пластину.

Я лихорадочно пытался понять, что же сейчас будет, но на ум ничего не приходило. Я положил.

Бабуля-садистка пробежала руками по каким то кнопкам. Где-то за спиной у меня раздался негромкий звук. Он длился секунд пять, после чего замолк, а через секунду меня довольно таки прилично бахнуло током. Рука соскочила с пластины. И тут я понял, что попался. Я знал, что последует дальше. Еще так пару раз — а потом после звука через секунду разряд не ударит, но руку я отдерну все равно, а это значит, что я кошу и вовсе не глухой. Мысль сработала быстро и четко. Я заорал, вскочил и опрокинул стул.

— Что ж вы делаете! Ай я яй! У вас там что-то сломалось! Вы знаете: меня током ударило? — Я орал и орал, бегая по кабинету, тряся рукой. — Я на вас жалобу подам! — кричал я. — Вы не соблюдаете технику безопасности. Вы же врач, вы отвечаете за здоровье людей, а у вас аппаратура поломанная! Я призывник, я призван защищать рубежи нашей Родины, а вы меня здесь током бахаете!

И тут я вспомнил Игоря. Как он был прав! И как случай посмеялся надо мной! Приходилось играть и быть великим актером. Приходилось истинно косить. “Почему же не получилось так невинно повалиться в грязи с прокушенным языком? На фиг мне это надо!” — думал я, с воплями бегая по кабинету.

Бабушка в старом халате сидела за столом, подперев правой рукой голову. Она многое видела в своей жизни, и я четко понял: женщина любит себя моими способностями и актерским талантом. Ее свирепое бульдожье лицо с мощными брылями растянулось в улыбку до ушей.

— Не дамся! — бушевал я. — Вызывайте электрика!

— Вызову, — сказала она, — парочку санитаров вместо электрика, и все будет нормально.

И тут меня вдруг начала заедать гордость. Я подошел к столу, сел на стул и положил ладонь на пластину.

— Давайте! Продолжайте! — обреченно попросил.

— Ну-ну! — понимающе закивала головой старушка. — Давай, милый!

А я тихонечко запустил мягкое дыхание через левую ноздрю. Сзади снова зазвонил звонок, приближая меня к испытаниям.

“Ты отдернешь руку, — приказал я себе, — только тогда, когда разряд пройдет первый замок — это кисть, второй замок — локоть и третий — плечо, после чего неприятно ударит в затылок. А это значит, что заряд действительно прошел. Ты, Серенький, запустил в действие рефлекс. Жди, родной”.

Я сидел, пытаюсь расслабиться полностью. Сзади прекратился звук. В копчике что-то дернуло, пальцы вздрогнули, а я сидел, ожидая удара в затылок. И когда в затылке страшно защекотало, я немножко продержался и одернул руку. Бабушка на меня смотрела квадратными глазами. Я уверен, за всю свою жизнь сурдолога ничего подобного она не видела.

— Ну, ты даешь, внучек! — Старушка ехидно улыбнулась, напомнив мне чем-то нацистского палача — Еще разочек! — сказала она.

— Может, действительно глухой!?

Я вздохнул и снова положил руку на пластину.

И так — несколько раз.

Уже начали ныть все зубы, пальцы задеревенели. С каждым ударом тока я к нему все больше привыкал и привыкал. Старушка с радостной улыбкой гуляла по кнопкам, и, казалось, этому не будет конца.

Единственное, что меня успокаивало, — что было несмертельно.

Пытки наконец закончились.

Старуха торжественно выписывала мне какую то огромную справку. Она встала, и мне показалось, что хочет пожать мою мужественную онемевшую руку.

— На, сынок! — громко сказала она — Только ты не думай. На этом еще не конец.

“Как?!” — ужаснулся я про себя.

— Да, — подтвердила она, — Самое страшное еще впереди. Так что — мужайся!

Я пообещал и вышел из подвала, держа в здоровой руке с трудом заработанную, драгоценную справку. Никогда еще ничего я так не боялся потерять.

Чудо, но в этот день я успел попасть снова на первую комиссию, которая уже собралась расходиться.

В военкомате, заглянув в справку, оставили ее у себя. Так мне и не удалось вставить ее в рамочку и навеки повесить над кроватью. Но эти пытки останутся в памяти навсегда.

Потом мне выписали справку в областной военкомат. Через три дня я должен был пройти главную комиссию, которая навсегда избавит от рядов Советской Армии.

Три дня прошли как кошмар. Меня успокаивали, как могли, после рассказа о пытках. Но я с ужасом ждал областного военкомата, помня обещание толстой бабушки.

Областной военкомат.

Казалось, я попал в дурдом. Очевидно, здесь собрались все больные по настоящему и те, которые косили, как я. Здесь были дергающиеся, хромые, кривые — в общем, все те, кто не могли или не хотели идти туда, куда не хотел и я.

Каждый пробегал по коридору кабинетов восемь, опять в носках и трусах. Бегая по

своей дистанции, я чувствовал себя экспонатом в картинной галерее. Меня рассматривали с интересом в каждом кабинете. Молоденькие медсестры хихикали, а старые вояки неприязненно рычали. В каждом кабинете приходилось “акать”, “штокать”, не забывая, что глухой.

И вот последний. Все так же щурясь и подставляя уши, я услышал слова, подобные меду.

— В мирное время, — объявила мне приятного вида женщина, — не годен к нестроевой службе.

Сердце возликовало.

Я радостно выскочил из кабинета и побежал в раздевалку.

И тут, в конце коридора, за спиной меня кто-то четко позвал по фамилии.

Я резко остановился, и мгновенно в мозгу вспыхнуло лицо доброй бабушки в грязном халате. “Вот оно, — понял я, — самое страшное! Слава Богу, что не повернулся!”

Нагнувшись, я не спеша поправил правый носок. В это время меня кто-то постучал по плечу.

— А? — сощурившись, повернулся я.

— Брат, это не тебя?

Сбоку стоял двухметровый, с приплюснутой головой человек, тоже в трусах и носках.

— Где? — не понял я.

— Вон! — Он указал рукой.

Я повернулся и увидел в конце коридора врача из последнего кабинета. Рядом стоял капитан.

— Вы меня? — заорал я, тыкая себя в грудь.

— Капитан махнул рукой, и они с женщиной зашли в кабинет.

Я одержал победу.

ГЛАВА 21

В зале стояла жара, как в бане. Я сидел на тренажере и удивлялся, что тренировка в разгаре и ни у кого из моих бойцов до сих пор еще не вытекли из ушей расплавленные мозги. Это был четверг, день спаррингов. Лопоухий Саша руководил тренировкой, и мне можно было оставаться на месте, касаясь босыми ногами едва прохладного кафельного пола. Саша был интересным парнем — любознательный до предела, особенно после того, как понял свое окружение. Три школы — корейская, вьетнамская и китайская — не давали ему покоя. Но слава Богу, Саша был не дурак. Он пытался разобраться и делал это аккуратно, не влезая в ненужные дебри.

В данный момент он удачно лупил по очереди моих лучших, и это меня наконец разозлило.

— Ну, что это! Вы же занимаетесь родовой корейской школой, школой Дракона! Где вы видели таких корявых и беременных Драконов?! Дракон — это... Саня, иди сюда!

Лопоухий печально вздохнул и подошел. Но боя не произошло. В зал вдруг завалила целая толпа новых людей. Вперед вышел, очевидно, самый смелый. Пробежав взглядом и правильно сориентировавшись, он направился ко мне.

— Куда, — остановил парня я, — в обуви? Он замер на месте.

— Ну, чего? — спросил я его.

— Да вот, поговорить надо!

— Саня, — я повернулся к залу, — делайте какую-нибудь форму.

— Мы, — начал парень, — много слышали о вас и видели передачу. Это все было после того, когда о нашем зале сняли передачу и показали по местному телевидению. Передача называлась “О необычных людях”. В то время необычных людей наконец-то начали замечать. А с учетом моих лягушек, змей и варанов я автоматически перешел в

Comment [4]: <!--
StartFragment-->

разряд таких людей. Поэтому стал популярен, что, естественно, еще более отрицательно отразилось на моей жизни.

Тяжелое это дело — быть популярным в нашей стране. Особенно если кроме популярности ничего больше нет.

— И что же вы решили? — поинтересовался я.

— Мы решили, — ответил высокий светловолосый парень, — тренироваться и слушать ваши лекции.

— А я что решил?

— Ну, не знаю, — смутился парень. — Решайте.

— Вот сейчас и решу. Так кто же вы и сколько вас?

— Нас пятнадцать. Мы из госуниверситета, третий курс, факультет ФЧЖ.

“Ну вот, началось”, — подумал я. Госуниверситет преследовал меня. То КВНщики, которые вдруг начали использовать восточную мудрость в своих тупых шутках, из-за чего однажды, когда я глядел в телевизор, чуть не хватила кондрашка. “Опять биологи! Опять диспуты, опять их круглые глаза и преподаватели, которые будут прибегать, ругаясь из-за полной потери авторитета, которого у них никогда не было!”

— Ладно, — махнул я рукой. — Биологи так биологи! Завтра в шесть часов на тренировку.

— Спасибо! — произнес парень и, забрав толпу, направился к выходу.

“Интересно, — думал я, — так много девочек! Женщины действительно в последнее время начали всем интересоваться гораздо больше”.

Наша тренировка подходила к концу. Я не стал задерживаться, так как дома меня уже полчаса дождалась любимая тройка. Андреич снова приехал в город.

Я побежал к себе.

Дома со всеми поздоровался по старшинству. Этикет мы старались, какими бы ни были друзьями, никогда не нарушать. Перед Андреичем я выполнил все, как положено, а Гончаренко и Игоря по очереди слегка ткнул кулаком под дых, сразу же получив сдачи. Жену чмокнул в щеку.

— Привет, Кореец! — поприветствовал меня Андреич. — Ну, как дела?

— Да нормально! Лопухий на тренировке зверствует, моих лупит.

— Да, хороший хлопчик, — подтвердил Андреич. — Может быть, из него что-нибудь и получится.

— В общем. Серый, — Гончаренко легонько ударил меня в плечо, — скоро прохлады наступит, в чем я глубоко сомневаюсь. Но как ты насчет того, чтобы в посадке потренироваться?

— Ох ты и нудный, Колюня! — ответил я.

Самые дорогие и любимые тренировки у нас были тогда, когда приезжал Андреич. Они ценились на вес золота, в отличие от шуток Гончаренко.

— Ну, тогда пошли! — Андреич направился к выходу.

Мы все были в спортивных костюмах.

Домой я вернулся около полуночи. Гудело избитое тело, ощущение удовлетворения от тренировки было полным.

Спал до десяти часов утра. Поднялся с трудом, но травм не было.

Немного размявшись и приняв пару больных, решил с женой прогуляться в город. Мы любили иногда просто бродить по городу, почти ни о чем не разговаривая, разглядывали витрины и начавшие только появляться недоступные нам коммерческие киоски.

Походив по парку и покормив белок печеньем, мы снова поехали домой. Еще оставалось время набросать план тренировки, тем более что появится новая группа людей, не знающих ничего. А это всегда трудно.

На тренировку я пришел немного раньше. Мои общительные ребята уже познакомились с новичками. В зале стояла тишина. Меня ждали для выполнения этикета. Вместе со своими девочками я насчитал тридцать учениц.

“Ничего себе кунг фу! — подумал я. — А ведь не выгонишь! Обидятся смертельно! Имею ли право тренировать женщин?” Об этом с Учителем мы не разговаривали ни разу. Мне казалось, что я даю им неженскую силу. “Это ж сколько драконш появится? — усмехнулся я про себя. — Ладно, разберемся!”

Все затаили дыхание перед выполнением этикета. Я уже был готов сделать поклон, но вдруг в зал кто-то шумно заскочил. Раздался возглас удивления. Я повернулся и сразу увидел очередную неприятность. Давно их не было у меня.

На входе стояла тоненькая девчушка. С первого взгляда могло показаться, что это почти ребенок, — короткая стрижка, вздернутый нос, пухлые, приоткрытые от удивления губы, которые, как потом оказалось, не закрывались никогда. Она стояла, глядя в зал восторженно и испуганно, как ребенок, увидевший новую, необычную игрушку.

— Это вы! — подбежала она ко мне. — Я вас узнала! А это... — она махнула сумочкой в зал, — я с ними. Мне же можно? Но я не ФЧЖ. Я, знаете ли, востоковед!

— Можно! — грозно кивнул головой я. — Идите переодевайтесь! А мы вас подождем.

— Зачем? — удивилась она.

— Как зачем?

— А я пришла посмотреть.

— Смотрят в театре, — объяснил я. — Здесь тренируются.

— А я все равно посмотрю!

И она села возле меня на тренажер, закинув ногу на ногу, отчего юбка, и без того короткая, стала еще короче.

Перед глазами у меня мелькнуло видение будущего. Стало неудобно, и я вздрогнул. Что было делать? Не выгонять же ее в этот момент? Не брать же за шиворот и вышвыривать из зала, что иногда делал с наглыми парнями?

Какое-то время я молча стоял. В зале была напряженная тишина. Это была очень красивая девушка. Курносый нос, пухлые губы смотрелись невероятно на фоне раскосых глаз. Такое я встречал впервые. Физиономия казалась дерзкой, но я чувствовал: что-то не то. Тоненькие пальчики нервно прыгали по кожаной сумочке.

— Ну что ж, сегодня для вас театр, — сказал я и сразу же пожалел. Все-таки действительно было что-то не то. И вдруг меня осенило: она шокирована. Она испугалась чего-то во мне. Ведь у нее дрожат руки и ноги. И не дерзит она вовсе, а даже не может стоять.

— Хорошо, работаем! — Я обернулся в зал.

Началась разминка. Впереди бежал Шурик, который ухитрялся проводить разминки и у Гончаренко, и у меня, и у Игоря. Откуда столько сил, непонятно было никому.

На этой тренировке благодаря Шурику я был наполовину свободен. Поэтому сразу сел возле девушки.

— Ну-с, товарищ востоковед, рассказывайте!

— Что рассказывать? — Ее губы испуганно дрожали. И я понял: она из тех женщин, которые всегда немного дрожат, как крылья бабочки, от страха, постоянно присутствующего в них.

На нее хотелось смотреть часами.

— Передача ваша, — послушно говорила она, — очень меня заинтересовала. — У нее была интересная жестикуляция — только кистями и тонкими длинными пальцами. Узкие ладошки с на редкость длинными пальцами. — Вы, конечно же, должны знать историю Востока, в особенности Древнего. Как бы хотелось послушать! Еще я слышала, прекрасно знаете медицину. А больше всего я хотела бы поговорить о восточной поэзии. Ведь у нас так мало ей уделяется времени!

— А как зовут востоковеда? — поинтересовался я.

— Александра, — с достоинством произнесли пухлые губы.

— Так вот, Александра.

*Как солнце восходящее
Живым являет образы,
Нечистые и чистые,
Благие и греховные,
Так и знаток Учения
Всем людям, тьмой окутанным,
Пути являет многие,
Как солнце восходящее.*

— Ух ты, — задохнулся востоковед. — Что это?

— Это язык пали, еще до санскрита. И без автора.

— А еще? — попросила она.

Упавши наземь, вновь зацветет больная хризантема.

— Басё, — сладостно вздохнула Александра.

— Больше не буду! — ответил я. Александра надула губы.

Как много эти губы могли выразить! Припухшие, будто после сна! И тут я не выдержал. Мне захотелось читать бесконечно.

— “На смерть ребенка”, — произнес я название:

Нет больше дыр в бумаге оконной, Но как холодно в доме.

И вдруг у востоковеда из левого глаза вытекла маленькая прозрачная слезинка.

— Басе. — Ее губы задрожали. Она была необыкновенно чувствительная — это я понял сразу. Но в ней еще ощущалась большая сила: то ли неженская, то ли наоборот — сила истинной женщины.

“Какой кошмар! — подумал я. — Почему в мире столько прекрасных женщин? Как я понимаю мусульман, которые легко вышли из этого тяжелого положения, создав спасительные гаремы! Коран в переводе — “покорность”. Прекрасная религия”.

Я понимал, что могу в любое мгновение совершить глупость, и поэтому, сказав востоковеду: “Одну минуточку!” — преувеличенно азартно ринулся в тренировку.

Я выкидывал невероятные коленца, спаррингуя со всеми, что-то объясняя, Шурик начал стонать после спаррингов, которыми я его замучил.

Конец тренировки. Все ушли переодеваться и после ждать меня возле зала, чтобы попрощаться. Я хотел увидеть и ее, но боялся как никогда. Сильное забытое чувство расстроило меня окончательно.

Никто не ушел. Я попрощался, и со мной пошли все, кому по дороге. Краем глаза было видно, что мой востоковед, куда не глядя, как под гипнозом, идет вместе с нами. Я начинал понимать, что имею на нее необыкновенное влияние. И тут вспомнил: жена уехала к родителям. Стало противно за себя, но знал — ничего поделать с собой не смогу. Чтобы немного отвлечься, я повернулся к ребятам и предложил:

— Ну что, орлы, по мороженому?

Ларьки с кооперативным мороженым работали допоздна. В нашем городе появилась возможность иногда съесть мороженое даже в девять часов вечера.

Душный горячий вечер и нескончаемая очередь к киоску. Мы честно встали за маленькой худенькой бабушкой, которая держала за руку ноющего внука. Люди в очереди медленно, но уверенно двигались вперед к, казалось, недостижимой, но очень заманчивой цели.

Саша стояла рядом, не глядя в мою сторону. Ее губы и ресницы дрожали.

“Да что же это? — думал я. — Почему мое сердце лупит так сильно? Зачем мне такие мучения? Опять испытания. Я выдержу, выдержу!”

— Послушай, а хочешь еще? — не объясняя, спросил я.

— Хочу, — хлопнула она ресницами.

Я не знаю, какой воскурить Тебе ладан И какие Тебе присваивать имена Только сердцем благоговеющим Ты угадана, Только встреча с Твоим сиянием предрешена.

И тут же ужаснулся, откуда это у меня. Взял и изуродовал Даниила Андреева,

великие стихи добавив одну-единственную букву, перевел в свою пользу. Что это? Почему я вспомнил их? “Железная мистерия”. Ведь читал только один раз! Нет, это не демон похоти, это что-то в миллион раз сильнее!

Она резко повернулась ко мне и глубоко посмотрела в глаза.

Знала ли она, я не понял. Да и откуда эта девочка могла знать такие вещи? Я побоялся ей прочесть свои стихи. Чувствовал, что они слабые. Или, может, она слишком сильна для них? Но в этих строках была та мистическая сила, которую память призвала для собственной выгоды. Разум на мгновение замутился.

Вдруг в тело ударил адреналин. Разрядка пришла сама по себе.

Когда до киоска оставалось метров пять, рядом с визгом остановилась черная “Волга”, из которой вылез здоровенный мужик, небрежно отодвинул рукой стоящую возле окошка женщину и со словами. “Четыре штуки!” — кинул продавщице деньги. Большая толпа стояла молча, как всегда. И только лишь пять или шесть бесстрашных старушек, которые давно уже перестали всего бояться, вступили в спор. Они закричали почти одновременно. Пока продавщица наполняла и взвешивала стаканчики, бабушки атаковали из всех сил.

— Спокойно, мамы! — пророкотал, улыбаясь, хмельной мужик, чувствовавший себя хозяином всего мира, и помахал огромной дали щей. — Душа горит, охладиться просит.

Было видно, что он привык подчинять К какому сословию принадлежала подгулявшая, сидящая в “Волге” компания, было непонятно. Я посмотрел на своих пацанов. Среди них было четверо, которые вот-вот могли вмешаться “Что делать? — мелькнуло в голове. — Промолчать нельзя. Ввязываться — это стопроцентная катастрофа. Такие не привыкли уступать. Да и ребята не поймут. А тут еще востоковед!” Положение было отчаянное.

И вдруг меня осенило. Я выскочил из очереди и громким голосом объявил:

— Граждане, а ну, прекратите! Не мешайте мужчине покупать без очереди мороженое.

Толпа с удивлением воззрилась на меня.

— Чего? — Мужчина повернулся ко мне, держа в руках по два стаканчика.

— Извините, — взмолился я. — Большое вам спасибо.

— Чего? — еще грознее спросил мужик.

— Спасибо, — снова повторил я, — что вы, такой большой и сильный, никого не обидели, не толкнули, а просто без очереди купили мороженое. Оглянитесь вокруг, ведь вы же одной пощечиной убьете любого из нас. Вы каждого выше как минимум на полторы головы. А сильнее насколько... Люди, — обратился я снова к толпе, — неужели вы хотите пострадать? Не мешайте мужчине, я вас очень прошу. Извините нас, пожалуйста, извините.

Мужик стоял, открыв рот. Было видно: он туго соображает, что делать. Он посмотрел на толпу, на меня, на востоковеда и вдруг быстрым шагом подошел, опустив глаза, сунул два стаканчика мне и два Александре. Я взял, то же сделала и она. Мужчина что-то буркнул, чуть ли не бегом направился к машине. Хлопнула дверца, и “Волга” укатила. Толпа ошарашенно стояла.

— Ну, мы пойдем, — я кивнул ребятам. — Нам по два хватит.

И, не сговариваясь с Александрой, мы удалились.

Я шел, проклиная себя, а рядом, не отдавая себе никакого отчета, шла женщина. Что было делать? Может быть, гнать ее? Но у меня не хватало смелости.

По дороге вдруг ощутил, что ее узкая ладошка лежит в моей руке. Я вел ее домой самым коротким путем, через пустырь. И когда мы поравнялись со строящимися гаражами, то наткнулись на большую пьяно орущую толпу молодежи. “Человек двадцать, — подумал я. — Ну вот, этот пустырь мы наверняка так не пройдем”. Узкая ладошка не дрожала в моей руке. Толпа явно обрадовалась новому развлечению.

— Смотри, какая парочка! — выкрикнул один из них.

— Высший класс! — захохотали другие. — Их можно использовать вдвоем. Оба —

ничего! Девочка — и так понятно.

Толпа снова громогласно расхохоталась.

Назревал серьезнейший конфликт. Меньше всего на свете мне хотелось опозориться. Я был не гордый. В любой другой момент мог и убежать, но сейчас... “Человек двадцать! — снова подумал я. — Не справлюсь! И что отвратительно — получим оба! Бедный востоковед! — мелькнула мысль. — Что же с тобой будет?”

— Эй, малыш, — снова выкрикнули из толпы. — Мы знаем, девочка не откажется. А как ты насчет отсосать?

За один вечер два озарения — это было даже слишком. Помощь явно сверхъестественная.

Не выпуская руки востоковеда, я смело повернулся к толпе.

— Извините, ребята, я бы с удовольствием. — Толпа замолчала, напряженно слушая. — Но дело в том, — я несколько раз щелкнул “зиппером” на джинсах вверх вниз, указывая на свое янистое место, — дело в том, ребята, что, к сожалению, мой “насос” сейчас не в лучшем состоянии и придется подождать до следующего раза.

Весь пустырь взорвался от хохота.

Нас мгновенно окружили, и со всех сторон потянулись стаканы, наполненные водкой.

— Ну, братишка, ты даешь! Здорово!

Я выпил водки. Все кончилось тем, что, оставив адрес спортзала, мы пошли дальше.

Возврата быть не могло. Все мосты сожжены за спиной.

“Что это? — лихорадочно думал я. — Наверное, пострашней, чем было раньше”.

Мою левую руку крепко сжимала потная узкая ладошка.

Она набросилась на меня в лифте, судорожно сжав в объятиях, не целуя и не обнимая, — просто вцепилась.

Открыв двери, мы упали на ковер, потом началось какое-то безумие. Никогда подобного со мной не было. Она рвала на мне одежды, громко всхлипывая, и было непонятно, что за чувство овладело ею: то ли ненависть, то ли всепоглощающее желание. А может, любовь?

Мы катались по комнате, как дерущиеся коты. Я был весь исполосован тонкими и острыми ногтями, которые сломались в самом начале. Мы, не останавливаясь, любили друг друга, безжалостно царапаясь и кусаясь.

Эта ночь не имела объяснения. Мы провалились в нее одновременно, как в глубину.

Проснувшись поутру, я с удивлением обнаружил в своей постели востоковеда. “Странно, — мелькнула мысль, — а я думал — это сон!”

Девушка спала на спине, разбросав руки. Я сел, молча уставившись на нее. Опухшие, замученные губы, размазанные глаза. Розовая грудь с воспаленными сосками была исцарапана и в синяках. На животе и на бедрах тоже было несколько синяков. И вдруг, вздрогнув, Саша заплакала.

— Что ты, маленькая? — Я поцеловал ее в губы. Глаза открылись. Девчонка облегченно вздохнула.

— Так мне это не приснилось? Мы действительно вместе? Послушай, — она удивленно оглядела меня, — да ты весь изрезан! — Потом глянула на свои ногти и ахнула. Целыми остались только два.

— Что это было? — спросил я.

— Не знаю, — едва прошептали ее губы. Мне захотелось быть искренним.

— Саша, ведь я женат.

— А я замужем! — ответила она.

— Да ты что! — ужаснулся я. — Ты же вся синяя! А ногти! Как ты покажешься ему?

— Не знаю, — ответила девушка и вдруг засмеялась. — А, черт с ним! Мне все равно!

— Да-а... — задумчиво протянул я.

Мы сидели, неотрывно глядя друг на друга.

— Что же это было? — снова поинтересовался я.

— А то, что будет и сейчас! — Она с глубоким вздохом накрыла меня собой. И мы попали в неопишное блаженство.

Это было что-то непонятное, даже сильнее состояния медитации, в которую я в последнее время научился входить. Сильнее физического состояния ощущать не приходилось.

Я с удивлением обнаружил, что с ней испытать оргазм практически невозможно.

“Как же это так?” — думал я, обладая ею. Состояние изумительное, но ничего похожего на приближающийся оргазм. Снова мелькнула мысль о мистике. Да, действительно, тут было над чем задуматься.

Через несколько часов мы снова заснули. Потом, проснувшись и придя в себя, я испуганно соображал, что все это может значить. В подсознании мелькнуло чувство — только Учитель может объяснить.

Саша проснулась и сразу испугалась.

— Сколько времени мы вместе? — спросила она. Было девять часов вечера. Завтра приезжает моя жена.

— А где твой муж? — поинтересовался я.

— Ушел со всеми с тренировки.

— Какой ужас! — застонал я. — Почему же он не пошел за тобой?

— А ну его! Он меня боится.

— Это как? — удивился я.

— Послушный очень.

— А в постели боится? — спросил я.

— И в постели, и вообще!

— И чего ж тебя бояться?

— А меня бояться все!

— Да ну? — удивился я.

— Кроме тебя. — Она припала ко мне опять. — Ты сильный! — с жаром зашептала Саша.

— А ты красавица! — ответил я.

Третий раз она, до этого молчаливая, начала стонать и кричать, стискивая так, что у меня перехватывало дыхание.

И тут мне кое-что стало ясно.

Я тоже страдал от этого.

Она была ненасытная. И только сейчас получала удовольствие.

Я все понял. Культура и воспитание не позволяли ей заниматься любовью со многими мужчинами. И она жестоко страдала от близости со своим мужем, как, впрочем, страдала бы и с любым другим мужчиной. Бедный востоковед слишком поздно родилась. Безжалостная природа одарила ее высшими качествами женской силы. Как оказалось потом, она была столь же умная, честная и преданная. Какое редкостное сочетание! Я понял, что попался бесповоротно. Две силы нашли друг друга. Стало ясно, почему раньше оргазм приходил быстрее. Мозг срабатывал, когда становилось ясно, что женщина устала и удовлетворена. В тот миг я по-новому понял свой организм.

“Однако, — пришла в голову мысль, — может быть, это и есть те скрытые качества, о которых говорил Андреич?”

— Слушай, — вдруг поинтересовался я, — а как же муж?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Но ты не думай, такое я вытворила впервые.

— И что теперь?

— Мне все равно!

— А ведь придется врать

— А я не вру.

— Кошмар! — испугался я. — Что ж будем делать?

— Не знаю. Давай будем любить друг друга. Я был не против.

— Ты знаешь, — сказал я следующим утром, — сегодня приезжает жена.

И тут в дверь позвонили. На пороге стоял высокий крепкий парень с печальными глазами.

— Ты ко мне? — удивился я.

— Саша у вас? — без всяких переходов спросил он.

— А? — Мне показалось, что я временно оглох, как в военкомате. — Какой Саша?

— Да муж это мой! — послышался голос из ванной. Моя челюсть начала медленно отпадать.

— П-п-проходи! — предложил я.

Юноша вздохнул, обреченно моргнув ресницами, и зашел в комнату.

— Пусти, психопатка! — прошептал я в дверную щель ванной. Замок щелкнул, выпуская меня.

Но когда увидел востоковеда обнаженным, весь мой гнев улетучился.

— Может, закроешь рот, Сереженька, — предложила она. — До сих пор открыт!

— Это правда твой муж?

— Ну, не твой же!

— Да как, черт возьми, ты со мной разговариваешь!

— Ну, ты сердилка! — сказала Александра и вцепилась губами в мои губы.

Задышавшись, я еле оторвал ее.

— Может, все-таки выйдешь поздороваться.

— Сейчас.

Она схватила мою футболку, висевшую над ванной и, надев ее, вышла в комнату.

Я побрел за ней.

Парень внимательно разглядывал бабочек. Когда мы вошли, он повернулся.

— Здравствуй, Саша, — спокойно сказал муж. — Сергей Анатольевич, — невозмутимо продолжал он, — извините, что вот так ворвался, но волнуется ее мать, волнуются в университете.

— А ты нет? — разозлился я.

— Конечно, нет, ведь она ушла с вами.

“Вот гад”, — подумал я. Мне стало понятно, что это в общем-то нормальный парень.

Любовь — шутка очень серьезная. Не мог он от нее никуда деться, не мог — и все тут! Она никогда не оскорбляла его, потому что он был действительно неплохим. И такое случилось впервые. В общем, несмотря на то, что мне очень хотелось набить ему морду, это был хороший парень, который имел полное право — по крайней мере, мне так казалось — развалить всю мою квартиру, орать, безжалостно топтать раковины и бабочек. Но он повел себя как мужчина.

Что было делать этим двум ребятам? Но если бы я не попался на их пути, все было бы нормально? А мог ли я не попасться? Опять тупик!

— Иди! — сказала Саша. — Со мной все нормально. Я скоро буду. Парень кивнул головой.

— До свидания, Сергей Анатольевич, — сказал он и вышел за дверь.

— Как зовут? — спросил я.

— Александр, — ответила она.

— О, Боже мой! — застонал я и, сев на корточки, уперся спиной в стену.

Ее тонкие пальцы забегали по моим волосам.

— Прости! — жарко прошептала Саша в ухо.

В этот день и еще целый месяц она никуда не ходила. Где мы, не знал никто. И только лишь Андреич по-старушечьи ворчал без слов, когда выделял нам одну из своих комнат.

Месяц в тумане. Месяц нечеловеческой жизни. Месяц торжествующей плоти и

чувств.

Мы сидели на лавочке под раскидистым абрикосом, взявшись за руки, тупо и радостно глядели друг другу в глаза.

Андреич подошел к нам

— Ну вот, Серый Я месяц тебя не трогал Пора заканчивать!

— Как месяц? — удивился я

— Да вот так! Спасать тебя надо. Серый Мы тут с ребятами день жат собрали Они в доме сидят Крыша у тебя едет, понимаешь? Дуй-ка ты во Владивосток! Завтра и поедешь Понял?

Слезы брызнули у меня из глаз Золотой туман начал медленно рассеиваться

Хотелось броситься Андреичу в ноги, умолять, требовать, чтобы он помог. Я знал, что Учитель, которым он являлся здесь, в нашей стране, может все. Внезапно я увидел Сашу. Ее глаза смотрели в мои. Я понял она любила за то, что есть, за трудности, за боль жизни. Она не могла жить мягкотело, как окружающие. Она не могла жить по другому. И я все понял.

— Когда еду? — спросил я у Андреича

— Я же сказал завтра!

— Завтра? Хорошо! Еду!

ГЛАВА 22

Жена собрала небольшую спортивную сумку — Ты все взял? — по-отцовски спросил Андреич.

Я оглянулся Рядом стояли друзья с опущенными головами Кулаки Гончаренко казались мягкими и податливыми Игорь молчал Лопоухий испуганно смотрел на нас Он чувствовал, что я могу не приехать Андреич подошел ко мне и сжал в объятиях

— Ты готов? — спросил он

В мое сознание врезалась молния Я отскочил к стене

— Учитель, я не знаю, куда ехать

— Да что ты говоришь? — удивился Андреич — Тебе нужно ехать на Дальний Восток по Транссибирской магистрали к великому родовому Учителю Няму.

— Учитель

— Я тебе не Учитель! — резко перебил меня Андреич — Твой Учитель — Ням!

— Андреич, мне некуда ехать — Голос предательски дрожал

— Может быть, ты нас обманул? Где же твоя родовая школа? Гончаренко с Игорем молчали Лопоухий сжался в углу

— Вы не верите мне? Андреич усмехнулся

— Да, — продолжил он, — второй раз просто так тебе в Общину не попасть!

— Мастер — Я упал на правое колено — Я не обманывал вас

— Заткнись! — сказал Андреич — И слушай! — Он записал адрес во Владивостоке — Зайдешь и скажешь, что это от Фу Шина, а там с тобой разберутся

После нескольких минут молчания мне стало ясно — ничего дороже, чем жена, в этом мире не существует — Таня! — потянулся я к ней — Я виноват перед тобой

— Знаю, — тихо ответила она

Поезд задергался в сторону Москвы

Я обнялся с Андреичем, с Игорем, потом с Гончаренко, крутнул за уши лопоухого, махнул рукой стоящим в стороне ребятам и надолго припал к жене и черному псу

— Это вагонный воришка, — объявила молодая девушка.

— А кто его вырубил? — грозно спросил проводник.

— Никто его не вырубал, — продолжала девушка. — Просто этот парень, — она указала на меня, — вовремя упал с полки.

— Да-а, — застонал я и, опомнившись, схватился за ребро. — О стол ударился и об этого... — Я снова застонал.

— А ну, пошли, разберемся! — Проводник вместе с появившимся вторым воришкой подхватили под руки несчастного и выволокли из купе.

Больше приключений до Москвы не было.

В суматохе вокзала — борьба за место, за туалет, который стал почему-то платным. Наша страна выходила на международный уровень.

Экспресс “Москва-Владивосток”.

Долго, больше недели. Ел по чуть-чуть и никуда не спешил.

И вот он, Владивосток.

Без времени года. Может быть, и есть какие-то изменения. Я их перестал различать. Зелень, режущая глаза, больше иди меньше. Холодно и не очень.

Портовая улица, адрес, который написал Андреич. Звонка не было. Я постучал.

Двери открыл с удивительно рязанской физиономией мужик. Ничего себе — приехал!

— Че надо? — по-московски спросил он.

— Не знаю. — Я пожал плечами.

— Заходи!

... В двухкомнатной квартире меня уже сутки кормили чужие люди, развлекали как могли и пытались напоить вонючей дальневосточной самогонкой.

— Че надо? — в конце вторых суток снова спросил мужик с рязанской мордой.

— Юнг! — ответил я заплетающимся пьяным языком.

— Ну?

— Ням! — продолжил я.

— Ну? — снова не понял мужик.

— Андреич. — Я был пьян до чертиков.

— И че? — Мужик удивленно, но более внимательно уставился на меня.

Я долго тужился. — Фу Шин.

— Ого! — выпучил глаза мужик — Так бы и сказал! Но приехал к Няму?

— Не знаю! — открестился я

Еще через сутки в дверь постучали В коридоре пошептались, и в обшарпанную комнату со старой кроватью и двумя брошенными на пол матрацами вошел великолепный боец с корейской физиономией

— Ням? — спросил он у меня

Я лежал в углу комнаты на полосатом рваном матраце, борясь с самогоном, залившим мозги.

— Ням! — икнув, подтвердил я. Кореец рухнул на колени “Ну вот, началось!”

— Я хочу к Няму! — Язык заплетался. Кореец начал что-то горячо говорить, и тут стало ясно, что десять лет назад я хорошо понимал эти слова. Мы разговорились мгновенно.

— Можно ехать в Общину? — спросил я Кореец шарахнулся.

— Ням живой? — внаглую спросил я Кореец шарахнулся еще больше

— Кто сейчас в Общине?! — взверел я.

— Поехали! —прошептал кореец.

Схватив сумку, я кинулся за ним

Собачья холодина!

Дальний Восток Вначале я описывал тебя, как благословенную страну. Ты холодный и злой и всегда такой, когда я не знаю, где Учитель.

Дальний Восток Злобная, кусающаяся собака, проникающая острыми клыками под любую теплую одежду

Вездеходы стояли скопом, штук десять Из ближайшего вылез...

“Генерал!” — удивился я.

— Едете? — спросил он, тяжело отдуваясь Кореец упал на колени.

— Капитана капитана! — запричитал он.

“Вот она! — мелькнуло у меня в голове — Древняя мудрость, переходящая в страх и порождающая воинов! Корея! Когда обычный кореец видел европейца, не важно какого, в форме или нет, на протяжении многих веков он падал на колени за несколько десятков метров”

“Капитана-капитана!” — веками эти слова впитывала Корея.

Самая поработанная страна в мире. Корея.

Кто он был, этот кореец, откуда, я не знал.

Генерал показал на вездеход, и мы с корейцем влезли через люк. Ехали долго. В тяжелой машине я понял, что за свою жизнь так и не научился ездить

. Тренировочная площадка. Обновленные станки Тоннель. Юнг появился внезапно.

— Мастер! — Я кинулся к нему в объятия. Они были вялые, можно сказать, никакие. Но он не изменился

Но почему железные объятия Юнга были никакие?

— Пойдем! — Юнг потащил за руку.

Мы прошли несколько километров, удалившись от главного тоннеля Общины.

Осень уходила, уступая место коварной дальневосточной зиме. Под старым кедром было небольшое углубление, похожее на волчье логово

— Сиди здесь! — Юнг прижал палец к губам.

“Что-то произошло!” — понял я.

Проспав несколько часов, я начал шарить вокруг.

Фитиль, плавающий в масле, и, что удивительно, коробок со спичками “Цивилизация!” — подумал я.

Снаружи была ночь.

Фитиль загорелся тусклым, но спасающим огоньком. В невысоком столике торчал огромный охотничий нож. Вокруг были земляные стены. Под столом лежали сухари, несколько банок консервов и сигареты

“Ничего себе цивилизация!” — снова подумал я. Но все-таки чувствовал, что-то случилось.

Сидя в полумраке, я думал об Учителе. “Какая встреча может быть? Увижу ли я его? Десять лет прошло. Узнает ли он меня?! Кто я ему? И сколько было у Учителя учеников?”

— Ты один? — послышался голос.

У входа на корточках сидела кореянка в длинной холщовой рубашке, подпоясанная цветным поясом. “Холодно, — подумал я, — а босая!” Она скользнула в мою маленькую келью.

— Ты кто? — спросил я.

— А ты?

— Я приехал к Учителю.

— А кто твой Учитель? — Она поправила длинные черные волосы, бегущие по плечам и опускающиеся к бедрам.

— Мой Учитель — Ням, а друг — мастер Юнг.

— Они просили, чтобы я заботилась о тебе

— Как зовут тебя?

— У меня нет имени, — ответила она. — Я — та, которая заботится о путниках.

— Я не путник, я приехал к Учителю.

— Хочешь песенку? — вдруг спросила она. И запела низким грудным голосом

Томная волна захлестнула меня. Я повалился на спину и ушел в горячую темноту

Проснулся оттого, что бедра и живот были залиты чем-то холодным. Подняв голову, я увидел, что лежу на тонкой соломенной подстилке, совершенно голый. Весь в крови, но почему-то холодной. Она была вязкая и свернувшаяся. Я снимал застывшую кровавую массу ладонями и вытирал о земляные стены

Почему же так холодно? Почему голый? Где дом, жена, друзья и спортзал? Стало

легко и хорошо. Я попал в чужой мир, непонятный и загадочный.

Светильник был полон масла. Наверное, корейка меня измучила. Масло ушло минут за сорок. Я привстал, шатаюсь, и увидел в углу сложенную по этикету форму своей родовой Школы, толстую и теплую, черного цвета. Надев широкие штаны и плотную рубаху почти до колен, почувствовал себя легче. Потом выглянул из норы.

В тайге лежал белый снег. Ведь только осень. Такого быть не могло.

Страх отшвырнул в середину убежища. И снова навалилась тьма.

— Не спи! — Знакомая корейка дергала меня за волосы. — Ведь ты приехал для того, чтобы забыть свою боль.

— Уйди! — взвыл я — “Никогда ничего не убоюсь и ни перед чем не повернусь спиною. Аум!” — Я повторял и повторял священные слова, а женщина, улыбаясь, медленно, через голову, снимала рубаху. Черные волосы казались еще чернее на белоснежной коже. Я без остановки повторял древнейшую молитву, спасающую от собственного страха.

Корейка накрыла меня своим телом, потом растеклась белым туманом по убежищу и исчезла. Я встал, шатаюсь, и опять выглянул из норы.

В зеленой тайге была осень.

Масло в светильнике выгорело минут за десять.

Проснулся от того, что жена смотрела в упор. Рядом в углу тихо всхлипывала Саша. Я вдруг четко понял, что полностью сошел с ума. “Ну, вот и приехал! А может, куда и не ездил!” Меня снова дернули за волосы.

— Сергей! — услышал я — Сергей! — Это был голос Юнга.

— Что? — Я вскочил, ударившись головой о земляной потолок.

— Учитель! — задохнувшись, сказал Юнг.

Выскочив из своего убежища, я в нескольких метрах увидел Няма. Он был таким же. За спиной стояли ученики.

— Учитель! — Я бросился и прижался к его ногам — Учитель! — рыдая, кричал я — Простите меня. Учитель. Я обещал приехать раньше, но не смог. Примите, Учитель.

Земля Дальнего Востока жарко дышала мне в лицо.

— Учитель! — Слезы душили.

— Встань, ученик! — Голос был тихий и ясный.

Я встал, размазывая слезы по лицу.

— Ученик! — Няма шагнул ко мне. И вдруг быстрым движением прижал меня к груди — Сынок! — спокойным голосом сказал он—Я не думал, что мы так быстро встретимся. Прошло всего лишь десять лет

в ЭТОЙ жизни!

Я снова лицом прижался к земле. Когда поднялся, Няма уже не было. Рядом скрестив ноги сидел Юнг.

— Ну что? Разожжем костер?

Я увидел возле входа в землянку небольших размеров котелок.

— Давай разожжем! — И, глубоко вздохнув, я сел на землю.

Юнг подошел и ткнул меня кулаком в бок.

— Послушай, это слишком, — ответил он. — Через десять лет ты приезжаешь. И, когда у нас проблемы, приезжаешь со своей, никому не нужной дурью. Что были за проблемы у тебя там? Учитель дал тебе знания, и ты придумал массу проблем. Здесь, — он указал рукой на нору, в которой неизвестно сколько времени пробыл я, — здесь, — продолжал Юнг, — жил Учитель Учителя. Неужели там с тобой было что-то сложное? Такие, как ты, приезжают нечасто. Кто приезжает через год кто — через два, кто — через десять, кто — через двадцать, кто не приезжает вообще Ошибки прошлого ранят в самое сердце! Что с твоим сердцем случилось там? Тебя не было долго И если ты приехал, это еще не значит, что нужен

Юнг ударил меня по лицу Я вскочил с земли Он ударил снова

—Чай возле котла Завари!

Я пошел собирать хворост.

Крыша медленно становилась на место Но страх не оставлял.

Что-то случилось или в мой приезд, или до приезда!

И тут до меня дошло, что я не просто мальчик, приехавший за помощью. Я приехал туда, где десять лет назад мне дали знания и отпустили. Я приехал не проситься, а помогать, быть дальше и, если нужно, умереть.

Я пил горячий чай с запахами тайги. С каждым глотком вливалась сила. Чувство собственного достоинства медленно укрепляло тело. Я приехал в мир, давший силу, которую растрчивал бездарно вдали.

Горячий чай наполнял энергией, разливавшейся к кончикам пальцев и корням волос.

— Юнг! — закричал я, отбросив от себя пустую деревянную пиалу. — Юнг! — снова закричал я. Его рядом не было.

Наступала темнота вместе с тишиной “Спать!” — решил я. После чая жесткая подстилка показалась мягче “Что то случилось!” — снова подумал я. Сон был легкий Тревога ушла, растворившись в сосновых волнах.

ГЛАВА 23

Я хотел вздохнуть, но не смог. Дернувшись, открыл глаза. Тяжелая и жесткая рука лежала на лице, полностью перекрыв дыхание. Попытавшись ударить ногой, я понял, что дыхание перекрыв опытный человек. Нога отпружинила и снова легла на место. Бороться бесполезно, понял я, и страх почему-то сразу отошел.

— Тихо! Это я! — шепнул на ухо Юнг. — Тебя долго не было, — продолжал он. — И у нас не меньше проблем, чем там, откуда ты приехал. — Юнг тихонечко засмеялся мне в ухо. — Серый, — прошептал он, — там, у вас, коммерческие киоски, а у нас, — он снова хмыкнул,

— Японские кланы!

“Ни фиги ж себе!” — подумал я. И сразу настроился на худшее. То, что было за плечами, растворилось, превратившись в ничто. Я забыл о прошлом, о родном городе, обо всем. Юнг начал рассказывать.

Это передать невозможно. Резкие корейские слова были спутаны с дальневосточным жаргоном. Даже сейчас то, что пишу по-русски, заставляет содрогаться. Юнг рассказывал.

Кто его знает, что будет дальше, но потепление в отношениях со всем миром на Дальнем Востоке вылилось в плановый кошмар. А начиналось все с виду невинно. Наше правительство размягчилось и подружилось со всем миром. Свободный мир, не имеющий границ, не был готов к дружбе с дикой державой. Гордая Япония — наверное, самая гордая страна, страна Восходящего Солнца. С ней давно уже никто не хотел спорить. Потому, что кодекс *бусидо* — один из самых древних сводов законов. Самое древнее — понятнее всего. Но наша страна этот кодекс развалила.

Огромное количество корейцев с поселений Дальнего Востока всегда работало на лесоповале. Освободившись от Железного Занавеса, наши умные правители поняли, что японцы со своим кодексом — самые лучшие, и гораздо выгоднее рубить тайгу с ними.

Как это у нас всегда делается, лесорубов быстренько рассчитали, и японцы стали вырубать лес, снимая все своими умными японскими машинами, конечно, гораздо лучше, чем наши несчастные советские корейцы. Японская техника приводила в восторг. За собой они убирали все, до идеальной чистоты, втыкая на всякий случай веточку: вдруг прорастет!

Но кушать хочется всем. Бедные корейцы, которые привыкли к угнетению, все же взбунтовались. Действительно, у всех людей есть один недостаток — хочется иметь элементарный достаток. Если даже нет его, то хочется как минимум кушать.

Корейцы страдали, они умеют страдать долго, советуясь друг с другом. Это были обычные труженики, которые привыкли работать как лошади. Они погоревали, потом погоревали еще и в конце концов в коттеджиках, где жили опять же ни в чем не виноватые

японские рабочие, случилась драка. Драка была злобная, потому что голодная. У корейцев были семьи, а семьи — это свято для любого народа!

Японцы никогда не жалуются. Страна Восходящего Солнца вообще жаловаться не умеет. Это может подтвердить история.

Следующая партия японских рабочих была особенно загадочной. Рабочие, если поворачивались, то поворачивались, как волки, не шеей, а всем корпусом. Японцы высокого роста — это было непривычно. Но они были высокие, гордые. Любой востоковед удивился бы этим бригадам лесорубов — бригады были больше похожи на знаменитый японский театр Кабуки. И если японец брал палку, эта палка, какая бы она ни была, вращалась и летала из стороны в сторону легко, как самурайский меч.

Это были гордые сыны страны Восходящего Солнца. Японцы не прощают обид, особенно если эти обиды им наносят азиатские братья: китайцы, корейцы и, чтобы было понятно, любые узкоглазые. Проблемы у них не в узких глазах, а в древних культурах, из которых вышли разногласия: дзэн-буддизм, буддизм, даосизм, индуизм, ламаизм плюс всеобщий идиотизм! Это то, в чем пытаются копаться востоковеды Европы, Америки и так далее.

Попробуйте найти эту пресловутую иголку в пресловутом стогу сена!

Когда корейцы были разбиты и раздавлены самураями (а это была партия самураев, прибывших на наш Дальний Восток), они не понимали, что произошло. Самураи и японская власть врубилась: есть еще дикие нецивилизованные страны, куда нужно посылать своих гордых сынов.

Наша Община была не единственная. Непревзойденный Ням, Учитель поколений. Таких общин было несколько. Благо — сосновые волны бесконечны...

Община, в которой жил Ням, была одна из самых дальних. Туда японцы не дошли. Корейцы — народ, который терпит долго, но когда бьют так сильно и быстро, их мучения так же быстро прекращаются. Страдать долго было нельзя. Промучайся они чуть больше, мучиться было бы некому.

Одна из общин мастеров, изучающая мир на основе боевого Искусства, была рядом и кинулась защищать своих рабочих.

Советская власть быстро отказалась от демократии, сперва заматавшись, а потом решила стать прежней. Район разработки леса был окружен БТРами и прочим оружием. Громкоговорители с больших серых машин начали кричать по-русски, по-корейски, нашлись даже знатоки японского. Они кричали на всех языках одно и то же:

— Если это не прекратится, — вырывалось из гавкофонов, — то через сутки все сгорит. Наша страна, — продолжали они, — имеет много запасов леса, и этот — не последний! Через двадцать четыре часа, если все не прекратится, здесь будет пустыня!

Страшные слова — и по-корейски, и по-японски, и по-русски.

Советская власть так глубоко ушла в свои проблемы, что совершенно забыла азиатов, а скорее всего, и не знала о них ничего. Среди общей проблемы на Дальнем Востоке хватало и китайцев. Гавкофоны не додумались все это прокричать на самых древних языках. Это было бы гораздо смешнее.

Не хватало языка хинди, пали, арабского, санскрита, а если бы еще на латыни... Весь мир перевернулся бы на голову!

Так или примерно так рассказывал Юнг. Мое сумасшествие испарялось, крыша становилась на место. Я попал в родную среду. Я понял, что нужно включаться в бой. Этот бой давал мне шанс выжить. Я понимал: будет жить Община — буду жить я.

— Сережа, хорошо, что ты приехал. Учитель скучал по тебе. Он почему-то помнил тебя. Но мне кажется, — Юнг развел руками, — от тебя будет еще больше проблем.

— Так чем же все кончилось. Мастер? — спросил я.

— А кто тебе сказал, что кончилось? Японцы ушли. Но разве Япония умеет прощать?! Я тебе не рассказывал? Не знаю, о чем ты говорил с Учителем. Есть клан — “Черный Лепесток Лотоса”. Ты об этом слышал?

— Юнг, но ведь это же сказки! Я читал литературу. Вряд ли это было. Если и было, то когда!..

— Сергей... брат! — вдруг вырвалось у Юнга. — Они сейчас здесь. Учитель не хотел, чтобы тебя легко убрали. Он увидится с тобой. Учитель верит в тебя. Ты здесь только потому, что он хочет твоей жизни. Ты начал прекрасно, но тебе не повезло. Я пришел объяснить: выходя из этой норы, помни, ты попадаешь в тайную войну, которую без понимания всего затеяла страна... — Юнг глубоко вздохнул. — Страна безумия. Вот так. Серый! Лучше бы ты отсиделся дома! Я нервно хихикнул.

— Дома отсидеться я еще успею. Поверь мне. Это прекрасное изменение в жизни. Здесь у вас не расслабишься. Ну что ж, Юнг, наверное, я наберу форму.

Юнг вдруг весело рассмеялся и очень сильно закатил мне пощечину правой рукой. Левую руку я перехватил, одновременно захватив двумя ногами его поперек туловища. Он вырвался из захвата. Вырвался, ударившись о противоположную земляную стену.

— Тренировался! — сказал Юнг.

— Больше не надо, — резко остановил я его.

— Завтра, — пообещал Юнг, — мы поработаем, но так, как приказал Ням. Ложись спать.

За последние много лет я впервые спокойно уснул. Сон оздоравливал. Я почувствовал это.

От жесткого толчка я вскочил и спросонья ударил вперед.

— Ну и что? — послышался сзади голос Юнга.

— А, это ты! — усмехнулся я и сразу упал от хлесткого удара в лицо. Лежа почувствовал: кровь залила грудь.

С рыком вскочил и в темноте кинулся вперед, ударившись о стену.

— Что, мальчик, совсем плохой?

Я кинулся на голос и снова ударился о стену. Закричав, я начал метаться по своему небольшому убежищу. Голос Юнга слышался то там, то здесь. Но я не мог достать его.

— Успокойся! Давай выйдем. Мы вышли в темноту.

— Сейчас ночь. Ляг! — приказал Юнг.

Я ощутил приказ. И лег на живот. Юнг расправил руки. Стало понятно, что лежу крестом. И вдруг он снизу захватил в замок мою голову и перекрыл дыхание.

— Слушай меня. — Голос пронзал от мозга до пяток. — Слушай меня, — повторил Юнг. Боль стала еще больше. — Ты слышишь? — Ответа я не смог выдать. — Ты слышишь? — Боль стала невыносимой.

— Да-а-а! — диким голосом промычал я через его руки.

— Значит, услышал! Вдыхай!

— Чем? — Из моей груди вырвался стон.

— Носом, — ответил Юнг.

Я с трудом дышал. Выдохнул, вдохнул, еще раз выдохнул, вдохнул. Стало ясно, что нужно вдыхать и выдыхать, пока меня не остановит мастер.

— Сядь! — услышал я голос. Я сел по школьному.

— Зачем приехал? — спросил Юнг.

— Чтобы понять окружающее, — ответил я.

— Зачем оно тебе?

— Чтобы было легче тем, кого люблю я!

— Кого ты любишь?

— Тех, кто ближе ко мне.

— Ты хочешь им сделать лучше?

— Да.

— А зачем?

— Для того чтобы было легче тем, кто рядом с моими близкими.

— Нормально, — услышал я голос Юнга.

Когда пришел в себя, то Стало ясно, что выполнил какой то тайный ритуал. В школе их много. Если правильно отвечаешь на заданные вопросы, то ритуал свершается сам, слегка изменяя мозг.

— Сядь! — снова сказал Юнг Я сел.

— Закрой рот! И пальцами — нос! Но только большими Я все проделал.

— Дыши!

— Но чем?! — удивился я и сразу получил сильный удар справа ногой в голову.

Сколько лежал, не помню.

— Сядь!

Я сел. Гудело все тело.

— Закрой рот! Я закрыл

— Двумя большими пальцами нос! Дыши!

— Да пошел ты! — крикнул я, вскочив на ноги. Мощный удар сбил меня на землю.

— Что же ты хочешь, гад!? — вырвалось у меня.

— Сядь!

Я понял рядом сила, которой сопротивляться бесполезно.

Сел.

— Закрой рот!

Деваться было некуда. Я закрыл.

— Двумя большими пальцами закрой нос.

Я закрыл.

— Дыши!

“Чем же дышать?” — Злоба нарастала внутри Голова гудела. Я кинулся на Юнга.

Удары были необыкновенной силы. Так меня еще не бил никто.

— Сядь! Я сел.

— Закрой рот! Закрой нос! Я закрыл.

— Дыши!

Стало понятно, что если Юнг снова начнет бить — не выдержу. Инстинкт самосохранения забился внутри, задевая органы. Все дрожало.

— Дыши! — послышалось издали, как будто из другого мира. Если я не перестану дышать, он снова ударит, но я хочу жить! Еще немного — и я потеряю сознание! Мозги бились в разные стороны. Сознание уходило, хотелось дышать. Но что было страшнее не дышать или удары Юнга — уже не понимал. Мозг затуманивался. И вдруг воздух, спасительный воздух, начал проходить через тело. Я задышал и открыл глаза. Рядом, внимательно глядя на меня, стоял, улыбаясь, Юнг.

— Ну вот, дышишь, — сказал он. — Так и дыши! А я сидел, боясь оторвать руки от лица.

— Опустит руки, Сережа, — попросил Юнг. Я молча держался за лицо.

— Опустит руки! — приказал Юнг. Я держался за лицо.

— Опустит руки!

— Ну!

Сразу понял, что снова получу удар в голову. Руки медленно сползли вниз. И тут дошло, что дышу не дыша.

— Слава Драконьей Пасти! — сказал Юнг — И не злись, Серый, у твоего Учителя просто нет времени. А ты должен выжить. А я — твой Мастер. Прости за жесткое исполнение. Но эта частица твоей жизни — у нас.

Я шагнул к Юнгу.

— Мастер, — опустившись на колени, спросил я, — неужели все действительно так серьезно?

— Серый, это тупик безумия. Учителю угрожает опасность. Мы должны его сберечь.

— А ты мне веришь? Веришь или нет? Я кинулся к Юнгу и попытался схватить.

Захлестнула волна любви. Я ощутил оскорбление, которое не понимал. Но это было оскорбление!

Кинувшись к Юнгу, я промахнулся. Он захохотал, как ребенок, потом вдруг замолчал.

— Серый, ты сумасшедший! У вас столько в больших юрдах эмоций, что вы путаете нормы этикета, ритуалы, традиции, школы. Серый, скажи мне: вы действительно их путаете и не можете разобраться?

Я остоленел. Потом упал снова на колено.

— Ты прав, Мастер.

Юнг стад на колено рядом. Наши глаза встретились.

— Встань! — И жесткий, безжалостный Мастер обнял меня. — Серый, нам нужно спасти Учителя. В опасности этикет должен умереть. Это мишура. Учитель надевает особые одежды для того, чтобы этим выстроить непробиваемую стену между собой и учениками. Серый, если для школы появляется опасность, стена рушится, ибо близкие эту стену не видят никогда, а чужие, которые ударялись о стену, в опасности исчезают. Серый, — он схватил меня за волосы и сильно дернул, — Серый, ты понимаешь — опасность! И рядом с нами — только близкие. Пойми, Сережа, — Юнг попросил почти жалобно: — Община в опасности.

— Юнг... — И тут я наконец-то явно ощутил, что не дышит ни рот, ни нос. Стало понятно: теперь сильнее, чем был раньше.

На рассвете Юнг толкнул меня в бок. Открыв глаза, я увидел, что вход в нашу землянку серый. Встав и немного наклонив голову, чтобы не упереться в земляной потолок, я потянулся, глубоко вдохнув и выдохнув, выскользнул из убежища.

Юнг обрушился внезапно на спину. Удары были очень жесткие. Он бил и бил без остановки. Я катался прямо, влево, вправо, пытался откатиться от ударов, но они все равно доставали. Я вдохнул и, убегая, перестал дышать. Потом вдруг встал, не спеша, начал подставлять руки под удары. Они уже не казались такими быстрыми.

— Ну что? Дышать научился?

— Да вроде бы.

Удар в пах был сокрушительным. Скрутившись, я завыл, как собака.

Лежал, наверное, полчаса.

Придя в себя, встал.

Юнг подошел ко мне, искренне засмеялся и нанес удар, который остановился в сантиметре от моей переносицы. Я даже не вздрогнул.

— Ну, когда же!

— Скоро! — сказал я. — Повтори, но с контактом.

Мгновенно после просьбы Юнг сделал боковой удар. Я удивился, что увидел его и прочувствовал.

Защитился.

Второй удар я принял двумя руками и дернул Юнга на себя, выбросив ногу ему в живот. Юнг ахнул и скрутился возле меня.

— Нормально! — еле выдавил он.

Мне казалось, что взлечу над соснами. Ощущение блаженства и победы было неопишным.

Юнг быстро встал. Все чувства пропали. Я снова вошел в стойку.

— Да успокойся! — улыбнулся он. — Ох уж эта молодежь! Какие вы талантливые и способные! Но какие бываете неправильные! Пойдем, Серый. Нам нужно склонить колени перед Учителем. Я выполнил свою задачу. Но только ты запомни и пойми Мастера, который старше тебя на очень много лет. Я стал твоим другом, я буду тебя защищать в этой жизни. Понял?

— Понял, — ответил я.

Дальний Восток влился в мою кровь, заполнив ее до предела. Я ощутил, что попал

на родину. Но было понятно: только Учитель может открыть истинную правду, где родина. Через десять лет и несколько недель я начал понимать сосновые волны. Родина — это сложное понятие. Это тайна, проходящая сквозь жизнь.

— К Учителю пойдем ночью.

— Да ведь здесь же пару километров!

— Тебя перестали оберегать. Сейчас ты идешь по своей судьбе. Она в твоём мире имеет много определений, но если коротко, — ты возле смерти. И обязан защитить себя. Но еще есть Учитель... Идем ночью.

Я понял.

Ночь в тайге очень черная. Нужно уметь смотреть и еще нужно уметь идти.

Несколько километров — это немного.

Когда мы подошли к тоннелю, увидели возле Няма странно одетого человека. Он был один. Здесь, среди деревьев, ничего смешнее быть не могло — строгий костюм. Ням позвал рукой и указал вперед. Мы зашли в тоннель.

Комната для совещаний. Было непривычно то, что увидел. В комнате за столом сидели незнакомые пожилые люди. Мы сели с Юнгом за стол. Я понял — сижу в пустоте. Эти люди ни о чем не думали. Оказывается, когда бывает напряженное состояние, это значит — окружающие думают. Если не думают — пустота, ощущение, которое описанию не подлежит.

Я не дышал в центре пустоты. Это было подобно лучшим моментам медитации. “Да что же это?! Такие трудности, проблемы — и совсем чужой человек! Юнг не помог ничем. Избил, в одно мгновение научив ощущению опасности. Повысил технику, но главное, наверное, даст Учитель? Он появился с человеком в костюме. Все сидели за столом совещания. Ученики принесли чай. Чужой человек хлебнул, обжегся и поставил чашку. В его руках она была тоже чужой.

Все молчали. Я напряженно ждал хотя бы слова. Тишина была полной. И вдруг от человека в костюме побежали слова, нет, мысли.

“Я не понимаю, куда попал, кто эти люди. Если бы можно было остаться с ними! Будь проклята суета!”

Потом фразы разлетелись на слова, слова — на звуки. Внезапно все пропало.

— Что будем делать? — Фраза возникла над столом застывшей молнией.

— Как скажете. Учитель!

Я понял, что люди, сидящие за столом, произнесли это одновременно.

— Война или рабство.

— Как скажете. Учитель!

Молния осталась над столом. Но внезапно дошло, что, не дрогнув, она повторилась. С Нямом не спорил никто. Незыблемость родовой школы была налицо. И тут я глубоко понял, что Ням решит все, касающееся корейцев и своей Школы. А японцы... Кто сможет запретить войну? Это та война, которая может кончиться только победой одной стороны.

Чужой человек вышел вместе с Учителем. Я почувствовал, что подобен выжатой мокрой тряпке. Силы ушли неизвестно на что. Заснул прямо за столом.

Меня толкнули в плечо. Рядом стояли Юнг и какой-то маленький кривоногий кореец.

— Серый! — Юнг ухмыльнулся — На! Это твой ученик. Делай с ним, что хочешь. Украинец учит корейца корейской Школе — Юнг хохотнул и вышел из комнаты.

Я оглянулся и понял, что мы наедине с моим первым общинным учеником.

ГЛАВА 24

Утром Юнг толкнул меня в бок.

— Ну ты и спишь! — сказал он.

— Да у нас в городах все так спят.

— Забудь про это! Этикет помнишь?

— Святое дело! — ответил я. Спать хотелось жутко.

— Поднимайся! — сказал Юнг.

— Господи! — произнес я. — Самое мерзкое, что есть на свете, — это дисциплина.

— Ты думаешь, я ее люблю?

— Верю, что нет.

— Вставай! — Юнг снова пнул меня.

— Не так больно!

— Больно — не больно, но через пять минут надо быть на площадке. И попробуй только не выйти!

— Ты что, совсем плохой? Школа прежде всего! Проснулся я оттого, что проспал. Мерзкое ощущение — когда знаешь, что ждут люди, а по законам школы будить не принято, ждут до последнего, даже если появишься вечером.

Я рванулся на выход. Да, проспал.

Лицо Общины было скучающим. Я ужаснулся. Судя по состоянию, ждали часа два.

Выскочив из тоннеля, я рухнул на колени. У Няма было жестокое лицо. Последнее, что осталось у меня от цивилизации, выветрилось раз и навсегда.

Ням начал говорить. Я не слышал. Ням говорил, это было видно, а я не слышал. Потом стало ясно, что он не говорит, только лишь лицо проявляет небольшую эмоцию сказанного. Ням говорил. Душа начала метаться в панике. Я не понимал. Я уже пропустил очень много. Сидя в толпе учеников, я схватился за голову и дико закричал. Очень хотелось понимать своего Учителя. Что же он говорит? Учитель подошел.

— Сядь! — произнес он. — Закрой рот! Двумя большими пальцами закрой нос, смотри на меня!

Я вдруг успокоился. Понял — нужно сделать, что говорит Учитель. Спокойствие вливалось медленно. Я сделал упражнение.

Губы Учителя оставались неподвижными, но слова звучали четко.

— Сядь! — Он указал на мое место.

— Спасибо, — ответил я, тоже не размыкая губ.

Война накрыла нас тяжелым вязким плащом. Стало понятно: речь, звук — они ничтожны. Расстояние — это проблема человечества. Расстояние между мной и Учителем стерлось раз и навсегда.

С Юнгом и своим новым учеником я зашел в келью, в которой жил десять лет назад.

— Сегодня ночью вы, — объявил Юнг, — пойдете в дальнее убежище. И вы с Кимом будете учиться.

У меня было состояние абсолютной разбитости. Непонятно, зачем я приехал сюда и что со мной. Если есть какие-то проблемы, то почему меня уводят от них и все время сплавляют в дальние места?

— Юнг, ведь я не лишний здесь?

— Я вообще не знаю, нужен ли ты здесь, — честно признался Мастер.

— Куда мы идем?

— Учитель приказал тебя отправить в дальнее убежище.

— Вы что, избавляетесь от меня?

— Сергей, Учитель приказал мне тебя отправить в дальнее убежище. Вместе с Кимом. Что тебе еще не понятно?

— Когда?

— Повторяю! — Было видно, что Юнг злится. — Стемнеет — пойдём.

Опять черный лес. Деревья, которые возникают внезапно. Дальнее убежище — оно действительно дальнее.

— “Зачем все это? — думал я, когда мы, спотыкаясь, брели сквозь густую черноту. — Почему нельзя идти днем?”

Шли уже вторую неделю. Ели мало, чтобы легко идти.

И вот дошли.

Такая же нора. Темная, со столом, земляной пол, земляные стены и потолок. Юнг попрощался с нами. И мы остались вдвоем.

Корея. Самая непонятная и удивительная страна. Нет, наверное, не страна. Корейцы — самая непонятная нация. Их угнетали все. У корейцев нет своей культуры. У них половина китайских иероглифов, и вообще китайцы задавили их. Но есть древняя тайная история, передаваемая среди корейцев, не из клана в клан, не из школы в школу, а между обычными семьями простых корейцев.

Легенда гласит, что самая древняя страна — страна Ссаккиссо — была тогда, когда не было ничего. Чтобы было понятнее ориентологам, я скажу: эпоха *Каре*. Китайцы преклоняются перед иероглифом *Каре*, который для них означает “совершенство”. Это один из немногих иероглифов, сохранившийся в древнем корейском языке. *Каре* в восприятии Кореи — всего лишь “древность”, из которой вышла их гордость, а потом — порабощенность, а еще потом — великая сила. Востоковеды, вас всегда удивлял иероглиф *Каре*. Разобраться в нем действительно очень сложно.

— Что ты хочешь? — спросил я у Кима.

— Быть с вами! — ответил он.

— Зачем? — спросил я, наливаясь силой Мастера.

— Другого я не хочу ничего! — Ким опустил голову.

Украинец учил корейца корейской школе!

Ночь. Я учил Кима, отдавая ему все, что мог. Он был гораздо меньше меня, худее. Он очень хотел знать. Я учил его все время. Учение мы не прерывали даже во сне. Я снился Киму, Ким снился мне. Мы учились...

На рассвете в наше убежище зашел Юнг.

— Откуда ты взялся, Юнг? — спросил я. — Ты что, ходишь только по ночам?

— Да, — ответил он.

— Но почему? Ведь ночью хуже видно.

— Потому что ночью больше опасности. Ночь, напряженная и тяжелая, заставляет любить утро и день, в которых очень легко расслабиться и проиграть.

Юнг никогда просто так не приходил. Я ждал любой опасности, о которой мог только догадываться. К опасности не привыкают.

— Возьми! — Он протянул мне кусок кожи. Я взял. Кожа была мягкая, даже слишком.

— Что делать с этим, Мастер? — спросил я.

— Прочитай!

Я поднес древние письмена к светильнику и узнал только несколько иероглифов.

— Не понимаю, Мастер! — жалобно шепнул я.

— Всмотрись!

— Но только пара иероглифов! — снова пожаловался я.

— Значит, — сказал Юнг, — будем учиться языку. Но запомни, — продолжал он, — выучиться языку невозможно, ибо язык — это колыбель. Язык — то, что рождается в восприятии мира. Ты потерялся. В этом мире ты не выучишь никакого языка. Твой язык у тебя украли.

Наш язык учить поздно. Учи, что сможешь, а потом думай, как сможешь.

Мы много недель вгрызались в древний язык эпохи Каре.

Меня сейчас легко упрекнуть. Эпоха Каре не имела языка, утверждают историки. Нет, эпоха Каре имела язык, и я с Кимом учил его, но Киму было легче, он был кореец.

Больше месяца мы сидели в норе. Юнг приносил нам еду. Соленая вода Охотского моря нас питала. Соль была не нужна.

Первый снег дал напиться вволю. Какой бы *Ян* ни был в соленой воде, все-таки хотелось сладкой водицы. Снег напоил нас, как медом.

Юнг появился призраком. И снова ночью,

— Ну что. Серый, ты чему-нибудь научился?

— Хватит! — ответил я, повернувшись к нему. — Ты достал меня! Я устал быть вторым сортом. Да, научился! Если хочешь, можешь сейчас сразиться со мной.

— Ну-ну! — усмехнулся Юнг. — Вторым сортом людей сделать невозможно. Свой сорт они выбирают сами.

— Что дальше?

— Сегодня идем к Учителю, — сказал он, бережно сворачивая и пряча за плотную одежду кожаные письма.

— Хорошо, пойдем.

Ночь стала моей второй жизнью. День — время для сна. Но мы возвращались не той дорогой и не в Общину.

— Юнг, куда мы идем?

— Я же сказал — к Учителю.

— А Учитель где?

— Сейчас придем.

На Кима было жалко смотреть. Он уставал. Когда Ким отстал, я шепотом спросил у Юнга, а он громко захохотал.

— Когда же ты поймешь, что тебе не нужно шептать? Закрой рот, а нос — двумя большими пальцами.

— Фу, черт! — выругался я и, перестав дышать, четко задал ему вопрос.

— Зачем, — спросил я, — мы тягаем с собой Кима? Он не готов.

— А ты готов?

— Не знаю, — ответил я, — но он не готов. И если будут трудности, Ким больше кандидат в покойники, чем я.

— Ты начал задавать слишком серьезные вопросы, — ответил Юнг. — Если он будет покойником, значит, так надо. Если ты — это тоже надо. Если я — может быть, надо еще больше! А Учитель должен жить!

— Извини, Мастер, я никогда не разберусь в этих сумасшедших сосновых волнах, но я верю и душа моя успокаивается.

— Значит, будет так, как будет!

Я понял вдруг — мы скоро придем.

— Две ночи, — ответил Юнг.

Опасность я почувствовал первым.

Мы отсыпались днем, спали много и жадно, потому что ночью идти трудно.

Я мгновенно прижался к земле, притянув Юнга к себе. Ким споткнулся о нас.

Мы лежали до рассвета. И когда серый рассвет дал возможность видеть глазам, мы увидели Кима, который, раскинув руки, лежал в снегу. Во лбу торчал дротик.

Было не холодно. Страх с желанием жить обогревал и забивал все остальные чувства.

Юнг поднял голову. Внимательно всмотревшись, он выдал из себя:

— Вот так, Сережа! Твой первый ученик кончился. Второго ты или найдешь, или не найдешь в этой жизни. У Няма второй — я. Который ты — не знаю.

Выбрав место, где нас невозможно увидеть, и прижавшись друг к другу, мы заснули.

Остальные ночи прошли без приключений. Что было той ночью, непонятно. Казалось, метательный дротик прилетел сам по себе. Я не увидел ни людей, ни движения — ничего...

Сказки начали оживать. “Лепесток Черного Лотоса”... Легенда, уходящая в древность. Чепуха! Но Ким был мертв, и мы руками рыли землю, холодную, чтобы похоронить его. Ломая ногти, выворачивая пальцы. Чепуха?! Легенда?! История?! А где третий? Он начался и сразу ушел. Вины я не чувствовал, но знал, что дальше будет страшнее. Легенды оживали, выходя из черной ночи. Но в моей душе не было страха. Сердце

застывало, превращаясь в холодный камень.

Серая точка впереди. Маленькое убежище. Два шага вперед и поворот вправо. Светильник, который светил для Няма, за счет поворота отбрасывал серую незначительную тень. Мы с Юнгом упали перед входом, выполнив ритуал.

“Зачем же этот ритуал? — подумал я. За время его выполнения нам двадцать раз могли снести голову.

Зайдя к Няму, мы снова выполнили ритуал.

— Запомни, ученик, — Ням обратился ко мне, — если ты начал выполнять ритуал и в этот момент не было трагедии либо войны, в момент выполнения ритуала ничто не начнется. И ритуалом ты отдаляешь любую беду, особенно если приближаешься к месту, которое дорого тебе. Если бы все монахи мира в одно и то же время выполняли надлежащий ритуал, в мире бы стало гораздо лучше. Хотя, может быть, потому он еще не развалился, что все монахи выполняют ритуал.

Я понял, что в разговоре Ням ни разу не открыл рта. Но я слышал, понимал, ближе приближаясь к тайнам Общины.

— Ким мертв? — спросил Ням.

— Его больше нет, — ответил Юнг.

— Ритуал?!

— Да, по закону Школы.

— Ты вспомнишь где?

— Да.

И в этом была сила Школы.

Я открывал для себя новое и новое, наполняясь знанием.

Хотелось учиться, но безумная война остановила во мне ученика, и, скособочившись, я рос, превращаясь в Воина, который не умеет проигрывать.

Страна, которая вырастила меня, напомнила о себе, о своей непостижимости и безумном величии.

Контрразведка. Она охотится за теми, кто пытается узнать наши секреты. У нас, наверное, действительно много секретов. Ни разу наша страна не задумалась по-настоящему о тех людях, которые могут спасти мир. Но мир миром... Слово “мир” мелькает на плакатах, слово “мир” на разных языках мы видим всю жизнь. Мир... Что это? Подойдите и спросите у философов, психологов, психиатров и врачей, которые лечат нас от болезней, спросите у востоковедов, что означает слово “мир”. Это слово я понял на следующем рассвете.

Мы пробыли с Нямом несколько недель. Он рассказывал удивительные вещи. Я постигал медицину, постигал философию, секреты Школы. Страх ушел, потому что я находился с человеком, который дал мне жизнь. Родиться — это просто. Мне очень хотелось в маленькой землянке, чтобы моим отцом был Ням.

Удивительное состояние: когда ты видишь перед собой вроде бы чужого человека — непривычная внешность, жестикуляция, совершенно чужие манеры, длинные, ниже плеч, белоснежные волосы. И вдруг — ты хочешь, чтобы этот человек был твоим отцом.

Очень сложные чувства. Родители — это так же непонятно, как мир. Но в маленькой землянке я не задумывался о недостижимых высотах, о звездах. Ням не рассказывал мне о мире, о родителях, о родине, он рассказывал, как очищать легкие, как сделать, чтобы человек выжил, отравившись бесповоротно. Кровь можно чистить” не прикасаясь к капельницам. Детей можно спасать, что бы с ними ни происходило. Судьба — это то, что знающие люди держат в своих руках. Наша судьба зависит от таких Учителей, как Ням. Они спасают нас, не жалея ничего, не жалея себя.

Этой ночью пришло еще пять человек. Я, не задумываясь, понял, что я самый молодой среди них. Это были седые Мастера, спокойные, они не разговаривали вообще. Мыслей я не слышал, но понимал, что Ням с ними общается. Я чувствовал себя самым младшим и старался сделать все, как лучше. Главное — не суетиться.

Они пришли с едой — жесткими лепешками и с горячим чаем. И я понял, что чай они нагрели далеко от нашего убежища, но каким-то чудом он был горячим. И тут поразила одна мысль: “Может быть, нужна вода и чай? А горячим седые люди сделают все без огня”.

Я попрощался и вышел из земляной комнаты за угол. Светильник не был погашен. Телом я закрыл остатки света. Поклонившись в комнате, я сел по-школьному и вошел в

медитацию. Первый раз в жизни это была настоящая медитация — абсолютная пустота, черная и бесконечная. Вокруг — точки звезд.

Рассвет медленно наступал. Первые лучи солнца коснулись нашего земляного убежища. Я вышел и удивился. Вместо снега лежали крупные кристаллы, но это был снег. Понял, что просто так воспринимаю его. Запах хвои бил в мозг. На стволах, черных и темно-коричневых, лежали капельки смолы — маленькие повторения солнца. Мир после прихода Мастеров изменился совершенно. Я смотрел и удивлялся.

Метательный дротик разрезал плотную форму, кожу, но мышц не достал. Он с визгом и точечным звуком воткнулся в ближайшую сосну. Я остался стоять как вкопанный. Врага не видел. А если не видишь, не нужно метаться, как испуганная женщина.

“Лепесток Черного Лотоса”!

— Сыык кха чингоу. Кхеее ммм... Если ты Сила, где ты? — закричал я и понял, что знаю язык Силы.

На белых кристаллах трое людей в черном. И я понял, что такое ненависть. Был ли виноват хоть в чем-то Ням?

— Чингоу?! — заорал я.

“Где Сила?” — восточный язык Смерти.

Смерть порождает Жизнь. Умирает слабый, сильный всегда забирает свое. Но сильный бывает не прав.

— Чингоу?! — Звук, как молния, ударил по соснам.

“Неужели это я?”

Один из людей в черном отделился и пошел мне навстречу. Он шел не спеша, и стало ясно, что здесь все решает Смерть.

Я взгляделся в него и ощутил себя абсолютно голым. В правой руке у японца был короткий меч — точная копия лепестка лотоса.

Я отступил назад и, зацепившись ногой, упал. Оглянувшись в сторону нашего убежища, увидел впереди стоит Ням, за ним — Мастера с Юнгом.

Человек в черном был рядом.

Стальной лепесток обрушился на меня. Я ударился о сосну. От сосны отскочил вовремя. Туда, где была голова, лепесток со звоном погрузился наполовину.

Бросив взгляд на свои руки, я успокоился. Глубоко вдохнул и выдохнул. Рук не было — страшные чешуйчатые лапы дракона. Каждый коготь был кривым кинжалом. Человек в черном вызывал внезапную жалость.

Я резанул его по лицу, но оно исчезло. Я ударил снова. Оно снова исчезло. Я не боялся его. Он боялся меня. Но я не мог попасть.

Черный Лотос разбросал свои Лепестки по Дальнему Востоку. Я знал, что убью японца.

Но рубаха из плотной ткани вдруг оказалась разрезанной поперек. Горячая кровь потекла по бедрам. Я снова ударил и никуда не попал.

— Юнг! — Мой крик был криком страха. Я оглянулся. Он молчал. — Юнг, помоги! — снова закричал я.

Мастер молчал, словно был выточен из камня.

Я опять начал издавать звуки — значит, неправильно дышу.

“Юнг!” — внутри себя закричал я.

“Что ты хочешь?” — Наконец раздался голос Юнга. Японец дернулся и упал с разбитым черепом.

“Что ты хочешь?” — снова спросил Юнг.

“Да так, с дыхания сбился!”

“Ну, ничего, бывает!” — ответил Юнг.

Двое в черном кинулись на меня.

Какая-то Сила отшвырнула в сторону. Я упал, ударившись головой о белые кристаллы. Приподнявшись, увидел Юнга, стоящего над двумя трупами. Труп убитого мной

японца лежал в стороне.

“Пока все”, — переводя дыхание, сказал Юнг.

Подскочив к Учителю, я упал на колени.

И первый раз за все время внутри себя произнес школьный ритуал.

Учитель услышал.

“Юнг!” — позвал он.

Когда Юнг подошел и совершил этикет, Ням нам двоим объявил:

“Сегодня ночью уходим!”

В этот день я спал на одной подстилке с Мастерами. Среди ночи мозг включился. Ко мне обращался Юнг.

— Сережа, — попросил его голос, — скажи мне что-нибудь.

— Что? — Мозг еще не отошел ото сна.

— Что-нибудь, — снова попросил голос Юнга.

— Юнг, мы умрем?

— Нет, — ответил Мастер. — Давай поговорим. Много книг говорят, но они закрывают рты всем Мастерам, Учителям и нам с тобой. Запомни, — сказал Юнг, — любая литература уводит как можно дальше от истины.

Желание пронзило меня насквозь. Мне жутко захотелось написать книгу. Юнг не понимал, что литература в той моей жизни, откуда пришел я, является фундаментом. Ей верят. Это было первое мгновение, когда я понял: литература уводит от истины. Я буду писать те книги, которые приводят к истине, если это возможно. Я понимал: это глупо. Я знал: восточная мудрость — живая, но мне очень захотелось все описать.

Я пишу о том, что действительно было. Меня разбудил Ням. Я вскочил мгновенно. Юнг стоял рядом.

— Пошли! — Ням показал рукой на выход.

Мы вышли первыми. Учитель за нами. Дорогого человека, который для тебя — самое главное в жизни, никогда не пропускают вперед. Мы с Юнгом вышли первые в вязкую ночь. Стволов старых сосен не было, чернота скрывала все.

— Куда мы идем? — спросил я у Юнга.

— Это знает только Учитель.

Я понял, что говорю, не открывая рта. Наконец-то научился разговаривать, как разговаривали древние. Я побеждаю себя в этом мире, где бездарно жил. Чувствовал высшую мудрость, но она меня еще ничему не научила. “Понимать”, “знать”, “чувствовать” смешалось во мне, но мы шли в ночь, как приказал Учитель. Ночь — это абсолютная темнота, к которой привыкают глаза. Если вздохнуть несколько раз, темнота расступается и глаза смотрят вперед. Ночь — большая Сила. День — страх и слабость. Я понял: нужно изучать ночь. Когда выучишь ее, станет понятным день. Потому что страшнее дня в этом мире нет ничего. День — это лучи солнца, которые высвечивают суть. От них не спрячешься.

Мать дает жизнь. А знание после матери дает силу.

Ночь наконец-то перестала быть ночью. Сосны вышли из темноты. Мозг осветил мне Путь. Отныне я стал понимать ночь. Еще одна тайна в этой жизни стала понятной. Но ночь была все же не такая, как день. Если кому-то кажется, что ночью происходит что-то чужое, то это действительно так. Лучи Солнца многое изгоняют с Земли. Солнца действительно боятся. Ночью больше звуков и теней. Ночью больше непонятного.

Мои глаза впервые работали на меня. Но ночь я так сразу и не понял. Ночь — это опасное состояние жизни.

Я шел за Юнгом, но мало что понимал. Учитель шел сзади и немного в стороне. Я чувствовал: так нужно.

Рядом со мной промелькнуло несколько черных теней, похожих на человеческие контуры.

“Что это. Учитель?” — с испугом спросил я.

“В этом мире, — услышал я голос Няма внутри себя, — мы не одиноки. Ты научился видеть тех, с которыми мы живем. Они не опасны, но теперь будет сложнее видеть настоящих врагов. Привыкай, ученик. Ты становишься взрослым. Мы идем в самое Священное место, которое существует в нашей Школе. Там ты обретешь жемчужину Знания, поймешь ее — будешь богат. Если не поймешь сразу, может, поймешь позже, а может, и никогда. На рассвете мы зайдем в последнее перед Святым местом убежище и возьмем еще учеников, и вы все вместе будете изучать главное — Великую Шестерку. Она даст понимание мира, в котором вы живете. Это будет первое и единственное твое посещение Священного места. Раз в десять лет разрешается посещать Святое место. Если чаще, оно может потерять свою силу. Это то, о чем мечтают многие. Я знаю, как тебе было тяжело, и считаю, что ты заслужил. Так же как и остальные, которых возьму с собой. Вы научились видеть в темноте и разговаривать внутри себя. Нужно учиться дальше. События, которые произошли в нашей Школе, лишь подтверждают, что еще нескольких учеников нужно сделать посвященными”.

Недалеко впереди показалось легкое серое мерцание. Убежище, понял я.

То, что увидел я в землянке, удивило: там было пять человек, трое из них оказались европейцами. Все, вскочив, выполнили этикет.

“Да, — подтвердил Ням, — ты у нас не один. Так надо!” — ответил он на мой молчаливый вопрос.

Ребят звали Саша, Игорь, Юра, Ким и Ютай.

“Почему пятеро? — спросил Ням. — Должно было быть священное число”.

“Мы потеряли одного из наших братьев, — сказал Ютай. — Два раза, — продолжал он, — нарывались на японцев. Второй раз — неудачно!”

“Сколько убили вы?” — спросил Ням.

“Шестерых”.

“Что ж, священное число. Но война будет серьезная”.

Очистив свой дух перед встречей со Святыней, мы сели в долгую медитацию на весь день. Когда стемнело, снова двинулись в путь.

Все переоделись в непривычную для меня одежду. Она отличалась от принятой формы слишком широкими штанами и длинной рубахой. Костюм черного цвета. Широкий белый пояс вокруг талии. Материал непонятный, очень теплый и толстый.

Перед рассветом мы подошли к камням, которые как бы выходили из хвои на два человеческих роста. Учитель опустился на колени и медленно коснулся шесть раз земли лбом. Мы повторили за ним.

— А сейчас... — вставая, начал Ням, но не успел договорить. Раздался знакомый свист. Один дротик ударил его в плечо, и еще несколько — в центр груди.

Бой был жесткий и долгий.

Нападение на Учителя сделало из меня разъяренного зверя. Я понял, что мы постигаем истинное боевое искусство. Мы были безоружны. На нас нападали с короткими мечами формы лепестка лотоса.

Я ударил снова появившейся чешуйчатой лапой дракона по руке с мечом, и он со звоном вылетел. И сразу едва успел ударить по второй. Нагнуться за мечами им было некогда. И все же это был нечестный поединок. Двое с мечами на одного — для меня слишком. Наверное, повезло, что мечи сразу вылетели. Было видно, что правые руки травмированы в кистях. Это и спасло меня. Через несколько мгновений двое нападавших на меня лежали на снегу, один — бездыханный, второй — со сломанными ногами. Я смотрел на них, широко раскрыв глаза. Подошел Юнг.

— Ты не привык к этому, брат. Я понимаю, что тяжело — И одним движением вырвал жизнь у лежащего на снегу — Их нельзя оставлять живыми. Я думаю, ты это понимаешь.

Я кивнул и вдруг почувствовал, что сердце ударилось так, что могло разорваться “Учитель!” — резанула мысль.

Я бросился к нему. Ням стоял в той же позе. В плече глубоко торчал дротик. Остальные пять висели, как колючки, запутавшись в его просторной одежде.

Я смотрел, не понимая, почему они не вошли в грудь Учителя.

— Священное число! — улыбнулся он. И левой рукой быстро выдернул из плеча металлический дротик. Остальные стряхнул.

— Да, это были сильные броски, — кивнул он седой головой — Первый — действительно неожиданный. Странно, — сказал он, — неужели они хотели так просто убрать меня?

Ням зажал рану, десять раз глубоко вдохнул и выдохнул. Кровь перестала идти.

— Да, ученики, — произнес Ням, — у нас в Школе большие неприятности. Просто так это все не кончится. Но мы должны постигать знания. И ничто не может этому помешать.

Ням обвел взглядом то место, где несколько мгновений назад был бой.

— Еще пятеро, — вздохнул он — Нужно похоронить с ритуалом! Вы готовы получать знания. Я убедился в этом.

Потом он подошел к Саше и приложил руку к раненой груди. Кровь перестала идти. Рубаха мгновенно присохла.

— Пусть будет так! — сказал Ням. — Опасность миновала.

ГЛАВА 25

Каменная преграда, к которой мы подошли, похоже, была гранитная. Казалось, что огромные, в два роста, кубы поставлены человечески ми руками.

Ням стоял в глубокой задумчивости.

— Из шести общин, — вздохнул Ням, — я единственный, кто может найти это место. Раньше было несколько, но в их памяти почему-то все стерлось. Наверное, общины постепенно теряют свою чистоту. Лишь полная чистота позволяет найти это место. Каждый раз, когда я подхожу к Священному Школьному месту, мне страшно, что сам могу не найти вход. Легенда гласит: тот, кто побывал, должен запомнить на всю жизнь вход между камнями. Часть Силы Ссаккиссо находится здесь. — И он указал рукой на камни. — Таких мест на Земле три. Одно перед вами. Остальные — в горах Кореи и Тибета. Идемте!

Учитель с трудом протиснулся в одну из многочисленных щелей между гранитными кубами. Я последовал за ним. Прошли уже несколько метров. Щель была невероятно узкая. Лишь плотная ткань одежды спасала кожу. Я представил, как должно быть больно Саше, раненному в грудь.

Мы протискивались правым плечом вперед. “Еще немного, — думалось мне, — и не выдержу!” — Мне казалось, что умру и так останусь, зажатым с двух сторон ледяными гранитными глыбами. Стена, в которую упиралось мое лицо, за долгое время была отполирована, как стекло. “Сколько же мы будем идти?” Все казалось тяжелым сном. Страх сковывал тело. И вдруг внезапно наступила полная темнота. Сбоку слышалось тяжелое дыхание братьев по Школе. Сколько еще идти?

Примерно через километр я вывалился за Учителем в широкое пространство, не понимая куда. Темнота была абсолютная. Для подсветки не было даже неба.

“Давай подождем остальных”, — услышал я голос Няма.

Мы сели на пол. Со стоном, по очереди, вывалились шестеро. И вдруг один упал на меня. Саша потерял сознание.

Ням подвинулся к нему.

— Ничего, — сказал он. — Обычная боль. Скоро придет в себя.

Через некоторое время, когда Саша очнулся, Ням приказал сесть по-школьному. Минут пять мы делали упражнение, которое давало нам возможность видеть в темноте.

— Учитель, — испуганно прошептал Саша, — я не вижу!

— Успокойся, — ответил Ням. — Сейчас будешь видеть. Прошло время, и Саша облегченно вздохнул.

— А теперь идемте! Мы снова пошли за Нямом

Гладкие полированные стены, такой же пол и потолок. Пронизывающий холод. Нескончаемый каменный тоннель. “Как же бороться со страхом?” — думал я.

— Потерпи, это недолго, — слышался голос Учителя. По моим подсчетам, мы прошли километров пятнадцать, спускаясь все время вниз. “Все ничего, — снова подумал я — Вот только обратно придется опять идти с таким же трудом. Лишь бы не умереть!”

— Не умрешь! — услышал я голос Няма. — Все будет хорошо Обратно идти будет очень легко.

— Почему? — не понял я.

— Здесь мы пробудем пять суток, без еды и воды, одновременно сделав очищение. Каждый потеряет по несколько килограммов Возвратимся легко.

Пятисуточное голодание Это называется “Пять сухих”. Женщина, чтобы хирург не делал аборт, может сделать “Пять сухих”. Пять дней можно смело не пить. Организм обезвоживается, но с человеком ничего страшного не происходит. Все воспалительные процессы уходят. Уходят даже венерические заболевания. Суставы как будто смазываются изнутри и перестают хрустеть, но к воде нельзя прикасаться вообще, иначе священное очищение будет недействительно Все ненужное, отрицательное гибнет в человеке и отторгается На пятые сутки ничего постороннего и паразитирующего в организме практически не остается; организм жадно сохраняет воду, но только для СЕБЯ. Эта система для сильных людей, но она приносит омоложение и восстановление.

Неожиданно стало светло. “Странно, откуда же свет?” Но потом дошло” что на мозг наконец-то полностью подействовало упражнение. Там, где мы терлись грудью и спиной, гранит был полированный Сейчас в квадратном тоннеле я рассмотрел, что он матовый и мелкозернистый. Неужели гранит? В такое чудо верилось с трудом Хотя — какая разница? Это был камень, вернее, каменный пласт, через который пролегал квадратный коридор.

Я не знал, природа или человек проложили его.

— Его проложили сыновья Дракона, — уверенно произнес Учитель. — А они не были обычными людьми.

Вокруг — шлифованные стены, ни единой трещины, ни капли влаги. То ли возбуждение отогнало холод, то ли его не было вообще. Сложно разобраться. Особенно если попадаешь в такое место, которого даже представить себе не мог.

И вот коридор закончился. Из него мы зашли в огромный гранитный зал. Он был квадратным. Зрелище поистине величественное. Каждая стена — метров пятьдесят. Выйдя на середину, мы замерли, пораженные невиданным зрелищем. Впереди на стене был высечен из гранита и отполирован огромный барельеф Дракона. Легендарный Ссаккиссо казался живым. Одна из четырех его лап имела шесть когтей, а остальные лапы, как и положено, по четыре. Что это?.. Отдельные места на его длинном гибком теле были матовыми, другие — отполированы. Из-за этого он был особенно четким. Больше всего поражали идеально гладкие когти на чешуйчатых лапах, зубы и глаза. Сама чешуя была отполирована тоже, но имела матовую границу. Под его мощными лапами был большой, метров пятнадцать, квадратный вход в следующий зал. На левой и на правой стене — по шесть небольших входов чуть выше человеческого роста.

Мы опустились на колени для выполнения самого длинного и сложного школьного ритуала. Учитель каждому указал свой вход.

— Идите и будьте там, пока я не приду за вами.

Моя келья была жуткой. Абсолютно голой. В ней не было ничего. Полная пустота. На четырех стенах вырублены какие-то иероглифы. В центре — такой же школьный Дракон, пугающий и не дающий думать ни о чем. Я упал перед ним и выполнил абсолютный этикет, который вычитал в келье из принесенного Юнгом куска кожи. Дракон сдвинулся и рванулся ко мне, потом вдруг снова вошел в стену. Я огляделся вокруг. Мерцающий свет. В центре стол. На столе лежит книга. Развернутые страницы. Я подошел к ней и понял: эти страницы из камня и книга — каменная. Ни одну страницу перевернуть нельзя. Я отпрянул от книги.

Вправо, влево, кругом на стенах меняющиеся, как живые, иероглифы. Сел, вдохнул, выдохнул. Их нужно разбирать. Иероглифы *Капе*. Учитель, наверное, потребует объяснения.

Вот они, секреты корейского, тибетского, вьетнамского и всех существующих на Земле Драконов. Драконы не могут быть разными. Секреты, привлекающие воинствующие кланы японского “Лепестка Черного Лотоса”.

Книга не отличалась ничем от настоящей. Пальцы хотели ее листать, но это была имитация. Холодный гранит вокруг. Гранит, который мог свести с ума кого угодно, но он имел какую-то силу. Раскрыта книга из гранита не может быть. На стенах слева и справа высечены такие же книги. Или, может, выжжены чьей-то энергией? Я не знал, но чувствовал, что права знать не имею. Мне нужно было разобрать иероглифы. Может, они дадут силу? И вдруг поверил: если прочту из книги, лежащей на столе, то прочту и слева, и справа на стене. Я всегда боялся чудес. Но, сделав ритуал и упав на колени, попытался вчитаться в книгу.

Книга, лежащая на столе. Первая страница. Она была совершенно чужая. Но ведь Ням заставлял учить язык *Капе*. Этот язык будет преследовать меня всю жизнь.

Я вдруг увидел гексаграмму, раньше только слышал о ней. И вот она передо мной. Полностью на правой странице были все ключи астрологии, медицины, философии. Они лежали, как женщина, доверившись. Но я понял: слева было то, к чему меня подводил Учитель. Меня отбросило к одной стене, потом к другой. Там тоже были записаны древние знания, но меня потянуло опять к невысокому столику с каменной книгой, к левой стороне, где древними иероглифами была выписана Шестерка. И я ощутил, что ее — Шестерку — нужно брать.

Шестерка...

Почему число шесть? Шесть раз — это много. Про шесть раз — пока промолчим, но три шестерки... О них не буду говорить. Но здесь одна. О семерке говорить... священное число Создателя.

Шестерка похожа на Демона, но если она одна, значит, переходящая в Создателя. Левая страница полностью расшифровывала состояние духа, тела и эмоций. Эмоций, которые разрывали меня.

Женщины, девушки. Левая страница снова потянула к себе. Я глянул на нее и вдруг провалился в кровавую бездну.

Секс. Что это? Мне тридцать лет. Сколько женщин! Я говорил раньше: повторение себя, а значит, дать ребенка — это безумие. Я был никем, я боялся повторения себя. Маленький ребенок... Кто сможет ему дать? Что дать? Я боялся повторения себя, но я упал в кровавую пустоту. Священное число. Священное место. Оно меня забросило в ничто. Я не понимал безумия, которое затащило меня в кровавые белые тела.

“Стоп! — думал. — Стой! — говорил я себе. — Стой! Может быть, кроме женских тел, есть что-то? Неужели я в этой жизни не видел ничего другого? Я спасал детей. Я спасал, я спасал...” — Слово “я” ударило по голове и швырнуло глубже в пустоту.

Открыв глаза, увидел серую комнату, невысокий стол и книгу со страницами, которые нельзя листать. Я снова кинулся к левой стороне.

Шестерка, священная Шестерка!

Было понятно, что от нее не оторвусь, пока не пойму этот загадочный смысл. Семерка — число Бога. Шестерка — не Демон, а что же? Не понимал.

Левая страница большой серой холодной книги начиналась с древнего числа шесть. Я понял: над одной страницей пробуду пять “Сухих дней” без еды и воды. Я поклялся себе, что эту левую страницу расшифрую и донесу людям.

Три раза по шесть — плохо. Один раз шесть, а потом — семь. Из гранитной книги ударила толстая струя крови. Мерзкое состояние застывающей крови на голом теле. Я был голым, почему — не знаю. Наверное, так требовала левая страница. Пришлось стоять в полный рост. Уже свернувшаяся кровь доходила до груди. Раздался крик. Я глянул на гранитную книгу. Там лежала моя голова с вывернутыми губами. Язык не повиновался ей. С громким стуком она упала. Книга была чистой. На ней оказалась рука, очень знакомая. Из

пальцев медленно появлялись когти. Скользя чешуя облепила руку, и она соскользнула с книги.

Дракона тяжело схватить, понял я.

Кровь не коснулась страниц. Снова голова. Зубы с треском крошились. Она металась из стороны в сторону, выла и хохотала, потом с громким стуком упала, покотившись по полу, и остановилась, ударившись о мои ноги. Моя голова.

Холодная свернувшаяся кровь подходила к горлу. Я вязко брея сквозь нее к книге. Стол уперся в колени. Опустившись на них, прикоснулся пальцами к первым знакам на странице. Появившаяся моя голова с криком укусила за пальцы. Больно! Я отпрянул назад. Густая горячая кровь ударила в лицо. Нечаянно глотнув, я потерял сознание.

“Левая страница — это самое главное, что есть в моей жизни”, — задыхаясь в крови, понял мой угасающий мозг.

Выбравшись из липкой крови, похожей на холодец, я снова взглянул на левую страницу. Там корчилась моя голова, клацающая зубами. “Сколько же прошло времени! — подумал я. — Ням обещал пять суток”.

Я стоял в просторном чистом гранитном зале. Впереди лежала гранитная священная книга. Абсолютная чистота. Ни капли крови. Я понял: Ням скоро придет. Его нужно встретить знаниями.

“Пойди и начни читать! — заставлял я себя. — Разве кто-нибудь тебе мешает?”

Я пошел и вдруг вспомнил: у меня вторая степень мастерства. Я муж, брат, компрессорщик. Я — ничто! Я шел к гранитной книге и не мог подойти. И вдруг, вынырнув из стены, меня ударила когтистой рукой одна из самых нежных и обиженных мною женщин. Она стояла на левой странице каменной книги, совершенно обнаженная, с опущенными руками, и смотрела на меня. Я кинулся вперед. На левой странице стояла моя жена. Она была в рваных ранах. Через надорванную грудь было видно, как бьется окровавленное сердце. Мы были наедине. Страшно. Я закрыл глаза. Открыв их, увидел: мое тело сидит на левой странице. Я узнал свои татуировки. Головы не было. “Скоро позовет Ням!” — Я кинулся к книге и ударился лицом о нее. Рядом никого не было. Кровь отхлынула. “Где же моя левая страница? Вот она!” — Шестерка засветилась. Я обхватил стол руками и понял: никакая волна больше не вырвет ее!

Я вцепился зубами в гранит. “Глупо! Нужно было учить книгу”.

“Сволочи, мрази! — Полет, удары об одну стену, потом — о другую. — Сколько же времени я в этом зале? Скоро придет Ням. Что я скажу ему, человеку, который пытается через меня дать знания людям? Он пытается меня посвятить в знания. Дойди до левой страницы этой книги, — сказал я себе, — иди же!” — И снова по коленям ударила кровь.

Пол поднялся вверх и, разбрызгав ее, ударил в голову.

Чистый зал. Рядом книга. Вот она. Прохладный камень. Наконец-то я охладил левую щеку, правую щеку, грудь.

— Учи! — ахнул гранитный зал.

И тут я понял: кто имеет право на кровь? Святая инквизиция сжигала еретиков, которые проникали вовнутрь тела. Священная Святая инквизиция. Тело нельзя осквернять. Если проникаешь вовнутрь, оно перестает быть священным. Тело, созданное по подобию Божьему. Лечить нужно, не проникая вовнутрь. И это возможно.

“Так вот почему врачи равнодушные и жестокие, — дошло наконец до меня. — Ведь они, когда учатся, оскверняют трупы. В их душах рождается неуважение к больным, неуважение к человеческой плоти, которую создал Бог”.

Мозг открыл тайну. Существует особая ветвь в медицинских знаниях. Самое секретное и самое темное течение — это обычные хирурги, которые должны что-то удалить в безвыходном положении. Хирурги — темная, необходимая и особая ветвь. Но этой ветвью, если человек не нарушает законы, за всю жизнь не приходится пользоваться ни разу. Только если несчастный случай. А как без него.

Квадратная комната. Комната для боя. Гранит может быть мягкий и твердый.

Понял я это то ли рано, то ли поздно. Дракон сорвался на меня со стены. Я пришел в себя. Он снова был барельефом. До левой страницы книги я еще не добрался.

Было ясно: ничего не хочу. Но эту левую страницу сделаю своей.

Я стоял на коленях посреди комнаты и выполнял этикет. На него уходило чуть больше получаса. Все, что за это время было перед глазами и в ощущениях, прошло за один этикет. Я понял: книга приняла меня. Я подошел к гранитному столику. Там лежала закрытая книга. Сев возле столика, я положил руки на холодную гранитную обложку. На ней был барельеф четырехглавого дракона. И вдруг понял, что гранитную книгу можно раскрыть. Когда это сделал, увидел то, чего совершенно не ждал. Потом испуганно опять оглядел комнату. Сухо, холодно и чисто. Книга открылась спокойно. Там все было написано по-русски.

“Да, — подумал я, — Священная комната приняла меня”.

И я ушел в книгу со всем вниманием.

Первая страница начиналась числом — шесть — и словом Ссаккиссо на древнекорейском. Справа — дерево, растущее из земли, и падающий с него один лист. Под землей, которую обозначала черта, были нарисованы корни таких же размеров, как и крона. В мозгу возникал вопрос: “Куда оно растет, вверх или вниз?”

Слева была свастика. Каждая из четырех сторон оканчивалась головой дракона; они глядели в левую сторону. Рядом непривычное обозначение *Инь-Ян*. Верхний, *Ян* — в виде листка с шестью прожилками. *Инь* — такой же. Нижний дракон был обозначен как каменный. Каменный дракон имел шесть форм и одну родовую. Они были указаны там же. Нарисованный человек выполнял поочередно каждое движение.

“Разве можно все это запомнить за такой короткий срок?” — мелькнуло в голове.

Второй дракон был водяной. Тоже шесть форм и одна родовая. Каменный дракон — мощный выходец из земли. Мощный, разрушающий все на своем пути, дракон молодой, вышедший из яйца, еще не постигший окружающее, идущий напролом и сокрушающий все. Он мог себе позволить такое, потому что земля — это глубокий *Инь*, практически без присутствия *Ян*. Водяной дракон — гибкий дракон, но это гибкость стали. Металл — он может быть таким же текучим, как и вода. Вода может быть такой же твердой (лед), как и металл.

Воздушный дракон имел такое же количество форм.

И огненный — также шесть форм и одна родовая.

Мне стало ясно, что школа Ссаккиссо — школа стихий, а стихийная школа — мечта любого кунгфуиста. Еще стало ясно, что стихий — четыре: Земля, Вода, Воздух и Огонь, то есть Солнце. Потом понял, почему Шестерка. Когда стихии объединяются, может произойти Великий Хаос, Великие Разрушения. Земля часто содрогается от землетрясений, наводнений, ураганов и так далее. Пятый дракон так и называется:

— Верховный Разрушитель, Верховный Дракон. Шесть форм и одна родовая.

Шестой дракон радостно удивил, потому что он оказался Истинным Драконом, также имеющим шесть форм и одну родовую. Великий Дракон, потому что, когда соединяются четыре стихии, они рожают не только разрушение. Создатель их соединил именно для того, чтобы родился Великий Дракон: четыре стихии рожают еще и Жизнь.

И тут я понял, что странные черточки вокруг дерева означают влияние стихий на падающий листок. Но если хотя бы одну из четырех стихий забрать, дерево погибнет. Эти четыре стихии держат жизнь на Земле. А лист падает каждый раз по-разному. Сухой падет по своему. Живой, влажный — тоже по-своему. Воздух может мягко толкать его, а может и взрывать движение ветром. А Земля тянет к себе, и лист всегда оказывается на ней.

Со стихиями, порождающими состояние, стало понятно. Каменный — мощь. Водяной — гибкость. Воздушный — порывистость. Огненный — сжигающий, а если всем этим овладеть — всепобеждающий Верховный Разрушитель. И только потом — Истинный — Жизнь!

Передо мной лежала страшная схема. Освоив ее, любой человек мог разрушать. Мне

стало ясно, что на этом можно остановиться. Но нет! Человек должен стать Истинным Драконом, Драконом Создающим. Потом снова пошли Шестерки.

Следующая была такая. Первое — Философия. Шло объяснение ее, такое простое и великолепное. Философия — это стремление понять окружающее нас. Второе — Психология — стремление понять то, что движет человеческими поступками. Медицина — третье — стремление понять механизм человека. Четвертое — Владение Собой — это значит владение стихиями, владение собственным телом на основе Драконьей Шестерки. Пятым был Окультизм — стремление выйти за рамки понимания, созданные обществом, в котором живешь, тайное стремление — для помощи тому же обществу, начиная с себя и переходя на помощь и понимание близких. Шестая — это была Истина. Но в объяснении стоял пропуск.

Еще одна Шестерка.

Но тут я опять вернулся ко второй. А как наше общество готовит философов? Философия — это стремление понять окружающее. Как философ, не зная психологии, может понять окружающее? Стало неясным, как же можно понять окружающее, не зная медицины, не владея собой. Но ведь у нас были и психологи, и медики!

Вторая Шестерка начала прояснять сознание. Вот почему такой пробел в медицине: медик, не владеющий своим телом, медик с больным телом. В шестерке рядом с медициной была приписка: “Лечащий кого-то, будучи сам больным, подлежит смерти”.

Я нервно засмеялся. Представилась идиотская картина: толпы врачей, расстрелянные под стенами своих больниц. Я понял, что зацепился за сверхсокровище.

Железный обруч снова сдавил голову. “Не упусти ничего, — говорил я себе. — Запоминай, впитывай. Ты никогда не простишь себе, если чего-то не поймешь или забудешь”.

Следующая Шестерка была исключительно интересной.

Чем человек отличается от животного?

Я вспомнил то, что говорил Ням десять лет назад. Но там была приписка, что человек от животного отличается многим, но это многое ты должен к основному объяснению добавить сам. Я на мгновение застопорился: чем же, чем же? Казалось, если сейчас не отвечу себе, то больше читать не смогу. И вдруг осенило: конечно, пищеварением! В окружающей природе есть внутреннее и внешнее пищеварение. Человек освободил себя и свой разум. Он обрабатывает пищу, для того чтобы мозг не отдавал все силы перевариванию. Кастрюля, стоящая на плите. “Да! — мелькнуло в мозгу. — Это и есть внешнее пищеварение, созданное руками человека. Сколько же еще есть отличий?! — И вдруг резануло самое страшное: — Жертвоприношение, самопожертвование! — ахнул я. — Животное на это не способно! Животные всегда возносили лучшую свою особь, в жертву приносили ее только люди. Но человек мог преклоняться перед лучшим и жертвовать собой”.

Непостижимый человек!!!

Я опять вспомнил Няма: “Самое прекрасное — это пожертвовать собой во имя кого-то или во имя чего-то!” Действительно, только человек способен на такое.

Потом шла “Любовь”.

Я вспомнил, что и об этом говорил Ням. Да, действительно, любовь — удивительная вещь. Только человек способен полюбить и подпустить к себе слабого человека, от которого могут быть физически нездоровые дети. Отсюда ясно, что сила человека — в разуме. И этим он тоже отличается от животного. Я ощутил гордость и вместе с тем — страх.

Потом шла “Совесь”.

Самое краткое объяснение: совесь — это состояние между желаемым и содеянным.

Следующим было “Добро и Зло”.

Объяснение было исключительным. Добро — это Созидание, зло — Разрушение. Если не можешь отличить Разрушение от Созидания, закрой книгу.

Нет, я не закрою!

Пятым шло “Счастье”.

Здесь объяснение было подробным и большим. Очень хочется на нем остановиться,

потому что Шестерка кончалась снова же Истиной, и там опять был пробел. Счастье — это “Делаю то, что хочу, и не делаю того, чего не хочу”. Но чтобы в этом разобраться, необходимо объяснить три состояния Счастья: Счастье Тела, Счастье Интеллекта и Счастье Духа.

Я начал внимательно вчитываться.

Счастье Тела испытывает ребенок, лежащий в коляске. Если он получает вовремя то, что хочет его тело (а это еда, чистота и т. д.), он радуется; это и есть Счастье Тела.

Потом вырастает в созревающем мозгу интеллект, и ребенок, уже выросший, начинает думать о том, что же он хочет и чего не хочет. Счастье Интеллекта его возвращает обратно. Выросший ребенок начинает додумываться, что он хочет тех же удовольствий для Тела. Они немного вырастают, но все же он хочет вкусно есть, желает физических наслаждений и максимальных удобств. Он даже не подходит к самому главному Счастью — Счастью Духа, потому что к нему может подвести только Учитель.

Но ведь это же безвыходное положение! В таком случае мир ужасен! Где же взять столько Учителей? Или нет, нужно заставить хотя бы прислушаться к одному Учителю! Но как? Он ведет к Счастью Духа через древнюю мудрость. И когда человек, соприкоснувшись с мудростью, начинает понимать, что этого он действительно хочет, а другое ему совершенно не нужно, так вот оно — Счастье Духа, сидящего глубоко в заточении телесной тюрьмы! Как тяжело его пробудить! Вырвать из глубины желаний! Как тяжело заставить человека вслушаться в Истину!

Но ведь во всех Шестерках там, где Истина, — пробел!...

Создатель очень силен. Свое создание отдать демонам... кто бы смог, кроме него?! Кто борется, тот соприкасается со Знанием и спокойствием духа. “Хорошенький ОТК!” — мелькнула кощунственная мысль. Счастье — делаю то, что хочу, и не делаю того, чего не хочу! Может быть, из этого возникает Истина? Может, поэтому в каждом шестом числе стояли пробелы? Только лишь Истинный Дракон в первой Шестерке имел шесть форм и одну родовую. Но это движение и дыхание.

А Истина...

Я вернулся и увидел, что родовых форм тоже шесть. “Да, Шестерки кругом! Что же это за загадочное число?”

И тут я глубоко задумался. Ведь тройка присутствует в нашей жизни постоянно. Самое загадочное число. Но каждая единица из тройки должна делиться пополам, на темную и светлую половины. Значит, опять шестерка!

Вера, надежда, любовь... Конечно же, они имеют каждая две стороны. “Так, думать буду потом! Что дальше?”

Следующая страница гласила о том, что каждое значение из третьей шестерки нужно пропустить через вторую. А это значит: “Чем отличается человек от животного?” нужно разобрать со стороны философии, психологии, медицины, владения собой, оккультизма и истины.

“Ого! — подумал я. — Значит, любовь, совесть, добро и зло, счастье — все через вторую шестерку!” — Из этого маленького листочка получалась схема, которую нужно изучать всю жизнь. И вдруг перед глазами мелькнула молния: я вспомнил, как однажды ночью... Видение этой картины было ясным, как на экране. Я смотрел со стороны, как меня, малолетку, избивает толпа таких же. Был жестокий эпизод в жизни. Я остался лежать. Но не это показывал экран. Они пошли счастливые, бурно разговаривая и смакуя подробности. Я тогда не мог запомнить ни одного лица, а сейчас я мог видеть каждого в отдельности и всех вместе. “К чему это все?” — мелькнула мысль. И вдруг стало ясно: один не веселился; он шел мрачным. Так вот оно состояние между желаемым и содеянным. Он не желал, но был в коллективе, и пришлось делать! Как часто в жизни мы совершаем то же.

Простой эпизод снова вернул меня к книге. Я боялся перевернуть страницу. Понял ли я то, что увидел, правильно ли все прочел? Прочитав еще несколько раз, я глубоко вздохнул. “Ну, переворачивай!” — заставлял себя. И вдруг увидел огромное море, которое

штормило. Шторм, разбивающий скалы на куски. Волна. Частотное движение. Для того чтобы энергия начала выходить из того места, из которого ты хочешь, нужно сделать абсолютно правильное механическое движение. Для человека “масса на ускорение” не подходит — это стало ясно сразу. Волна, кнут — только при абсолютно правильном механическом движении может выходить то, что ты накопил за счет упражнений. Я до глубины души поверил, что если еще несколько минут всмотрюсь в формы драконов, в нарисованных людей, которые выполняют движения, то, закрыв глаза, я всегда буду видеть их на черном экране. “Переворачивай!” — заставлял я себя.

Тонкая гранитная страница, казалось, весит много сотен килограмм.

“Истина”, — стояло огромное заглавное слово.

Я вспомнил, как читал лекцию в лесу толстым и наглым профессорам. Я тогда начал правильно. Но концовки не было. Невозможно было Истину ощутить до конца, не столкнувшись с этой страницей. Истина оказалась невероятно простой, даже страшно описывать ее неподготовленным.

На странице под священным словом была нарисована пирамида. Основание ее было самое широкое. Фундамент и первая ступень — было “Здоровье”. Потому что, не будучи здоровым, не пойдешь ни за каким Учителем, пусть он даже несет самые редкостные знания. Больной человек не может учиться. Здоровье определялось состоянием: если ты искренне и по-настоящему волнуешься за здоровье другого человека и хочешь помочь, то, значит, ты сам являешься здоровым. И все это не ложное желание.

“Жесткая схема”, — подумал я.

Вторая ступень.

И самая опасная (потому что многие оставались на ней навсегда, погружаясь в темную сторону жизни). Ступень, приносящая материальную силу — деньги: “Умение облегчить физические страдания человека”; это значит, что ты становишься настоящим целителем.

Третья ступень гласила так: “Уметь помочь не только больному телу, но и духу”.

На третьей ступени стоят Учителя.

Четвертая объясняла, что мы живем в Обществе и потребляем созданное им, а значит. Общество необходимо нам. Но Истина гласит, что необходимо стать вот каким: не ты нуждаешься в Обществе, а оно в тебе!

Это был уровень Истины школы Ссаккиссо.

Я долго всматривался в пирамиду. Но ведь такими могут стать один, два, три, ну, пусть десять человек! А остальные? И вдруг стало ясно, что Истина — это профессионализм каждого.

Любящий и идеально выполняющий свою работу — это Истинный человек. Но он обязан знать эти Шестерки.

Стало ясно: Истина — это понимание Шестерок, которые я до конца так не понял. Но жить и дышать стало намного легче.

Человечество, если бы вдумалось и полистало гранитную книгу, было бы в тысячу раз счастливее и богаче. Исчезло бы много ненужных проблем. Но почему же она хранится в такой тайне? Значит, из Шестерок можно взять силу Разрушения. Мне казалось, что я запутался бесповоротно.

Сколько прошло времени, не помнил. Я листал и листал страницы, вчитывался в слишком сложные объяснения.

Очень хотелось посоветоваться с Андреичем, Игорем, но чувствовалось, что Учителю я долгое время не смогу задать ни одного вопроса и боюсь его вопросов о книге. Одна из страниц книги удивила до глубины души. На странице было расписано питание для современного человека. И тут я понял, что, прочитав Шестерку, сам дописываю страницы книги, что следующие страницы после нее — это мои вопросы, которые беспокоили в городе. Значит, книга имела только лишь четкую Шестерку. Первую, вторую и третью. “Так вот почему были пробелы в *Истинах*?!” — Эта толстая книга имела одну страницу.

Соединившись с моим интеллектом и мозгом, она пыталась объяснить так, чтобы я хоть что-то понял. Тот, кто внимательно вчитывается в Шестерку, получает ответы Действительно, на новой странице я увидел питание, которое дол жен был давать своим больным, а они все покупали в современных городах. Да, наверное, я не ошибся. Мой мозг в соединении с Шестеркой давал ответы. Наверное, и Истину я объяснял сам себе. Вот почему она была такой туманной... Интересно, если я уйду от книги, мои решения будут так же всплывать, или только здесь? Так много еще нужно спросить...

Книга позволила вернуться к первой странице “Расслабься!” — заставил я себя и положил две руки на первую и единственную страницу Книги. Шестерка — священное число!

На второй странице не было объяснения Истины. Я успокоился. Там было опять то же питание, которое нужно давать всем больным. И здоровым также.

“Если здоровый, — начиналась страница, — будет так же питаться, хотя это и нелегко, никогда не заболеет ничем. Детей с раннего возраста необходимо переводить на это питание. Из-за нехватки привычных продуктов они будут страдать меньше, чем взрослые. Чем раньше ребенок переходит на это питание, тем быстрее освобождается от желаний, которые впитал с молоком матери. Если ребенок от груди переходит на это питание, болезни отступают, и желания, не успев зародиться и окрепнуть, уходят. Люди, питающиеся так с любого возраста, никогда не болеют и избавляются от имеющихся болезней”.

“Что же является основным?”

И вдруг я прочел: “На чем можно вырастить цыпленка, только что вышедшего из яйца? На чем, кроме пшена? Оно является самым сильным природным гормоном”.

“Однако, — я почесал затылок, — какие сумбурные здесь записи! Это значит — мысли мои бегают. Надо успокоиться!”

И тут запись стала еще более странной. Питание пропало со страницы. “Нельзя врываться в естественный природный процесс. Если человек заболел, значит, это является Волей Создателя. Лечить его — преступление. — Фух, вздохнул я и протер глаза. — Человека нельзя ни подталкивать, ни задерживать, нельзя вмешиваться в природные явления”.

Я задумался. “Может быть, так и должно быть? Но ведь я не вмешиваюсь в Волю Создателя... Стоп! А разве я задерживаю человека? Нет, неправда, я не лечу, а открываю Путь. Ведь я не даю таблеток, не делаю уколов, а раскрываю ему Путь, по которому он идет сам, если желает, если же нет — человек умирает, и его уже не вытянет никакая больница. Ведь я твердо знаю, что ни одна больница не вылечила еще никого, если не считать зашитого и отрезанного. Еще могут снять боль, обезболить, но лечение... К чему эти надписи, которые появились? Я никогда не задерживаю, я предлагаю! Странно, кто меня сейчас запутывает? Да нет же, это наоборот — искупление! Потому что перейти на правильное питание — это и есть замаливание. Далеко не каждый способен на такое. Это не лечение, а предоставление шанса”

Первая запись исчезла, и я понял, что в этой книге не нужно переворачивать страницы.

Вновь появилось питание. Привожу без малейших изменений.

“Категорически исключить из пищи: хлеб, картофель, мясо, сахар и все продукты, содержащие сахар. Соль употреблять только морскую. Также исключить сливочное масло и все молочные продукты. Все готовить только на растительном масле. Есть можно каши — любые рис, гречка, пшеничная, пшено, кроме перловой, манной, ячневой, вермишели. Один стакан крупы варить в 5—7 стаканах воды. С кашами можно любые овощи в любом виде. В неделю можно съесть 4 яйца. Два раза в неделю можно рыбу (кроме консервов). Рыбу можно только с овощами либо отдельно, без ничего. С кашей — нельзя!

Ягоды фрукты — все как отдельный прием пищи (т. е. на завтрак яблоки либо арбуз). Мед (натуральный) — тоже как отдельный прием пищи — ни с чем не смешивать.

Можно готовить любые овощные супы, постные борщи, рыбные котлеты, овощные

рагу, голубцы, начиненные любой кашей. Можно есть горох, фасоль — но не чаще одного раза в неделю.

Как можно больше есть зелени.

Исключить любую жидкость. Пить только зеленый чай (на 1 л воды — 2 столовые ложки чая). После еды не пить 2—3 часа. Обязательно утром натощак выпивать стакан зеленого чая со щепоткой морской соли (каждый день). Можно любые молочнокислые продукты: творог, ряженка, кефир, кислое молоко — но отдельным приемом пищи”.

Потом пошли объяснения, почему нельзя есть определенные продукты. Я опишу несколько. Попадая в желудок, хлеб начинает перевариваться. Происходит брожение. Брожение — газовыделение. Рядом с диафрагмой — сердце. Газовыделение давит на диафрагму. Если съел хотя бы немного хлеба, ночного отдыха не будет. Сердце вместо успокоения, которое должен принести сон, находится под давлением. Сколько так ни спи, не выспишься никогда. Перестаньте есть хлеб — и вам хватит для сна три-четыре часа. Вот рецепт от бессонницы.

Во всем мире хлеб никогда не готовился на дрожжах. Славяне предпочитали хмель. Но наше государство решило накормить людей. Дрожжи увеличивают количество хлеба, но результат налицо.

Картофель, крахмал — это слизь. Разве картофель — наш продукт? Он завезен оттуда, где очень жарко. Вспомните наше лето — всего ничего! Не всегда удачные три месяца! Там, где жарко, он почти необходим. Слизь предохраняет органы. Белоруссия — страна картофеля и слизистых заболеваний: вечных соплей, бронхитов, гайморитов и так далее. Ведь мы всегда ели крупы! Вот и рецепт от насморка.

Молоко. Его в природе живые существа берут только из груди матери.

И тут я вспомнил кришнаитов.

Свами Прабхупада — основатель движения “Хари Кришна”. Человек, по-своему замахнувшийся на “Бхавагадгиту” и “Махабхарату”, создавший отвратительное течение, базирующееся прежде всего на питании, потому что человек живет за счет него (питания). Дряблые, ослабевшие толпы кришнаитов — на них страшно смотреть! Люди не должны иметь такие тела! Нет такого состояния, между аскетом и ожиревшей свиньей. Сколько больных телом прежде всего породило это течение. Люди, питающиеся в основном молоком, сладким и мучным, — дряблые радостные существа, которые утверждают: что бы ни случилось — что действие Кришны!

Был у меня интереснейший случай. Андреич воспитывал талантливого парня. Однажды он появился с хохолком на голове, в странной одежде, располневший и с длинными четками.

Может быть, Прабхупада придумал хорошее движение, но в нашей стране, хоть и существует много лет, оно вылилось в полный маразм!

— Что с тобой, Гриша? — спросил у него я.

— Кришна обратил на меня внимание! — неестественно спокойно произнес он.

— Как Кришна! — ужаснулся я. — И ты туда же?! А кунг фу?

— Кришна не против, — ответил он.

— У тебя ведь неплохо получалось.

— Не у меня. Это Кришна помогал мне!

— Конечно! А как же Андреич, твой учитель?

— Его дал мне Кришна!

— Черт возьми! — не выдержал я.

— Что бы ни было, даже твой гнев сейчас идет по воле Кришны.

— Ну, блин! — не выдержал я. — Тогда сейчас я договорюсь с твоим Кришной, и он вышвырнет тебя из кунг-фу.

— Как? — опешил кришнаит.

— А вот так! — разозлился я и, схватив за руку, потащил к Андреичу.

— Андреич! — крепко держа кришнаита, обратился я к нему. — Что это за урод у

тебя?

— Да что? — как всегда, пожав плечами, сказал Андреич — Пусть мальчик дуреет!
— Андреич всегда был терпимым.

— Андреич, я прошу тебя, кто тебе дороже я или этот придурок?

— Станный вопрос! Ну, ты. Серый, и даешь!

— Учитель, сделай, пожалуйста, для меня одну вещь гони его в шею!

— Да пусть идет — Андреич махнул рукой и пошел в свой дом.

— Учитель! — Кришнаит кинулся к нему.

— Все, сынок! — Андреич развел руками — Иди отсюда! Андреич, очевидно, понял меня мгновенно и решил сделать так же.

— А теперь вали отсюда, маленький идиот! Видишь, я договорился с твоим Кришной!

Гриша, опустив голову, ушел из нашей жизни навсегда.

Жестоко? Не знаю А как можно быть не жестоким в этой жизни?

Я не выдержал и все-таки начал листать страницы Там было много ответов на вопросы Я жадно читал, запоминал, потом снова возвращался к Шестерке и продолжал листать книгу

Я чувствовал, все это будет у меня перед глазами до конца жизни. И хотелось верить с каждым годом ответы будут более ясными.

И вдруг на одной из страниц появилась гексаграмма астрологии. Потом исчезла и снова появилась. Исчезла опять.

Я отпрянул от книги. Со страницы на меня смотрела живыми глазами огромная серая крыса. Книга поднялась над столом и увеличилась до фантастических размеров. Передо мной уже не было барельефа Дракона. На всю стену была страница книги, на которой горело настоящее пламя, а в нем корчилась в конвульсиях погибающая крыса. Потом в огне появилось новое животное, похожее на овцу. Оно прижалось к крысе и, вспыхнув несколько раз, сгорело вместе с ней. Впереди в пламени уже корчилась следующая жертва — обнаженная красивая женщина с пылающими волосами, потом еще одна, еще и еще...

Я сидел и дрожал от испуга, а женщины неизвестно откуда заходили в огонь и сгорали на моих глазах. Уже не одна сотня обнаженных красавиц.

Казалось, этому не будет конца. Я закричал и хотел закрыть глаза — не получилось. Отвернуться — не получилось. Я мог только кричать и смотреть. Чья то рука коснулась моего плеча. Огонь и его жертвы исчезли. Передо мной лежала закрытая книга.

— Пойдем! — произнес Ням за спиной.

Я встал и понял, что валяюсь от усталости и дикой слабости.

ГЛАВА 26

В большом зале все были в сборе. Пять дней без еды и воды давали о себе знать. Ноги дрожали.

Путь обратно показался особенно долог.

По дороге никто не разговаривал, и было понятно почему каждый думал о своем.

Гранитная щель уже не казалась такой узкой. Ее прошли легко.

На выходе нас ждали.

Братья из разных общин перед нами выполнили полный этикет. Мне стало стыдно. Чувствовал, что такого почтения не заслужил.

— Здесь недалеко, — сказал Ням, и мы, еле поднимая ноги, пошли за ним.

Шли долго. Силы таяли, как снег под солнцем. Меня мучили последние видения. Что же это было?

Опять я ощутил какую-то опасность. Неужели могу не получить в жизни ответ на последнее видение?! Опасность давила на все тело. Таким сильным оно было впервые. Нас,

вышедших из Священного места, окружили плотным кольцом. За спинами ничего не было видно.

Опять нападение. Устало вздохнув, я не выдержал и лег на холодный снег. Так часто сталкиваться со смертью — это слишком!

За плотным, окружившим нас кольцом шел бой. Стоны, прерывистые крики... У меня не было сил. Горячие слезы текли по втянутым щекам. Я начал глотать снег. В голове внезапно услышал чужие мысли. Что это? Стало ясно — Учитель!

“Их слишком много! В последнее время все тяжелее и тяжелее. За десять лет только раз — и его хотят раздавить!”

Я вдруг понял: Ням не имеет права вступать в бой. Он может только показывать технику, прожигать своей энергией рельсы, разрубать стволы деревьев, но драться он не имел права.

Спины начали редеть. Моим глазам открылось потрясающее зрелище. Людей в черном было огромное количество — во много раз больше, чем тех, которые провожали нас с места Силы. Мы явно проигрывали в численности. Юнг закричал и кинулся в бой. Больше из нас не встал никто. Не было сил. Приходилось сидеть и ждать смерти.

“Все! — мелькнуло у меня в голове. — Я так и не узнаю, что это был за огонь, пожирающий животных и обнаженных женщин!” Я вспомнил горящие волосы и обуглившиеся женские тела. Захотелось перед смертью вдоволь наесться снега.

Я ел снег и рыдал. Было много неизвестного. Почему Ням не имеет права вступать в бой? Жив ли еще Юнг? Что это были за женщины с горящими волосами? Наверное, на эти вопросы нет ответов.

Я содрогнулся от звука, который, казалось, раздался на всю Вселенную. Непередаваемый вой, от которого — стало ясно — способно остановиться сердце, сбившись с ритма. Нет, это был даже не вой — неопишуемая звуковая вибрация. Я поднял голову вверх. Увиденное отшвырнуло на несколько метров. Сил не было, но понял: это от испуга. Мои ноги уперлись в землю и бросили в сторону.

Я был в центре боя. Оставшаяся кучка братьев по Школе билась, обливаясь кровью. Они были, как всегда, без оружия, а рядом возле меня стояло чудовище из кошмарного сна. Огромный, с серебряной чешуей, волнообразно согнувшийся дракон. “Он живой!” — понял я. И вдруг вой раздался снова. Вместо головы у чудовища были длинные белые волосы. Оно начало медленно поворачиваться. Лицо Учителя Его взгляд на мгновение остановился на мне.

Но ведь этого не может быть! И тут я понял: Ням не вполне руководит собственным состоянием.

Остекленевшие глаза не спеша осматривали место боя. Дракон приподнялся и, оперевшись на хвост, стоял на задних лапах. Огромные когти глубоко врезались в землю.

Я упал, уткнувшись лицом в снег. Больше не видел ничего. Но звуки разрывающейся плоти проходили даже через ладони, которыми я зажал уши.

Кто-то стиснул мое плечо.

“Учитель!” — понял я и затрясся от ужаса.

— Сынок! — послышался спокойный голос Няма. — Не бойся! Этого ты еще не должен был видеть. Но не все бывает гладко. Так получилось. Пойдем, поищем Юнга!

Я открыл глаза и встал. Спокойный, грустно усмехающийся Учитель.

Огромное пространство, заполненное кусками еще дымящейся плоти. Разорванная в клочья черная одежда. Красная поляна. Крови было так много, что снег совсем не осветлил ее. Кровь растопила белые кристаллы и медленно застывала. Я обратил внимание на страшные следы. Примерно такие (если б не знал, откуда они) могла оставить огромная хищная птица. Следы дракона. След смерти.

Так вот он. Верховный Разрушитель! Он действительно жуткий! Но разве Разрушение может быть другим?

Слава Создателю! Юнг был жив!

— А ведь уже время! — вдруг произнес Ням.

Вдали послышался рев машины. Из углубления выползал вездеход.

— Запрыгивай! — приказал Ням. Учитель последовал за мной. Машина дернулась и поехала. Водителя не было видно. Мы с Нямом остались наедине. Он протянул мне флягу, и я жадно напился. Учитель сделал несколько больших глотков.

— Не спеши, — посоветовал он.

— Сколько можно пить?

— Сколько хочешь, но не спеши! Тебя мучает последнее видение? — вдруг спросил Учитель.

— Да.

— Ты не понял?

— Нет, — мотнул я головой.

— Все очень просто. Я когда-то рассказывал тебе об астрологических гексаграммах.

— Да, Учитель.

— Ты помнишь, кто ты?

— Помню. — Я утвердительно кивнул головой.

— Ты Овен-Крыса. Овен — это символ жертвенной воли — первый, стоящий в кругу Воли, и первый знак Огня — знак чрезмерной силы. Тебе не совсем повезло, потому что и Крыса ты. Огненная — высший символ агрессивных чувств. Все это пожирает тебя. Люди с этим знаком редко доживают до двадцати пяти. Тебя спасла Школа, но не полностью. От двадцати до тридцати ты жил в безумии. Ошибки прошлого ранят в самое сердце.

— Я помню это!

— Займись своей силой и своей совестью. Ты пережил двадцать пять лет. Но ты пренебрегал Школой. Людей твоего знака обязательно за что-то убивают. Это не значит, что убивают люди, — убить могут и эмоции! Могут убить страх, любовь. Телу тяжело выдержать два Огня. Школа помогла тебе, но удерживаться от контактов с женщинами ты должен сам. Ты ведь знаешь, ученик, случайно не бывает ничего. Школа дала тебе одну женщину. Обрати на нее внимание так, как должно! Но и у нее не бесконечное терпение, так же как и у Школы. Если ты сожжешь еще кого-нибудь, то Школа направит твой Огонь против тебя. Это было определено изначально. Вот так, Сергей! — Учитель впервые назвал меня по имени. — Уничтожь в себе сексуальную силу, и сила Школы войдет в тебя. Это самое тяжелое испытание в твоей жизни.

Мы ехали долго и вернулись к тому месту, откуда вездеход увозил меня к Учителю.

— Прощай! — Учитель прижал мою голову к своей груди.

— Как?! — изумился я. — Это все?

— Мало? — усмехнулся Ням. — Это будет приходить к тебе до конца жизни.

— Я не попрощался с Юнгом и ребятами.

— Значит, еще увидите!

— Когда?

— Иди! — ответил Учитель. Он указал на гостеприимный дом. — Там о тебе позаботятся...

— Учитель! — Я кинулся к нему.

— Иди! — жестко повторил он. — И передай привет от меня Фу Шину.

— Как? — удивился я.

— Узнаешь потом.

— Учитель, я в чем-то провинился?

— Нет. В этот раз провинился я. Но думаю, со временем ты сумеешь меня простить.

— Учитель! — снова вырвалось у меня.

— Иди! Остальное — потом. Больше нельзя ни слова! Ням развернулся и пошел вглубь города. Я хотел догнать его, но он исчез.

Звук лифта доходил до самого сердца. Вот эта дверь, в которую заходили и

выходили прекрасные люди и которую мне удалось снова увидеть. Дверь. За ней — женщина, любящая и ждущая. Эти полгода показались вечностью. Когда тебя особенно ждут, а ты еще и хочешь этого, — день идет за тысячу лет!

Мы стояли обнявшись, долго не обращая внимания на радостно скачущего Конфурика.

— Вот ты и приехал, — прошептала Татьяна мне в ухо. — А я боялась. У тебя, наверное, было много приключений. Как-нибудь расскажешь?

— Ты знаешь, наберусь смелости и напишу книгу.

— А врать не будешь?

— Не-а, может, чуть-чуть. И только тебе.

— Да, — засмеялась она. — Напиши, что ты высокий, светловолосый и синеглазый.

И Татьяна потащила меня в нашу единственную комнату. Неделя полного блаженства. Я смотрел телевизор, о существовании которого ухитрился полностью забыть. Еще ни одна душа не знала, что я вернулся. Моя живность была в полном здравии. Я закармливал ее и заласкивал. Очень им нужны были мои ласки. Особенно здоровенному бенгальскому варану.

— Но когда же ты все расскажешь? — не выдержала жена.

— А поверишь?

— Поверю — если врать не будешь.

В дверь постучали. Жена, оторвавшись от меня, пошла открывать. В коридоре раздались радостные вопли. Так мог орать только Гончаренко. Первым зашел Андреич. Остальные — за ним. Лопухий Шурик был особенно возбужден.

После этикета мы повопили все вместе. Потом Андреич объявил:

— Как хорошо. Серый, что я решил на всякий случай зайти к тебе — вдруг приехал!

— И что?

— А то, родной. У меня появилась возможность отвезти тебя к Фу Шину. А ты ему что-нибудь да расскажешь.

— Когда? — спросил я.

— Завтра — самолет. Шесть часов до Алма-Аты, а там будет ждать автобус, который и отвезет в Чуйскую долину.

— Куда? — удивился я.

— В Чуйскую долину.

— Это ж там, где Тянь-Шань?

— Угадал! — подтвердил Андреич.

— Ого! — восхитился я и понял, что отдохнуть в ближайшее время не получится.

— А как это произошло?

— Да вот, понимаешь, Фу Шин вспомнил обо мне, прислал гонца.

— А почему автобус? — спросил я.

— Серый, он считает, что пришло время отдать свои знания. Он спрашивает, есть ли у меня хорошие друзья и ученики, не забыл ли я Школу. Возьмем человек пятнадцать. Ты — своих, я — своих. Покажем, что у нас есть хорошие ребята.

— Ну уж дудки! — вмешалась Татьяна. — Больше без меня он никуда не поедет!

— Так что, едем? — Я повернулся к ней.

— Давно ты меня никуда не возил.

— Танюша! Но ведь это Чуйская долина! Ты знаешь, что там с температурой и климатом? Это не курорт!

— Не волнуйся, в школе училась. И жди, пока ты свозишь меня на курорт!

— Так что, едем? — спросил Андреич.

— Кто едет?

— Я, ты с женой и наших пятнадцать ребят. Игорь с Гончаренко пока побудут здесь. Будут присматривать за залами. До завтра соберешься?

— Успеем, Андреич, — ответила жена.

— Ну что, Шурик? — спросил я. — За залом посмотришь? Лопухий закивал головой, не в состоянии выразить радость.

— Андреич, мой Учитель Фу Шину просил передать привет.

— Вот и передашь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Снова обращаюсь к тебе, мой читатель, уже особенно дорогой, если ты прочел эту книгу. Дело в том, что предисловие я писал, как это и необходимо, в начале. Послесловие — в конце. О послесловии я не задумывался, но, когда мои друзья ждали концовки, выхватывая главы из рук и страшно ругаясь, что, то количество листов, которые я задумал, — ничто по сравнению с необходимым. Разве мог я отказать им? И теперь, дописав послесловие, стану продолжать Думаю, что не займет семнадцати лет. Ведь за спиной стоят, подталкивая в шею (разве откажешь друзьям?). Тем более все то, о чем буду писать, уже есть в этой книге. Теперь пришло время Вьетнама, Тибета и, наверное, ненавистного мне места, которое называется зоной усиленного режима. Ну что ж, посмотрим. А пока, дорогой читатель, до встречи.

С уважением, С. Соболенко